

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ДИПЛОМ

Дипломант

Институт международных исследований
и культурологии

Волгоград 2008

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
CENTER FOR AMERICAN STUDIES

AMERICANA

Volume IX

AMERICANS ON THE VOLGA, VOLGA PEOPLE IN AMERICA

*The Materials of the Scholar Seminar
devoted to the 200th anniversary of establishment diplomatic
relations between Russia and the USA*

Volgograd, 2007, October 5–6

Editors:

Dr. A.I. Kubyshkin (Editor-in-Chief);
Dr. I.I. Kurilla; N.V. Sazanova (Executive Secretary);
I.A. Sokov

Volgograd 2008

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

AMERICANA

Выпуск 9

АМЕРИКАНЦЫ НА ВОЛГЕ, ВОЛЖАНЕ В АМЕРИКЕ

*Материалы межрегионального научно-практического
семинара, посвященного 200-летию установления
дипломатических отношений России и США*

г. Волгоград, 5–6 октября 2007 года

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук А.И. Кубышкин (отв. редактор);
д-р ист. наук И.И. Курилла; Н.В. Сазанова (отв. секретарь),
И.А. Соков

Волгоград 2008

Редакционный совет:

академик РАН *Н.Н. Болховитинов*, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН
Е.А. Ларин; директор Института Дж. Кеннана *Б. Рубл* (Международный центр
 им. В. Вильсона, Вашингтон, США); проф. *Р. Кристо* (Университет Центральной
 Флориды, Орландо, США); проф. *Д. Алленсворт* (Государственный университет
 Джорджии, Атланта, США); д-р ист. наук, *Б.Н. Камиссаров*; д-р ист. наук, доц. кафедры
 североамериканских исследований, зав. Центром иберо-американских отношений
 СПбГУ *Л.С. Хейфец*; д-р экон. наук *О.В. Иниаков*; д-р техн. наук *Б.Н. Сипливый*;
 д-р экон. наук *М.М. Загорулько*

Рекомендовано к печати Ученым советом факультета истории и международных
 отношений ВолГУ (протокол № 5 от 24.01 2008 г.)

Americana [Текст]. Вып. 9. Американцы на Волге, волжане в
 А47 Америке = *Americans on the Volga, Volga People in America*: матери-
 алы межрегион. науч.-практ. семинара, посвящ. 200-летию установ-
 ления дипломат. отношений России и США, г. Волгоград, 5–6 окт.
 2007 г. / ВолГУ, Центр амер. исслед. «Американа»; редкол.: А. И. Ку-
 бышкин (отв. ред.) [и др.]; редсовет: Н. Н. Болховитинов [и др.]. –
 Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – 384 с.

ISBN 978-5-9669-0458-6

В девятый выпуск сборника вошли доклады участников межрегиональ-
 ного научно-практического семинара «Американцы на Волге, волжане в Аме-
 рике», посвященного 200-летию установления дипломатических отношений Рос-
 сии и США, а также стенограмма круглого стола «Российско-американское со-
 трудничество в области науки и образования в Поволжье и на Юге России»,
 проходивших в ВолГУ 5–6 октября 2007 года.

Для студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных факультетов ву-
 зов и всех интересующихся проблемами российско-американских отношений.

ББК 63.3(7)6-7

ISBN 978-5-9669-0458-6

© Центр американских исследований
 Волгоградского государственного
 университета «Американа», 2008
 © Оформление. Издательство
 Волгоградского государственного
 университета, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2007 г. сообщество американистов России торжественно отмечало знаменательную дату – 200-летие установления дипломатических отношений между Россией и Соединенными Штатами. Не остались в стороне и волгоградские американисты. Доказательством тому служит очередной выпуск сборника «Американа», посвященный этому событию.

Идея собрать американистов Поволжья и обсудить вопросы взаимодействия между Россией и США на региональном материале вынашивалась давно, но воплотилась только в начале октября 2007 года. Повестка семинара гласила, что интересы его участников сконцентрировались вокруг проблемы взаимодействия волжан и американцев, на протяжении многих десятилетий контактировавших друг с другом на берегах великой русской реки. Известно и то, что многие волжане оставили свой заметный след в истории и культуре США. В итоге обсуждение вышло за рамки региональной тематики и фактически затронуло целый ряд аспектов российско-американских отношений в глобальном дискурсе.

В работе семинара приняло участие около 40 человек. Среди них не только известные ученые, но и докторанты, аспиранты и студенты из Актюбинска, Астрахани, Волгограда, Волжского, Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Челябинска. Активно работали также студенты и преподаватели Университета Центральной Флориды (Орландо), Мэнсфилдского университета (Пенсильвания) и Католического университета (Вашингтон).

Хорошо известна роль, которую великие реки играли в сближении народов, в развитии взаимовыгодных контактов между ними. Нил, Тигр и Ефрат, Янцзы и Хуанхэ, Амазонка и Миссисипи, Рейн и Дунай, Волга и Днепр. Так же как и европейские партнеры России, американцы всегда испытывали большой интерес к приволжскому региону, справедливо полагая Волгу важнейшей экономической и культурной артерией Российского государства. О разнообразии этих связей и контактов свидетельствует содержание сборника.

Материалы выделены в три раздела. В первом из них рассматриваются общие и конкретные вопросы, касающиеся главным образом 20-х гг. прошлого века, когда США оказывали значительное влияние на развитие ситуации, связанной с голодом в Поволжье, а к концу десятилетия – с процессом индустриализации.

Второй раздел затрагивает исторические аспекты российско-американских отношений в целом и по-новому раскрывает некоторые, как будто бы широко известные эпизоды этих отношений, а также экономические аспекты российско-американских отношений, в частности концессионную политику, подключение СССР к программе ленд-лиза в годы Второй мировой войны.

Наконец, в третьем разделе анализируются проблемы взаимного восприятия американцев и русских, возникновение и эволюция стереотипов, выработка правил поведения в долговременной стратегии отношений в годы «холодной войны» и после ее завершения. Наши американские коллеги – профессора Р. Крипо, Д. Саафилд и Ч. Хой поделились своим опытом преподавания в российских университетах и видением перспектив развития отношений между нашими странами.

Итоги семинара показали крепнущее стремление ученых России и США, несмотря на всю сложность и противоречивость современного политического момента, укреплять, совершенствовать и расширять взаимовыгодное сотрудничество. В истории российско-американских отношений были взлеты и падения, периоды плодотворного сотрудничества сменялись периодами охлаждения и отчужденности, острого политического и идеологического противостояния. Однако в основе этих отношений всегда лежало признание важности той роли, которую наши страны призваны сыграть в

мировой истории, в современном мировом процессе. Романтизм сменился более прагматической моделью отношений, но это не привело к угасанию взаимного интереса к продолжению стратегического партнерства. Необходимость совершенствования этого партнерства неизменно выведет современные российско-американские отношения на новый качественный уровень – к такому выводу единодушно пришли все участники нашего семинара.

Этот тезис неоднократно звучал и в ходе работы круглого стола, посвященного проблемам сотрудничества в области высшего образования между нашими странами. Волгоградский государственный университет, Центр «Американа», как, впрочем, и другие волгоградские вузы, вносят известный вклад в диверсификацию и оптимизацию российско-американских связей в этой области, о чем свидетельствуют результаты мониторинга, проведенного в масштабе всей страны группой независимых экспертов.

В условиях возрастающего значения развития экономики человеческих знаний и трансформации российской высшей школы сотрудничество российских и американских университетов должно стать не полем конкурентной борьбы, а площадкой для углубления взаимного сотрудничества и выработки общих подходов к использованию интеллектуального капитала в интересах обеих стран. Интересный разговор по этой проблеме привлек внимание около 60 человек – представителей администрации вузов, ученых, аспирантов, студентов. Мы сочли необходимым опубликовать стенограмму этого круглого стола.

Хотелось бы выразить признательность работникам Бюро образовательных и культурных программ Посольства США в Российской Федерации, дирекции Института всеобщей истории РАН и ректорат Волгоградского государственного университета за неоценимую помощь при организации и проведении межрегионального семинара и круглого стола.

*Д-р ист. наук, проф., руководитель Центра
американских исследований ВолГУ «Американа»
А.И. Кубышкин*

ВОЛЖАНЕ И АМЕРИКА

А.И. Кубышкин (Волгоград)

ВОЛГА КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Как руководитель Центра «Americana» я очень рад видеть старых друзей и коллег, с которыми встречались неоднократно, и не только на священной Волгоградской земле, но и во многих других местах. Нам очень приятно, что к нам приехали ведущие американисты городов Поволжья. Хотя тема нашего семинара достаточно жестко локализована, но, тем не менее, нам также приятно приветствовать гостей из дальнего и ближнего зарубежья, я имею в виду присутствующих здесь представителя Казахстана и нашего коллегу, приглашенного профессора из Соединенных Штатов Америки Чарльза Хоя.

Нашим рабочим языком будет русский язык, поэтому мы постараемся адекватно передать какие-то наши ощущения от нынешнего этапа российско-американских отношений применительно как раз к тематике, обозначенной в программе семинара.

Мы, конечно, не все сможем сделать, чтобы разрешить все сложные проблемы и противоречия, которые наличествуют сейчас в российско-американских отношениях, но, тем не менее, я думаю, что мы нащупаем некоторые тропинки для того, чтобы найти решение ряда важных общетеоретических и прикладных проблем и посмотрим не только в богатое прошлое российско-американских отношений, но и постараемся сделать себе некие заметки, заделы на будущее, обозначить перспективы будущих исследований. В этом смысл семинара, в этом его значение, в этом смысл работы нашего Центра американских исследований, и, повторяю в очередной раз, мы очень рады вас здесь видеть и надеемся, что это далеко не последняя встреча на гостеприимной земле Волгограда.

Представленное сообщение – это, скорее, не доклад, а некие рассуждения, размышления, которыми я хотел бы поделиться, чтобы создать особую атмосферу доверительности, открытости, научной достоверности. В то же время необходимо и наличие определенной камерности, потому что все мы с вами американисты – одни, давно идущие по этой тропе, и эта тропа становится все более узкой, другие – только еще вступают на нее и размышляют, стоит ли вообще по этой дорожке идти дальше. Однако, несмотря ни на что, мы встретились в нашем городе, известным своей героической историей, мы встретились на реке Волге, которая является жизненным центром нашей страны, ее кровеносной системой, системой, обеспечивающей жизнеспособность нашего государства. Я напому, что четыре из 13 городов-миллионеров, если не считать Москвы, которая посредством канала расположена тоже фактически на Волге, расположены на нашей реке. Люди инстинктивно тянутся к ее берегам, и в этом смысле нам было бы интересно посмотреть на то, как река Волга может служить своеобразным зеркалом в отражении российско-американских отношений.

Зеркала, как вы знаете, бывают затемненными, бывают кривыми или намеренно искажающими все пропорции, как в комнате смеха. Очень не хотелось бы, чтобы зеркальная поверхность нашей многострадальной, но все еще великой и прекрасной реки

послужила основанием для различного рода гиперболических искажений.

Когда задумывался этот семинар, мы задались вопросом: а действительно, когда первые американцы появились на Волге? И этот факт достоверно не установлен.

Понятно, что уже есть известные факты, скажем, в 1845 г. посол США в России Уильям Тодд посетил Нижний Новгород. Следующий посол Н. Браун посетил Казань, как известно, а вот У. Тодд приехал в Нижний Новгород на ярмарку. Но вот появлялись ли американские деловые, политические и прочие люди до этого на Волге, мы пока установить с точностью до месяца не можем. Однако у нас родилась такая красивая легенда.

Смысл этой легенды заключается в том, что первым американцем, побывавшим на Волге, (возможно, я оговариваюсь) стал человек, вообще создавший современную Америку, то есть не кто иной, как Джон Смит. В его записках, в которых очень много авантюрного, непроверенного, да и просто выдуманного, есть факт о якобы его победе из Крымского ханства. В нем он сообщает, что на великой русской реке обрел, наконец, свободу, убив своего хозяина турка-рабовладельца. После этого он сбежал в Европу, через Польшу в Англию, потом отправился через океан основывать городок Джеймстаун. Таким образом, мы можем сказать, что Волгоград претендует на роль места, в котором зародилась американская история. Легенда эта, конечно, красивая, но, тем не менее, она дает некоторые основания для размышлений.

Мы понимаем, что Волга очень многое значит и для русских, и для американцев. И на Волге часто сплетались судьбы русских и американцев, иногда чрезвычайно причудливым образом.

Безусловно, все слышали и знают об американских пароходах на Волге. Нам не удалось найти слайд обычного заднеколесного парохода, с которым обычно ассоциируют американские пароходы на Волге. Но, тем не менее, эти пароходы появились на Волге в 1848 г. и отличались они от русских и бельгийских пароходов тем, что были двухпалубные. Хотя первые пароходы, как вы видите, были однопалубные.

В 1856 г. четырнадцать американских пароходов (их так и называли – «американские пароходы») бегали вниз и вверх по Волге – от Нижнего Новгорода до Астрахани. Как известно, именно этот маршрут был наиболее полно освоен для пассажирских перевозок. И поэтому американские пароходы на Волге – это технология, это комфорт, невиданный доселе на Волге и связанный с американской привычкой не к роскоши, но к комфорту. Удобство и сравнительная безопасность. Аварии с американскими пароходами на Волге случались, как это ни парадоксально, гораздо реже, чем аварии с американскими пароходами на Миссисипи.

Вот человек, имя которого уже обсуждается в «кулуарах» данного семинара и который будет одной из основных фигур нашего семинара. Герберт Гувер, президент США, – личность интересная, но малоизвестная даже среди читающей широкой публики, потому что вся его биография была омрачена печальным фактом Великой депрессии 1929–1933 годов. Тем не ме-

нее Гувер – талантливейший инженер, организатор, менеджер, филантроп, человек широко образованный и плюс к тому же человек, сыгравший важную роль в том, что произошло в нашей стране в лихую годину, в том числе и на Волге. Я имею в виду страшный голод 1920/21 г., и Гувер, как известно, был одним из организаторов оказания активной помощи Советской России в тот период.

На карте географии голода по заштрихованным местам можно увидеть, сколь огромные районы были охвачены массовым вымиранием российского населения, выдержавшего до этого фактически семилетнюю войну (четыре года империалистической и три года Гражданской войны).

На следующей карте показаны маршруты гуманитарной помощи, которая была направлена из Соединенных Штатов в ряд европейских государств и в Россию.

Отношения были разорваны, дипломатических отношений не существовало. Великий страх перед большевизмом, «красный страх» царил в Америке. Две маленькие коммунистические партии не могли поделить между собой привилегию присоединиться к Коминтерну. Страна была чрезвычайно изоляционистской, ханжеской, жила в условиях «сухого закона» и абсолютно не доступного России тогда уровня комфорта, но, тем не менее, американцы протянули руку помощи.

Видите, насколько отличаются американцы, приехавшие для оказания продовольственной помощи, от окружающих людей.

И посмотрите, на лицах окружающих, встречающих уполномоченных, нет ни чувства вражды, ни ненависти, ни зависти, хотя отношения между Американской администрацией помощи (АРА), ВЧК и местными органами были далеко не безоблачными. Нашим силовым структурам, если говорить современным языком, принадлежит определенная роль, я бы сказал, в одностороннем освещении дальнейшей истории деятельности АРА в нашей стране.

Голод страшен.

Умерли миллионы людей, сотни тысяч в Поволжье. И все те, кто путешествовал по Волге в этот момент, включая американцев, например известного журналиста Луи Фишера, все они описывали страшные картины, которые открывались их взору. И сердца их преисполнялись состраданием, и в то же время работали они с типично американской деловитостью и практичностью.

Затем новый этап.

Вот этот берег реки вы уже не узнаете. Это волжский берег, на котором был построен крупнейший в Европе тракторный завод, собранный на американских предприятиях, разобранный, перевезенный сюда и собранный здесь же вновь.

С помощью американских инженеров и техников, которых было более семисот на этом заводе, воздвигнули современ-

ное гигантское предприятие, и никто тогда не говорил о «удушающей руке американского империализма», стремлении американцев подавить, задавить, подчинить себе Россию и т. д. Американцы просто быстро и умело строили, и в критический срок, за три года практически, построили, собрали огромное и современное предприятие. Ниже представлена его продукция.

На первом рисунке вы видите «Фордзон» – трактор, изготовленный по американским технологиям, а на нижнем представлен трактор уже советского производства, но и в его основе лежала американская технология фирмы «Крафт». По сути дела, строя здесь завод, знакомясь с советскими людьми, обучая советских рабочих, инженеров и техников современным технологиям, американцы совершали то, что им казалось естественным тогда, а именно американизацию советского большевизма, ибо они опирались на формулу Ленина, который, если вы помните, говорил, что «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны, плюс американская деловитость, плюс прусский порядок на железных дорогах».

Л. Троцкий в свое время говорил, что американизированный большевизм победит американский империализм. И об этом «американизированном большевизме» мечтали не только теоретики социализма, но и практики, трудившиеся здесь, на берегах Волги.

Следующий крупный этап, когда американцы и русские взглянули в глаза друг другу, – это, конечно, Вторая мировая война.

Вот здание американского посольства в Куйбышеве, в которое американцы переехали осенью 1941 года.

Переехали, правда, не все, часть осталась в Москве. Однако посол приехал и работал в Куйбышеве до лета 1942 года. После этого он уехал в Турцию, в страну, которая должна была вступить в войну с Советским Союзом, но благодаря событиям возле другого волжского города, гораздо ниже Куйбышева (нынешней Самары), под Сталинградом, Турция все же решила воздержаться от этой авантюры. Кстати, американский посол, изображенный на фотографии, сыграл значительную роль в том, чтобы удержать Турцию на позиции нейтралитета.

Так переплелись биографии американских дипломатов в Куйбышеве, бывшего американского посла в СССР Л. Стайнхардта, уехавшего в Турцию, и судьба двух волжских городов Самары (Куйбышева) и Волгограда (Сталинграда).

Таким образом, на этих нескольких примерах вы можете убедиться в том, что начиная с середины XIX в. американцы и русские пристально и с нарастающим интересом вглядывались в зеркальное отражение Волги, изучая, коррелируя вза-

имодействие друг с другом, споря и аргументируя.

Если говорить о современном этапе, я напомним, что Волгоград стал третьим в России городом по итогам 2003–2005 гг. по количеству посещений его американскими студентами и туристами. Это очень большая заслуга коллектива, по крайней мере, четырех учебных заведений: я имею в виду наш университет, Волгоградский педагогический университет, Академию МВД и Волгоградский архитектурно-строительный университет, в котором сейчас уже несколько лет работает большая российско-американская летняя программа.

Мы подсчитали примерно, что в год Волгоград посещает более 100 американских студентов и преподавателей. И это, в общем-то,

серьезная цифра на фоне нынешней ситуации, ситуации весьма серьезной политизации российско-американских отношений, весьма серьезных идеологических и политических споров, которые мы сейчас наблюдаем, и это, конечно, особая тема для разговора.

Мы с вами американисты, и мы знаем, что проблема не только в том, что наши СМИ находятся под контролем в значительной степени антиамериканцев и людей, считающих Америку «возможным противником в будущей войне» (уже появились и такие формулировки), которые сейчас имеют фактически неограниченный доступ к средствам массовой информации. Но мы также знаем и другое: от 64 до 69 % граждан России относятся к Америке положительно, особенно к американскому народу. В то же время каждый пятый считает политику американского правительства опасной для России сейчас или угрожающей ей.

Цифры эти и выкладки зачастую противоречивы, но в целом тенденции здорового, практического, дружелюбного отношения в России сохранились. Аналогичные процессы идут и в США, хотя с некоторыми коррективами. Мы все об этом знаем, мы, в общем, многим цифрам стараемся не очень доверять, а доверяем здравому смыслу, а здравый смысл подсказывает, что в отношениях между нашими народами сложилась устойчивая структура взаимоотношений, несмотря ни на что.

У нас есть программы сотрудничества, которые автоматически уже просто нельзя отменить. Скажем, космические программы или программы утилизации некоторых видов оружия массового уничтожения. У нас есть договоренности, которые также нельзя ни отменить, ни зачеркнуть. У нас есть совместные успехи, которые нельзя просто так забыть, их можно оболгать, оклеветать, исказить, но забыть и вычеркнуть их из памяти, исторической памяти, из памяти нынешнего поколения невозможно.

У нас есть возможности укреплять мир и сотрудничество, кооперацию, нам необязательно безоглядно влюбляться друг в друга, но мы должны уважать и понимать друг друга.

Вот для этой цели работают центры, подобные нашему, мы не являемся лоббистами американских интересов в нашей стране, мы являемся защитниками интересов своей страны прежде всего, но,

тем не менее, залог ее процветания и безопасности мы видим в укреплении отношений с Соединенными Штатами.

Я думаю, что наш сегодняшний семинар откроет новые подходы, новые возможности, новые варианты для понимания и практического осуществления всех тех мероприятий, направленных на укрепление взаимного сотрудничества и понимания между нашими государствами.

И.И. Курилла (Волгоград)

АМЕРИКАНЦЫ НА ВОЛГЕ, ВОЛЖАНЕ В АМЕРИКЕ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА *

У меня есть сюжет для любопытной русской истории, которую я назову «Красавица и чудовище», чтобы ты не думал, будто берега Волги недостаточно далеки для реальности более поразительной, чем выдумка.

Бэйард Тэйлор

Россия... может целиком применить к своим рекам, а преимущественно к Волге, прекрасные речные пароходы, которые принесли столь благородные плоды в Америке.

Павел Мельников

Волга в середине XIX в. была для россиян сердцем страны и стержнем ее экономики. Для американцев же, «осваивавших» Россию со стороны морских портов Балтики, а потом Чер-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 07-01-02002а «Восприятие российской модернизации в США в XIX–XX вв.»).

ного моря и Тихого океана, все связанное с великой русской рекой долго оставалось частью экзотического мира где-то на границе ойкумены.

Среди первых американцев, достигших волжских берегов (и оставивших об этом документальные свидетельства), были посланники США при петербургском дворе.

Чарльз Стюарт Тодд (посланник в 1841–1846 гг.) предпринял путешествие на Нижегородскую ярмарку и в Казань, то есть, по его словам, «продвинулся в глубину империи дальше Москвы». В своем подробном описании поездки Тодд прямо-таки наслаждался описанием протяженных внутренних пространств Евразии: «Простая материя из России доставляется в Кяхту, на границе с Китаем, а знаменитый восточный чай, растущий только в северных районах (Китай. – И. К.) и никогда не экспортировавшийся по морю, доставляется на Каспий, оттуда вверх по Волге на большую ежегодную ярмарку в Нижний Новгород, а затем по той же реке и каналам в Санкт-Петербург». Однако именно на Волге внутреннее и внешнее пространства пересекаются, создавая первый прецедент глобализации: «Ярмарка, где обмениваются азиатские, европейские и американские продукты, проходит в Нижнем Новгороде, на Волге, в четырехстах милях от Москвы. На этой ярмарке собираются двести тысяч купцов разных наций, и я мог за время двухчасовой прогулки по улицам услышать разговор на двадцати разных языках. Именно там я увидел хлопок с Миссисипи и рис из Южной Каролины рядом с хлопком и рисом из Бухары в Ост-Индии, причем каждый из товаров проделал шесть тысяч миль, чтобы быть проданным в центре России; и там же в персидской гостинице мне подали жареную баранину с дыней, выращенной в Астрахани, в устье Волги на Каспийском море»¹.

Тодд, всегда интересовавшийся сельским хозяйством, печатал свои статьи в «Трудах Вольного экономического общества». Его стараниями в Россию были доставлены семена лучших сортов американского табака, которые стали выращивать поволжские немцы².

Приметы цивилизации на Волге выглядели для американцев более удивительными, чем увиденные в Санкт-Петербурге. Пол-

тора десятка лет спустя другой посланник Соединенных Штатов в России, Томас Сеймур, посетил Казань, откуда написал известному американскому специалисту в области образования Генри Бернарду: «Мой визит в Казанский университет был чрезвычайно интересным. ...Меня представили библиотекарю м-ру Готвальду, который свободно говорит по-английски. Он также владеет немецким, французским, татарским и монгольским языками. Университетская библиотека состоит из 50 000 томов, многие из которых очень редкие и ценные издания. У нас есть и американские книги, сказал м-р Готвальд, и тут же добавил, с выражением удовольствия на лице, – у нас есть “Журнал Образования Бернарда” (Barnard’s Journal of Education)!» Американский посланник отметил также наличие в Казани двух гимназий и двух школ для девочек, в которых большое внимание уделяется занятиям на свежем воздухе, «предоставляется достаточное количество пищи за их ежедневную плату, и требуется частое купание. Боюсь, что это последнее требование недостаточно уважается в школах у нас в стране. Я могу продолжать часами, рассказывая Вам, как сильно мне понравилось то, что я здесь увидел»³. Фокус внимания Сеймура не случайно был сосредоточен на образовании: в штате его миссии в российской столице находились два молодых человека, которым суждено было стать реформаторами американских университетов – Эндрю Диксон Уайт и Дэниел Койт Гилман (Уайт станет одним из создателей и первым президентом Корнелла, а Гилман – президентом университета Джонса Гопкинса). Наверняка проблемы образования не раз обсуждались в близком кругу американского посланника.

Поверенный в делах США в России в период Гражданской войны в США писатель и путешественник Бэйард Тэйлор также не преминул посетить знаменитую ярмарку. Если Тогда интересовали торговля и сельское хозяйство, а Сеймура – образование, то Тэйлор обнаружил на Волге другие предметы для восхищения. Описание Нижегородской ярмарки стало под его пером гимном толерантности россиянам: «Среди этих азиатов м-р Бокль (Buckle) столкнулся бы с трудностями в доказательстве своего любимого

постулата, будто терпимость есть результат развития знаний. ...На меня нигде так агрессивно не нападали по религиозным мотивам, как дома, ко мне никогда так грубо и оскорбительно не относились, на основании *предположительной* разницы во мнениях, как те, кто считает себя потомками Кавалеров»⁴. Конечно же, настоящей причиной для этого наблюдения были события на родине американца – там уже вовсю полыхала Гражданская война.

Особенно Тэйлора поразила мечеть в Нижнем Новгороде, в которую он и его спутники «вошли, поднявшись по ступеням, не встретив ни одного недружелюбного взгляда. В дверях стояли два казака, специально размещенных там, чтобы охранять молящихся от оскорблений любопытных христиан. (Прошу обратить на этот факт внимание тех, кто был свидетелем беспричинного оскорбления мечетей в Индии английскими офицерами)»⁵. Впечатление довершило театральное представление с участием прославленного американского чернокожего актера Айры Олдриджа: «Его присутствие здесь, между Европой и Азией, было не последней характеристикой ярмарки. Макбет-мулат, в русском театре, с персидской и татарской публикой!»⁶

Удаленность Волги от Америки стимулировала фантазию; одним из вкладов Б. Тэйлора в американскую культуру станет пересказанный им рассказ Мельникова-Печерского «Старые годы», сюжет которого (как и многих других произведений русского писателя) разыгрывается в Поволжье. «У меня есть сюжет для любопытной русской истории, – писал Тэйлор другу, – которую я назову “Красавица и чудовище”, чтобы ты не думал, будто берега Волги недостаточно далеки для реальности более поразительной, чем выдумка»⁷.

В те самые годы русские путешественники тоже открывали для себя Америку. Среди впервые посетивших заокеанскую республику были волжане, а для многих русских людей описание Миссисипи было невозможно без сравнения с Волгой⁸.

Весной 1856 г. «Северная пчела» печатала в нескольких номерах рассказ побывавшего в США в 1848–1849 гг. астраханца П. Каменского, представлявшего поверхностный, но легкочитае-

мый отчет об американском путешествии русского. «Не берусь описывать собственно выборов, – признавался Каменский, – по самой простой причине – я не понимал, да и до сих пор не понимаю, как это у них делается»⁹. Зато астраханский уроженец подробно рассказал, как по просьбе русского консула А. Евстафьева снабдил того книгой С.Г. Гмелина с описанием обработки черной икры. Консул «остался совершенно доволен, но не знаю, выучил ли он американцев делать икру», – заключал Каменский¹⁰.

Ведущая роль среди первых подданных империи, совершавших поездки по США, принадлежала, тем не менее, не писателям, а инженерам.

Преподаватели Петербургского института путей сообщений Н.О. Крафт и П.П. Мельников были отправлены за океан для изучения американских железных дорог. Однако их внимание привлекало и пароходство по рекам. П.П. Мельников вскоре после возвращения нашел способ напечатать большую часть своего отчета в «Журнале путей сообщения». Подробно описав техническую сторону устройства американских речных пароходов, Мельников рассмотрел и экономические аспекты пароходного бизнеса. Все мысли инженера были о применимости американского опыта к России. «Ежели на лучших пароходах Америки, – восклицал Мельников в своей статье, – где дрова, работа и управление судном обходятся так дорого, находят выгодным возить пассажиров низшего класса по копейке с версты, то как дешево могли бы мы возить рабочий народ, если б подобная система пароходства могла учредиться на Волге и ее притоках. Считая даже 1 коп. с версты, это составило бы только 1 рубль за сто верст, а крестьянин, путешествующий пешком, проест более этого в 3 дня, требующиеся для перехода 100 верст, не говоря уже о теряемом им времени»¹¹. «История введения пароходов на Миссисипи служит чрезвычайно убедительным примером того благодетельного влияния, какое имеет усовершенствование способов сообщения на благосостояние страны, даже при несовершенной администрации»¹². «При виде этой картины деятельности и движения почты трудно представить себе, чтобы все это было произведение

менее, чем полустолетия, что каких-нибудь 40 лет тому назад на этом месте, оживляемом столь деятельным движением, царствовала глубокая тишина пустыни. Убедительный пример того, что могут сделать усовершенствования внутренних сообщений в стране обширной и богатой произведениями природы»¹³.

Вскоре после возвращения из США П.П. Мельников был направлен руководством Министерства путей сообщения на Волгу для оценки возможности развития там пароходной навигации.

Мельников «попал на Волгу с совершенно еще свежими впечатлениями того, чему год назад любовался на роскошных реках Соединенных Штатов Америки» и был поражен отсталостью волжской системы доставки грузов с помощью бурлаков и коневодок (баржа-тягач, приводившаяся в движение воротом, к которому цеплялся якорь, завозимый вперед судна на лодке. Скорость движения коневодки против течения составляла 10–15 верст в сутки)¹⁴. Мельников воодушевился идеей улучшения волжского судоходства: «Наступила минута к коренному изменению этого порядка вещей, и ...результаты преобразования могут быть тем поразительнее, что к громадному движению на Волге, сложившемуся временем и силою обстоятельств, можно приложить непосредственно, вместо прежних первобытных способов движения, самые усовершенствованные средства: именно, речные суда и пароходы Америки, в Европе не употреблявшиеся, да и малоизвестные. Это последнее обстоятельство объясняется тем, что, с одной стороны, американцы со времени Фультона самым настойчивым образом преследовали улучшение речных судов и пароходов, с целью воспользоваться естественными путями, которыми природа наделила их в обширной системе рек и озер, а с другой стороны, что в Европе весьма немногие реки способны к судоходству в большом размере... Россия, напротив того, может целиком применить к своим рекам, а преимущественно к Волге, прекрасные речные пароходы, которые принесли столь благородные плоды в Америке»¹⁵.

Проведя подсчеты эффективности введения на Волге пароходного сообщения по американскому образцу, Мельников собрал

в Рыбинске купцов и развернул перед ними блестящие перспективы. Позже он вспоминал: «Я... ожидал от этих господ полного сочувствия и даже содействия этому отечественному делу, а вместо того, к крайнему моему удивлению и разочарованию, моя восторженная речь была встречена весьма недружелюбно: купцы находили, что проект мой есть мечта несбыточная, что буксирные пароходы на Волге невозможны, по причине большой быстроты течения, что *вода на Волге слишком тяжела*, что это все дознано опытом»¹⁶. Тогда полковник обратился с докладом в собственное министерство. Как это часто бывало в России, общество оказалось менее готово к инновациям, чем правительство. В составленном Мельниковым проекте пароходства по Волге он указал на образцы американских пароходов и баржей, которые «могли бы иметь непосредственное применение к нижней и средней частям Волги, то есть от Астрахани до Казани и от Казани до Рыбинска, причем были доставлены модели судов и подробные размеры всех составных частей; определено было количество судов и пароходов каждого рода»¹⁷. Для своего рода рекламы Мельников предлагал пустить по Волге три казенных парохода, перевозящих пассажиров, грузы, а заодно и полицейскую команду для охраны водного пути (взамен существовавшего тогда гардкотного экипажа для охраны берегов). Важной частью рекомендаций была ликвидация «привилегий» (исключительных прав) на развитие парового судоходства. Специально образованный комитет под руководством генерала М.Г. Дестрема около 10 месяцев рассматривал рекомендации Мельникова (самого инженера на заседании не приглашали) и пришел к ряду решений, среди которых было, в частности, следующее: «Вместо устройства, по предложению полковника Мельникова, на Волге от казны трех пробных пароходов, допустить устройство одного такого парохода для примера и общественного построения, в таком только случае, ежели пароходы, которые будут приняты частными учреждениями, окажутся неудобными и не принесут ожидаемой от них пользы»¹⁸. Тем же решением были отменены привилегии (монополии) на пароходы, сдерживавшие развитие этого вида транспорта на рус-

ских реках. Именно рекомендации Мельникова легли в основу закона от 2 июля 1843 г., положившего начало введению частной паровой навигации на реках России¹⁹.

П.П. Мельников вложил свои собственные деньги в акционерное общество «Меркурий», ставшее одним из лидеров волжского пароходства. Мельников спустя годы стал директором этого общества. «В поездках, которые по званию этому должен был совершать по Волге, – вспоминал Мельников, – с истинным наслаждением любовался картиною деятельного по ней движения, совершаемого уже большею частью современными способами и напоминавшего мне тот порядок вещей, который с удивлением и завистью наблюдал в Америке и который мне так хотелось видеть водворенным в нашем отечестве»²⁰.

Одним из самых знаменитых выходцев из немецкой колонии на Нижней Волге Сарепты был в XIX в. действительный член Императорской академии наук Иосиф Христианович Гамель (1788–1861). После завершения первоначального образования в 1807 г. Иосиф Гамель поступил в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, которую и окончил в 1811 г. с золотой медалью. Однако его интересовала не только медицина. Еще студентом Гамель стал корреспондентом Вольного экономического общества и был награжден за устройство дешевой электрической машины. В Европе еще шла война против наполеоновской Франции, а молодой ученый получил в 1813 г. разрешение от министра внутренних дел отправиться в Англию для усовершенствования в науках. Семь лет путешествовал Гамель по Европе, знакомясь с развитием техники. Он производил опыты в шахте, спускался на дно моря в водолазной машине, первым обратив внимание на действие давления на барабанную перепонку, пытался в 1820 г. взойти на Монблан.

Интересы Иосифа Гамеля были весьма разносторонни. Он оказался одним из последних ученых-энциклопедистов ушедшего восемнадцатого века, пробуя себя в медицине и физике, химии и истории. Однако наибольший его интерес привлекала техника, переживавшая в первой половине XIX в. невероятное развитие.

Вернувшись из-за границы, Гамель заинтересовался уровнем технологий в своем отечестве, результатом чего стала поездка по российским заводам и описание Тульского оружейного завода, опубликованное им в 1826 году. Через три года Гамель стал ординарным академиком по части технологий и принял деятельное участие в устройстве первой мануфактурной выставки в России (состоявшейся в 1831 г.). В 1834 г. академик Гамель оказывал содействие А. Герстнеру в получении разрешения на проведение первой в России Царскосельской железной дороги. В 1839 г. он вновь отправился в «мастерскую мира» – Великобританию, где изучил историю и производство дагерротипов. Там же он обнаружил неизвестные документы о связях России с Англией в начале XVII в. и опубликовал несколько статей на эту тему. Вернувшись в Россию в 1845 г., Гамель участвовал в устройстве мануфактурной выставки 1849 г., а в 1850-м стал членом комитета по подготовке к первой всемирной выставке в Лондоне. Во время поездки в Лондон в 1851 г. он заинтересовался успехами телеграфного сообщения, которое стало с тех пор все более занимать его внимание. Гамель присутствовал при соединении Шотландии с Ирландией подводным телеграфным кабелем в 1852 году.

К тому времени многим в Европе стало очевидно, что за океаном выросла страна, в которой техника и промышленность развиваются еще более быстрыми темпами, чем в Великобритании. К началу 1850-х гг. в России называли Соединенные Штаты Америки «огромным рассадником промышленности»²¹.

С конца 1830-х гг. в США командировались инженеры российского флота и путей сообщения, заимствуя оттуда новейшие изобретения и технические решения. И хотя о достижениях американцев в области «чистой» науки было известно немного, настало время для более близкого знакомства Российской академии наук с этой страной. Академик Гамель, с его интересом к прикладным аспектам научных исследований, оказался наиболее подходящим ученым для командировки за океан.

Уехав в Соединенные Штаты накануне Крымской войны, академик И.Х. Гамель продлевал себе командировку в Соединен-

ные Штаты с 1853 по 1856 год. Материалы о его поездке содержатся в фондах Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук²².

В Америку академик Гамель, которому в то время уже исполнилось 65 лет, прибыл европейской знаменитостью. В местных журналах много писали о его деятельности. Так, только в 1852 г. популярный «Харперс Мансли» перепечатал заметку Александра Дюма о восхождении Гамеля на Монблан (в 1820 г.), в ходе которого погибли под лавиной три проводника²³, а научный «Сайентифик Америкэн» сообщил о докладе Иосифа Гамеля в Санкт-Петербургской академии наук о свойствах льняной ткани²⁴.

Гамель начал свою поездку по США с Бостона, посетив в Массачусетсе фабрики Лоуэлла, Гарвардский университет и школу для слепых Перкинса. Он был в числе приглашенных знаменитых ученых (вместе с Мэтью Мори и Сэмюелом Кольтом) присутствовать при первой попытке прокладки трансатлантического кабеля.

За время своей командировки российский ученый посетил не только Гарвард, но и Смитсоновский институт, стремясь «ближе познакомиться... научные учреждения Америки с трудами нашей Академии, так как... люди здесь имеют очень мало знаний о нас»²⁵.

Цинциннатская «Дейли инкуайрер» так подытожила пребывание российского академика в США: «На всех наших ярмарках, выставках скота, школьных экзаменах, открытиях школ, пробных поездках, спусках судов на воду, а также наших годовщинах, больших и маленьких праздниках всех наших общественных учреждений лицо доктора [Гамеля] стало узнаваемым. Наши институты были им тщательно исследованы для получения глубоких знаний об американской предприимчивости в науке, искусстве и благотворительности»²⁶.

Американцы, однако, смотрели на науку исключительно с прикладной точки зрения. Их интерес вызывали только те ее отрасли, которые давали надежду на практическое применение и извлечение прибыли. Показательно, что в качестве отчета Академии наук И.Х. Гамель смог представить описание не научных, а

технических достижений североамериканцев: «1., Изложение устройства Эриксоновой машины; 2., описание введения пароходства в Европе; 3., часть объяснения проекта электротехнического соединения Америки с Европою», за что удостоился пренебрежительного отзыва нового (с 1855 г.) президента Академии наук Д.Н. Блудова: «Едва ли дальнейшее пребывание за границею может принести особенную для технологии и вообще для промышленности пользу, я со своей стороны не вижу необходимости, не предвижу и важной пользы от сего продолжения»²⁷. Инженеры оказались более полезными командированными – их отчеты включали подробные чертежи.

Это непонимание показывает не просто разное понимание задач командировки Гамеля им самим и новым руководством Академии наук, но и тот факт, что дистанция между наукой и техникой в середине XIX в. еще оставалась непреодоленной.

Академика Гамеля, однако, занимала не просто модернизация Российского государства, о которой пеклись просвещенные бюрократы николаевской и александровской эпохи. Вернувшись домой, он напечатал в отечественной прессе ряд статей о новейших изобретениях американцев, делая особый акцент на общественном значении этих новшеств. Рассказывая о паровых машинах для быстрого тиражирования газет, Гамель обращал внимание своих русских читателей на «необыкновенные услуги, оказанные механикой... в Америке быстрому распространению знаний, с одной стороны, и к облегчению этого распространения – применением ее к локомотиву и пароходу – с другой». Особенно примечательным, с точки зрения русского академика, был тот факт, что «издание газет... началось почти в одно время в России и в Америке. Известно, что по указу Петра и под его наблюдением положено начало первой русской газете в Москве в 1703 году. Первая американская газета "The Boston Newspaper" появилась 24 апреля 1704 года».

И. Гамель поражал русских читателей и количеством публикуемых в США газет: в одном «Нью-Йорке выходит *двадцать две* различные газеты *ежедневно*, *девять* – два раза в неделю, *семьдесят семь* – раз в неделю, *пять* – два раза в месяц, *трид-*

цать шесть – ежемесячно и *одна* – два раза в год. Стало быть, всего в Нью-Йорке издается *сто пятьдесят* различных газет ...[и] ежедневно печатается около *двухсот тридцати тысяч* экземпляров газет и даже несравненно более, если приходится сообщить публике что-нибудь особенно интересное»²⁸.

И.Х. Гамель стремился вернуться в Соединенные Штаты, но болезнь и необходимость переубеждать начальство заставляли его откладывать новую поездку. Сказался и почтенный возраст академика. Осенью 1861 г. он умер в новой командировке в Лондоне на семьдесят четвертом году жизни.

Внимание не только к инженерному, но и к общественному значению технического переворота осталось не понятым начальством, но мы можем увидеть в нем более глубокое понимание последствий распространения технических новшеств в современном обществе, отмеченное на заре новой эры уроженцем Сарепты.

Таким образом, в середине XIX в. американцы, посещавшие волжские берега, и волжане, путешествовавшие по Америке, основывали свои суждения в первую очередь на опыте собственной страны и обращали свое внимание на те стороны жизни, которые имели значение в контексте проблем их родины. Американцы того периода оценивали Волгу, прежде всего, как экзотическое место, тогда как русские инженеры смотрели на Америку как на образец технического и экономического развития, опыт которой можно использовать, в частности, для реформирования отсталой волжской транспортной системы, внедрения технических и экономических новшеств и, на определенном этапе российского развития, даже для улучшения общественного устройства.

Примечания

¹ Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. Philadelphia, 1873. P. 96–99.

² См.: Saul N. Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867. Lawrence, Kansas, 1991. P. 131.

³ Т. Сеймур – Г. Бернару, 13 сентября 1858 г. Казань, Россия // Connecticut Historical Society. Henry Barnard Papers (1828–1899). Box II.

⁴ [Taylor B.] *Between Europe and Asia* // *Atlantic Monthly*. 1865. Jan. (Vol. 15, № 87). P. 13.

⁵ *Ibid.* P. 14.

⁶ *Ibid.* P. 15.

⁷ Б. Тэйлор – Дж.Т. Филдсу, Санкт-Петербург, 18 августа 1862 г. // *Life and Letters of Bayard Taylor* / Ed. by M. Hansen-Taylor and H.E. Scudder. In 2 vols. Boston, 1884. Vol. 1. P. 391–392.

⁸ См., напр.: Русский путешественник [Чихачев П.А.]. О паромстве и озерах в Северной Америке // *Отечественные записки*. 1839. Т. 3. Отд. 2. С. 54–70.

⁹ Каменский П. Полтора года в Америке // *Северная пчела*. 1856. 30 марта (№ 73).

¹⁰ Каменский П. Полтора года в Америке // *Северная пчела*. 1856. 12 апр. (№ 84).

¹¹ Там же. С. 246.

¹² Там же. С. 267–268.

¹³ Там же. С. 279.

¹⁴ [Мельников П.П.] К истории развития паромства на Волге (записка П.П. Мельникова «Поездка на Волгу») / Публ. М. Крутикова // *Красный архив*. 1938. Т. 89–90. С. 315.

¹⁵ Там же. С. 320.

¹⁶ Там же. С. 320–321.

¹⁷ Там же. С. 322.

¹⁸ Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах // Воронин М.И. и др. П.П. Мельников – инженер, ученый, государственный деятель. С. 308.

¹⁹ Haywood R.M. *The Development of Steamboats on the Volga River and Its Tributaries, 1817–1856* // *Research in Economic History: A Research Annual*. 1981. Vol. 6. P. 146–148.

²⁰ Там же. P. 314–315.

²¹ Ротчев А.Г. Воспоминания русского туриста. Из путешествий А.Г. Ротчева // *Пантеон. Журнал литературно-художественный, издаваемый Федором Кони*. 1853. Т. 12. Кн. 12. Декабрь. Смесь. С. 65.

²² См.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 2. Канцелярия Конференции, ф. 85. Гамель И.Х.

²³ [Dumas A.] *Swept Away By An Avalanche* // *Harper's new monthly magazine*. 1852. Nov. (Vol. 5, № 30). P. 788–791.

²⁴ *Flax Cotton* // *Scientific American*. 1852. Dec. 4 (Vol. 8, № 12). P. 90.

²⁵ И.Х. Гамель – П.Н. Фуссу, 28 марта 1854 г.; Гамель – Фуссу, 18/30 апреля 1854 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 2 Канцелярия Конференции АН. Оп. 1–1853. Д. 5. «О направлении академика Гамеля в Англию и Северную Америку». Л. 26–29 об.

²⁶ Цит. по: Saul N.E. *Op. cit.* P. 232.

²⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 2. Канцелярия Конференции АН. Оп. 1–1853. Д. 5. О направлении академика Гамеля в Англию и Се-

верную Америку. Л. 47 об. – 48. Восшествие на престол нового императора Александра II в 1855 г. также сыграло свою роль как в смене руководства Академии наук, так и в изменении научных приоритетов.

²⁸ [Гамель И.] Новейшие усовершенствования машин, введенных в Англию и Америке для печатания газет и других периодических изданий. Статья академика Гамеля // *Сын отечества*. 1857. № 16. С. 366.

Е.В. Ананян (Волжский)

ЭМИГРАЦИЯ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В АМЕРИКУ В 70-80-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Проблема эмиграции немцев Поволжья включает в себя ряд аспектов, в числе которых наиболее важную роль играют предпосылки, причины направления эмиграции, численность эмигрантов и степень их адаптации в странах Америки.

Определение причин эмиграции осложнено тем, что хронологически она совпала с проведением реформ Александра II, и это позволило отечественным и зарубежным исследователям связать напрямую реформы и эмиграцию. Действительно отмена привилегий российских немцев Правилами 4 июня 1871 г. и введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. сыграли определенную роль в решении колонистов выехать из страны. Однако реформы следует рассматривать как некий катализатор, повод, а не причину эмиграции. Переселение немцев Поволжья из России в Америку было вызвано комплексом причин, преимущественно экономического характера, и стало следствием расширения миграции в пореформенный период. Если в 30–40-х гг. XIX в. попытки колонистов решить экономические проблемы привели к внутренней миграции в виде «выселок» в дочерние колонии, отходничества и переселения в другие губернии, то в 70–80-х гг. – к эмиграции, приоритетными направлениями которой стали Бразилия, Аргентина и США. Переселение в Америку представлялось немецким крестьянам как возможность выбраться из нужды. Песни, которые слагались

переселенцами с Волги, были полны оптимизма. В одной и них были такие строки:

Виноград растет за забором,
А на высоких деревьях
Растут яблоки и инжир.
Помоги нам Бог выбраться из нужды ¹.

Поддавшись агитации вербовщиков – частных лиц и пароходных компаний, колонисты плохо представляли себе жизнь в Америке и нередко обманывались в своих ожиданиях. Так произошло с эмигрантами в Бразилию. Вместо обещанных бразильским правительством земель, орудий труда, посевного материала и скота иммигранты получили лишь право на бесплатный проезд и питание от порта до колонии и земли в глубине страны, в неудобных местах и низкого качества. Пока велись переговоры с правительством о предоставлении новых участков земли, деньги закончились. Дорогие продукты и неустроенность вызвали возмущение колонистов. Они требовали выпустить их из Бразилии для поисков подходящей страны. Такой страной им представлялась соседняя Аргентина ². Существенную роль в выборе аргентинского направления сыграл Закон об иммиграции 19 октября 1876 г., предоставлявший иммигрантам аргентинское подданство, неприкосновенность собственности и жилищ, свободу вероисповедания, право принимать участие в органах самоуправления.

В начале сентября 1877 г. около 800 немецких колонистов, находившихся Бразилии, обратились к аргентинскому правительству с просьбой о переселении. Министерство внутренних дел направило в Национальный конгресс Аргентины письмо, в котором рекомендовалось «без замедления воспользоваться этим случаем и привести в исполнение иммиграционный закон именно в пользу такого однородного населения, нравы и характер которого уже известны и которое достаточно легко могло бы в различных частях национальной территории основать большие и богатые селения»³. Палата депутатов поддержала предложение правительства, и для реализации проекта, несмотря на строжайшую экономию, выделили специальный кредит в 1 250 000 франков. Деле-

гатам предложили выбрать для населения земли в провинциях Буэнос-Айрес, Энре-Риос и Санта-Фе.

Большинство же колонистов из Бразилии возвратилось в Россию. Сведения об эмиграции поволжских немцев в Бразилию появляются в источниках только в 1902 году. Сказывался неудачный опыт бразильской иммиграции в 70-х гг. XIX века. Нельзя не согласиться с известным русским дипломатом А. Иониным, который писал, что «русская колонизация стоила бразильскому правительству больших денег и большого срама и действительно на долгие годы совсем охладела к Бразилии, особенно немецких эмигрантов»⁴.

А вот аргентинское направление эмиграции немцев Поволжья оставалось одним из основных и в 80–90-х гг. XIX века.

Массовая эмиграция поволжских немцев в США началась во второй половине 70-х гг. XIX в., однако курьеры колоний с Волги были отправлены в Северную Америку уже в июле 1874 г. (14 человек, представлявших 11 немецких колоний, на корабле «Шиллер»). Нам удалось восстановить имена семи делегатов, это: Петер Штеклейн, Якоб Риттер, Николас Шамне, Петер Лейкер, Антон Вазингер, Иоганнес Кригер и Иоганнес Нольде.

Известно также, что вслед за ними осенью 1874 г. выехало 254 человека, а в течение года (1874/75 г.) только из колоний Саратовской губернии – более 300 человек: из Норки – 89, Поповки – 73, Голого Карамыша – 49, Лизандердорфа – 36, Ключей – 31, Олешни – 29, Таловки – 28⁵. Тем не менее выезд поволжских немцев в Америку не приобрел еще массового характера. Это было связано с тем, что потенциальные переселенцы рассчитывали на помощь американского правительства при переезде и обзаведении хозяйством. Однако в ходе эмиграции в Северную Америку поволжским немцам, в отличие от меннонитов Юга России, осуществлявшим переселение при помощи Меннонитского попечительского комитета и Меннонитского исполнительного комитета помощи, пришлось полагаться только на свои возможности. Это и останавливало значительную часть колонистов от поспешной эмиграции.

В начале 1876 г. поволжские колонии захлестнул поток агитационной литературы из США. Наибольшим успехом пользовалась брошюра бывшего жителя колонии Голый Карамыш Г. Швабауэра, переселившегося в Америку в 1875 году. Г. Швабауэр советовал для начала каждому сделать самостоятельный выбор, при этом не позволяя никому уговорить себя уехать в Америку или остаться в России. По его мнению, основанием для эмиграции могло быть только нежелание жить в России в подчинении и угнетении, «как сыны Израилевы в Египте». Тот, кто не готов был к выбору, должен удержаться от соблазна, чтобы потом не сожалеть.

Брошюра Г. Швабауэра содержала практические советы переселенцам о том, что необходимо взять с собой в путь, какой выбрать порт для переселения, в каком штате обосноваться и почему. В заключении автор сообщал о том, что переселенцев, получивших гражданство в Америке, не могут принудить к военной службе, а в случае войны армия формируется из граждан Америки на добровольных началах⁶. Для потенциальных призывников это стало основанием для переселения в Америку.

Однако известно, что еще до появления брошюры в немецких колониях часть молодых людей призывного возраста использовала возможность выезда в США не для постоянного проживания там, а для уклонения от воинской повинности. После знакомства с брошюрой Швабауэра не только молодые люди, подлежавшие призыву в армию, но и целые села изъявили желание выехать в Америку.

С середины 1876 г. эмиграция немцев Поволжья в США приобрела массовый характер, что заставило земство «приступить к обследованию настроений» среди поволжских немцев. В результате выяснилось, что основным фактором эмиграции стало тяжелое экономическое положение в поволжских колониях⁷.

В ходе опроса с целью выяснения причин переселения из России колонисты указали на «крайний недостаток и истощение земли. Когда же ко всему этому присоединилась повинность отдавать детей в военную службу, повинность, от которой они считали свободными в силу привилегий, дарованных им прародительницей, они решили эмигрировать из России»⁸.

Определенной частью поволжских немцев желание переселиться в Америку объяснялось «почти исключительно погоней за материальными выгодами»⁹.

В свою очередь США нуждались в дешевой рабочей силе, согласной на самые тяжелые условия труда.

Процедура переселения из России в США была непростой.

После получения разрешения от общины на отъезд и паспорта потенциальные эмигранты начинали продажу имущества, чтобы выручить хотя бы незначительную сумму денег, необходимую для проезда по железной дороге и на пароходе. Распродавались постельные принадлежности (перины, подушки), тулупы, меховые сапоги, книги, самовары, посуда, иногда музыкальные инструменты (аккордеон, скрипка, балалайка, труба). Если уезжала вся семья, то продавали скот, сельскохозяйственный инвентарь, мебель¹⁰. В отличие от колонистов Новороссии, поволжские немцы не могли продавать землю, так как она принадлежала общине. При отъезде немцы возвращали землю общине, а продать могли только дом и движимое имущество.

Отъезд из деревни сопровождался тяжелыми сценами прощания с родными, так как разлука с родителями, братьями, сестрами была равносильна смерти. В книге Я. Риффеля приведена типичная сцена прощания 40-летнего К. Майера со своим отцом: 70-летний старик кладет дрожащие руки на голову сына и, захлебываясь от слез, благословляет его, заканчивая словами: «Увидимся теперь на том свете»¹¹. Эмигранты совершали причастие и прощальную молитву, объезжали всех родственников, получая при этом наставления от них. Все пели грустные песни, провожая переселенцев, и до окраины деревни несли черные флаги. Все это сопровождалось слезами, нередко рыдали даже мужчины. Прощальная процедура напоминала похоронную процессию.

Переселение поволжских немцев в Америку, как и большинства эмигрантов других стран, осуществлялось через Гамбург, Бремен или Англию один раз в неделю. Чтобы попасть из Бремена, Гамбурга или Ливерпуля в Нью-Йорк, требовалось не менее 12 дней плавания. На островке Эллис в заливе Нью-Йорка для эмигрантов

был создан «вокзал», где они проходили регистрацию и получали разрешение на въезд в страну. Но сначала их проверяла медицинская служба. Известно, что от 6 до 10 % прибывших в США получали отказ по медицинским соображениям. Иммигранты прибывали в Нью-Йорк и могли оставаться в Кестель-Гардене (пристани, куда высаживались) до тех пор, пока не определялись с местом поселения, и если не находили такового поблизости, то могли отправиться для изучения условий проживания в отдаленные штаты под покровительством эмиграционной комиссии. Для переезда иммигрантов по стране предоставлялись поезда с уменьшенной платой за проезд¹².

Поволжских немцев, привыкших к степям, привлекали прерии к западу от Миссисипи – Миссури, поэтому основной поток переселенцев устремился в Небраску и Канзас. По их представлениям, высокодоходные работы имелись там в избытке, и они надеялись именно в этих двух штатах получить земли.

Католики, прибывшие преимущественно с луговой части Поволжья, селились в основном в центральных районах Канзаса. Первые переселенцы основали в 1876–1877 гг. колонию Либенталь южнее Хейса, а затем еще пять деревень: Пфейдер, Миньер, Герцог, Щенхен и Катарину. Через несколько лет были созданы дочерние селения¹³.

В Небраску с самого начала устремились протестанты с нагорной части Волги. Позднее они обосновались также в Линкольне и Саттоне. Первых переселенцев привлекали также Скотсблаф, Хейстинг, Байярд, Йорк, Хендерсон, Кальбертсон, Гарвард, Гранд-остленд, Бута, Стокхам, Кимбал. Некоторые протестанты сразу иммигрировали в Канзас, в частности в графства Бартон и Рассел, другие переселились туда уже из Небраски¹⁴.

Однако значительную часть переселенцев ожидало разочарование. К тому времени, когда поволжские немцы прибыли в Канзас и Небраску, там не было бесплатных земель по закону об участках земли, вошедшему в силу 1 января 1863 г. – в день подписания А. Линкольном Декларации.

Тем не менее западные железнодорожные компании, владевшие обширными участками земли, отведенными для строитель-

ства железной дороги, реализовывали их по низким ценам (3–8 долларов в Канзасе, в то время как в Линкольне она стоила 12 долларов за акр). Те, кому удалось приобрести участки земли или арендовать их, вскоре убедились в хорошей урожайности пшеницы и кукурузы на этих землях и со временем превратили Канзас и Небраску в основных производителей не только этих культур, но и сахарной свеклы. Стараниями поволжских немцев в 1890 г. в Гранд-Айсленде была построена вторая в Америке свеклольно-сахарная фабрика, развивавшаяся довольно успешно. Привыкшие к тяжелому сельскохозяйственному труду, немцы добивались гораздо более высоких урожаев зерновых и свеклы, чем другие иммигранты. Известно, что они брались за такие участки земли, с которыми не справлялись другие переселенцы, делая их со временем продуктивными. Интересно, что невероятное трудолюбие демонстрировали все члены больших немецких семей. Вся семья, любой, как говорили, «кто достиг такого возраста, когда мог облизывать ложку», ползая на коленях вдоль рядов, прореживали и пропалывали молодые побеги свеклы¹⁵.

Однако освоение поволжскими немцами Нового Света было сопряжено с огромными трудностями. Многие иммигранты ютились в хижинах, лачугах и палатках. Свои первые жилища они строили из высушенных на солнце кирпичей из глины и травы или сделанных из слоев дерна. Только через 6–10 лет, встав на ноги, семья могла построить хороший дом. В качестве топлива первые переселенцы использовали то, что могли найти в прериях: сухую траву и остатки костей буйволов¹⁶.

Трудности первых лет были связаны также с неготовностью иммигрантов к природным катаклизмам, к примеру пожарам в прериях и нашествиям саранчи, приводивших к нужде и голоду. Некоторые из поселенцев вынуждены были обращаться к ростовщикам, которые брали 3–7 % в месяц от заработка земледельцев¹⁷.

Среди иммигрантов были и такие, которые хотели вернуться в Россию, но не имели средств даже на то, чтобы выехать из штата. Оказавшись в субтропических пампах или на полях сахарного тростника в Колорадо, палимые солнцем, они жаловались,

что там все не так: рождество выпадает на жаркий декабрь, а в полдень солнце стоит на севере. Разочарование проникло и в фольклор поволжских немцев. Так, в одной песне говорилось: «Америка – сумасшедшая страна, фигу я выверну ей, если окажусь на Родине»¹⁸.

В иных условиях оказались черноморские немцы, переселившиеся в Дакоту, так как новая родина находилась на той же широте, что и Одесса, это позволило им относительно легко адаптироваться. В отличие от немцев, прибывших из причерноморских колоний, из среды которых 95 % стали фермерами, только половина поволжских немцев смогла добиться такого положения в Америке. Колонисты Юга России имели возможность приобрести большие участки необработанной земли у русских помещиков. Известно, что черноморские меннониты со временем купили земли в 7 раз больше, чем они получили от государства. Проданные при отъезде земли позволили им выручить довольно большие суммы денег, на которые в Америке приобретались участки земли, живность, сельхозинвентарь.

Тем не менее поволжские немцы, испытывавшие серьезные трудности в начальный период иммиграции, нередко, начав свою жизнь в Америке наемными сельскохозяйственными работниками, дорастали до землевладельцев. Размеры угодий, которые приобретали немцы в Америке, удивляли даже скептически настроенных критиков в колониях. Отдельные успешные личности, такие как, например, поволжский немец-эмигрант Петер Брак, был известен и в России, и за океаном в кругах русских немцев. Петер Брак осел в 70-х гг. в Канзасе и к концу 80-х гг. XIX в. владел несколькими фермами, продовольственными складами и даже контролировал несколько банков¹⁹.

Эмиграция в Северную Америку, так же как и в Южную, пошла на убыль с 1879 года. Но в первом случае это было связано не с возвращением на Волгу разочаровавшихся, а с ожиданием положительных результатов от переселенцев первой волны эмиграции. И если сведений о возвращающихся из Бразилии в документальном материале более чем достаточно, то о массовом воз-

вращении поволжских немцев из Канзаса и Небраски их не удалось обнаружить.

Несмотря на то что некоторые немцы возвратились все-таки в Россию, было много тех, кто, приезжая на короткое время, продолжал восхищаться Америкой. Они шокировали своих родственников и соседей тем, что вместо черного хлеба ели белый, вместо чая, как это принято в России, пили кофе и пользовались не деревянными ложками, а серебряными приборами. Некоторые семьи поволжских немцев уезжали с единственной целью – вернуться в Россию богатыми людьми. Они оставались в Америке на 3–4 года, зарабатывали несколько тысяч долларов и возвращались, чтобы обзавестись семьей и хозяйством²⁰. В книге Петера Зиннера, поволжского немца, учителя и писателя, работавшего в деревне Эндерс, приводится интересный эпизод. В 1900 г. бургомистр Эндерса, увидев вместо бедной деревни богатое поселение из новых домов, удивленно спросил: «Откуда такое богатство?» На что местные жители ответили: «Все это из Америки. У нас нет ни одной семьи, в которой кто-либо не уехал туда... Многие остаются там и оказывают существенную финансовую поддержку тем, кто остался здесь». В ответ на это бургомистр произнес фразу, актуальную и сегодня: «Лучше остаться в России и сделать Америку здесь. Мы можем жить хорошо и на своей родине»²¹.

С конца 1880-х гг. эмиграционные процессы в среде немцев-поселян возобновились, так как обустроившиеся в Америке стали вызывать к себе родственников и однообщинников и даже высылать им деньги на проезд. Их «прелестные» письма были полны оптимизма. Так, неизвестный переселенец с Волги, поселившийся в штате Колорадо, в письме матери и сестрам писал: «Что касается общества и увеселений вообще, то здесь не так хорошо, как у вас. Однако большие деньги, какие здесь можно заработать, скрашивают все остальное... Обыденная пища и питье здесь лучше, чем у вас на свадьбах... здешняя жизнь так хороша, что лучшего и желать не надо... В общем, чувствуешь себя здесь свободным, вольным гражданином, и ни о чем никого не надо спрашивать»²².

Согласно новым распоряжениям, поволжские немцы уезжали в Америку с паспортами на временную отлучку, не исключались из обществ и имели право брать с собой детей мужского пола до 17-летнего возраста, подростки же с 17 лет до отбытия воинской повинности переселяться не могли. Однако в нарушение правил поселяне стали выезжать без паспортов, бывали случаи, когда подростки бежали одни²³.

Те, кто приехал в США до 1890-х гг., не испытывали особых затруднений, потому что правительство предоставляло им бесплатно или продавало по низким ценам земли возле железных дорог. Иммигрировавшие с середины 1890-х гг. оказались в более сложной ситуации и вынуждены были работать чернорабочими или арендаторами-издольщиками. Имея низкий заработок, они, как правило, жили в простых постройках, обставленных самодельной мебелью, с деревянным полом, который еженедельно скребли и отмывали с помощью самодельного щелочного мыла²⁴.

Необходимо подчеркнуть, что немцы, как черноморские, так и поволжские, не приняли американский образ жизни и оставались чужаками, или, как их называли американцы, народом «внутри себя». На протяжении нескольких десятков лет они жили изолированно, практически не контактируя с внешним миром. Неприязненное отношение к коренному населению исчезло только в следующем поколении переселенцев, но и тогда немцы оставались «более русскими», чем американцами²⁵.

Определить цифру эмигрировавших в Америку в 70–90-х гг. XIX в. не представляется возможным. Это связано с тем, что точное направление эмиграции немцев Поволжья в документах не указывается, а значит лишь: уехавшие в Америку. Среди таких был высокий процент переселившихся в Южную Америку – Бразилию и Аргентину, но и здесь точной цифры назвать нельзя. По сведениям Д. Лонга, в период с 1874 по 1881 г. всего из Поволжья выехало 450–500 немецких семей (то есть 2 % населения)²⁶. Американский ученый ссылается на официальные данные Саратовской конторы, которые намеренно занижаются.

Статистические данные сообщают такую же цифру, но при этом указывают на выселенцев только из Камышинского уезда

Саратовской губернии. По тем же сведениям за 15 лет после введения всеобщей воинской повинности только из Камышинского уезда выехало в Америку около 850 семей (при этом не сообщается – в Южную или в Северную)²⁷.

Отсутствие официальной статистики переселения немцев Поволжья в Америку в отечественных источниках связано с тем, что до 1917 г. эмиграция была полуполюгальным явлением, «признаваемым властями, но официально так и не урегулированным»²⁸. Первая санкция на эмиграцию была дана правительством в 1882 г. евреям, покинувшим навсегда пределы России. В 1906 г. был выработан проект «Положения об эмиграции», однако он не был утвержден.

Зарубежные источники также не дают нам точные цифры эмигрировавших из Поволжья колонистов, так как до 1898 г. иммиграционная статистика учитывала лишь страну происхождения иммигранта без указания его этнического происхождения.

По данным Артура Шлезингера, в 1880 г. в Канзасе, Небраске, Миннесоте и Дакоте насчитывалось 20 тыс. «русских немцев», а к 1900 г. в западной половине США проживало более 50 тыс. немцев, переселившихся из России²⁹. Следует отметить, что поволжские немцы не вычленились Шлезингером из общей массы немецких иммигрантов из России. Точные сведения о численности немцев, переселившихся из Поволжья в Северную Америку, имеются только на 1920 г., но и они не позволяют определить количество иммигрантов в 70–90-х гг. XIX века.

Изученный материал позволяет сделать вывод о том, что эмиграция немцев Поволжья в США осуществлялась в условиях отсутствия помощи как со стороны российского, так и американского правительств. Далеко не все уехавшие за океан смогли там адаптироваться и возвращались в Россию. Часть колонистов выезжала из страны на временные заработки, что противоречило российским законам. Однако с уверенностью можно сказать, что немцы, оставшиеся в Америке, проявляя невероятное трудолюбие, добились значительного благосостояния для себя и своих родственников в России и внесли определенный вклад в экономическое развитие ряда штатов.

Примечания

- ¹ Riffel J. Die Russlanddeutschen, insbesondere die Wolgadeutschen am La Plata. (Argentinien, Uruguay und Paraguay). Festschrift zum 50. Jahrgigen Jubiläum ihrer Einwanderung. Buenos Aires, 1928. S. 13.
- ² Ребрин И.А. О переселении в Бразилию. Харьков, 1909. С. 7.
- ³ Беркенгейм А.М. Аргентина и ее колонии. М., 1894. С. 18, 19.
- ⁴ Ионин А.С. По Южной Америке: В 4 т. СПб., 1902. Т. 2. С. 75.
- ⁵ Плева И.Р. Начало эмиграции поволжских немцев в Америку // Немцы России: Социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг.: Материалы 8-й Междунар. науч. конф., Москва, 13–16 окт. 2001 г. М., 2002. С. 426.
- ⁶ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2539. Л. 10–13.
- ⁷ Плева И.Р. Указ. соч. С. 427.
- ⁸ Беркенгейм А.М. Указ. соч. С. 17.
- ⁹ Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 11: Камышинский уезд. Саратов, 1891. С. 52.
- ¹⁰ Koch F. The Volga Germans in Russia and the Americas. From 1763 to the Present. The Pennsylvania University Press, 1977. P. 210.
- ¹¹ Riffel J. Op. cit. S. 34.
- ¹² Курбский А.М. Русский рабочий у северо-американского плантатора. Воспоминания, очерки, заметки. СПб., 1875. С. 28.
- ¹³ Koch F. Op. cit. P. 212.
- ¹⁴ Ibid. P. 213.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid. P. 220.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Kopp T. Rußlanddeutsches Liederbuch. Buenos Aires, 1937. S. 108.
- ¹⁹ Kloberdanz T.J. Die Auswanderung nach Amerika und ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. 1995. № 5. S. 179.
- ²⁰ Koch F. Op. cit. P. 218.
- ²¹ Sinner P. Germans in the Land of the Volga. Lincoln, Nebraska, 1989. P. 51.
- ²² Сборник статистических сведений... С. 58.
- ²³ Там же. С. 341.
- ²⁴ Koch F. Op. cit. P. 3.
- ²⁵ Harwood W.S. Ein Stück Europa in Dakota (Am 11 Juli 1896 in der Zeitschrift Harper's Weekly erschienen) // Heimatbuch. 1992–1994. S. 176–177.
- ²⁶ Long J. From Privileged to Dispossessed. The Story of Russians Germans. Winnipeg (Manitoba), 1974. P. 345.
- ²⁷ Сборник статистических сведений... С. 57.

²⁸ Нитобург Э.Л. Русские религиозные сектанты и староверы в США // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 35.

²⁹ Schlesinger A. M. The Rise of the City. 1878–1898. N. Y., 1933. P. 30–32.

А.Б. Окунь (Самара)

ПРИКЛЮЧЕНИЕ АМЕРИКАНЦА В РОССИИ (ДЖ.П. ГУДРИЧ В ПОВОЛЖЬЕ)

Деятельность Американской администрации помощи (АРА) в России в 1921–1923 гг. вызывает в последнее время большой интерес у российских исследователей. Тем не менее все еще недостаточно изученными являются персональный состав сотрудников Администрации, их личная мотивация, отношение к трагедии народа России американцев, работавших в стране. Исследование этих проблем позволит решить целый ряд дискуссионных вопросов (например, широко распространенный до сих пор тезис о шпионаже как основной задаче работников АРА), расширить представления о взаимном восприятии, формах и способах коммуникации, методах работы с населением и т. д. В этой связи особый интерес представляют материалы, связанные с пребыванием в России как руководящих, так и рядовых сотрудников АРА, их отчеты, дневники, переписка, которые отражают непосредственные впечатления американцев, многие из которых до приезда в Россию не имели с ней никаких связей.

Одной из таких фигур являлся Джеймс Патнем Гудрич (1864–1940), который хотя и не был штатным сотрудником АРА, тем не менее сыграл в ее деятельности в России существенную роль. Помимо этого Гудрич занимал видное место в установлении и развитии американо-советских контактов на самой ранней их стадии.

Юрист по образованию, Гудрич сделал успешную карьеру как в бизнесе, так и в политике, став ведущей фигурой республиканской партии в своем родном штате Индиана и членом Национального комитета партии. В 1916 г. он был избран губернатором Индиана-

ны, а вершиной его политической карьеры можно считать номинацию на пост президента США от республиканцев на съезде в 1920 г., когда он проиграл только будущему президенту У. Хардингу. После этого Гудрич собирался вернуться в бизнес, но, к собственному удивлению, получил приглашение от главы ARA Г. Гувера отправиться в Россию для инспекции продовольственной ситуации и деятельности Администрации помощи¹. Кроме того, Гудрич получил статус личного представителя президента У. Хардинга в России с правом вести неофициальные переговоры с советским правительством. По мнению Н. Сола, выбор был сделан в пользу Гудрича, несмотря на полное отсутствие у того дипломатического опыта, в связи с тем, что Гуверу был необходим в России высокопоставленный политический деятель, способный влиять на советских чиновников и одновременно предоставлять объективную информацию о развитии ситуации в стране и о работе организации². В этом губернатору должен был помочь его опыт бизнесмена и администратора. Политическое положение и связи Гудрича делали его, видимо, наиболее высокопоставленным официальным представителем США, находившемся в России в условиях отсутствия дипломатических отношений между двумя странами.

Мотивы, по которым Гудрич принял предложение, менее очевидны. Успешный бизнесмен и политик мог вполне благополучно продолжить свою карьеру, но предпочел вместо этого отправиться в абсолютно незнакомую ему страну, находящуюся в состоянии тяжелейшего кризиса, для выполнения совершенно не свойственных ему ранее функций. Безусловно, в некоторой степени это являлось авантюрой или приключением, что импонировало Гудричу, давало возможность получить новый опыт и открыть для себя новую сферу деятельности, сохраняя при этом высокий политический статус. Кроме того, энтузиазм, любознательность, широкий круг интересов, проявленные Гудричем при исполнении своих обязанностей в России, свидетельствуют о том, что они позволяли раскрыть ранее не реализованные свойства его натуры.

Сразу же после подписания Рижских соглашений между советским правительством и ARA в августе 1921 г. Гудрич провел с

Гувером и директором Российского отдела ARA полковником У. Хаскеллом совещание в Нью-Йорке для уточнения деталей своей миссии и в середине сентября отправился в Россию. По пути к нему присоединился Джордж Репп, направленный для изучения положения немцев Поволжья в связи с решением вопроса об их переселении в Соединенные Штаты. Первую информацию о том, что их ожидало впереди, они начали получать еще до пересечения российской границы. В районе Риги они встретили большую группу немцев, бежавших от голода из Поволжья³.

Одной из главных задач миссии Гудрича было изучение положения дел в районах бедствия для точного определения масштабов необходимой помощи. Поэтому, прибыв в Москву в начале октября, он через несколько дней отправился в Самару, где уже находился Хаскелл. В качестве помощника и переводчика Гудрич взял с собой Фрэнка Голдера, известного журналиста, знавшего русский язык, что было крайне важно для общения и получения объективной информации. В эту свою поездку (а всего в период с 1921 по 1925 г. Гудрич совершил четыре визита в Россию) кроме Самары он посетил Саратов и Казань. При этом, не ограничиваясь крупными городами, Гудрич объехал большое количество отдаленных деревень и других населенных пунктов, находившихся в эпицентре голода. Сферой деятельности Гудрича, таким образом, оказалось Поволжье, которое он проехал, согласно его отчету, от Казани до Саратова. Самой южной точкой, до которой он добрался, были коммуны, находившиеся в 50 милях южнее Саратова⁴. Свои впечатления он обобщил в отчете, направленном Гуверу 1 ноября 1921 г., в котором помимо статистических данных содержались и его личные наблюдения. Интересно, что в этом отчете он называет ARA Ассоциацией американской помощи – оговорка, подтверждающая его роль спецнаблюдателя, а не штатного сотрудника Администрации (в противном случае он бы не ошибся в названии организации). В своем отчете он фиксирует значительное сокращение населения региона в связи с голодом, болезнями и бегством (называет цифру 19,5 %); пишет о многих тысячах беженцев, двигавшихся в различных направлениях в по-

исках спасения от голодной смерти; утверждает, что без оказания немедленной массовой помощи смерть ждет сотни тысяч людей, которые не доживут до следующего урожая. Гудрич приводил статистические данные о положении дел в нескольких коммунах, которые свидетельствовали о критической ситуации в связи с катастрофическим неурожаем (производство основных видов продукции по его данным сократилось от 8 до 13 раз), сокращением поголовья скота, распространением тифа и холеры. Увиденное в Поволжье произвело сильное эмоциональное впечатление на американцев, что также нашло отражение в отчете: «Я мог бы рассказать вам истории нужды, страданий и смерти, вызванные недоеданием и голодом. О старом крестьянине, найденном на прошлой неделе в Казани умершим у дороги с мертвым маленьким ребенком на руках. О другом отце в том же голодающем районе, пытавшемся с тремя детьми попасть в лодку, чтобы уплыть вниз по реке, где бы он мог получить помощь. Когда ему сказали, что только двое из его детей смогут поместиться, он просто бросил самого младшего в реку, сказав: “Если я не смогу уплыть, то умрут все трое; лучше пусть умрет один, а двое выживут”... О двух юных крестьянских девочках... чьи родители умерли от холеры за четыре дня до этого, и им нечего было есть в течение четырех дней кроме листьев капусты и моркови, которые они ели сырыми; бедные, голодные, страшно истощенные, полунагие беспризорные дети, дрожавшие на холодном ветру. Я мог бы рассказывать о подобных вещах до тех пор, пока у вас не заболит сердце, как оно заболело у меня, но это не поможет разрешить проблему»⁶. Далее Гудрич предлагал конкретную программу повышения эффективности работы по оказанию помощи народу России. При этом он очень высоко оценивал деятельность ARA и ее руководства. Рекомендации Гудрича сводились к следующему: во-первых, необходимо увеличить объемы поставок продовольствия и количество людей, получавших помощь; во-вторых, кормить не только детей, но и взрослых; в-третьих, обеспечить больницы, находившиеся в крайне плачевном состоянии, необходимыми лекарствами и оборудованием; в-четвертых, обеспечить

Россию достаточным для весеннего сева количеством семян, что позволило бы решить проблему голода к лету 1922 года⁶.

Особо следует отметить, что в отчете Гудрича практически не содержится критики в адрес советского правительства, причины голода объясняются влиянием мировой и гражданской войн, а также неурожаем. Толерантное отношение к советским властям отличало его и в дальнейшем. Кроме того, Гудрич был чрезвычайно впечатлен мужеством русского народа и его способностью приспособляться и выживать в тяжелейших условиях.

Отчет Гудрича наряду с другими материалами был представлен на слушаниях в Конгрессе в декабре 1921 г., сам он также выступил в качестве свидетеля. В результате Конгресс не только удовлетворил просьбу руководства ARA о выделении средств на продовольственную помощь России, но и удвоил сумму по сравнению с запросом, ассигновав 20 млн долларов. Причем были учтены и предложения Гудрича, так как значительная часть этих денег должна была пойти на поставку в Россию семян для весеннего сева⁷.

Уже первое относительно короткое пребывание в России вызвало у Гудрича интерес к русской истории и культуре, симпатию к русским людям, которых он сравнивал со своими земляками, жителями американского Среднего Запада. В течение всего своего пребывания в стране он вел подробный дневник, планируя впоследствии написать книгу о России. Однако эта книга так и осталась незавершенной и неизданной, а дневники Гудрича являются ценнейшим, но, к сожалению, неизвестным в нашей стране источником информации о повседневной жизни в постреволюционной России⁸. Следующая его поездка в Россию оказалась более продолжительной и была связана с решением нескольких задач. Прежде всего он должен был проверить сведения о злоупотреблениях ряда высокопоставленных сотрудников ARA, среди прочих обвинений они были уличены в поставках в Россию большого количества алкоголя под видом продовольствия. Результатом стало увольнение нескольких человек, в том числе помощника Хаскелла Т. Лонергана⁹. Кроме того, Гудрич вновь посетил Поволжье, после чего сделал вывод об улучшении ситуации. Круг

его интересов не ограничивался деятельностью АРА, в своих путевых заметках он касается самых различных вопросов: отношений церкви и государства; формирования новой правовой системы (судя по месту, которое он отводил этой проблеме, она крайне его интересовала и как юриста, и в связи с возможными перспективами развития экономических отношений между Россией и США); причин происшедшего в России кризиса; аграрной политики большевиков и т. д. В частности, в период своего очередного пребывания в Самаре в марте 1922 г. Гудрич обсуждал проводившуюся реформу советских репрессивных органов (преобразование ВЧК в ГПУ) и новую судебную систему с представителями местных властей, присутствовал на судебном процессе по делу о бандитизме и подробно описал свои впечатления¹⁰. Кроме того, Гудрич во время поездок по стране общался с представителями различных групп населения, присутствовал на митингах, встречался с высокопоставленными советскими политическими деятелями. Его интересовало все: от работы транспортной системы до рациона питания и повседневных забот россиян.

Несмотря на отсутствие официального статуса, он получил возможность контактов на самом высоком политическом уровне: он встречался с Чичериным, Каменевым, Радеком, Красиным, Литвиновым, представителями наркоматов финансов и промышленности, обсуждая с ними возможность развития экономических отношений между Россией и США. Г.В. Чичерин в своем отчете о встрече с Гудричем отмечал его благожелательное отношение к советской власти, интерес к новой экономической политике, советскому гражданскому и уголовному законодательству и стремление способствовать установлению торговых связей между двумя странами¹¹.

Сопоставление этой информации с собственными записями Гудрича подтверждает его толерантность по отношению к советскому правительству, позитивное отношение к нэпу, который он, подобно многим современникам, рассматривал как отход от утопических коммунистических доктрин и переход к реалистической политике. Он полагал при всем своем негативном отношении

к коммунистической идеологии, что советская власть имеет достаточно прочные позиции и надежды на ее скорое падение беспочвенны¹². Поэтому он выступал за заключение торгового договора и впоследствии установление дипломатических отношений, неоднократно предлагая Гуверу, Хардингу и Хьюзу проводить политику сближения с Россией, в том числе используя деятельность АРА для развития взаимовыгодной торговли¹³.

Несмотря на то что его предложения не возымели действия и деятельность АРА в России была в 1923 г. прекращена так же, как и его миссия, Гудрич продолжил контакты с Россией и в 1924–1925 гг. совершил еще две поездки в страну уже как частное лицо, представляя интересы американского бизнеса. Он лоббировал ряд концессионных проектов, связанных с железнодорожным транспортом, строительством Днепрогэс. И хотя ни один из этих проектов не был реализован, он по-прежнему оставался убежденным сторонником признания СССР Соединенными Штатами и активно пропагандировал эту идею в американских деловых и политических кругах. В СССР же он рассматривался в качестве благожелательно настроенного влиятельного политического деятеля, способного оказать содействие в развитии как экономических, так и политических контактов между двумя странами, поэтому он пользовался повышенным вниманием и имел широкие связи в советском руководстве. Особенно доверительные отношения сложились у Гудрича с М.М. Литвиновым, занимавшим тогда пост заместителя наркома иностранных дел, и его женой, с которыми он неоднократно встречался и переписывался. Интерес представляет письмо Гудрича, адресованное в январе 1926 г. жене Литвинова, но очевидно предназначавшееся для внимания политического руководства СССР, в котором он излагал фактически позицию различных политических сил в США по вопросу о возможности признания СССР и причинах, этому препятствовавших¹⁴. Сам он проявлял последовательность и настойчивость в этом вопросе, даже не получая поддержки внутри своей партии. Этот вопрос был для него настолько принципиальным, что, будучи противником и критиком «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта, в 1933 г.

Гудрич направил ему приветственную телеграмму в связи с установлением американо-советских дипломатических отношений¹⁵.

Таким образом, связь Дж.П. Гудрича с Россией, начавшаяся в значительной мере случайно, как приключение, превратилась в устойчивую, осознанную позицию, определившую его дальнейшую жизнь и деятельность. Впечатления о стране и ее народе, полученные в ходе его первых поездок по Поволжью, во многом определили его отношение России, которое он сохранял на протяжении последующих лет. При этом Гудрич проявил чрезвычайную энергию и любознательность, став одним из наиболее информированных о положении дел в Советской России американцев, что позволило ему занять важное положение и сыграть существенную роль в развитии отношений между двумя странами в крайне сложный период их истории.

Примечания

¹ Calhoun Ch.W. Review of James P. Goodrich, Indiana's «Governor Strangelove»: A Republican's Infatuation with Soviet Russia. By Benjamin D. Rhodes. Selinsgrove, 1996 // The Journal of American History. 1997. June (Vol. 84, № 1). P. 277.

² Saul N.E. Friends or Foes? The United States and Russia, 1921–1941. Lawrence, 2006. P. 66.

³ Ibid.

⁴ Documents of Soviet History. Vol. 2. Golf Breeze, 1993. P. 296.

⁵ Ibid. P. 296–298.

⁶ Ibid. P. 298.

⁷ Documents on Russian-American Relations from Washington to Eisenhower. Washington, 1965. P. 56.

⁸ Calhoun Ch.W. Op. cit. P. 277.

⁹ Saul N.E. Op. cit. P. 67.

¹⁰ Goodrich J.P. Journal of a Trip to Russia in 1922. P. 27–31. Mode of access: <http://www.nara.gov/cgi-bin/starfinder/19625/images.txt>.

¹¹ Письмо народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову по вопросам экономических отношений с США, 11 марта 1922 г. // Советско-американские отношения. Годы непризнания (1918–1926). Документы. М., 2002. С. 221–222.

¹² Goodrich J.P. Op. cit. P. 32–36.

¹³ Saul N.E. Op. cit. P. 91.

¹⁴ Письмо члена Национального исполкома Республиканской партии США Дж.П. Гудрича супруге заместителя народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова – А.В. Литвиновой, 11 января 1926 г. // Советско-американские отношения. С. 471–474.

¹⁵ Saul N.E. Op. cit. P. 300.

Ю.Ю. Хмелевская (Челябинск)

ГОЛОДАЮЩЕЕ ПОВОЛЖЬЕ И ДРУГИЕ РЕГИОНЫ РОССИИ В ОСВЕЩЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ (1921–1923 ГОДЫ)

После смерти в 1920 г. Джона Рида, канонизированного большевиками за прославление русской революции, советские власти перестали пускать в страну иностранных журналистов, в результате чего в зарубежной прессе, и в частности американской, появлялось множество непроверенных сообщений, основанных на слухах и домыслах. Однако отчаянный голод 1921–1923 гг., вынудивший большевистское правительство обратиться к мировой общественности за помощью, изменил эту ситуацию. После известного письма Максима Горького «Ко всем честным людям мира», санкционированного советским руководством, доступ в Страну Советов получили не только зарубежные филантропические организации, но и профессиональные репортеры. Многочисленные зарубежные миссии помощи, прибывшие в Россию, не только снабжали голодающих продовольствием, но и во многом послужили для всего остального мира источниками разнообразной информации «из первых рук» о происходящем в стране большевиков. При этом степень публичности, которая была придана в 1920-х гг. голодному бедствию и самым шокирующим его последствиям, как в советских, так и в западных СМИ, стала первым и практически последним опытом такого рода – ни массовый голод 1932–1933 гг., ни 1946–1947 гг.

не получили такого отражения в синхронных журналистских репортажах и новостной кинохронике.

Еще в конце 20-х гг. автор одного из первых исследований по технике пропаганды Г. Ласуэлл отмечал, что катастрофы, войны и военные новости являются важнейшими гарантиями читательского спроса, что достаточно откровенно признавали и сами газетчики¹. В годы Первой мировой войны, когда на прессу была возложена важнейшая задача мобилизации общественного мнения, профессия журналиста, военного корреспондента приобрела особый статус². Характерной чертой освещения событий 1914–1918 гг. в массовой печати стало не только описание героизма соотечественников, но и внимание журналистов к тем сторонам фронтовой действительности, которые прежде было принято скрывать: рутине окопного быта, тяготам и лишениям гражданского населения, массовым потерям, устрашающим результатам «современной» войны с применением модернизированных средств уничтожения. Стараниями военных корреспондентов избранные образы «ужасов войны», тщательно препарированные цензурой и пропагандой, доходили и до общественности, превращаясь в узнаваемый код деструкции и страдания. Этот опыт был использован и в репрезентации в американской прессе первого советского голодомора.

Советская Россия, едва вышедшая из фазы активных действий Гражданской войны, в начале 1920-х гг. все еще находилась в состоянии, которое по западным параметрам было более близко к военному образу жизни, чем к мирному³. Поэтому неслучайно, что в кадровом составе Американской администрации помощи (АРА) присутствовали бывшие военные, имевшие опыт службы в Европе в 1914–1918 гг., а многие журналисты, аккредитованные в Москве от ведущих американских газет, были в недавнем прошлом военными корреспондентами. Большинство из них являлись выходцами из американского среднего класса, которому в начале XX в. были присущи активная жизненная позиция, любознательность и патерналистское отношение к социально слабым слоям общества. Журналистским талантом обладали и некоторые члены американского персонала, которые оставили подробные нарративы своего пребы-

вания в стране большевиков⁴. Бывая в Москве и встречаясь с аккредитованными репортерами на местах, они охотно давали интервью, которые впоследствии помещались в самых массовых американских газетах, а иногда писали материалы для прессы и сами⁵.

То, что увидели американские наблюдатели в стране большевиков собственными глазами, намного превосходило даже самые ужасные представления о «русской катастрофе», тиражировавшиеся до этого западной прессой. Здесь уместно заметить, что в связи с революцией и установлением советского режима внимание американского общества к России существенно возросло и перестало ограничиваться узким кругом политических экспертов и интеллектуалов-славистов. Большевистский «эксперимент», внешнеполитическое позиционирование советского государства как центра мировой революции, «красная опасность» 1919–1920 гг., подогретая в значительной степени именно журналистскими кругами, – все это способствовало, с одной стороны, росту интереса к «российскому вопросу» со стороны рядовых американских читателей, с другой – требовало от газетчиков особых приемов добывания информации и ее подачи в самых массовых изданиях. Поэтому многие «новости из России», особенно самые первые репортажи американских корреспондентов из голодающих регионов, имели характер сенсации сродни «вестям с фронта» или кинематографическому триллеру.

Данный текст не претендует на полное изложение всех сведений и мнений о голоде в Советской России, собранных и выраженных на страницах прессы США. В нем будут рассмотрены лишь наиболее важные сюжетные линии и стратегии их репрезентации американскими газетчиками, а также роль, которую играла деятельность тогдашних СМИ в работе благотворительных миссий и выстраивании взаимного восприятия России и США.

***

Первым, кому удалось добиться официальной советской аккредитации и попасть в голодающий регион, был Флloyd Гиббонс

из «Чикаго Трибьюн». Известный и пользовавшийся доверием читателей военный корреспондент, герой Первой мировой войны, потерявший в 1918 г. из-за ранения глаз, еще летом 1921 г. во время переговоров в Риге между представителями АРА и РСФСР он смог убедить М. Литвинова в необходимости ознакомления западной публики с положением в России из первых рук. Проявив большую напористость, вплоть до угроз нелегально пересечь границу на аэроплане, Гиббонс сумел получить визу и оказаться в России раньше, чем было подписано официальное соглашение с АРА и начались собственно американские операции по спасению голодающих⁶.

Вскоре в Волжском регионе появился репортер другой чикагской газеты – Ф. Маккензи («Чикаго Дэйли Ньюс»). В 1921 г. в Москву в качестве корреспондента «Нью-Йорк Таймс» прибыл англичанин Уолтер Дюранти, который проработал там до начала 1940-х, снискав впоследствии славу самого просоветски настроенного американского журналиста за всю историю отношений между СССР и США. В отличие от многих своих коллег, он был уверен в устойчивости режима и первым из американских экспертов по России угадал возвышение Сталина. В начале 1920-х гг. У. Дюранти был тесно связан с АРА и, не совершая тогда еще дальних поездок по стране, получал от этой организации информацию из регионов для своих обзорных репортажей. Не всегда отличаясь точностью, особенно в том, что касалось дат и географических названий, они были полны ярких деталей и вызывали большой читательский интерес⁷.

Активно сотрудничали с АРА и другие журналисты из США и Европы, особенно бывшие военные корреспонденты, которые часто совершали путешествия вглубь России вместе с работниками миссии⁸. В свою очередь АРА, как и другие зарубежные миссии помощи, пользовалась услугами крупнейших новостных агентств («Рейтерс», «Ассошиэйтед Пресс» и др.) для распространения своих пресс-релизов и трансляции сведений из России в западное информационное пространство, тщательно отслеживая при этом, что именно пишут западные газеты, и в случае необходимос-

ти давая опровержения. В АРА выпускались и собственные периодические издания полуофициального характера – «Хроника Русского отдела» (*Russian Unit Record*) и «Вестник АРА» (*ARA Bulletin*), причем последнее издание продолжало выходить и после окончания работы АРА под названием *ARA Association Bulletin*.

Как известно, именно Поволжье, точнее говоря, «голодающее Поволжье» стало повсеместно признанным синонимом первого советского голодомора, получившим широкую публичность в 1920-е гг. и прочно закрепившимся в коллективной памяти в последующие годы, в то время как не менее пострадавшие регионы Урала, Закавказья и Украины в значительной степени остались за пределами внимания зарубежной прессы. Вероятно, отчасти это объясняется той особой символической нагрузкой, которая придавалась Волге как «великой русской реке» в более общем образе России, имевшем хождение на Западе. Исторически населению Поволжья чаще других доводилось переживать голодные бедствия, которые повторялись там каждые 5–7 лет⁹. С точки зрения географии и коммуникационно-транспортной инфраструктуры бассейна Волги, несомненно, был более привлекателен, а главное – более досягаем для западных путешественников, совершавших поездки по голодающим местностям вместе с инспекторами АРА. Даже при отсутствии регулярного сухопутного и железнодорожного сообщения все поволжские округа АРА с центрами в Казани, Самаре, Саратове, Симбирске и Царицыне были связаны речной артерией и находились в более «привилегированном» положении, чем, к примеру, Уфимско-Уральский или Оренбургский дистрикты.

На ранней стадии операций АРА (с осени 1921 г. и до весны 1922 г.) по вполне понятным причинам ведущей темой сообщений зарубежной прессы о ситуации в голодающих регионах являлись «ужасы голода». Концентрация внимания на страданиях невинного населения была важна для объяснения мотивов западной помощи «коммунистической» России. Многие из увиденного журналистами и наблюдателями в российской провинции, и в Поволжье и на Урале в частности, удивляло и шокировало даже опыт-

ных военных корреспондентов, сосредоточивших свое внимание на образах смерти, горя и деструкции. Основными объектами первых репортажей из голодающей Советской России стали покинутые и обреченные на гибель дети, изголодавшиеся и потерявшие человеческий облик крестьяне, вымершие деревни, кладбища с огромными братскими могилами и массами захороненных мертвецов, хозяйственная разруха, антисанитария и общее отчаяние.

Самое первое сообщение с места событий, задавшее общую тональность «вестей из России», было отправлено Ф. Гиббонсом из Поволжья, куда он выехал сразу же по получении визы. «Мальчик лет двенадцати с лицом шестидесятилетнего нес полугодовалого младенца, завернутого в грязную овчину. Уложив малыша под вагоном товарняка, он заполз туда сам и вынул из кармана несколько сушеных рыбьих голов. Он жадно грыз их; потом, прижав губы ребенка к своим, протолкнул тому в рот клейкую белую массу полуразжеванных рыбьих костей и чешуи, точно птица, кормящая своего птенца из клюва в клюв». Написав эти строки, которые до сих пор приводятся как пример идеально сконструированной журналистской метафоры¹⁰, автор должен был еще найти способ оперативно переправить материал из волжской провинции в свою газету, за 6 тыс. миль. Обнаружив на местной почте истощенного телеграфиста, не говорившего по-английски, находчивый Гиббонс перепечатал статью на машинке, заменяя буквы латиницы на соответствующие им кириллические буквы, и отдал статью телеграфисту. Статья была передана по телеграфу в Москву, оттуда коллега Гиббонса передал ее в Лондон, и уже из английской столицы она пошла в Нью-Йорк, а затем в Чикаго¹¹.

В феврале 1922 г. Уолтер Дюранти поместил в «Нью-Йорк таймс» статью о встрече с Фредериком Лайоном, который в течение некоторого времени возглавлял Оренбургский округ АРА, но в результате нервного стресса и болезни был вынужден покинуть Россию. Текст, воспроизводивший трагическое повествование молодого американца об увиденном в российской провинции, имел красноречивое заглавие: «Паломничество смерти» (*A Pilgrimage of Death*), а самым впечатляющим фрагментом стал рассказ о том, как

голодные и больные люди в Оренбурге, чувствуя приближение смерти, из последних сил сами безропотно брели на местное кладбище, чтобы здесь умереть¹². В разных вариациях аналогичные сюжеты повторялись и в свидетельствах других очевидцев, и именно из таких сообщений рядовые американские читатели черпали свои первые представления о русском голоде.

Описывая страдания жертв голода, практически все очевидцы обращали внимание на загадочную для них пассивность населения, особенно крестьянского, – вместо голодных бунтов и паники они сталкивались с апатией и фатализмом. Тиражируя сюжеты о стоическом терпении и беспомощности русских крестьян, американские авторы за редким исключением приписывали эти черты не физическому истощению, а особенностям так называемого русского национального характера, в котором покорность и безразличие к лишениям воспитывались веками русской истории. «Русское» смирение и предположительная боязнь ради собственного спасения пойти против власти противопоставлялись «американскому» способу действия в таких обстоятельствах¹³, а сами крестьяне нередко уподоблялись различным домашним животным – овцам, коровам, лошадям, безропотно ожидающим своей участи и покорно встречающим собственную смерть¹⁴. Таким образом, в начале 1920-х гг. журналисты вновь оказались в плену иллюзии, сформировавшейся в западной «просвещенной» публике еще в имперские времена, в соответствии с которой русский народ представлялся либо в качестве жертвы, либо беспомощного ребенка, не способного позаботиться о себе. Однако, акцентируя покорность и ненасилие русского крестьянства в годы голодомора, зарубежные очевидцы явно упускали из виду степень массового насилия предшествующих революционных и военных лет. Возможно, это объяснялось тем, что для подавляющего большинства из них это был первый опыт пребывания в России, и они были склонны верить собственным, иногда поверхностным и сиюминутным, впечатлениям или опираться на уже готовые клише. Насилие же традиционно ассоциировалось с режимом: «Большевики превратили Россию в синоним насилия. И все же нет более

мирных и безобидных людей, чем крестьяне, которые составляют девять десятых населения. Голодая сами, они без единого звука стоят и смотрят, как едят другие. Я ни разу не слышал о голодном бунте или демонстрации в России. Безропотно несут они свою долю, не вдаваясь в причины столь плачевной участи и не проявляя ни к кому великой злобы. Но все, с кем я разговаривал, вспоминали, что при царе жилось лучше»¹⁵.

Вероятно, отчасти на счет этих иллюзий можно отнести и противоречивое обращение пресс-отдела АРА с фактами каннибализма, наибольшее количество которых было зарегистрировано в 1921–1922 гг. именно в Поволжье и на Урале. Эти шокирующие проявления ужасов голодомора, представлявшие собой самую крайнюю и самую «неамериканскую» стратегию выживания низов, явно противоречили тезису о «безобидности» крестьянства. Особого упоминания заслуживает и то обстоятельство, что в 1920-е гг. в первый и единственный раз в советской истории случаи людоедства открыто освещались в российской прессе, столичной и провинциальной, и по этому поводу даже выходили издания просветительского характера. Так, уфимский врач Л.М. Василевский одним из первых собрал все случаи людоедства, какие ему удалось найти в газетах и сводках местных органов здравоохранения и Помгола за январь – март 1922 г., результатом чего стала брошюра, предназначенная, правда, для распространения исключительно в неголодающих губерниях¹⁶. Аналогичная работа с использованием тех же источников была проделана доктором Я.А. Виолиным в Казани. Его рукопись была приобретена АРА, а отдельные части даже переведены на английский язык, и рассматривалась возможность их издания¹⁷.

Естественно, эту тему не могли обойти и западные журналисты, поскольку практика каннибализма никак не вписывалась в действующую цивилизационную парадигму начала XX в. и противоречила всем этическим нормам западного мира. Первые сообщения о людоедстве в голодающих регионах Советской России появились в зарубежной прессе еще в 1921 году. Казалось бы, сенсационные факты людоедства предоставляли удобный информационный повод для обвинений советского режима в варварстве

и нецивилизованности. Однако именно в освещении этой разновидности ужасов голода пресс-служба Русского отдела АРА в Москве, как и его вышестоящее нью-йоркское начальство, заняли очень осторожную позицию. Несмотря на то что советская сторона нередко сама проявляла инициативу, снабжая американцев подобной информацией, предоставляя им милицейские протоколы, фотографии и даже иногда разрешая присутствовать на судебных процессах над людоедами¹⁸, пресс-отдел Русского отдела АРА имел указание: при передаче их журналистам не подтверждать их официально и всячески избегать ссылок на АРА как на источник информации.

Американские очевидцы, лично работавшие в России, нисколько не сомневались в наличии многочисленных случаев людоедства в подконтрольных им голодающих регионах и, более того, располагали свидетельствами «из первых рук». Тем не менее еще в феврале 1922 г. руководитель московского пресс-отдела АРА Л. Уилкинсон имел беседу с аккредитованными в Москве журналистами, в ходе которой «все согласились, что эта тема столь ужасна и столь нетипична для общей ситуации на Волге, что было бы заблуждением выпускать релизы по этому поводу» и лучше «ограничиться честным заявлением, что, насколько нам известно, каннибализм имел место в отдельных местностях»¹⁹. В результате зимой и ранней весной 1922 г. – период, в который было действительно зарегистрировано множество случаев людоедства, – сообщения американской прессы об этом отличались сухим констатирующим характером, без подробностей и попыток усматривать в них «массовую эпидемию» или «распространение заразы людоедства», как это было присуще некоторым сообщениям советских СМИ²⁰.

Однако такая политика «мягкой подачи ужасов»²¹ приносила порой совершенно обратные результаты в виде запоздавших сенсаций – истории о людоедах, популяризации которых сопротивлялся московский пресс-отдел, попадали в западную прессу, минуя официальные каналы АРА, чаще всего частным образом – через слухи, сообщения местных источников и интервью, взятые

журналистами у отбывающих на родину американских сотрудников. Так, например, в апреле 1922 г., когда с наступлением весны и подвозом американской кукурузы положение в голодающих регионах уже несколько улучшилось, представитель «Рейтерс» в Ревеле передал сообщение о голодных бунтах в Самаре и о том, что сотрудник ARA якобы стал жертвой людоедов. 21 апреля 1922 г. все парижские газеты написали, что руководитель Самарского округа ARA был убит и съеден, и ARA пришлось дать специальное опровержение этой «сенсации»²².

После того, как в мае того же года в «Нью-Йорк Таймс» появилось еще несколько сообщений о каннибализме в России, явно попавших на газетные полосы в обход ARA, руководство пресслужбы Русского отдела признало прежнюю практику «мягкого педалирования» ошибочной. Одновременно, очевидно, чтобы избежать упреков в «замалчивании», был разработан меморандум, объясняющий причины столь сдержанного отношения к столь сенсационной информации и указывающий, как нужно воспринимать эту «вспышку интереса к устаревшим новостям»²³. Сенсации подобного рода, как и дальнейшее нагнетание ужасов, теперь шли вразрез с интересами ARA. Ее руководители считали, что ситуация в голодающих районах взята под контроль и самое страшное уже позади. Примечательно, что, обсуждая эту «запоздавшую» реакцию СМИ на людоедские истории, руководство ARA отдавало себе отчет, что она могла быть спровоцирована и советской стороной в сугубо политических целях. Новые шокирующие факты должны были выступать аргументами в пользу усиления помощи и оправдания в глазах остального мира реквизиционных и насильственных мер по отношению к православной церкви²⁴.

С разворачиванием программ по питанию детей и массовой выдаче кукурузных пайков взрослым тон публикаций и пресс-релизов значительно изменился. С одной стороны, головной пресотдел ARA в Нью-Йорке и его московский филиал постарались договориться с базировавшимися в России репортерами о том, чтобы как можно меньше предавать публичной огласке сложные отношения ARA с советскими властями, то есть по возможности

смягчить в своих сообщениях факты, которые могли бы вызвать у американской общественности сомнения в целесообразности миссии ARA.

С другой стороны, основной акцент теперь надлежало делать не на ужасах и страданиях, а собственно на действиях американцев по спасению голодающих и на конкретных результатах, что должно было способствовать укреплению положительного имиджа организации, эффективно и деловито побеждающей голодное бедствие. Идеальная репрезентация ARA в прессе должна была отражать масштабы поставок, размах медицинской программы, радость и благодарность населения, но личные впечатления очевидцев отнюдь не всегда соответствовали этому образцу.

Это потребовало от руководства ARA еще большего внимания к тем сведениям, которые просачивались в американские центральные и местные СМИ через «неформальные» каналы – переписку с родственниками и частные интервью. Так, например, в апреле 1922 г., не выдержав трудностей работы в Уфимском округе, оттуда был вынужден уехать врач, выходец из Чикаго Ф. Роллинз. В Риге он встретился с корреспондентом «Чикаго Дейли Трибьюн». По итогам этой встречи в газете был опубликован материал о положении в Уфе, в котором подробно рассказывалось о разгуле преступности, продолжающих свирепствовать в этом регионе эпидемиях, с которыми якобы «невозможно было бороться», каннибализме и т. д.²⁵ Видимо, эта же статья, представляющая место работы ARA как царство непреходящего ужаса и беззакония, вышла в местной газете «Rigasche Rundschau» и по каким-то причинам дошла до Америки несколько раньше, после чего дирекция ARA в Нью-Йорке поспешила проинформировать Госдепартамент США, что Роллинзу верить не стоит, поскольку он является жертвой истерии и психологического шока²⁶. (Стоит отметить, что на самом деле доктор Роллинз был отозван из России по причине полной профнепригодности, и его «уфимские» коллеги по ARA не испытывали никаких иллюзий по этому поводу)²⁷.

Аналогичным образом руководством ARA были истолкованы и статьи, написанные весной 1922 г. для «Нью-Йорк Таймс»

журналисткой Нелли Гарднер, в которых говорилось о продолжении бедствий в России, в то время как АРА заявляла, что «хребет голода сломан»²⁸. Примечательно, что использовавшийся при этом термин *famine shock* («голодный шок») был сконструирован по аналогии с *shell shock* («снарядный шок») – понятием, которое сложилось в годы Первой мировой войны для обозначения нервно-психологических срывов и сопутствующих им явлений, вызванных «современными» средствами ведения войны²⁹.

Постепенно, хотя во внутренней служебной коммуникации и частной переписке сотрудников АРА мотив обструкционистской тактики «комиссаров» продолжал занимать одно из ведущих мест, в журналистских репортажах возобладал оптимистический тон, живописующий популярность АРА среди населения, успехи осуществляемых ею программ и приключения американских «спасателей» в голодающих местностях. Дополнительный колорит этим корреспонденциям добавляли разнообразные занимательные подробности, среди которых присутствовали как уже знакомые стереотипы о России (суровые погодные условия, архаический быт, нищета, бородатые русские мужики в шапках, религиозная символика, осколки прежней роскоши бывших привилегированных классов и т. д.), так и явно «экзотические» или «колониальные» детали (верблюды в качестве средства транспорта, неожиданно большое количество «азиатского» населения с их особенными культурно-антропологическими).

Немаловажную роль в журналистских репрезентациях деятельности американцев в Советской России играла и авантюрная романтика, которая кодировалась в категориях и «фронтира», и освоения Дикого Запада. Наиболее ярко это проявлялось в описаниях столкновений с «бандитами», достойных сценария голливудского вестерна, и рассказах о чудесах храбрости и предприимчивости, проявленных отдельными сотрудниками АРА в нелегких российских условиях. При этом американские источники не упускали случая упомянуть, что даже самые отчаянные «бандиты», вне всякого сомнения враждебно настроенные к советской власти, по отношению к американцам, занятым благим делом помощи, вели себя «благородно» и отпускали их с миром³⁰.

Не столь большим пиететом к Америке отличались расхитители продовольствия со складов и кухонь АРА. Поскольку официально эта организация считалась неправительственной и ее работа в значительной степени зависела от пожертвований рядовых граждан, то они должны были быть уверены, что купленное на их вклады продовольствие расходуется по назначению. Поэтому до сведения читателей доводились и случаи воровства, и реакция на них как со стороны АРА, так и местных властей. Несмотря на то что на местах руководящие американские сотрудники под давлением реалий были вынуждены фактически смириться с определенной степенью хищений, практикуемых российским персоналом и населением³¹, в прессе распространялись более жесткие репрезентации обращения с ворами детского питания.

Так, например, в марте 1922 г. в «Нью-Йорк Таймс» было помещено сообщение о публичной казни в феврале того же года жителя одного из сел Стерлитамакского кантона в Башкирии, уличенного в краже из детской столовой АРА. Известно, что в процессе поиска и наказания воров АРА пользовалась содействием Чека и милиции, но в данном случае речь шла, скорее всего, не о приговоре властей, а о сельском самосуде, приобретшем большое распространение в голодные годы. Для газеты же, по-видимому, большую важность представлял сам факт возмездия³². В заметках Ф. Макензи об участии в инспекции столовой в Самарской губернии видны не только аллюзии с властью, но и явное морализаторство. Реакция местного комитета на гнев американского инспектора по поводу ненадлежащего количества риса в супе была такой, «как будто рука агента Чека взяла их за шиворот», а попытка оправдаться, сваливая вину друг на друга, только усугубила ситуацию: «Если бы мы были военным трибуналом, то приговорили бы этих воров к смерти, и я лично, как и все, участвовал бы в исполнении приговора, если бы в том возникла потребность. Можно простить обычное воровство, при определенных обстоятельствах можно простить убийство и даже трусость. Но люди, которые крадут присланное продовольствие у собственных детей, жизни не заслуживают»³³.

Тема «иног», чем к «большеви́кам», отношения местного населения к работникам АРА и их особого неформально-властного авторитета в Советской России была особенно выигрышна для внешнего имиджа АРА, и в этом плане у АРА имелись свои «рекордсмены» с заслуженной славой. Самая громкая известность выпала на долю У. Белла, окружного управляющего Уфимско-Уральским дистриктом АРА, который получил среди коллег прозвище «идол башкир» (the idol of the Bashkirs). Полковник Белл был единственным из всех американских окружных супервайзоров, успешно поработавших в одном из самых проблематичных и больших по территории округов весь срок операций АРА, и действительно пользовался большим уважением как со стороны населения, так и местных властей³⁴.

Были у АРА и свои герои, павшие на фронте борьбы с голодом. Несмотря на незначительное их количество, они были мифологизированные по всем канонам пропаганды Нового времени. Первым из них являлся Гарольд Блэнди, скончавшийся в Уфе от тифа в мае 1922 года. Хотя при жизни, как свидетельствует конфиденциальная переписка и архивные данные, он отнюдь не являлся идеальным работником³⁵, после его, в общем-то, непочтенной смерти прессой были приложены усилия, чтобы в глазах американской публики придать бывшему летчику героический и в чем-то даже мученический ореол. Американские газеты подробно писали о прощании с Блэнди в Уфе и в Москве (забальзамированное тело было отправлено на родину): так, в «Нью-Йорк Таймс» вышла статья под заглавием «Мужики, которым он помогал, скорбят о Блэнди» (*Mujiks He Helped Mourn for Blandy*)³⁶. Через месяц эта же газета опубликовала сообщение о том, что рабочие одного из златоустовских заводов в память о погибшем американце отлили статую, представляющую собой изображение кузнеца-молотобойца, побивающего гидру голода. Уменьшенная копия статуи была отправлена в московскую штаб-квартиру АРА для последующей передачи ее родственникам Блэнди в США³⁷.

Вторым и последним мучеником стал Филипп Шилд, загадочно пропавший в Симбирске в октябре 1922 года. Обстоятельства его предположительной гибели остались невыясненными, несмот-

ря на объявленную американцами награду за информацию и значительные усилия по поиску подозреваемых и улик³⁸. И хотя его тело так и не было найдено, а внутреннее расследование, проведенное начальством АРА при содействии местных и центральных органов уголовного розыска, указывало на суицид по личным мотивам, в официальной репрезентации предпочтение было отдано версии о том, что Шилд стал жертвой «преступников», заговор которых он якобы раскрыл на главном симбирском складе АРА³⁹.

***

Голодающие регионы Советской России, ставшие местом паломничества иностранных журналистов, обеспечили им обширное информационное поле и невиданные доселе возможности для знакомства с новой российской действительностью. Для многих «средних американцев» репортажи из голодающих регионов стали не только увлекательным чтением, но и первым медиумом, позволившим им увидеть или, по крайней мере, составить представление о ближайших итогах начальной стадии большевистского эксперимента. Созданное зарубежными корреспондентами повествование о голоде в стране большевиков представляет собой сложную конструкцию, в которой отразились разнообразные социализационные и культурные факторы, обусловившие позицию авторов, репертуар образов и стратегию их подачи.

Первый и самый очевидный уровень этой нарративной конструкции можно охарактеризовать как информационно-хроникальный. Одной из важнейших задач американских репортеров являлась непосредственная «текстуальная» фиксация этого волнующего опыта работы в Советской России и доходчивое доведение его до публики. Несмотря на присущую американским текстам риторику уникальности и необычности, на конструирование содержания этой «летописи» существенно повлиял опыт участия ее создателей в предшествующей экстремальной ситуации – Первой мировой войне. Эмоциональные и словесные коды, использовавшиеся для репрезента-

ции горя, страдания, деструкции, свидетелями которых они стали, а также приемы создания образов героев, жертв и злодеев были заимствованы именно из этого и более ранних периодов

Следующий уровень, «пропагандистский», был связан с популяризацией АРА и США как носителей общегуманитарных ценностей и цивилизующих начал, в связи с чем особое место отводилось положительному образу самой АРА, убедительным с американской точки зрения откликам населения на ее действия и прямым (позитивным) результатам этой активности. Именно в этой сфере более всего заметно цивилизаторское мессианство и влияние политических предрасположенностей американцев, в частности латентное соперничество с советской властью и негативное к ней отношение.

И наконец, еще один уровень этого нарратива можно с известными оговорками обозначить как «познавательно-просветительский», связанный с узнаванием «другого», конструированием и распространением представлений об «инаковости» российской/советской действительности. Несмотря на инновационную риторику большевистского режима, более очевидными репрезентационными координатами для иностранных наблюдателей оказались именно архаические черты раннесоветского быта, возрожденные к жизни экстремальной ситуацией, типажи из дореволюционного прошлого, традиционно ассоциировавшиеся с Россией и «русскостью», и присущие «просвещенному» западному дискурсу стереотипы о «национальном характере». В значительной степени они послужили основой, на которой впоследствии выстраивались долговременные образы СССР/России, повлиявшие на взаимное восприятие двух стран на протяжении XX века.

Примечания

¹ Lasswell H. Propaganda Technique in World War. London, 1928. P. 192. (Сокр. рус. пер.: Ласвель Г. Техника пропаганды в мировую войну. М.: ГИЗ, 1933.)

² См.: Crozier E. American Reporters on the Western Front, 1914–1918. N. Y.: Oxford University Press, 1959; Farrar M.J. News from the front: war correspondents on

the Western Front, 1914–18. Gloucestershire, 1998; Grieves K. War Correspondents and Conducting Officers on the Western Front from 1915 // Cecil H., Liddle P. (eds.) Facing Armageddon: The First World War Experienced. London, 2003. P. 719–735 et al.

³ О некоторых аспектах применения военного опыта во время деятельности АРА см.: Хмелевская Ю.Ю. «Как в завоеванной стране»: американский опыт Первой мировой войны в битве с голодом в Советской России (1921–1923) // Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. Челябинск, 2007. С. 553–576.

⁴ См., напр.: Ellingston J. The Carriage of Philanthropy // ARA Bulletin. Ser. 2. 1923. Dec. (№ 43). P. 1–151; Veil Ch. Adventure's a Wench: The Autobiography of Charles Veil. N. Y., 1934; Barringer T. An American's Impression of Soviet Russia. 1923. Hoover Institution Archives (HIA). Thomas C. Barringer Papers. 1: 10; Childs R. Black Lebeda. The Russian Famine Diary of ARA Kazan District Supervisor J. Rives Childs, 1921–1923 / Ed. J. Cockfield. Mercer Univ. Press, 2006 et al.

⁵ См., напр.: Kelley W. Descriptive Memorandum on the Work of the ARA District of Ufa. HIA. ARA Russian Unit Collection (далее – ARA Russia). 133: 2.

⁶ Gibbons E. Floyd Gibbons: Your Headline Hunter. N. Y., 1953. P. 152–154; Bassow W. The Moscow Correspondents. Reporting on Russia from the Revolution to Glasnost. N. Y., 1988. P. 37–38; Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. С. 195.

⁷ См.: Crowl J.W. Angels in Stalin's Paradise. A Case of Louis Fisher and Walter Duranty. University Press of America, 1982; Taylor S.J. Stalin's Apologist. Walter Duranty, the New York Times Man in Moscow. Oxford, 1990; Duranty W. I Write as I Please. N. Y., 1935; Idem. Russia Reported. London, 1934.

⁸ См.: Mackenzie F.A. Russia Before Down. London, 1923; Ruhl A. What I Have Just Seen in Russia // Outlook. 1923. July 25; Sarolea Ch. Impressions of Soviet Russia. London, 1923; Gibbs Ph. The Middle of the Road. N. Y., 1923; Hullinger E.W. The Reforging of Russia. N. Y., 1925; Seldes G. The Truth Behind the News, 1918–1928. London, 1929; Idem. Tell the Truth and Run! N. Y., 1953 et al.

⁹ Подробнее см.: Kahan A. Natural Calamities and their Effect Upon the Food Supply in Russia // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. 1968. № 16. P. 363–377; Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние людей голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003. С. 386–404.

¹⁰ См., напр.: Randall D. Floyd Gibbons. The Supreme Example of a reporter in pursuit of an assignment // The Great Reporters. London: Ann Arbor Press, 2005. P. 159–178.

¹¹ Gibbons E. Op. cit. P. 153.

¹² New York Times. 1922. February 17.

¹³ Seldes G. Tell the Truth... P. 123.

¹⁴ См.: Duranty W. Duranty Reports Russia. N. Y.: Viking Press, 1934. P. 20–24; Idem. I Write As I Please... P. 128–129.

¹⁵ New York Evening Post. 1922. Oct. 5.

¹⁶ См.: Василевский Л.М. Жуткая летопись голода. Самоубийства и антропофагия / Изд. Уфимского Губполитпросвета. Уфа, 1922. Многие приме-

ры, приведенные П. Сорокиным в его исследовании «Голод как фактор», были заимствованы именно из этой работы. См. также: Василевский Л.М., Василевская Л.А. Книга о голоде. Популярный медико-санитарный очерк. Самара, 1922.

¹⁷ См.: Виолин Я.А. Ужасы голода и людоедства в России в 1921–1922 гг. Казань, 1922 (HIA. ARA Russia. 94: 10).

¹⁸ HIA. ARA Russia. 94: 10; Patenaude B. The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford, 2002. P. 268–269.

¹⁹ HIA. ARA Russia. 94: 10.

²⁰ В российской прессе такие репрезентации стали повторяться настолько часто, что в начале 1922 г. нарком здравоохранения Н. Семашко счел нужным указать на «нездоровое увлечение печати случаями людоедства на почве голода» и напомнить, что главной целью подобных сообщений должна быть не «бульварная сенсация», а агитация в пользу организованности и взаимопомощи. См.: Василевский Л.М. Указ. соч. С. 7–8.

²¹ New York Times. 1922. October 5.

²² См.: Patenaude B. Op. cit. P. 267.

²³ HIA. ARA Russia. 94: 10.

²⁴ Ibid.

²⁵ Chicago Daily Tribune. 1922. April 26.

²⁶ Patenaude B. Op. cit. P. 224.

²⁷ Kelley W. Extracts from the letters of William J. Kelley, written during the winter and spring of 1922. HIA. Frank Golder Papers. 23: 5 (February 19, March 21, 1922); HIA. ARA Russia. 132: 12.

²⁸ Patenaude B. Op. cit. P. 224.

²⁹ Подробнее об этом см.: Хмелевская Ю.Ю. Указ. соч. С. 564–565.

³⁰ См., напр., статью У. Дюранти: Duranty W. 'Amerikansky' Cry Tames a Bandit // New York Times. 1922. June 30; а также: Veil Ch. Adventure's a Wench... P. 264–265.

³¹ См.: Kelley W. Descriptive memorandum... P. 38–39.

³² New York Times. 1922. March 29.

³³ Mackenzie F.A. Op. cit. P. 139–142.

³⁴ Подробное описание деятельности У. Белла и разнообразных почестей, оказанных ему местными жителями по окончании миссии, см.: New York Times. 1923. July 8. P. 13; Duranty W. Duranty Reports Russia. P. 32–36.

³⁵ Kelley W. Extracts from the letters... May 4. 1922. HIA. ARA Russia. 132: 12, 244: 3.

³⁶ New York Times. 1922. May 29.

³⁷ Ibid. 1922. June 20.

³⁸ HIA. ARA Russia. 497: 1; Fisher H. The Famine in Soviet Russia. The Operations of the American Relief Administration, 1919–1923. P. 220–230; подробнее об этой истории см.: Patenaude B. Op. cit. P. 258–261, 313–317.

Д.В. Гадиева (Волгоград)

АРА В ПОВОЛЖЬЕ: ПЕРВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АМЕРИКИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Трагедией общенационального масштаба в России в начале 20-х гг. XX в. стал массовый голод, охвативший 20 % всего населения и 25 % населения сельских районов.

На призыв о помощи известного русского писателя М. Горького к международной общественности откликнулся ряд филантропических организаций, но самой эффективной кампанией по спасению населения Поволжья и Южной Украины от голодной смерти признана деятельность Американской администрации помощи – АРА (American Relief Administration).

Этот эпизод советско-американского сотрудничества, учитывая его масштабы и значимость, а также место и время проведения, стал уникальным опытом взаимодействия двух противоположных идеологических и политических систем. Гуманитарная миссия АРА осуществлялась в тот момент, когда не признанное в международной среде большевистское правительство пыталось преодолеть дипломатическую изоляцию, установив хотя бы торговые отношения с западными странами. Страх последних перед «красным террором», информационный вакуум, в котором оказалась Советская Россия, и одновременный интерес к новому режиму – все это стало благоприятной средой для развития слухов о «красной» России. Как пишет в своих мемуарах А. Хаммер, крупный американский промышленник и общественный деятель, Россия была окутана «сетью интриг и загадочных обстоятельств», которые создавали ей «ореол опасности». Он также вспоминает, что в то время «ходили слухи, что поездки в Россию связаны с большими трудностями, что на границе все отнимают кроме запасного костюма, пары обуви да смены белья».

Образы вместо информационной кооперации стали культурным наполнением советско-американского взаимодействия по линии предоставления АРА гуманитарной помощи.

Понятие образа, или ментальной карты, пришло в историческую науку из когнитивной психологии, где этот термин означает «созданное человеком изображение части окружающего пространства», которое «может не быть верным». В исторической науке данное понятие распространилось на человеческие сообщества, которые также могут создавать коллективные репрезентации пространственной структуры – то есть образы.

Через формирование и использование этих образов, образов «Другого», участники международных отношений могут конструировать собственную идентичность или реализовывать менее абстрактные цели, связанные с государственными интересами. Например, в средние века образ «турка-османа», якобы ниспосланного за прегрешения христиан, взаимные распри и склоки, был средством консолидации европейских стран перед общей угрозой. А эксплуатация образа «азиатской», «варварской», «нецивилизованной» России в странах Центральной Европы в начале 90-х гг. прошлого столетия была необходима для того, чтобы дистанцироваться от навязчивого покровительства и доказать свою принадлежность к цивилизованному Западу.

Основой конструирования советской коллективной идентичности начале 20-х гг. XX в. стало, с одной стороны, идеологическое единство советского общества, с другой – активное использование образа враждебного международного окружения, к которому относились и США. Однако в критический период осени – зимы 1921–1922 гг. советское правительство не имело альтернативы помощи извне. Поэтому в официальных документах деятельность АРА всячески поощрялась, представлялась как «чрезвычайно срочная», требующая «свести до минимума все существующие формальности»¹. В информационном бюллетене НКВД РСФСР № 2 от 2 октября 1921 г. говорится: «Нет никаких оснований подозревать ни со стороны американского [правительства], ни со стороны Гувера стремлений использовать организацию Гувера и пребывание ее агентов в России в прямых контрреволюционных целях... Поручив гуверовской организации добиваться от Советского [правительства] исполнения чисто политических требований

и виде освобождения и выпуска из России американских граждан, американское [правительство], вероятно, в дальнейшем попытается использовать гуверовскую организацию в качестве своего полуофициального Представительства, защищающего вообще интересы американцев в России»². В то же время в секретной переписке В.И. Ленина с однопартийцами отчетливо проявляется недоверие к зарубежной миссии: «Надо поставить условием недопущение ни малейшей тени вмешательства, не только политического, но и административного»³. Во время Рижских переговоров Ленин отмечает: «Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги Наций сугубая»⁴.

Но по мере относительной стабилизации продовольственного вопроса к лету 1922 г. пребывание иностранной организации в республике стало расцениваться в официальных документах как потенциальная опасность идеологическому воспитанию общества и государственной безопасности в целом. В письмах губернских партийных органов ЦК РКП(б) деятельность АРА расценивалась как «ненужная и даже вредная»⁵. 28 марта 1922 г. был опубликован приказ ГПУ об усилении осведомительной работы по АРА, выявлении экономической, контрреволюционной деятельности организации: «Среди иностранных организаций в РСФСР, так или иначе помогающих предательской работе контрреволюции, видное место занимает Американская администрация помощи голодающим (АРА), та самая АРА, которая в 1919 году успешно помогла мадьярской буржуазии свергнуть венгерское советское правительство. ГПУ установлено, что Русский отдел АРА наряду с работой Помгола ведет контрреволюционную и шпионскую работу...»⁶

Принятие помощи от организации ярого противника Страны Советов Г. Гувера отнюдь не служило рекламой новому режиму, а наоборот было признаком несостоятельности и неспособности нового руководства справиться с внутренними проблемами. Поэтому было необходимо создать и распространить в массах образ врага, «Другого» как инородного тела по отношению к собственному «Я». Осознание существования «Другого» сплачивает. Успешная деятельность американцев по ликвидации голода на-

носила удар по идеологической однородности, мешала сконцентрировать внимание народа на образе общего врага и отвлечь от внутренних проблем. Исходя из этого, большевики пытались выстроить новую идентичность, заключив капиталистический Запад в образ «Другого» и вычерчивая, таким образом, объект народной ненависти.

Впоследствии успешная деятельность американской спасательной экспедиции либо замалчивалась, либо критиковалась за бессистемность, стихийный характер, либо дискредитировалась как иностранный шпионаж под прикрытием гуманитарной операции. Сотрудников АРА обвиняли в сборе информации о боеготовности частей Красной Армии, промышленных объектах, транспортной системе, настроении населения⁷.

В обыденной жизни политические и идеологические особенности советско-американских отношений проявлялись не столь отчетливо, а чаще всего и вовсе были не видны. Тяжелейшие условия жизни, страх голодной смерти атрофировали все остальные, кроме естественных, потребности людей, которые даже не понимали и не задумывались о том, откуда пришло «чудесное спасение». В основном, за неимением подобной информации (хотя сотрудники АРА и проводили разъяснительные мероприятия)⁸ глубоко суеверное сельское население считало неожиданную помощь «манной небесной», а самих членов АРА – «посланниками с небес»⁹. Как отмечает современный российский исследователь Ю. Хмелевская, «в условиях информационного вакуума это спасение, пришедшее от неведомой “администрации помощи”, истолковывалось в привычных категориях чуда, религиозной и квазирелигиозной символики»¹⁰. Из письма полковника В.Н. Хаскелла, директора российского департамента АРА, Г. Гуверу: «По мнению русского народа, АРА – чудо господне, сошедшее к ним в роковой час под американским флагом»¹¹.

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы. Репрезентации АРА в Советской России на официальном уровне отвечали политическим и историческим условиям времени, требовавшим создание образа «чужаков» для интег-

рации перед лицом общего врага и выстраивания новой идентичности. Поэтому деятельность АРА трактовалась как шпионская и подрывная деятельность враждебного международного окружения. Что касается опыта столкновения двух культур на обыденном уровне, для жителя российской глубинки неожиданная помощь носила сакральный характер и мешала сохранить какой-либо отчетливый образ американцев. А возникшие репрезентации были вытеснены или искажены впоследствии советской пропагандой.

Примечания

¹ Приказ ВЦИК всем Наркоматам, Реввоенсовету республики и губисполкомам от 13 сентября 1921 г. ГУ ГАВО. Ф. 321. Оп. 1, ед. хр. 9.

² Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. М., 2002. С. 198.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 115.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Цит. по: Городничий Н.Ф. Малоизвестная страница деятельности АРА в Советской России // Вопросы истории. 1968. № 12. ЦГАОР СССР. Ф. 1064. Оп. 1, ед. хр. 9. Л. 543.

⁶ Цит. по: Матвеев О. Гуманитарная миссия или подрывная операция? // Независимое обозрение. 2000. 28 июля.

⁷ Поляков Ю.А. 1921: победа над голодом. М., 1975; Рубинштейн Н.Л. Борьба Советской России с голодом 1921. М., 1938; Коган А.Н. Антисоветские действия Американской администрации помощи в Советской России в 1921–1922 гг. // Исторические записки. 1949. Т. 29; Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921–1922). Красноярск, 1988.

⁸ В столовых АРА вывешивались плакаты с надписями: «АРА. Дар американского народа. Все без исключения раздачи бесплатны и безвозвратны». См.: ГУ ГАВО. Ф. 231. Оп. 1, ед. хр. 20.

⁹ Patenaude B. The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford, 2002. P. 503.

¹⁰ Хмелевская Ю.Ю. Из ранней истории советско-американских отношений: Американская администрация помощи и опыт борьбы с голодом 1921–1922 гг. (на примере Уральского региона). Режим доступа: http://www.kennan.ru/index.php/corporate/media/node_783/2004/2/2_1/1921_1922.

¹¹ Patenaude B. Op. cit. P. 504.

А.А. Перевезенцев (Актюбинск, Казахстан)

ГЕРБЕРТ ГУВЕР И РОССИЯ: РЕАЛИЗОВАННЫЕ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА

В декабре исполняется 200 лет с момента установления российско-американских отношений. В их истории были свои белые и черные полосы, свои герои и антигерои. Герберт Кларк Гувер (1874–1964), 31-й президент США, сыграл большую роль в российско-американских отношениях именно в то время, когда они были наиболее осложнены, а именно – в период непризнания, последовавший сразу же за установлением советской власти в России.

Герберт Гувер известен как талантливый горный инженер, успешный бизнесмен, выдающийся гуманитарий, спасавший Европу от голода во время Первой мировой войны и в послевоенные годы, а также как крупный политик, достигший высот политической карьеры в Соединенных Штатах. Интересно, что во всех своих «ипостасях» Г. Гувер имел самое непосредственное отношение к России.

Первый период этих взаимоотношений приходится на 1909–1914 гг., когда Герберт Гувер заинтересовался Россией как страной с огромным промышленным потенциалом, растущая экономика которой нуждалась в капиталовложениях и могла приносить солидную прибыль инвесторам. Кстати, именно в 1909 г. Гувер впервые побывал в России, проехав по стране из конца в конец и обратно по железной дороге во время своей поездки в Корею. По словам директора Гуверовского архива Елены Даниелсон, в этот период «Гувер вместе со своим братом Теодором и женой Лу много путешествовал по России, вкладывая деньги в развитие рудников и медеплавильных заводов на Урале. ...Об этом периоде жизни Гувера известно немного, но из документов мы знаем, что он жил в имении барона В. Меллер-Закомельского в Кыштыме во время модернизации шахт барона. Именно там он познакомился с

талантливыми русскими инженерами и проникся к ним глубоким уважением»¹.

О пребывании Гувера в России, и в частности на Урале, хорошо известно местным краеведам. Так, доцент Челябинского педагогического университета О. Афанасьева считает, что горнодобывающие предприятия с участием британского капитала, активно появляющиеся в России, предоставили для Г. Гувера «новое поле деятельности»². По ее мнению, так было, в частности, с образованной в 1906 г. в Юго-Западной Сибири компанией «Атбасарское месторождение меди». В 1909 г. руководство компании, испытывавшее недостаток финансирования, пригласило Г. Гувера для оказания «неотложной помощи». Вскоре Гувер и его компаньон, горный инженер А. Честер Битти, создали синдикат «Сибат», вложив собственные средства и став держателями 12 тыс. акций синдиката. Впоследствии владельцем как «Сибата», так и Атбасарского месторождения стала британская «Спасская медная компания». В середине 1910 г. Гувер и Битти приняли участие в финансовой реконструкции Орского месторождения золота, а также согласились на гарантированное размещение 10 тыс. из 95 тыс. акций, выпущенных Англо-Сибирской компанией.

В конце 1908 г. британцем Лесли Урквартом была создана Кыштымская корпорация, в финансировании которой с 1909 г. активно участвовал Г. Гувер. Вместе с Битти Гувер создает «Кыштымский пул», объединивший 82,6 % акций корпорации. Гуверу удалось обеспечить приток капитала в Кыштымскую корпорацию в объеме 100 тыс. фунтов стерлингов. В сентябре 1911 г. Гувер и Битти побывали в Кыштыме и убедились в хороших перспективах корпорации – ее запасы меди оценивались суммой более 10 млн долларов. В то время корпорация была крупнейшим производителем меди в России. Здесь, на Урале, Гувер однажды на железнодорожной станции увидел группу заключенных, этапиремых в Сибирь. Делясь впечатлениями от поездок в Россию, Гувер утверждал, что «когда-нибудь эта страна взлетит на воздух».

Став в январе 1912 г. одним из директоров Кыштымской корпорации, Гувер обратил внимание не только на финансовую, но и

на техническую сторону ее деятельности, чему, в частности, был посвящен его второй приезд на Урал в 1913 году. О. Афанасьева особо отмечает тот факт, что подавляющее число ведущих инженеров, металлургов и технических консультантов на российских предприятиях Уркварт были американцами. Именно через них Гувер и «осуществлял свое влияние даже на те горнодобывающие предприятия, где он ни разу не был»³. Сам Гувер не вкладывал в акции корпорации значительные собственные средства – известно, что во время предвыборной кампании 1932 г., когда вопрос о собственности и доходах Гувера стал предметом общественного обсуждения, Уркварт подтвердил, что Г. Гуверу принадлежало акций не более чем на 12 тыс. фунтов. Но его громкое имя способствовало значительному притоку капитала в тех предприятиях, к которым Гувер имел отношение.

Некоторые исследователи утверждают, что интересы Гувера лежали не только в горнодобывающей отрасли и что еще с 1909 г. ему и его компаньонам принадлежал ряд нефтедобывающих компаний, в том числе Майкопский нефтяной синдикат, Майкопская Апшеронская нефтяная компания и др. Затем Гувер и Уркварт создали «Русско-азиатское общество», акции которого поднялись с 16,25 долл. в 1913 г. до 47,5 долл. в 1914 году⁴.

По-видимому, Гувер всерьез рассматривал Россию как перспективный (в финансовом, промышленном и т. д. отношении) объект приложения своих талантов менеджера и финансиста, но началась Первая мировая война, и Гувер полностью посвятил себя новой сфере деятельности – оказанию гуманитарной помощи пострадавшим. Для начала еще в первые дни войны, в августе 1914 г. Г. Гувер по просьбе американского посла в Великобритании Уолтера Пэйджа (Walter Hines Page) организовал и возглавил Американский комитет помощи (American Relief Committee), который помог вернуться на родину 120 тыс. (в других источниках – от 100 до 200 тыс.) американцев, находившихся на территории Европы в момент начала военных действий⁵.

С 5 ноября того же года Гувер возглавил программу продовольственной помощи на оккупированных Германией территории

их Бельгии и Франции, а с августа 1917 г. был назначен главой Продовольственной администрации помощи (Food Administration). Уже после окончания войны, в марте 1919 г., президент В. Вильсон назначил Г. Гувера директором Американской администрации помощи – ARA (American Relief Administration). Усилиями Г. Гувера и его сотрудников из ARA только за первые 4 месяца существования этой организации в Европу было доставлено более 23 млн тонн продовольствия – помощь получили 23 страны с общим населением свыше 300 млн человек⁶. Американские исследователи полагают, что деятельность ARA спасла от голодной смерти примерно одну треть населения Европы⁷.

Уже в 1919 г. Гувер обратил особое внимание на страны Восточной Европы: ARA, в частности, активно участвовала в спасении голодающих в недавно возрожденной как самостоятельное государство Польше. Здесь, особенно в восточной части страны, еще не была полностью определена и установлена граница с Советской Россией, еще продолжались военные действия. На территориях, заселенных поляками, литовцами, украинцами, белорусами, татарами и евреями, эмиссаров Гувера пытались втянуть в политические игры. Инструкции, данные Гувером своим сотрудникам, содержали предельно ясную установку: «держаться как можно дальше от политики»⁸.

Безусловно, среди стран, которым оказывалась продовольственная помощь в послевоенные годы, Россия для Гувера стояла особняком из-за его активного неприятия большевистского правительства. По мнению американских исследователей, Гуверу в этот период приходилось решать весьма сложную задачу – как помочь российским людям, не помогая их большевистскому руководству.

Еще в ходе Гражданской войны в России, в 1919 г., Гуверу удалось оказать помощь голодающим в Петроградской губернии (на территории, оккупированной войсками белого генерала Юденича). По его собственной оценке, около 400 тыс. человек получили достаточно продовольствия, чтобы дожить до следующего урожая⁹.

В то время когда назревала интервенция в Советскую Россию, Гувер, по-видимому, был скорее ее противником. Он совето-

вал президенту Гардингу предпринять в отношении России следующие действия – для оказания помощи этой оказавшейся в очень тяжелом положении стране сюда должна была быть направлена комиссия, наподобие Бельгийской, во главе с опытным и авторитетным человеком – он видел таковым всемирно известного норвежца Фритьофа Нансена. В письме президенту В. Вильсону от 28 марта 1919 г. он рассуждал следующим образом: «Никак нельзя отрицать, что если маятник общественного развития качнулся от тирании крайне правого к тирании крайне левого толка, то это обосновано реальными отношениями в обществе... Подобная ситуация имела место во время войны и краха царского режима... Меры, предпринимаемые большевиками, – это вполне естественное насилие со стороны невежественной массы людей, народа, который на протяжении жизни многих поколений страдал от тирании и того же насилия. Наш народ, наслаждающийся большей свободой и благополучием, не может в какой-то степени не сочувствовать этому блужданию впотымах в поисках лучшего социального строя»¹⁰.

Весной 1920 г. Гуверу становится ясно, что от 6 до 7 млн детей в Европе необходимо по-прежнему снабжать продовольствием, чтобы они смогли выжить следующей зимой. Он организовал Комитет европейской помощи (ERC – European Relief Council) и провел ряд банкетов для сбора средств голодающим («Hoover Luncheons» – во время одного из ужинов удалось собрать 3 млн долларов; из них 1 млн долларов пожертвовал Д. Рокфеллер-мл.). Гувер, показав себя прекрасным «фандрайзером», смог собрать для ERC почти 30 млн долларов¹¹.

В 1920 г. в российском Поволжье начался голод. Катастрофические масштабы, усугубленные засухой, он приобрел к лету 1921 года. 13 июля 1921 г. всю мировую прессу обошло письмо М. Горького «Ко всем честным людям», содержащее призыв к оказанию помощи голодающему Поволжью: «Для страны Льва Толстого и Достоевского, Менделеева и Павлова, Мусоргского, Глинки и других всемирно ценных людей наступили грозные дни, и я смею верить, что культурные люди Европы и Америки, поняв тра-

гизм положения русского народа, немедля помогут ему хлебом и медикаментами»¹².

Гувер, в то время министр торговли в американском правительстве и, по мнению американских исследователей, наиболее влиятельный американский политик начала 1920-х гг., ответил Горькому уже через 10 дней. АРА в то время все еще обладала определенными продовольственными ресурсами, в частности запасами зерна в Германии, а также обученным, опытным и мобильным персоналом. Кроме того, в кассе оставался остаток денежных средств примерно в 7 млн долларов¹³. Гувер обозначил те условия, на которых он смог бы организовать поставку гуманитарной помощи голодающим, особенно детям: во-первых, освобождение всех американских узников в России; во-вторых, полная свобода передвижения сотрудников АРА по стране, а также равное распределение помощи нуждающимся, невзирая на их «классовую принадлежность». Советское правительство должно было предоставить склады для хранения продуктов и транспорт.

26 июля Гуверу написал Лев Каменев, председатель правительственной Комиссии помощи голодающим (Помгол). Условия Гувера были приняты. Для подписания соответствующего договора представители АРА и советского правительства встретились в Риге. Переговоры проходили с 3 по 21 августа; стороны представлял Уолтер Лиман Браун, директор европейского отделения АРА, и замнаркома иностранных дел Максим Литвинов. Переговоры прошли сравнительно быстро, что неудивительно в условиях, когда в России ежедневно умирало от голода примерно 15 тысяч человек¹⁴. Текст Рижского соглашения, в частности, приводится в монографии Дэвида Хиншоу¹⁵. Главное – сотрудники АРА получали иммунитет от арестов, но могли быть подвергнуты высылке, если будут заниматься «политикой». Оплату доставки продовольствия и медикаментов от границы до мест распределения (заниматься которым будут исключительно гуверовцы) брало на себя советское правительство.

Поскольку США не имели дипломатических отношений с Россией, член правительства Гувер не мог контролировать на ме-

сте работу руководимой им АРА. Русскую миссию АРА возглавил полковник Уильям Хаскелл – под его началом работали 25 офицеров (их на время «отпустили» из армии – Гуверу в России нужны были люди дисциплинированные, ответственные и не боявшиеся принимать решения), а также около 200 американских гражданских сотрудников¹⁶. В отделениях АРА в регионах им помогали примерно 125 тыс. россиян¹⁷.

К сентябрю 1921 г. более 100 американцев были освобождены из советских тюрем и смогли покинуть страну¹⁸; тогда же началось распределение продовольствия.

В конце августа 1921 г. в Москву прибыла первая группа «спасателей». Американское судно «Феникс» с продовольствием прибыло в Петроград 1 сентября 1921 г., а уже 6 сентября (в некоторых источниках 7-го) здесь открылась первая столовая АРА в России. В Москве первый питательный пункт был открыт четырьмя днями позже. К 1 декабря 3 000 суповых кухонь кормили 500 тыс. детей в 191 населенном пункте¹⁹.

Деятельность АРА названа Ф. Нансеном в ходе его Нобелевской речи в декабре 1922 г. «светлой страницей в истории человечества и человеколюбия»²⁰. В отношении России ее работа, по мнению одного из ведущих российских исследователей данной проблемы Р. Латыпова, «сейчас либо почти забыта (в Америке), либо игнорируется или почти полностью извращена (в России)»²¹. В своих работах, ставших результатом сбора и анализа обширного исторического и историографического материала в российских и американских архивах и библиотеках, Р. Латыпов отмечает, что поначалу – как это и предусматривалось условиями Рижского договора – помощь оказывалась лишь в крупных городах (предполагалось, что крестьяне в состоянии справиться с голодом самостоятельно) и исключительно детям, а также беременным женщинам и кормящим матерям (что, собственно, было отражено в термине РАКПД – Российско-американские комитеты помощи детям). Механизм оказания помощи был следующим – согласно правилам, установленным АРА, пищу в столовых могли получать дети в возрасте до 14 лет, прошедшие медицинское обследование

(там, где это было возможно) и признанные голодающими. Каждый ребенок, прикрепленный к столовой АРА, должен был иметь специальную входную карточку (Admission Ticket), на которой делались специальные пометки о посещении столовой. Горячий обед выдавался в строго определенное время. Порция должна была быть съедена в столовой, и уносить ее домой не разрешалось. Всего на одного ребенка приходилось пищи энергетической ценностью около 5 000 калорий в неделю или около 700 калорий в сутки. Этого было недостаточно, так как для нормального развития детского организма было необходимо 1 500–1 700 калорий в сутки. Однако подобные условия кормления оговаривались рижским соглашением: паек, получаемый в столовых АРА, мог быть только дополнительным. На практике это было зачастую единственное питание детей²².

Осенью 1921 г. от представителей АРА в Поволжье пришли первые устрашающие сообщения о том, что голод принял массовые размеры, превосходившие все разумные представления. Гувер уже думал над возможным расширением помощи для взрослого населения. Из других источников поступали сведения об устрашающих размерах голода, оказавшиеся неожиданными для американцев. В 1921 г. число голодающих детей при родителях и без них определялось в РСФСР в 7,5 млн человек. Но к зиме 1921 г. стало очевидно, что эта цифра не соответствует реальным масштабам голода. Реализация программы помощи на местах вызвала необходимость ее коренного пересмотра – нужно было кормить не только детей, но и взрослых.

Авторитет Гувера был настолько велик, что ему сравнительно легко удалось продвинуть законопроект о дополнительной финансовой помощи в Вашингтоне. Он убеждал конгрессменов принять решение о расширении помощи. «Продовольствие, которое мы хотим направить в Россию, является излишком в Соединенных Штатах, – заявил Гувер. – Мы сейчас скармливаем молоко свиньям, сжигаем кукурузу в топках. С экономической точки зрения посылка этого продовольствия для помощи не является потерей для Америки». Он смог убедить консервативных, антисоветс-

ки настроенных законодателей в том, что помогать можно и без официального признания советского правительства. Решение Конгресса о выделении дополнительной помощи Советской России (24 млн долларов на покупку зерна и медикаментов) способствовало расширению программы деятельности в десять раз – до 10 млн человек, включая взрослых. 30 декабря 1921 г. в Лондоне нарком внешней торговли Л.Б. Красин от имени правительства РСФСР подписал соглашение с АРА о питании взрослого голодающего населения. Тогда же Россия обязалась передать АРА 10 млн долларов. На эти деньги организация Гувера должна была закупить у американских фермеров и доставить в указанные пункты семена и продовольственные припасы²³.

10 июля 1922 г. Г. Гувер представил президенту У. Гардингу промежуточный (за неполный год) отчет о деятельности АРА в России: так, на 1 июля 1922 г. АРА закупила 788 878 тонн продовольствия, одежды и медикаментов. В отчете указаны **источники финансовых средств АРА**, млн долларов:

Общие средства Американской администрации помощи (продовольствие, посылки, разные пожертвования)	17,5
Ассигнование Конгресса на продовольствие и семена, общее кол-во свободных средств Зерновой корпорации США	19,3
Ассигнование Конгресса из военных запасов (медицинское снабжение)	4,0
Американский Красный Крест (медицинское снабжение)	3,6
Европейский объединенный распределительный комитет	2,325
Золото, предоставленное советским правительством	11,433
и другие.	
Итого	59 498,0

В своем отчете Гувер отмечал следующее:

По условиям нашего договора русские власти предоставили нам весь внутренний транспорт, склады, распределение и оборудование за свой собственный счет. Кроме того, Американская администрация помощи делает отчисления с посылочных операций благодаря отправке продовольственных посылок лицами, проживающими в Соединенных Штатах, определенным лицам в Россию.

Сумма, собранная в результате этого отчисления, превысит, очевидно, расходы по Администрации и составит значительный взнос для помощи детям. На этом основании ни одного цента не было израсходовано из средств конгресса или пожертвований по администрации распределения, производимого через эту организацию.

Кроме вышеуказанных сумм, Общество друзей («Квакеры») в результате публичного воззвания закупило продовольствие у АРА на \$ 415 тыс.

Кроме того, различные коммунистические комитеты в Соединенных Штатах собрали с помощью общественной благотворительности на продовольствие, посланное непосредственно в распоряжение советской власти и оцениваемое приблизительно в \$ 500 тыс.

Распределение

Административный персонал АРА на родине и за границей состоит приблизительно из 200 американцев, под ведением которых работает около 80 000 русских. Они заведуют 15 700 столовыми и распределительными пунктами и кормят в круглых цифрах около 3 250 000 детей и 5 300 000 взрослых всего около 8 550 000 человек. Это число несколько увеличится до урожая.

Медицинское снабжение дало возможность взять под контроль заболевания тифом, оспой и т. д. Несколько миллионов людей получили прививки от различных болезней, и были осуществлены другие санитарные меры.

Я получил сообщение от нашего отдела, что Администрация помощи в настоящее время оказывает помощь всем доступным для нее лицам, жизнь которых находится в опасности, и что смертность, непосредственно связанная с голодом, с некоторого времени прекратилась, хотя почти каждый в России голодает. Значительная смертность была в начале зимы. Она была бы значительно ниже, если бы русские железные дороги были в состоянии перебросить большие запасы продовольствия, которые Американская администрация помощи имела в русских портах²⁴.

В конце отчета Г. Гувер говорит о героических усилиях 200 американских сотрудников АРА:

Все... жертвовали собой, подвергались опасности, и многие... работали в чрезвычайно тяжелых условиях. Многие из наших служащих болели тифом, от которого умер г. Бленд и 4 или 5 вышли в отставку благодаря физическому истощению. Они работали в стране с расстроенным транспортом, правительственная экономическая и социальная жизнь которой только что выходила из хаоса... Эти усилия остановили одну из величайших катастроф, которая последовала бы за войной. Русский народ испытывает чувство глубокой благодарности, и результат работы принесет, я уверен, длительное удовлетворение американскому народу. Не будь этого, несомненно, многие миллионы людей умерли бы от голода. Еще большее количество погибло бы вследствие дезорганизации и болезней, которые за ним последовали бы²⁵.

Гувер крайне негативно относился к американским коммунистам, которые учредили ряд организаций и тоже занимались сбором средств для оказания помощи голодающим – он не был уверен в том, что эти средства будут «честно израсходованы», то есть дойдут до нуждающихся. Позднее стало известно, что подозрения Гувера были небеспочвенными – специальной комиссией (the Dies Committee) было обнаружено, что с согласия советского правительства сумма, превышающая 1 млн долларов, собранная американскими коммунистами для «помощи», была большей частью потрачена на коммунистическую пропаганду в США²⁶.

Говоря об источниках финансирования АРА, нельзя не упомянуть и о частных пожертвованиях американцев, которые хотели помочь своим родственникам и друзьям в России. Для этого использовалась так называемая программа продуктовых посылок, действовавшая в Европе с 1915 года. Виталий Рапопорт описывает механизм ее функционирования: человек за пределами страны бедствия за 10 долларов покупал у АРА или в банке специальный купон, который отправлял своему родственнику по почте. Тот с этим документом приходил в АРА, где ему выдавали стандартную посылку. Поскольку в России в это время почта практически не работала, задача оповещения получателя помощи ложилась на АРА. С началом программы посылок обозначились два главных

центра продажи купонов. В Риге недавние беглецы от Советов покупали их для своих близких в Петрограде. Из Америки купоны шли преимущественно евреям Украины и Беларуси. Типичная посылка весом 117 фунтов (53 кг) выглядела так: 49 фунтов муки, 25 фунтов риса, 3 фунта чая, 10 фунтов жиров, 10 фунтов сахара, 20 банок сгущенного молока. По расчетам АРА этот набор обеспечивал недельное пропитание семьи из 5 человек. АРА закупала продовольствие по оптовым ценам, продукты, входившие в посылку, стоили приблизительно 6 долларов 75 центов, доставка в Россию – 1 доллар, остальные 2 доллара 25 центов тратились на помощь детям²⁷. Всего же за два года на деятельность АРА было потрачено 78 млн долларов, из которых 13 млн долларов – деньги советского правительства, 27–28 долларов (по разным данным) – американского, остальные средства представили различные благотворительные организации, частные пожертвования и т. п.²⁸. Это позволило спасти жизни от 10 до 20 млн человек в России.

Летом 1922 г. советское правительство, объявив о «победе над голодом» (осенью ожидался хороший урожай), взяло курс на сворачивание деятельности АРА. 16 августа 1922 г. в «Известиях» появилась статья «От голода до урожая – один шаг», казалось, что все худшее позади. Однако в данном случае желаемое выдавалось за действительное. На самом деле предстоящей зимой от голода вновь могли пострадать миллионы людей. Тем не менее 8 сентября Каменев сообщил Хаскеллу, что правительство «не намерено больше кормить население, чтобы не вырастить хронических попрошайек; оно будет снабжать только детей, больных и беженцев». Через четыре дня распустили Помгол и создали Послеголод (Центральную комиссию по борьбе с последствиями голода)²⁹.

Еще летом 1922 г. на конференции в Гааге советская делегация шокировала весь мир намерением возобновить экспорт зерна. Осенью правительство объявило о наличии в стране миллионов тонн зерна, предназначенного на экспорт. Американцы были возмущены тем, что у голодающих людей отнимали зерно для отправки на экспорт. Зимой 1922–1923 гг. в черноморс-

ких портах можно было наблюдать поразительную картину, когда бок о бок стояли два корабля – американский и советский, один из которых разгружался, доставив очередной груз продовольствия для АРА, а другой загружался зерном для отправки на экспорт... Как отмечает Р. Латыпов, подобные явления «впоследствии негативно повлияли на общественное мнение в США – помощь была прекращена, отношения между странами испорчены, а официальное признание Америкой СССР отложено на 10 лет...»³⁰.

Деятельность АРА теперь ограничивали на каждом шагу – в нарушение Рижских соглашений. Постепенно закрывались миссии АРА. Советские власти особенно настаивали на том, чтобы все остатки продуктов и медикаментов достались им, а не частным лицам или организациям.

Вечером 18 июля 1923 г. Совнарком устроил прощальный прием и банкет в честь АРА. Каменев, Чичерин, Семашко и Красин произнесли речи. Хаскеллу вручили мемориальную табличку с элегантно выгравированной прощальной резолюцией Совнаркома: «В момент, когда голод окончился и огромная работа АРА подошла к концу, Совет Народных Комиссаров от имени миллионов, которые были спасены, и от имени всех трудящихся Советской России и союзных республик считает своим долгом выразить свою глубокую благодарность этой организации, ее руководителю Герберту Гуверу, ее представителю в России полковнику Хаскеллу и всем ее сотрудникам и заявить, что народ Союза Советских Социалистических Республик никогда не забудет про помощь, оказанную ему через АРА, видя в ней гарантию будущей дружбы двух стран»³¹. Это благодарственное письмо Г. Гувер получил 20 июля 1923 г.³² – в день, когда в Москве был закрыт центральный офис АРА... Позднее в советской прессе начнут писать о том, что Гувер заботился о голодающих в России в надежде, что «ему будут возвращены его шахты на Урале», что неудивительно, если вспомнить, что еще в разгар работы АРА в России, в конце ноября 1922 г., наркоминдел Г.В. Чичерин в письме В.И. Ленину, характеризуя политическую ситуацию в

США, рассуждал следующим образом: «Цель Гувера – быть кандидатом в президенты через два года... Гувер, по-видимому, собирается зарекомендовать себя как человека мировой политики, способного вывести страну из тупика. Он также акционер Эркарта (Уркарта. – А. П.) и, может быть, хочет способствовать успеху последнего и притом спасти в России остатки своего прежнего имущества...»³³. Это, безусловно, было очевидной ложью – сам Гувер неоднократно демонстративно подчеркивал, что «у него нет интереса к этим шахтам»³⁴.

Характеризуя деятельность АРА, Д. Хиншоу называет эту организацию «лучшим, что создал Г. Гувер» (ARA was and is Hoover at his best). Интересно, что сотрудники АРА (шутливо названные американским историком «идеалистами-практиками») даже спустя десятилетия после завершения их миссии регулярно собирались на ежегодно проводимые встречи, которые по возможности старался посещать и Г. Гувер.

В российских архивах сохранился текст черновика письма Ленина Гуверу, в котором упоминается о встрече с Хаскеллом, в ходе которой последний вроде бы передал Ленину предложение Гувера «переехать в Россию, чтобы помочь ее экономическому восстановлению», на что советский лидер ответил, что такая помощь «имела бы исключительно важное значение и была бы нам особенно желательна и приятна». В конце письма подчеркивается, что «это дело остается до Вашего решения строго конфиденциальным». Впоследствии письмо Гуверу было составлено в духе проекта Ленина, но от имени Наркоминдела и за подписью Литвинова³⁵. К сожалению, неизвестно, получил ли Гувер это письмо и какова была его реакция... Так или иначе, приезд Гувера в 1920-е гг. в Россию не состоялся, как и признание Америкой Советского Союза. Остается только сожалеть о том, что потенциально взаимовыгодные возможности сотрудничества между будущим президентом США Гербертом Гувером и Россией были упущены. В то же время память о реальном сотрудничестве в борьбе с гуманитарной катастрофой 1921–1923 гг. нуждается в объективном восстановлении.

Примечания

- ¹ Даниелсон Е. Архивы русских эмигрантов в Гуверовском архиве // Вестн архивиста. 2001. № 1 (61). С. 202–211.
- ² Афанасьева О. Герберт Гувер на Урале // Вечерний Челябинск. 2003. 30 мая. Режим доступа: www.chelpress.ru:8002/newspapers/vecherka/archive/30-05-2003/12/1.DOC.shtml.
- ³ Там же.
- ⁴ Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. Гл. 7. Режим доступа: www.geocities.com/capitolhill/parliament/7231/sayers/sayers07.htm.
- ⁵ Herbert Hoover. 1874–1964. Chronology – Documents – Bibliographical Aids / Ed. by A.S. Rice, D. Ferry. N. Y.: Oceana Publications, 1971. P. 4.
- ⁶ Ibid. P. 5.
- ⁷ George H. Nash. Herbert Hoover: Political Orphan // Uncommon Americans. The Lives and Legacies of Herbert and Lou Henry Hoover / Ed. by T. Walch. Praeger, Westport, Connecticut, 2003. P. 11.
- ⁸ Danielson E.S., Baker Z., Siekierski M. Messages from a Lost World // Hoover Digest. Research and Opinion on Public Policy. 2004. № 1. Hoover Press, Stanford University, 2004. P. 195.
- ⁹ McGee D.H. Herbert Hoover: Engineer, Humanitarian, Statesman. N. Y.: Dodd, Mead and Company, 1966. P. 174.
- ¹⁰ Пер Эгиль Хегге. Бедствие в России (из книги «Фригьоф Нансен – только одно желание»). Перевод с норвежского С. Карпушиной // Иностранная литература. 2005. № 11. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/11/per17.html>.
- ¹¹ McGee D.H. Op. cit. P. 190.
- ¹² Десятерик В., Есаков В. Ленин и Гувер: на пути к сотрудничеству // Правда. 1991. 19 авг.
- ¹³ Hinshaw D. Herbert Hoover: American Quaker. N. Y.: Farrar, Straus and Company, 1950. P. 112.
- ¹⁴ Рапопорт В. Ленин, бабушка и мистер Гувер. Режим доступа: http://www.lit.lib.ru/w/witalij_r/text_0380.shtml.
- ¹⁵ Hinshaw D. Op. cit. P. 398–403.
- ¹⁶ Рапопорт В. Указ. соч.
- ¹⁷ Пер Эгиль Хегге. Указ. соч.
- ¹⁸ Danielson E.S., Baker Z., Siekierski M. Op. cit. P. 191.
- ¹⁹ Рапопорт В. Указ. соч.
- ²⁰ Пер Эгиль Хегге. Указ. соч.
- ²¹ Латыпов Р. АРА в России 1920-х годов – взгляд из Америки. Режим доступа: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/15/lat/>.
- ²² Латыпов Р. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.wa/wa/Main?textid=864&level1=main&level2=articles>

- ²³ Ibid.
- ²⁴ Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926 / Под ред. Г.Н. Севостьянова и Дж. Хэзлема. М., 2002. С. 233–237.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ McGee D.H. Op. cit. P. 192.
- ²⁷ Рапопорт В. Указ. соч.
- ²⁸ Латыпов Р. Помощь АРА Советской России...; McGee D.H. Op. cit. P. 191.
- ²⁹ Рапопорт В. Указ. соч.
- ³⁰ Латыпов Р. Помощь АРА Советской России...
- ³¹ Рапопорт В. Указ. соч.
- ³² Herbert Hoover. 1874–1964. P. 9.
- ³³ Советско-американские отношения. С. 242.
- ³⁴ McGee D.H. Op. cit. P. 192.
- ³⁵ Десятерик В., Есаков В. Указ. соч.

Т.П. Назарова (Волгоград)

ПОМОЩЬ АМЕРИКАНСКИХ МЕННОНИТОВ ЕДИНОВЕРЦАМ В РОССИИ В 1920-е ГОДЫ (по материалам Нижнего Поволжья)

В начале 1920-х гг. меннонитские хозяйства на территории Советской России оказались в состоянии глубокого экономического кризиса. До революции меннонитские колонии считались одними из самых зажиточных и процветающих, даже по сравнению с остальными немецкими поселениями. Революции, Гражданская война, голод 1921–1922 гг., экономическая разруха привели их хозяйства в полный упадок. Решающее значение для восстановления экономики меннонитских хозяйств сыграла помощь зарубежных единоверцев, прежде всего американских меннонитов.

В сентябре 1920 г. в США был создан Меннонитский центральный комитет (далее – МСС), призванный координировать работу всех меннонитских гуманитарных миссий, работающих в то время в европейских странах¹. В первую очередь внимание комитета привлекло бедственное положение меннонитской диаспоры в России (которая составляла в то время порядка 100 тыс. чел.). МСС

создал специальную организацию «Американская меннонитская помощь» (далее – АМП) во главе с директором Альвином Дж. Миллером, целью работы которой было оказание помощи российским меннонитам. Первые официальные отношения АМП установила с правительством генерала Врангеля летом 1920 г., но события Гражданской войны помешали началу гуманитарной деятельности: часть груза, предназначенного для оказания помощи меннонитам, была конфискована большевиками. Один из сотрудников меннонитской миссии Клейтон Кратц при наступлении Красной армии исчез и дальнейшая судьба его неизвестна. Первоначально помощь от американских меннонитов смогли получить лишь 200 меннонитов-беженцев, покинувших Крым и Украину в составе армии Врангеля и оказавшихся в 1920–1921 гг. под Константинополем.

Переговоры о начале работы АМП с советским правительством затянулись до октября 1921 года. Согласно договорам, подписанным с правительством РСФСР и УССР (1 октября 1921 г.), АМП обязывалась оказывать продовольственную и другие виды помощи гражданскому населению, независимо от его национальной, конфессиональной и социальной принадлежности. Советские власти обязались предоставить АМП таможенные льготы, помещения для складов и столовых, обеспечить бесплатную перевозку грузов по территории страны². Первоначально меннонитская организация действовала под эгидой Американской администрации помощи (АРА) вплоть до прекращения работы последней в 1923 году. АМП развернула свою работу на территории Поволжья, Украины, Крыма, Северного Кавказа и Сибири.

Условия работы американских меннонитов, оговоренные лишь в общих чертах в основных договорах с правительством РСФСР и УССР, впоследствии более конкретизировались и дополнялись рядом ограничений (например, сельскохозяйственная помощь должна была оказываться только коллективам, а не частным лицам; не разрешалось передавать индивидуальные посылки с конкретными адресами, так как, по мнению властей, они предназначались «кулацким элементам» или проповедникам; пошлины на перевозку продуктов питания и пользования складскими

помещениями увеличивались). Необходимо отметить, что АМП строго следовала всем условиям соглашений, регламентирующих ее работу в СССР. Фактов ее участия в религиозной пропаганде, антисоветских действиях документы не зафиксировали. Невыполнение же со стороны советского правительства ряда обязательств тормозило работу АМП: задерживались грузы на таможне, долго решался вопрос о беспошлинном ввозе запасных частей к тракторам, не было выполнено обязательство советской власти по обеспечению топливом тракторных колонн АМП.

В Нижнем Поволжье меннонитский комитет помощи был открыт в Кеппентальском районе Автономной области немцев Поволжья (АОНП). Этот район был местом компактного проживания поволжских меннонитов с населением около 2 тыс. человек³. Первые поставки продовольствия от АМП поступили в район в декабре 1921 года. Вначале продукты АМП свозились на склады АРА в Саратове, где пересчитывались на пайки и затем распределялись Кеппентальским комитетом по колониям. С декабря 1921 г. по июнь 1922 г. было выдано 324 тыс. 484 пайка⁴. Наиболее нуждающееся жители могли получить в месяц до 70 пайков⁵. Из других иностранных организаций на территории этого района действовала только АРА, которая до мая 1922 г. оказывала помощь исключительно детям. АМП с самого начала своей деятельности стала помогать как детям, так и взрослым и постепенно охватила своей помощью практически все население района. Если в декабре 1921 г. помощь от АМП получило только 36 % населения района, в январе 1922 г. – 56 %, с февраля по апрель – 71 %, то в мае 1922 г. – уже 96 %⁶. В отличие от АРА, которая взрослому населению с мая 1922 г. выдавала сухие кукурузные пайки, АМП взрослым раздавала обычные пайки, включающие хлеб, рис, какао.

Также через аппарат АМП из Америки и Канады доставлялись индивидуальные продовольственные посылки, переданные для конкретных семей от их зарубежных родственников и друзей. В период с декабря 1921 г. по июнь 1922 г. в Кеппентальский район было передано 337 таких посылок. В июле 1923 г. АМП передала Кеппентальскому району 2 вагона крупы и одежды⁷. Архи-

вные материалы опровергают устоявшееся мнение историков о том, что меннонитская помощь распространялась только на единоверцев, чем организация якобы нарушала условия подписанного с нею соглашения⁸. В ежемесячных отчетах главы Кеппентальского комитета помощи И. Дика особо отмечалось количество немennonитов, получающих продовольствие от АМП: оно составило порядка 1/3 от общего количества. Помощь также направлялась в немennonитские поселения – Красный Кут и Ней-Варенбург⁹. А. Миллер в своих распоряжениях на места особо указывал, что помощь должна распределяться без различия нации или религии, за исключением продовольственных пакетов, которые имели конкретного адресата¹⁰.

Осенью 1922 г. голод в области стал считаться официально изжитым и, соответственно, государственная помощь резко пошла на убыль. Также с 1 сентября прекратили регулярные поставки продуктов питания АРА и организация Нансена. Область практически вновь полностью была переведена на самообеспечение. По мнению А.А. Германа, голод в АОНП не ограничивается двумя годами, а начавшись в конце 1920 г., периодически усиливаясь и ослабляясь, существовал до середины 1925 года¹¹. Тем важнее становилась помощь АМП, которая и в это время продолжала свою работу, и хотя размеры ее уменьшились (только 1/4 часть жителей по-прежнему получали пайки), но в голодный 1924 г. эта помощь была крайне необходима.

АМП ставила перед собой более масштабную задачу, чем устранение голода. Американские меннониты стремились оказать помощь колониям в восстановлении разрушенной экономики. В 1923 г. было подписано дополнительное соглашение между АМП и советским правительством, в котором оговаривались условия работы АМП по восстановлению сельского хозяйства. Согласно ему АМП предоставлялась возможность свободного ввоза сельскохозяйственных орудий, тракторов, запчастей и лошадей. Советская власть со своей стороны обещала предоставить АМП бесплатный транспорт, топливо, смазочный и горючий материалы, необходимые для сельскохозяйственной работы¹². В мае 1923 г. в Кеп-

пенталь от АМП поступило 5 тракторов при условии возмещения от 25 до 50 % их стоимости¹³. Гогендорфское сельское общество Вольского кантона получило в подарок от АМП трактор. Весной 1924 г. 15 лошадей, купленных в Сибири, были распределены в кредит между безлошадными меннонитами АОНП¹⁴. Широко распространенной формой помощи стало выделение кредита меннонитским поселениям для приобретения стацкого станка (в некоторых случаях станок отдавался в дар). В дальнейшем за каждый вытканый метр материи предоставлялось продовольствие или семенной фураж. Такие меры были нацелены на дальнейшую перспективу развития меннонитских хозяйств и предотвращали развитие иждивенческих настроений среди населения. Сельскохозяйственные мероприятия АМП способствовали преодолению хозяйственного кризиса в регионе и стали важным фактором объединения меннонитского населения в кооперативы.

Основным итогом работы АМП стало спасение тысячи жизней от голодной смерти. К сожалению, в столь подробных отчетах местных уполномоченных АМП отсутствуют систематические сведения о смертности в меннонитских колониях. Для Кеппентальского района возможен лишь анализ изменений в численности населения: в декабре 1921 г. она составила 1 665 человек, в июне 1922 г. – 1 790, в сентябре 1923 г. – 1 910 человек¹⁵. Такой рост объясняется переселением населения из соседних районов, что косвенным образом указывает на более благополучное положение этого района. На наш взгляд, это во многом связано с деятельностью АМП. Изучение работы АМП в Кеппентальском районе помогает ответить на вопрос о значении иностранных организаций в борьбе с голодом. По мнению советских историков, несмотря на значительные размеры этой помощи, ни в одном регионе их деятельность не имела решающего значения¹⁶. Как было доказано выше, благодаря совместным усилиям АМП и АРА практически все население Кеппентальского района получило в трудные годы необходимую поддержку. Зарубежная меннонитская помощь стала материальной основой возрождения и развития сельского хозяйства в колониях.

Наметившиеся положительные тенденции в меннонитских хозяйствах (ярким примером чему может послужить успешная деятельность меннонитской кооперации) были прерваны идеологизированной национально-классовой политикой советского правительства, игнорирующей этноконфессиональную специфику меннонитской общности. Советская власть крайне негативно оценивала связи русских сектантов с заграничными религиозными организациями. На Антирелигиозном совещании при ЦК ВКП(б) 27–30 апреля 1926 г. прямо говорилось, что в обмен на свою благотворительную деятельность заграничная буржуазия через русских сектантов получает все нужные ей сведения; а связи с зарубежными центрами укрепляют хозяйственную и политическую независимость и обособленность сектантских организаций (причем в качестве характерного примера приводилась украинская меннонитская сельскохозяйственная кооперация)¹⁷. На страницах советских газет каких-либо упоминаний о благотворительной работе меннонитских организаций не встречается. Символично, что в это время, например, в газете «Трудовая правда» (партийный орган АОНП) публикуются статьи о спекуляциях пастырей в период голода, по меннонитам появляется статья под названием «Трупные черви», где рассказывается о «диких нравах» в меннонитских колониях и их биологическом вырождении¹⁸.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что благодаря помощи международных религиозных организаций в 1920-е гг. в меннонитских колониях была сохранена не одна человеческая жизнь, постепенно преодолевался экономический кризис.

Примечания

¹ История создания и деятельности МСС подробно изучена в трудах меннонитских историков (в отечественной историографии эта проблема не затрагивалась). См., напр.: Frirsen J. Against the wind. Winnipeg, 1994; Unruh J. In the name of christ. Akron, 1952 и др.

² ГАРФ. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 253. Л. 20–22.

³ Кеппентальский район был образован из 9 меннонитских колоний бывшей Малышенской волости: Кеппенталь (Сурки), Линденау (Овражное), Фрезенгейм (Суходольное), Гогендорф (Высокое), Лизандерге, Орлов, Остенфельд

(Порки), Меденталь (Гусевка) и Валуевка. Десятая колония Гансау распалась при эмиграции меннонитов в 1870-х годах.

⁴ ГАРФ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 41. Л. 22–28.

⁵ Там же. Л. 24.

⁶ Подсчитано автором на основе месячных докладов главы Кеппентальского районного комитета помощи И. Дика. ГАРФ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 41.

⁷ Там же. Д. 8. Л. 26.

⁸ См., напр.: Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы советского государства с голодом (1921–1922). Красноярск, 1988. С. 138.

⁹ ГАРФ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 8. Л. 26, 73.

¹⁰ Там же. Д. 13. Л. 66.

¹¹ Там же. Л. 94.

¹² Там же. Д. 1. Л. 7–8.

¹³ Там же. Д. 8. Л. 30.

¹⁴ Там же. Д. 36. Л. 8; Д. 125. Л. 78; Д. 126. Л. 44, 51, 61.

¹⁵ Там же. Д. 41. Л. 4–28.

¹⁶ См.: Хенкин Е.М. Указ. соч. С. 139.

¹⁷ Тезисы, принятые на Антирелигиозном совещании при ЦК ВКП(б) 27–30 апреля 1926 г. // Критика религиозного сектантства (Опыт изучения религиозного сектантства в 20-х – начале 30-х годов). М., 1974. С. 37–38.

¹⁸ Одинокий. Трупные черви // Трудовая правда. 1922. 13 окт. С. 4.

С.А. Линченко, Н.А. Насонова (Волгоград)

ИНОСТРАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ (АМЕРИКАНЦЫ И НЕМЦЫ) НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СТАЛИНГРАДА В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА: ВКЛАД В ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ

Проблемы индустриализации Сталинграда составляют неотъемлемую часть общего процесса отечественной модернизации в XX веке. «Под модернизацией мы понимаем всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации,

рационализации, становления современных мотивационных механизмов и т. д.»¹.

«Модернизация – комплексный процесс. Она захватывает различные сферы общественной жизни – экономическую, социальную, политико-правовую, культурную»². Особенностью отечественной модернизации являлось постоянное использование зарубежного опыта. Одной из форм использования было привлечение иностранных специалистов непосредственно к работе на отечественных предприятиях. Не стал исключением и формировавшийся как один из крупнейших индустриальных центров СССР город Сталинград. Появление иностранных специалистов в Сталинграде было вызвано необходимостью освоения и обслуживания импортного оборудования, поставлявшегося на предприятия города. В докладной записке ответственного секретаря Сталинградского ГК ВКП(б) И.Ф. Кучмина отмечалось, что «освоение новой американской техники по-прежнему является “узким местом” работы Тракторного завода... Темп освоения оборудования завода является явно недостаточным». Основной трудностью в освоении оборудования было отсутствие инструкций на русском языке. По словам Кучмина, они «...хранятся в архивах, их знает только ограниченный круг лиц» (Оп. 1. Д. 4. Л. 26)³.

Не менее остро стояла проблема подготовки местных специалистов для работы на новом оборудовании. Бюро ГК ВКП(б) 06.10 1930 г. принимает постановление: «...особо разработать мероприятия по разъяснению комсомольской организации необходимости учебы у американцев и освоения высокого американского оборудования» (Оп. 1. Д. 3. Л. 197). Передача иностранными рабочими и специалистами технического опыта должна была осуществляться через практику вовлечения инорбочих и специалистов в работу производственных совещаний и комиссий, созыва специальных совещаний, вовлечения в работу производственных и технических кружков, рабочих университетов и быстрого полного проведения в жизнь рацпредложений. Недостаток переводчиков предполагалось восполнить за счет подбора переводчиков из коммунистов и комсомольцев, знающих иностранные языки. Планировалось:

«...организовать для них курсы по переподготовке и усовершенствованию иностранных языков, уделив в работе курсов особое внимание усвоению технической терминологии. Обратить особое внимание на повышение качества работы курсов и переводчиков. Сектору кадров и ГСПС в 2-декадный срок произвести учет всех партийцев и рабочих, знающих иностранные языки. Поставить вопрос перед крайкомом и ЦК о присылке переводчиков, знающих английский и немецкий языки» (Оп. 1. Д. 3. Л. 5).

Партийное, советское и хозяйственное руководство было заинтересовано и в собственно высококвалифицированном труде иностранцев, но слабая организация работы предприятий не позволяла рационально их использовать. Так, на СТЗ отмечалось недостаточное «...использование американцев на производстве, что в значительной степени объясняется имевшими место экспериментами в их использовании. Сначала... исключительно как инструктора без административных функций, затем исключительно на административные посты, потом вновь непосредственно по производству, без администрирования. Теперь с целью более целесообразного использования приступили к тщательному изучению персонально каждого и соответствующего с этим использования» (Оп. 1. Д. 4. Л. 27 об.).

Постановление бюро горкома ВКП(б) от 30.09 1931 г. объявляло все заводууправления «... перейти от системы использования иностранных специалистов в качестве инспекторов без определенной ответственности на систему назначения каждого на определенный участок с персональной ответственностью за порученное дело» (Оп. 1. Д. 58. Л. 89). Постановление бюро ГК ВКП(б) от 12.08 1931 г. устанавливало персональную ответственность помощников директоров по производственным совещаниям за своевременное проведение в жизнь предложений иностранных рабочих и специалистов (Оп. 1. Д. 58. Л. 5, 89).

По данным партийной статистики на 20.11 1931 г., на предприятиях Сталинграда работало 307 иностранцев (Оп. 3. Д. 5. Л. 53, 244; Оп. 1. Д. 4. Л. 27). Для работы с таким количеством иностранцев бюро Сталинградского горкома партии была разработана целая схема:

1. При завкомах ВКП(б) организовывались сектора по работе среди иностранных рабочих и специалистов. В состав сектора входили представители иностранных рабочих и местные партийцы. Руководил сектором один из членов бюро завкома.

2. На уровне цеха работу с иностранцами вели инорги (иностранцы-организаторы из состава иностранцев или советские рабочие – члены партии) под руководством инспектора завкома ВКП(б).

3. При завкомах ВЛКСМ выделялись инорги, которые работали под руководством инспектора завкома ВКП(б) и отвечали за работу среди детей иностранных рабочих и специалистов комсомольского и пионерского возраста.

4. При Горпрофсовете работал сектор иностранных рабочих, который разделялся на 4 подгруппы: производственную, социально-бытовую, культурно-массовую и группу культпохода.

5. С целью улучшения снабжения и питания иностранцев в Сталинграде предусматривалось открытие самостоятельной отдельной Московской спецконторы ГОРСа.

6. В горкоме планировалось ввести должность инструктора по работе среди иностранных специалистов и рабочих.

Кроме того, городская контрольная комиссия выделяла ответственного руководителя для максимального привлечения иностранных рабочих и специалистов к работе в контрольной комиссии и РКИ (рабоче-крестьянской инспекции), в частности к работе секции РКИ при горсовете (Оп. 1. Д. 4. Л. 132–132 об.).

Но, несмотря на то, что вопрос о работе с иностранными рабочими и специалистами постоянно находился на партийном контроле (о чем свидетельствует количество принятых постановлений), недостатки в использовании иностранных специалистов продолжали иметь место, практически одни и те же по всем предприятиям.

Во-первых, «неправильное производственное использование иностранной рабочей силы». В результате – «неполная загрузка инорабочих, отсутствие учета эффективности работы» (Оп. 1. Д. 100. Л. 42–42 об.).

Во-вторых, не были созданы условия для эффективного обучения местного персонала работе на новой технике и передачи

навыков работы на импортном оборудовании. Например, «американцы-инструктора, не имея постоянного состава рабочих, были вынуждены по нескольку раз начинать обучение...» (Оп. 1. Д. 4. Л. 26–27). «Неудовлетворительный и недостаточный по количеству состав переводчиков, отсутствие с ними соответствующей политической работы» – это также препятствовало и работе, и обучению (Оп. 1. Д. 58. Л. 132). «Часть иностранцев недовольна переводчиками, так как считают, что их слова подвергаются слишком требовательной “обработке”, и негласным, но заметным для них надзором...» (Оп. 3. Д. 5. Л. 58).

В-третьих, культурно-бытовые условия вызывали недовольство иностранцев, хотя они находились в значительно лучшем положении, чем местные рабочие. Главным образом «инорабочие» жаловались на отсутствие или нерегулярность снабжения продуктами питания, топливом, плохие жилищные условия, задержку зарплаты, обчеты при ее начислении, грубое отношение со стороны административного персонала (Оп. 3. Д. 5. Л. 53).

Осуществлявшееся постоянный контроль за настроениями иностранных специалистов и рабочих ОГПУ в докладных записках на имя секретаря горкома партии подтверждало, что факты, вызывавшие недовольство, действительно имеют место: «...отсутствие по 2–3 недели продуктов первой необходимости..., в магазинах хронический перебой с продуктами, отсутствует даже мыло..., общественное питание поставлено на всех предприятиях скверно, пища готовится безвкусно, жиры отсутствуют, антисанитарное состояние столовых вызывает массу недовольств со стороны инорабочих..., пропускная способность 300–400 обедов, отпускают 900–1000 обедов...» (Оп. 3. Д. 5. Л. 53–58) и др.

Недовольство бытом способствовало распространению в среде иностранцев так называемых «нездоровых явлений»: пьянство, прогулы, спекуляция товарами, купленными в магазинах, обслуживающих иноспецов. «Инспектор Ревенс взял за август месяц 317 метров мануфактуры, 28 шт. готового платья, 24 катушки ниток, 24 кило масла, 12 пар обуви, 27 кило сахару, мыла 12 кусков... Аналогичных фактов можно привести еще пару десятков...» (Оп. 3. Д. 5. Л. 54–55).

Кроме этого, по данным на 01.06 1932 г., органами ОГПУ отмечалось, что «...со стороны отдельных иностранцев наблюдались факты забастовки в прямых формах: хождение к дирекции завода [«Баррикады»] организовано по 20–30 человек с требованиями урегулирования вопросов зарплаты и попытки некоторых иностранцев... к созыву нелегальных собраний по обсуждению тарифных вопросов и выбора делегации для посылки к дирекции» (Оп. 3. Д. 5. Л. 245–246).

Однако, анализируя причины «нездоровых явлений», партийное руководство и сотрудники ОГПУ пришли к выводу, что они кроются в сильном социал-демократическом влиянии, в наличии межнациональных конфликтов среди иностранцев, являются следствием слабой культурно-массовой и политико-воспитательной работы и как последняя причина – в имеющих место недочетах хозяйственного руководства (Оп. 3. Д. 5. Л. 244).

Но бытовая неустроенность, отсутствие условий труда не являлись главными причинами недостаточной эффективности иноспецов: иностранцы, начиная работать в России, оказывались в своеобразном культурно-социальном вакууме. Иностранцы специалисты и рабочие сталкивались с совершенно новым подходом к работе, новой для них культурой труда и подходом к управлению производством.

Судя по документам, среди прибывших иностранцев не было ни одного профессионального управленца. И если в Европе и США уже давно заводами «рулили» профессиональные управляющие, то в Советской России производственный менеджмент в то время находился в зачаточном состоянии, на стадии постоянных практических экспериментов. Поэтому поломки или простои дорогостоящего импортного оборудования вызывали недоумение и непонимание: «Во втором механическом цеху [завод «Баррикады»] в течение месяца установлено 8 станков, которые теперь стоят без работы, однако долбежный, фрезерный и токарный станки можно было бы загрузить, так как работа для них в цеху есть, но администрация мер не принимает, – нач. цеха только и говорит, что нет работы.

Простой станков по 4-му цеху колоссальный. 4 импортных станка стоят уже несколько дней с 6 чел. рабочими – нет работы. Станок... токарный стоит 8 смен...» (Оп. 3. Д. 5. Л. 68). В результате вместо работы иностранцы занимались ее организацией.

Само отношение к труду и его ценности здесь было иным. По признанию работника СТЗ Карла Хаача: «...никто не интересуется работой, которую ты делаешь. В Америке я никогда не опаздывал на работу, а в этой стране все располагает к лени и, несмотря на то, что я здесь меньше работаю, чем там, но всегда больше устаю...» (Оп. 3. Д. 2. Л. 20).

В основе труда иностранных специалистов и рабочих находился, главным образом, профессионализм. Так, немецкий специалист, работавший на СТЗ, заявил: «Мне все равно – коммунисты ли, фашисты ли, лишь бы дали возможность хорошо жить. Политика – это есть специальность, за которую платят деньги, так же как и мне за конструирование машин, но это вовсе не сознательность и не идеальность...» (Оп. 3. Д. 14. Л. 128).

Профессиональный труд всегда предполагает соответствующую оплату, и иностранцы искренне не понимали местных рабочих: «...в Германии простой чернорабочий живет лучше чем здесь квалифицированный...» (Оп. 3. Д. 14. Л. 128). В то же время отмечалось постоянное снижение реальных заработков иностранцев. Например, с 1 апреля 1932 г. иностранцам перестали доплачивать 25 % оклада за незнание русского языка, многим снизили разряды (Оп. 3. Д. 5. Л. 245), постепенно переводили на сдельную оплату труда при низких ставках.

Имевшее место недостаточное внимание к рационализаторской деятельности иностранные рабочие и специалисты расценивали как «...саботаж или нас хотят... всех разогнать» (Оп. 3. Д. 5. Л. 246). Они говорили: «Нас интересует поднятие производства, с этой целью мы и приехали и хотим передать свои знания, но при этом мы встречаем со стороны рабочих и технического персонала отпор. Наши предложения зажимаются и затираются» (Оп. 3. Д. 2. Л. 20). Действительно, за период с сентября 1930 г. по февраль

1931 г. на СТЗ американцами было выдвинуто 417 рацпредложений, из них реализовано 126, отклонено 35, а остальные 256 были оставлены без внимания (Оп. 3. Д. 4. Л. 27). Это говорило об отсутствии у руководства ориентации на повышение эффективности производства.

В фондах документов партийных органов отсутствуют данные о выполнении производственных планов иностранными рабочими, о количестве обученного специалистами персонала Сталинградских предприятий. Но можно отметить недовольство местных рабочих, инженеров и иностранцев друг другом. Иностранцы отмечали постоянное ухудшение условий труда, быта и снижение зарплаток, а местные – привилегированное положение иностранцев, что на фоне усиливавшегося голода приводило к саботажу работы иноспецов. Такое противостояние вряд ли способствовало эффективности выполнения задач производства.

Примечания

¹ Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. С. 3.

² Там же.

³ Здесь и далее ссылки на архивные документы приводятся по: Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 71 – с указанием в скобках номера описи, дела и листа.

ИСТОРИЯ США И РУССКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

А.А. Киселев (Волгоград)

«БРИТАНИЯ БЕЗ АМЕРИКИ»? ЭКОНОМИКА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

В современной историографии Британской империи Нового времени господствует концепция о двух империях. Свое начало она берет со знаменитой работы В. Харлоу «Создание Второй Британской империи»¹, вышедшей в середине XX столетия. Согласно автору, Первая Британская империя – империя атлантическая. Она возникла еще в XVII в. вместе с основанием английскими поселенцами первых колоний на побережье Северной Америки и в Вест-Индии. Развиваясь сама по себе, империя достигла к середине XVIII в. своего расцвета, но восстание американских колоний, Американская революция и образование США почти полностью уничтожили Первую империю. Прежде всего была уничтожена имперская экономика, основанная на торговле в Ат-

лантическом океане. В это же время британцы активизировали свои действия на Востоке, и, по мнению В. Харлоу, империя возродилась уже на Востоке, став Второй Британской империей. Активность британцев (британской Ост-Индской компании) на Востоке (сначала в Индии, а затем – в Китае) в годы кризиса на западе империи Харлоу назвал «поворотом на Восток», а саму Вторую империю – «империей восточной торговли»².

Действительно, историки вслед за современниками отмечали годы Американской революции как период упадка торговли с Америкой, в то время как торговля Великобритании на Востоке увеличивала свои обороты с каждым годом. Завоевание англичанами Бенгалии в 1757 г., увеличение оборотов торговли с Китаем, особенно после знаменитых «чайных» законов 1784 г. Уильяма Питта-младшего, появление в Британии «набобов» (богачей с Востока) и популярность восточных товаров среди английского населения давали исследователям повод считать, что после потери своих главных колониальных владений в Америке Лондону действительно не оставалось иного выбора, как «вернуться» на Восток и развивать достигнутые успехи там³.

Одним из самых знаменитых факторов, толкавших Британию на Восток, по мнению особенно историков-марксистов, была промышленная революция, развернувшаяся в Англии в эти же годы. Начавшись в текстильной промышленности, она требовала сырья для работы британских фабрик. Что как не индийский хлопок, согласно советским и британским историкам-марксистам, мог быть лучшим сырьем?⁴ Версия об «ограблении» Индии и использовании награбленных богатств как капитала для промышленной революции стала очень популярна в работах индийских историков-«националистов» (термин К.А. Фурсова)⁵, а такой знаменитый политический деятель независимой Индии, как Джавахарлал Неру, даже использовал ее в своем труде «Открытие Индии», показав миру ужасы британского империализма⁶. Безусловно, логика событий той эпохи и некоторые факты англо-индийской истории действительно придают данной концепции очень правдоподобный вид. Ни один исследователь не сомневается в том, что

индийский хлопок сыграл важную роль в промышленной революции. Но была ли эта роль определяющей?

В 1950–1970-е гг. некоторые британские и американские историки выступили против этой концепции. Сначала Х. Фербер усомнился в невероятной важности восточной торговли для Британии, предложив свои расчеты. Он доказал, что в конце XVIII в. начал резко снижаться импорт индийского хлопка в Англию, хотя это были годы расцвета промышленной революции⁷. Затем с критикой концепции В. Харлоу выступил молодой исследователь П. Дж. Маршалл, доказавший в своей статье, что британская торговля вовсе не переместилась на Восток, а продолжила свое развитие в Вест-Индии и даже в США⁸. Наконец, Р. Дэвис выпустил монографию, в которой полностью опроверг версию о преобладании восточного сектора британской экономики над западным и о решающем вкладе Индии в промышленную революцию⁹. Для западных историков (не только британских) эта работа стала «библией». Хотя и сегодня еще британская историография делит империю на Первую и Вторую, об упадке западной торговли и колоний говорят редко¹⁰. В то же время современные отечественные исследования до сих пор базируются на идеях В. Харлоу и традициях советской историографии¹¹.

До Американской революции 13 североамериканских колоний играли важную роль в экономике Британской империи XVIII века. Они являлись для метрополии важным сырьевым придатком, поставляя, в частности, «сахар, табак, хлопок, шерсть, индиго, имбирь, красильные растения»¹², то есть все те товары, которые были необходимы на мануфактурах или имели огромную популярность в Европе, как табак. В 1706 г. в их число были включены рис, материалы, необходимые для судоходства, смола, деготь, скипидар, пенька, мачтовый лес, рейки. В 1722 г. к ним добавились медная руда, бобровые шкуры и другие меха, в 1733 г. – патока, в 1764 г. – китовый ус, железо, строевой лес, шелк-сырец и поташ. Такие товары получили название «перечисленных», поскольку они входили в список продукции, которую согласно Навигационным актам запрещалось вывозить из американских план-

таций иностранцам и колонистам. Это могли делать только британские торговцы, используя систему посредничества.

Однако производство сырья не было самой важной задачей североамериканских колоний. Как известно, ко времени войны за независимость их население выросло до трех миллионов человек¹³. Таким образом, они представляли собой прекрасный рынок для сбыта британских товаров или реэкспорта европейских. Это показывают данные: согласно П. Маршаллу, экспорт товаров из Британии в Северную Америку за XVIII столетие вырос почти в пять раз, тогда как импорт оттуда в метрополию только удвоился¹⁴.

Кроме того, североамериканские колонии являлись важным звеном «торгового треугольника» Англия – Вест-Индия – Северная Америка. На этой основе была очень важна двусторонняя торговля между 13 колониями и Вест-Индией. Американские поселенцы снабжали Антильские острова – как английские, так и французские, голландские и датские – рыбой, китовым жиром, лошадьми, солониной, строительным и корабельным лесом. Обратные американские корабли везли сахар, патоку, спиртное, а также монеты, которыми британская метрополию их практически не снабжала. Согласно данным американского историка Дж. Прайса, из 91,8 % кораблей, отправлявшихся из Вест-Индии в Северную Америку, 42,2 % везли назад ром, 26,5 % – патоку и 23,1 % – сахар¹⁵.

Правда, нужно отметить, что легальная торговля, которой занимались в Британской империи согласно Навигационному акту 1660 г. «*только на тех кораблях или судах, которые действительно и достоверно принадлежат лишь гражданам Англии или Ирландии*» (выделено мной. – А. К.)¹⁶, заметно уступала нелегальной. Американские контрабандисты, будущие предприимчивые «янки», неоднократно нарушали положения Навигационного акта. «Именно успех этого торгового натиска в южном направлении, несомненно, удесятерил торговую мощь колоний Севера, – утверждал Ф. Бродель, – и породил у них промышленность: судостроение, изготовление грубых сукон и полотна, скобяных изделий, перегонку рома, производства железа»¹⁷.

Так функционировала экономика Британской империи до последней трети XVIII века. Дж. Прайс утверждает, что к этому времени сформировался «квазиобщий рынок», центром которого была Англия, но неотъемлемыми и взаимозависимыми частями являлись также Шотландия, Ирландия, Уэльс, колонии в Северной Америке и Вест-Индии и британские фактории в Азии и Африке¹⁸. Несмотря на популярность в Англии в это же время товаров с Востока, основу имперской экономики составляла торговля с Америкой (здесь не учитывается Канада) (см. прил. 1). Одной из главных причин этого факта является географический фактор: рейс английского корабля на Восток (только в один конец) составлял минимум полгода (а то и год пути), тогда как за это время можно было совершить от 3 до 5 рейсов в Америку¹⁹. К тому же американская торговля была выгоднее развивающемуся британскому бизнесу, чем восточная. Торговля с Востоком была монополией только Ост-Индской компании, торговля же с Северной Америкой и Вест-Индией была открыта для действий мелких и средних фирм, частных купцов, хотя, конечно, тоже базировалась на работе таких «акул» британской экономики, как Вест-Индская компания, Компания Гудзонова залива или Компания Южных морей²⁰. Исследователями приводятся различные мнения по поводу степени важности «американского» сектора: Дж. Прайс полагал, что британский экспорт к 1772–1773 гг. в 13 колониях составлял 25,3 % от общего колониального экспорта (который, в свою очередь, составлял 59,6 % от общего британского экспорта)²¹, Дж.Ф. Шеперд называл цифру в 55 %²².

В годы войны за независимость американских колоний и образования США казалось, что имперская экономика рухнула и старые связи разрушены. Однако данные показывают, что это не так (см. прил. 2).

Уже на мирных переговорах в Версале в 1782–1783 гг. между англичанами и американцами был поднят вопрос о возобновлении торговли. В годы войны за независимость молодая американская республика столкнулась с глубоким экономическим кризисом, который усилился по ее окончании. На 1 января 1783 г. государствен-

ный долг США составлял 42 млн долларов, 34 млн из которых Конгресс был должен своему народу²³. Мануфактуры закрывались, в стране не было денег, периодически вспыхивали восстания.

Выходом из сложившейся ситуации для американцев могло стать восстановление торговли с бывшей метрополией. И хотя в США находилось немало противников этой идеи, тем не менее было и немало сторонников (А. Гамильтон, Дж. Джей). Они прекрасно понимали, что вновь объявленное американское государство не сможет сразу стать равноправным торговым партнером Британии, в которой полным ходом шла промышленная революция. США ожидала участь снова вернуться в свое недавнее прошлое и опять быть рынком для продукции британских мануфактур и фабрик. Но разве не такой же исход ожидал бы американцев в случае торговли с Францией, как того хотел Т. Джефферсон? Возвращение к старой торговой системе, а значит, налаживание старых связей – означало для США возможность более быстрого и успешного восстановления американской экономики после войны, чем в случае с Францией или Испанией. К тому же восстановление англо-американских связей уже происходило путем частной инициативы отдельных купцов.

Нужно отметить, что в Британии тоже далеко не все политики выступали за возвращение старой торговой системы. Так, группа «меркантилистов» оспаривала необходимость торговли с Америкой, и только настойчивость таких политических деятелей, как лорд Шелберн и Уильям Питт-младший, позволила старой системе вернуться. У. Петти, лорд Шелберн, на мирных переговорах в Версале в 1783 г. заявил американской делегации: «Мы предпочитаем торговлю доминионам»²⁴. В этом же году, выступая в парламенте, Георг III рекомендовал «пересмотреть всю торговую систему на основе... всесторонних принципов с целью обеспечить их предельно возможное развитие»²⁵. Противники восстановления связей считали, что это может подорвать основы торговой системы, созданной через Навигационные акты, поскольку теперь США должны быть равноправными торговыми партнерами. На их опасения ответил своим памфлетом в 1784 г. лорд Шеффилд,

писавший: «Британские изделия проникали во все уголки страны (США. – А. К.) во время самой ожесточенной войны, и самые фанатичные из американцев признают, что ни тарифы, ни акцизные сборы в Америке не будут соблюдаться еще долгое время. Сейчас и в любое другое время Британии опасаться нечего»²⁶.

Из-за политической борьбы в 1783–1785 гг. Великобритании долго не удавалось выработать четкий курс своих отношений с США. Это породило целую серию «указов в совете», разрешавших торговлю с США, но ограничивавших ее²⁷. Однако эта торговля в 1780–1790-е гг. продолжала развиваться, росла и действительно давала английским торговцам прибыль. Для Британии это означало возвращение (и даже усиление в условиях промышленной революции) ее торгового могущества. Вот почему французский историк Р. Бенье утверждал, что «Англия проиграла войну, но выиграла мир»²⁸. Уже через несколько лет ввоз британских товаров в США достиг довоенного (колониального объема).

В 1786 г. в Британии был принят новый Навигационный акт, дававший большие льготы американским торговцам в Британии. Большую роль в лоббировании «американских интересов» сыграли американские лоялисты, занимавшие крупные посты в британском Комитете по торговле и плантациям²⁹. Наконец, в 1794 г. был заключен знаменитый Договор Джея, окончательно ожививший англо-американскую торговлю. Хотя договор и был построен на принципах «взаимной и полной свободы судоходства и торговли», на деле американское участие в ней заметно уступало британскому, которое объективно было сильнее. В США договор был воспринят весьма негативно, по стране прокатились митинги против ратификации договора. Т. Джефферсон назвал его «постыдным актом, который является не более чем договором о союзе между Англией и англоманами нашей страны, направленным против законодательной власти и народа Соединенных Штатов»³⁰. Особое возмущение вызывала у американцев статья 12 договора, которая ограничивала американскую торговлю в Британской Вест-Индии судами водоизмещением до 70 тонн и запрещала реэкспортировать патоку, сахар, кофе, какао и хлопок³¹. Исследовате-

ли-американисты, как правило, осуждают этот договор³². Однако был ли он так ужасен для США?

Во-первых, разрешенные 70 тонн – средний тоннаж средних и малых судов. Были ли у США в первое десятилетие после войны за независимость крупные торговые суда? Еще в колониальную эпоху американские торговцы занимались активной контрабандой с Британской Вест-Индией преимущественно на судах среднего и мелкого тоннажа. Быстроходные, они позволяли в короткий срок доставлять товары в места назначения, а в случае преследования королевскими кораблями – уходить от погони и прятаться в заводях американского побережья. Именно мелкие и средние суда активизировали торговлю, делали ее оживленной и насыщенной. «Если используются только большие суда, конъюнктура неблагоприятная, – писал Ф. Бродель. – Если их (торговые процессы. – А. К.) окружают многочисленные мелкие парусники, с уверенностью можно говорить о ее улучшении»³³.

Во-вторых, запрещение реэкспорта колониальных товаров из Вест-Индии, которое В.Н. Плешков считал ударом по фрахтовой торговле США (перевозкам)³⁴, было попыткой британцев реформировать свою собственную колониальную систему. Если сказать точнее, это была попытка удара по американской торговле. Ведь американские купцы доминировали в Британской Вест-Индии еще до восстания колоний. Эта ситуация не изменилась и после войны. А в середине 1790-х гг., в результате начавшихся в Европе войн с революционной Францией, цены на товары из Нового Света выросли в 1,5–2 раза, а ставки на их перевозку – в 2–2,5 раза³⁵. Американские судовладельцы получили невероятный шанс на развитие своей торговой системы. Поэтому период 1793–1807 гг. принято считать «золотым веком» американского торгового мореплавания³⁶. Британцы пытались хотя бы некоторым образом бороться со складывавшейся ситуацией, но, как видно, безуспешно. Однако требование сената удалить из договора именно этот пункт³⁷ позволяет сделать вывод о непонимании американскими политиками превосходства США в этой отрасли торговли. Важность этого пункта была осознана только историками. Так, американский исследо-

ватель Ч. Ритчесон назвал этот пункт договора «уступкой, не имевшей себе равных в имперской истории Британии»³⁸.

Однако какие позиции занимала англо-американская торговля в общем торговом подъеме Великобритании? В годы войны Британии с ее американскими колониями важную роль стали играть фактории Ост-Индской компании на Востоке. В Англию Компания привозила бенгальский хлопок (основной товар), который служил сырьем для британской промышленности. В 1784 г. кабинет У. Питта-младшего содействовал выпуску знаменитого Чайного акта, во много раз снизившего в Англии пошлины на знаменитый напиток и сделавшего его национальным. Кроме того, с Востока привозили ткани и специи.

Но уже в 1780-е гг. руководству Ост-Индской компании стало понятно, что это лидерство временное. Монополия, которую строго охраняла компания, вызывала у торговцев протест против нее. К тому же Ост-Индская компания никак не могла справиться с постоянными экономическими кризисами, которые она переживала. В те годы один из членов парламента Дж. Джонсон заявил об индийских владениях Компании, что «территории, которые мы приобрели... принесли нам больше потерь, чем прибыли»³⁹. Однако в 1784 г. У. Питт-младший отмечал, что важность индийских владений Британской Короны «возрастает пропорционально потерям других крупных владений»⁴⁰. Он создал Контрольный совет по делам Индии, фактически руководивший работой Ост-Индской компании.

Попытка директоров Ост-Индской компании сделать бенгальский хлопок основным сырьем для британских мануфактур оказалась безуспешной из-за жесткой конкуренции со стороны вест-индского хлопка, который был качественнее. А изобретение в 1793 г. хлопкоочистительной машины американцем И. Уитни превратило табачные плантации Юга США в хлопковые: за последнее десятилетие XVIII в. производство хлопка на этих плантациях выросло в 8 раз⁴¹. «Благодаря этому изобретению одна негритянка может очистить 100 ф. хлопка в день (до этого – 1 фунт хлопка в день. – А. К.), – писал К. Маркс. – Фунт хлопкового во-

локна, производство которого раньше стоило 50 центов, впоследствии продавался по 10 центов, и притом с большей прибылью»⁴². Однако до покупки США Луизианы хлопковые плантации занимали узкую полосу прибрежной земли в Северной и Южной Каролинах и Джорджии. Лишь в 1803 г. экспорт хлопка впервые превысил экспорт табака из США⁴³.

Американский хлопок был признан лучшим в Британии, и именно он, а не индийский стал основным сырьем для английской промышленной революции. К тому же активному продвижению индийского хлопка в британскую промышленность снова помешал географический фактор – низкая скорость перевозок сырья с Востока в Англию. Одним из важнейших факторов стал и тот факт, что одна только фабрика в английском Ланкашире поглощала урожай 3 индийских хлопковых областей. То есть для того, чтобы поддерживать торговлю с Индией, необходимо было поставлять в Англию 10–20 тыс. фунтов хлопка каждый рейс, но корабли Ост-Индской компании, монополизировавшие торговлю с Востоком, никогда не привозили больше 2–3 тыс. фунтов (см. прил. 3)⁴⁴.

Наконец, страны Востока никогда не представляли собой выгодных для британских торговцев рынков сбыта промышленной продукции – еще одного условия, необходимого для промышленной революции. Основу британского экспорта на Восток, несмотря на его постоянный рост, составляли драгоценные металлы (золото, серебро). Преимущественно жаркий климат в странах Азии делал английское сукно невостребованным в этих регионах. «У нас нет ни малейшей необходимости в том, что производится в Вашей стране», – было сказано британскому посланнику лорду Дж. Макартнею в письменном ответе китайского императора Цяньлуна в октябре 1793 году⁴⁵. В то же время Вест-Индия и США были как раз такими регионами, где английские товары были необходимы. Данные Р. Дэвиса показывают, что США и Вест-Индия оставались наиболее значимыми регионами в Британской империи (см. прил. 4).

Таким образом, в британской экономике Северная Америка в конце XVIII в. продолжала играть все ту же важнейшую роль, что и в колониальные времена. Во многом благодаря это-

му фактору Британской империи удалось не развалиться после потери 13 колоний, а эволюционировать в более крупное и мощное образование.

Примечания

¹ Harlow V.T. *Founding of the Second British Empire, 1763–1793*. L., 1964. Vol. I–II.

² Ibid. Vol. I. P. 5.

³ Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII в. Ярославль, 1996. С. 132; Айзенштат М.П. Британия нового времени. Политическая история. М., 2007. С. 84.

⁴ Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств // Тарле Е.В. Политика: История территориальных захватов. XV–XX века: Сочинения. М., 2001; Татаринова К.Н. Очерки по истории Англии, 1640–1815. М., 1958; Антонова К.А. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1958; Ерофеев Н.А. Империя создавалась так... Английский колониализм XVIII века. М., 1964; Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д., 1999.

⁵ См., напр.: Синха Н.К., Банерджи А.Ч. История Индии. М., 1954.

⁶ Неру Дж. Открытие Индии. В 2 кн. / Пер. с инд. В. Исаакович, Д. Кунина. М.: Политиздат, 1989. Кн. 1. С. 135–137.

⁷ Furber H. *John Company at Work. A Study of European Expansion in India in the late Eighteenth Century*. Cambridge, 1948. P. 284–310.

⁸ Marshall P.J. *The First and Second British Empires: A Question of Demarcation // History – XIX*. 1964. P. 13–23.

⁹ Davis R. *The Industrial Revolution and British Overseas Trade. Atlantic Highlands (N.J.)*, 1979.

¹⁰ Marshall P.J. *Britain without America – A Second Empire? // The Oxford History of British Empire*. Oxford, 1998. Vol. II: *The Eighteenth Century*; Bayly C.A. *The Second British Empire // Ibid*. 1999. Vol. V: *The Historiography*; Marshall P.J. *The First British Empire // Ibid*.

¹¹ Соколов А.Б. Указ. соч.; Бугашев С.И. Уильям Питт Старший: политическая биография. СПб., 1998; Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006; Айзенштат М.П. Указ. соч.

¹² *Navigation Act, 1660 // Documents in English Economic History. England from 1000 to 1760*. L., 1977. P. 315; Акт о поощрении и развитии кораблестроения и мореплавания, 1660 г. // Законодательство английской революции, 1640–1660. М.; Л., 1946. С. 314.

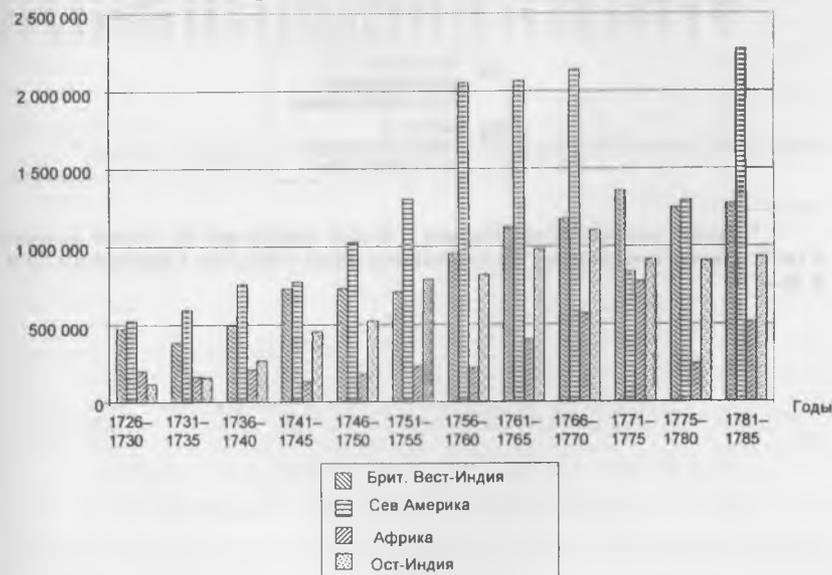
- ¹³ Price J.M. What Did Merchants Do? Reflections on British Overseas Trade, 1660–1790 // The Journal of Economic History. 1989. June (Vol. 49, № 2). P. 271.
- ¹⁴ Marshall P.J. The First and Second British Empires... P. 14.
- ¹⁵ Price J.M. The Imperial Economy, 1700–1776 // The Oxford History... 1998. Vol. II. P. 90.
- ¹⁶ Navigation Act... P. 313; Акт о поощрении и развитии кораблестроения... С. 313.
- ¹⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 422.
- ¹⁸ Price J.M. What Did Merchants Do?.. P. 271.
- ¹⁹ О факторе скорости в колониальной экономике см.: Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 274–277.
- ²⁰ Price J.M. What Did Merchants Do?.. P. 273.
- ²¹ Ibid. P. 274.
- ²² Shepherd J. British America and the Atlantic Economy // The Economy of Early America: The Revolutionary Period, 1763–1790. Charlottesville, 1988. P. 9.
- ²³ Филимонова М.А. Соединенные Штаты на пути к консолидации: политическая борьба в Континентальном Конгрессе (1781–1788 гг.). М., 2007. С. 131–132.
- ²⁴ Harlow V.T. Op. cit. Vol. I. P. 6.
- ²⁵ Плешков В.Н. Внешняя политика США в конце XVIII века (очерки англо-американских отношений). Л., 1984. С. 133.
- ²⁶ Филимонова М.А. Указ. соч. С. 187–188.
- ²⁷ Плешков В.Н. Указ. соч. С. 141–231.
- ²⁸ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 2. С. 220.
- ²⁹ Ritcheson Ch.R. «Loyalist Influence» on British policy toward the United States after the American Revolution // Eighteenth – Century Studies. 1973. Autumn (Vol. 7, № 1). P. 1–17.
- ³⁰ Плешков В.Н. Указ. соч. С. 260.
- ³¹ The Anglo-American Treaty (Jay's Treaty) of 1794 // Ritcheson Ch.R. Aftermath of Revolution. British Policy toward the United States, 1783–1795. Dallas, 1969. P. 395–397.
- ³² Ушаков В.А. Америка при Вашингтоне. Политические и социально-экономические проблемы США в 1789–1797 гг. Л., 1983. С. 236–237; Плешков В.Н. Указ. соч. С. 260.
- ³³ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М., 2002. С. 413–414.
- ³⁴ Плешков В.Н. Указ. соч. С. 251.
- ³⁵ Ушаков В.А. Указ. соч. С. 186.
- ³⁶ Там же. С. 186.
- ³⁷ Плешков В.Н. Указ. соч. С. 257.
- ³⁸ Ritcheson Ch.R. Aftermath of Revolution. P. 352.
- ³⁹ Bowen H.V. British India, 1765–1813: The Metropolitan Context // The Oxford History... 1998. Vol. II. P. 542.

- ⁴⁰ Ibid. P. 542.
- ⁴¹ Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М., 1998. С. 25.
- ⁴² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. М., 1983. С. 403. В Индии же, по его словам, для работы с хлопком «употребляется полумашинобразный инструмент», при помощи которого удавалось производить только 28 фунтов в день. Это данные середины XIX в. См.: Там же.
- ⁴³ Супоницкая И.М. Указ. соч. С. 25.
- ⁴⁴ Furber H. Op. cit. P. 284–310.
- ⁴⁵ Сладковский М.И. Китай и Англия. М., 1980. С. 30.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

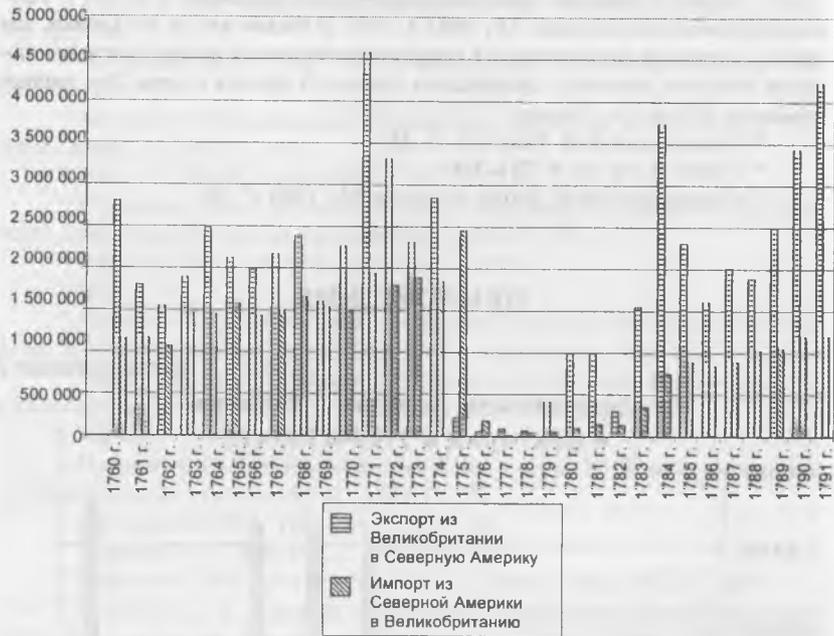
Британский экспорт в колонии и фактории в 1726–1785 гг. *

* Данные приводятся по: Langford P. A Polite and Commercial People. England, 1727–1783. Oxford, 1998. P. 169.

Приложение 2

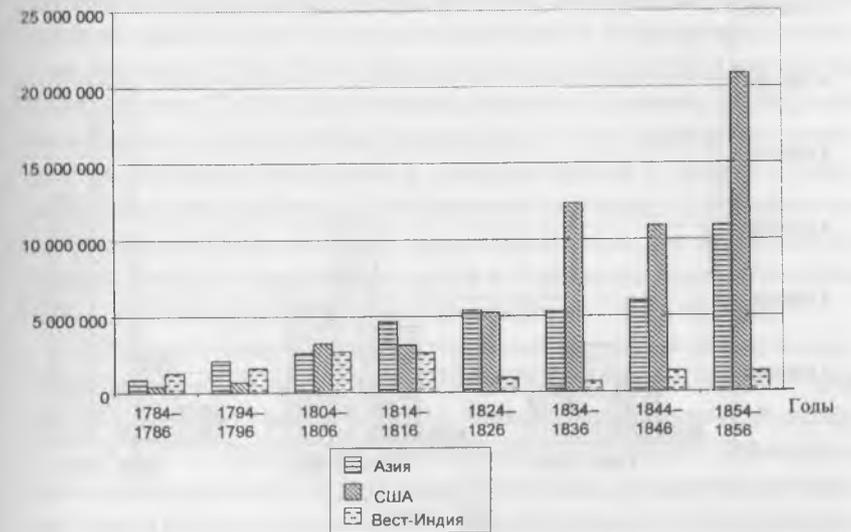
Англо-американская торговля
во второй половине XVIII века *

* Данные приводятся по: Shepherd J. British America and the Atlantic Economy // The Economy of Early America: The Revolutionary Period, 1763–1790. Charlottesville, 1988. P. 40–41.

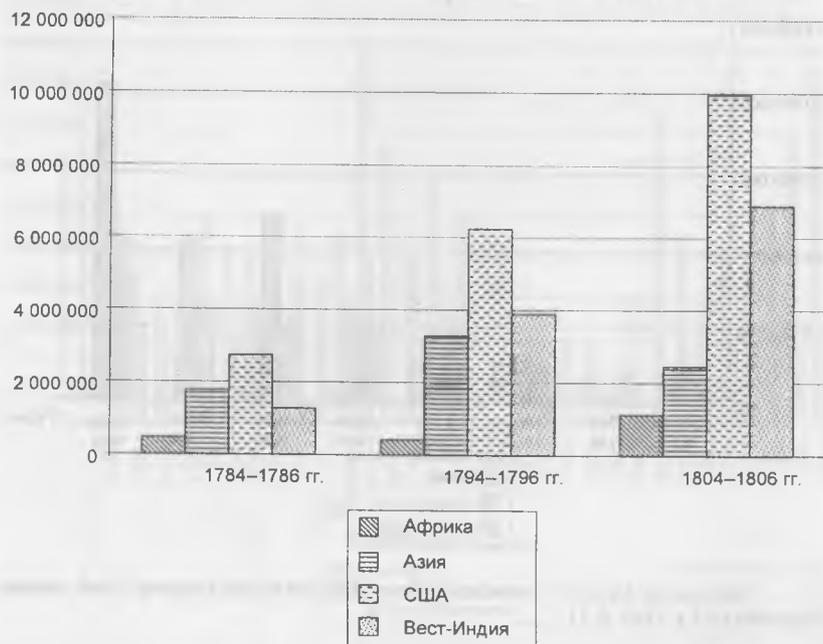
Приложение 3

Импорт сырья в Великобританию
в конце XVIII – первой половине XIX в. *

* Данные по: Davis R. The Industrial Revolution and British Overseas Trade. Atlantic Highlands (N.J.), 1979. P. 21.

Приложение 4

Экспорт британской промышленной продукции
в конце XVIII – начале XIX в. *

* Данные приводятся по: Davis R. The Industrial Revolution and British Overseas Trade. Atlantic Highlands (N.J.), 1979. P. 88.

Д.С. Кабанов (Волгоград)

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА ОБЩЕСТВА СБЛИЖЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АМЕРИКОЙ

Общество сближения между Россией и Америкой появилось в начале 1915 года. Российская империя находилась в состоянии

войны со странами Четвертного союза уже более полугода, в то время как США оставались нейтральными в Первой мировой войне. Обе противоборствующие стороны – Антанта и страны Четвертного блока – с самого начала военных действий пытались склонить на свою сторону одну из сильнейших к тому времени мировых держав – США. Способы и методы привлечения Америки на свою сторону были различными, причем Германия развернула невиданную по масштабам пропагандистскую кампанию на территории Штатов, не стесняясь фальсификаций и обмана. В данной статье речь пойдет об «Обществе сближения...», одной из целей которого было создание привлекательного для американцев образа России – надежного друга и потенциального союзника США в борьбе против прусско-австрийского милитаризма.

В связи с этим представляется важным рассмотрение эволюции образа американцев и русских в общественном мнении России и США в период с конца XIX в. до начала Первой мировой войны.

В XIX в. Российская империя рассматривалась правительством и населением Соединенных Штатов как дружественная страна, чему в определенной степени способствовала и историческая обстановка [поддержка Россией Соединенных Штатов в годы Гражданской войны (1861–1865)]. Однако характер представлений американцев о России в начале XX в. заметно изменяется в худшую сторону. Такое положение вещей было связано с усилением охранительных тенденций в политике самодержавия, репрессиями в отношении религиозно-этнических меньшинств (особенно сектантов и евреев), вызвавшими массовую эмиграцию российских подданных в США, и, наконец, экспансионистским курсом царизма на международной арене (прежде всего – на Дальнем Востоке, где сталкивались геополитические интересы обеих держав). Кульминацией в развитии указанной тенденции явилось два события: явная дипломатическая поддержка Вашингтоном Японии во время войны против России 1904–1905 гг., а также денонсация Конгрессом в конце 1911 г. российско-американского торгового договора. На эти проблемы указывал в 1914 г. эксперт российского МИДа М. Рутковский¹.

Острога дальневосточной проблемы была в значительной степени снята к началу мировой войны, однако заключение в 1916 г. русско-японской союзной конвенции серьезно встревожило Соединенные Штаты, которые усмотрели в этом дипломатическом шаге отказ Петрограда и Токио от соблюдения основополагающего для политики Вашингтона в Азии принципа «открытых дверей».

В отношении антироссийской пропаганды, проводимой другими державами в США, также следует согласиться с мнением эксперта (М. Рутковского. – Д. К.), поскольку Берлин щедро финансировал не только разведывательно-диверсионную деятельность, но и широкомасштабную активность немецкой агентуры по дезинформации и запугиванию американского обывателя «русской угрозой». Не случайно в официальных донесениях и частной переписке высокопоставленных российских чиновников содержатся следующие высказывания по этому поводу: «Немцы организовали здесь (в США. – Д. К.) небывалую в истории войн кампанию... усилия немцев повлиять на общественное мнение здесь доказывают... что они имеют в виду нечто очень важное для будущего – то есть, что они рассчитывают, что Северо-Американский Союз будет иметь значение и влияние при заключении мира»².

Значение подрывной деятельности различных эмигрантских организаций левой ориентации под пораженческими лозунгами, на наш взгляд, несколько преувеличено Рутковским, учитывая то обстоятельство, что, хотя российские социал-демократы всех оттенков, а также анархисты и другие «левые» выпускали в США свои периодические издания, распространяемые преимущественно в крупных центрах, их реальное влияние на общественное мнение было в целом невелико. Это объяснялось традиционно подозрительным и негативным отношением подавляющего большинства американцев (особенно среднего класса) к антиправительственной пропаганде, сравнительно малыми тиражами периодики подобного рода (около 370 000 экз. из общего выпуска в 20 000 000, по данным М. Рутковского)³, а также особенностями законодательства США, предусматривавшего суровые наказания за призывы к свержению существующего политического строя.

В то же время официальный Петроград обращал самое пристальное внимание на деятельность влиятельных кругов американского еврейства⁴. Используя дискриминационные ограничения прав лиц еврейской национальности, посещавших Россию в связи с бизнесом или по служебным делам, лидеры сионистских организаций Америки при негласной поддержке германо-австрийской агентуры⁵ стремились вынудить президента Вильсона занять бескомпромиссную позицию в диалоге с царем по проблеме уравнивания юридического статуса всех национальных меньшинств империи и снятия любых запретов на перемещение американских евреев в границах России. Опасность для ее престижа и имиджа заключалась в данном случае в том, что требования еврейских кругов США находили отклик и понимание у общественности заокеанской республики, что отразилось в записке М. Рутковского: «Практическому уму американцев кажется ненормальным и бесцельным лишение части населения империи средств к заработку ограничением свободы передвижения вне известной черты оседлости»⁶.

Но, с другой стороны, несомненные экономические достижения России в предвоенные десятилетия, бурный прогресс российской науки и культуры, некоторые внешнеполитические инициативы (например, организация Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг.) вызывали симпатии американской общественности России. Здесь следует также отметить и Мирную конференцию в Портсмуте, в процессе которой общественное мнение САСШ изменило свое отношение к России с отрицательного на положительное, не без участия русских уполномоченных на этой конференции. Также конкретным проявлением добрых чувств населения США в отношении Российской империи стало, в частности, проведение кампании по оказанию материальной помощи жертвам массового голода в России 1891–1892 годов⁷.

Неудивительно, что сложившаяся к августу 1914 г. двойственность восприятия нашей страны в сознании американцев продолжала и в первый период войны оказывать влияние на характер наших отношений. Как показывают источники, наряду с беспощадной критикой в адрес автократического, экспансионистского

режима среди представителей части истеблишмента и общественности США с началом военных действий начали все шире распространяться настроения сочувствия и доброжелательности к государству, объективно оказавшемуся в рядах защитников мира и справедливости ⁸.

Такая историческая обстановка способствовала тому, что группа лиц (Н.А. Бородин, Ф.В. Иванов, Н.С. Курнаков, В.И. Похитонов, М.И. Янцын), которым довелось жить в Америке и познакомиться с ее бытом, взяла на себя почин в организации Общества сближения между Россией и Америкой ⁹.

Общество было зарегистрировано в Петрограде 10 февраля 1915 года. Председателем единогласно избран барон Роман Романович Розен.

Целью Общества было содействие ближайшему ознакомлению двух великих наций между собой в их прошлом и настоящем для того, чтобы все лучшее, что может быть позаимствовано странами одной от другой, послужило на обоюдную пользу.

Создатели Общества видели в Соединенных Штатах Америки страну, с которой Россия могла брать пример своего дальнейшего капиталистического развития, ввиду схожести масштаба (территории и населения), естественных и бытовых условий двух стран. После разрыва дипломатических и экономических отношений с Германией в связи с войной Россия стала нуждаться в целом ряде товаров, в капиталах, техниках (по некоторым, не установившимся у нас производствам) и в вывозе сырья и должна была заменить ее другой страной, которой наряду с Англией стали и Северо-Американские Соединенные Штаты.

С целью организации правильной информации по торгово-промышленной и экономической части, в целях содействия взаимным сношениям русских и американских фирм и учреждений при Обществе была образована особая информационная комиссия с подкомиссиями торгово-промышленного и экономического содействия. В целях ознакомления русских с различными сторонами культурной и экономической жизни Америки Общество организовало систематический курс лекций о Соединенных Штатах

ряд докладов и лекций по злободневным вопросам их жизни, а также путем обмена лекторами обеспечило устройство лекций о России в Соединенных Штатах ¹⁰.

В качестве практических шагов по пути налаживания диалога с заокеанской республикой можно назвать, во-первых, организацию в США Славянского информационного бюро и курсов «практического изучения России» при нем ¹¹; во-вторых, издание газет и журналов типа «Русской Земли» (под патронажем архиепископа Северо-Американского и Алеутского Евдокима) или «Русского обозрения» (на английском языке), выдержанных в ортодоксальном, проправительственном духе ¹²; в-третьих, установление негласного контроля над другими печатными органами эмиграции в Америке вроде «Русского эмигранта», «Русского слова» и др., до войны настроенными весьма критически к авторитарному режиму на родине ¹³; в-четвертых, создание русско-американского книгоиздательства для выпуска переводной литературы, соответствующей официальному курсу ¹⁴; наконец, активную пропаганду достижений России в области культуры. Организовывались выставки, гастроли балета Вацлава Нижинского, показ кинофильмов, в качестве основных сюжетов которых предлагались «деяния российских монархов по освобождению крестьян, провозглашению Манифеста 17 октября».

Экономическому аспекту отношений между Россией и Соединенными Штатами создатели и члены Общества придавали приоритетное значение.

В каждом выпуске «Известий Общества сближения...» можно найти статьи как американских, так и русских экономистов и бизнесменов, в которых детально рассматриваются области применения американского капитала и технологий в России: «Россия с точки зрения американского инженера и делового человека» (Кап. Хоф – David Hough); «Russia as a market for refrigerating machinery» (V.N. Roolyov); «К русско-американским торговым сношениям» (И.С. Портер из «Russian-American Journal of Commerce»); «Американский пушной рынок и его значение для России. Реферат о докладе В.Я. Генерозова»; «Русские заказы в

Америке. Нефтяные богатства Уральской области», «Некоторые области желательного и возможного применения в России американского капитала и техники» (Н.А. Бородин); «Американский банкир о промышленных перспективах России. Будущее русской торговли» (Лео Броч и т. д.).

Среди членов Общества можно также найти известных дельцов и промышленников (Hough David L. John, Baker Henry – коммерческий атташе при посольстве САСШ, Павел Григорьевич Мижуев).

Эти приоритетные направления Общества были выбраны неслучайно. Россия стала остро нуждаться в моральной и материальной поддержке Соединенных Штатов после начала Первой мировой войны.

С самого начала работы Общества создатели полагали, что война помешает его деятельности и отдалит ее результаты, но уже первый год войны показал, что война не только не помешала делу сближения России и Америки, но сильно содействовала этому сближению. «Война сделала дружественную нам, хотя и нейтральную заокеанскую республику, нашей союзницей в общей борьбе за водворение права, справедливости и свободы – во всем мире – против угрожающего всему свету германского милитаризма», – сказал товарищ председателя Общества сближения между Россией и Америкой Н.А. Бородин¹⁵.

С началом мировой войны возникла ситуация, когда практически все в России были объективно заинтересованы создать привлекательный для американцев образ страны – надежного друга и потенциального союзника США в борьбе против прусско-австрийского милитаризма.

Однако цели официальных властей и усиливавшейся на протяжении войны оппозиции являлись прямо противоположными. Если для Николая II и его окружения важно было опереться на экономическую мощь США для достижения победы, а в конечном счете сохранения самодержавия, то представители торгово-промышленного и финансового капитала вместе с ориентированной на западную модель демократии интеллигенцией рассчитывали использовать содействие Америки в процессе мо-

дернизации политического и хозяйственного строя империи. Показательно в этом плане мнение одного из представителей либеральных кругов российской столичной элиты, выступившего с докладом о новейших общественных движениях в США на ежегодном собрании Общества сближения между Россией и Америкой 21 октября (3 ноября) 1915 г.: «Мы заинтересовались Америкой в связи с войной. Войны рождают и новую общественную психологию. В болезненных муках борьбы обновляется народная душа. Русское общество ныне переживает этот процесс. Пусть же, знакомясь ближе с духом англосаксонских народов, оно воспримет от них и для своей новой деятельности живительные элементы молодости – здоровый оптимизм, дух организации и солидарности, сознание силы общественности в борьбе с отживающими идеями старого»¹⁶.

Члены общества также не обходили стороной и насущные проблемы российской внутренней политики. На страницах одноименного журнала Общества стали появляться статьи и высказывания на актуальные темы – свержение монархии, образование Временного правительства.

Здесь примечательны слова председателя Общества сближения Р.Р. Розена, которые он произнес 10 февраля 1917 г. на публичном собрании в Петрограде, посвященном Соединенным Штатам, по случаю их выступления против Германии: «Господин Посол, гражданки и граждане, представители двух величайших в мире демократий! Мы собрались здесь сегодня, чтобы отметить величайшей важности событие: активное вмешательство в мировую войну США против общего врага, объединившегося теперь почти всего, человечества.

Великий русский народ, свергнув навеки ненавистное иго самодержавия, и американский народ, вставший в ряды борцов за право и свободу человечества, запечатлели окончательно истинный идейный смысл войны как решительной борьбы всемирной демократии против пережитков деспотического милитаризма, свившего себе гнездо в средне-европейских империях.

Эти неизмеримой исторической важности события знаменуют близость неминуемого сокрушения той узкой милитаристичес-

кой касты с ее ослепленными идейными последователями, которая навлекла на человечество неизреченные бедствия этой ужасной войны.

Эти события вместе с тем знаменуют близость полной победы и торжества светлых идеалов свободы, права и справедливости, за которые мы боремся соединенными силами и которые отныне будут указывать обновленному роду человеческому пути к лучшему лучезарному будущему. Я надеюсь, что отвечу общему Вашему желанию, если я, в заключение, воскликну: Привет сердечный от свободных русских граждан великому братскому американскому народу»¹⁷.

События в России, повлекшие падение Временного правительства и приход к власти большевиков, ознаменовали собой и окончание работы Общества сближения между Россией и Америкой. В феврале 1918 г. вышел последний выпуск «Известий...» этого Общества, вступительная статья которого с нотой сожаления резюмировала тот факт, что достигнутые за годы существования Общества успехи между Соединенными Штатами и Россией сошли на нет с приходом большевиков. Единственной надеждой членов Общества на дальнейшее сотрудничество с Америкой стала речь президента США – В. Вильсона.

«С апреля 1917 г. по февраль 1918 г. свершилось так много крупнейших событий в области взаимоотношений между Россией и Америкой, что трудно объять и должным образом оценить в нашем небольшом текущем выпуске “Известий”.

После небывалого национального подъема в России, связанного с февральским переворотом, крупнейшим событием было вступление (в апреле месяце) Соединенных Штатов в войну с Германией. Этим событием начинается летопись настоящего выпуска. Оно было подробно освящено на публичном собрании 10 апреля.

Далее следует большой перерыв в отношении событий в России и выступлений в них американцев. После того, как последовал ряд крупнейших событий в жизни Российского государства (свержение Временного правительства, захват власти большевиками и переговоры их о мире), которые не могли не отразиться

самым решительным образом на русско-американских взаимоотношениях. Американское правительство, как и правительства других наших союзников, не признали советской власти большевиков, оно приостановило нам кредит и задержало уже готовые к отправке предметы снаряжения»¹⁸.

Отношения между американским посольством и советским правительством иногда очень обострялись. Но с появлением в печати второй речи президента Вильсона об условиях всеобщего мира, казалось, установился контакт, и советское правительство оказало всяческое содействие к широкому распространению этого замечательного доклада на русском фронте, как среди русских, так и среди немецких солдат.

В этой прекрасной, по мнению русских сторонников сближения с Америкой, речи Вильсона заключалось так много теплого и братского чувства к русскому миролюбивому народу, что деятели Общества сближения... сочли необходимым откликнуться на нее, для чего было намечено на 4 февраля общее собрание членов общества с представителями других обществ. Между тем 29 января стало известно, что русская делегация заявила о прекращении состояния войны России с Германией и ее союзниками, и в то же время договор, предложенный Германией, не подписан. Ввиду неопределенности политического момента и неясности позиции Соединенных Штатов собрание пришлось отложить.

Тем не менее последовало следующее заявление: «Но несмотря на все уже свершившееся и независимо от дальнейших крупных политических событий, каковы бы они не были, мы, деятели “Общества сближения...”, продолжаем стоять на прежней нашей отправной точке зрения, что Россия неизбежно должна будет сближаться с Америкой и мы будем продолжать работать в том же направлении – сближении этих двух стран»¹⁹.

Таким образом, почти незаметная при поверхностном наблюдении, подспудная эволюция взглядов американцев на нашу страну с августа 1914 по февраль 1917 г. подготовила феномен почти молниеносного с точки зрения существовавшей дипломатической практики официального признания Вашингтоном новой России и

последовавшего за ним краткого, однако имевшего большое значение для дальнейшего развития двухсторонних отношений периода тесного сотрудничества администрации президента Вильсона и Временного правительства, прерванного большевистским переворотом.

Примечания

- ¹ Записка М. Рутковского. АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 42. Л. 243.
- ² Демен – Ермолу, Альта-Лова, Калифорния, 29 ноября (12 декабря) 1914 г. АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 42. Л. 2–2 об. Подробнее об антироссийской деятельности германской агентуры в США см.: Роз Ф. Германское влияние в Соединенных Штатах // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. Пг., 1916. Вып. 3. С. 11–16; Лан В.И. США: от первой до второй мировой войны. М., 1976. С. 22–28.
- ³ Записка М. Рутковского. АВПРИ. Л. 243.
- ⁴ Энгель В. «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях начала XX в. // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога. М., 1992. С. 353–371.
- ⁵ По мнению упоминавшегося А.В. Бера, «большинство еврейского капитала находилось в руках евреев немецкого происхождения». См.: Бер – Поливанову. Нью-Йорк, 29 сентября (12 октября) 1915 г. РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 13. Л. 67–74.
- ⁶ Записка М. Рутковского. Л. 235.
- ⁷ Бородин Н.А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Пг., 1915. С. 286.
- ⁸ Там же. С. 314.
- ⁹ Известия Общества сближения между Россией и Америкой. Пг., 1915. Вып. 1. С. 15.
- ¹⁰ Там же. С. 16.
- ¹¹ Бахметев – Сазонову. Вашингтон, 30 апреля (13 мая) 1915 г. АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 42. Л. 49; Бахметев – Сазонову. Вашингтон, 4 (17) апреля 1916 г. Там же. Ф. 140. Оп. 477. Д. 819. Л. 1–1 об.; Нератов – Бахметеву. Петроград, 17 (30) ноября 1916 г. Там же. Л. 9–9 об.
- ¹² Сергеев Е.Ю. Образ России и русских в общественном мнении США (август 1914 – февраль 1917). АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 42. Л. 79–79 об. Бахметев – Сазонову. Вашингтон, 28 мая (10 июня) 1915 г.; Архиепископ Евдоким – Сазонову, Нью-Йорк, 10 (23) сентября 1915 г. Там же. Л. 169–170; Сообщение газеты «Русское Слово». 1916. 8 (21) июля. Там же. Ф. 140. Оп. 477. Д. 845. Л. 6.

¹³ Сергеев Е.Ю. Образ России и русских в общественном мнении США. Там же. Ф. 134. Оп. 473. Д. 42. Л. 199–199 об. Бахметев – Сазонову. Вашингтон, 16 (29) ноября 1915 г.

¹⁴ Бер – Гучкову. Москва, 22 декабря 1916 (4 января 1917 г.). Там же. Д. 170. Л. 8 об. – 9.

¹⁵ Из речи товарища председателя Н.А. Бородина. См.: Известия общества сближения между Россией и Америкой. Пг., 1918. Вып. 5. С. 12; 1915. Вып. 1. С. 25.

¹⁶ Там же. 1918. Вып. 5. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 2.

И.А. Уманская (Волгоград)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СЕНАТОРА Р.М. ЛАФОЛАЕТА (ПОЕЗДКИ В СССР И ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ В 1923 ГОДУ)

В конце 1950-х гг. сенат США создал специальную комиссию с целью определения пяти величайших сенаторов в истории США. В результате опроса сенаторов Конгресса США были названы пять имен: Генри Клей (виг), Джон Колдуэлл Кэлхаун (демократ), Дэниэл Уэбстер (виг), Роберт Тафт (республиканец) и сенатор-прогрессист Роберт Марион Лафоллет¹.

Имя Р.М. Лафоллета (14.06.1855–18.06.1925), выдающегося государственного деятеля, губернатора штата Висконсин, сенатора США и лидера прогрессивного движения, не могло не привлечь мое внимание среди вереницы замечательных людей прогрессивной эры начала XX века.

Непосредственно о Р. Лафоллете в США вышло около 40 работ. В настоящее время лишь одна книга является полным жизнеописанием сенатора. Ее авторами являются его жена Белл и старшая дочь Фола. В ней присутствует мемуарный и в то же время документальный жанр, большое количество выдержек из дневниковых записей и переписке самого Лафоллета. Характерно и то,

что материалы прессы, официальные документы, устные свидетельства участников различных событий того времени перемежаются с личными воспоминаниями сенатора².

Необходимо отметить, что политическую деятельность Р. Лафоллета подробно изучали такие зарубежные исследователи, как Дэвид Телен, Кэннот Макей, Роберт Максвелл, Нэнси Унжер, Джон Милтон Купер, Эдвард Доан, Чарльз Мэдисон, Альберт Бартон, Фредерик Огг, Гарольд Сэнфорд, Дэвид Майерс³ и мн. др. Из отечественных исследователей прежде всего хотелось бы отметить работу советского исследователя И.А. Белявской «Роберт Лафоллет: цена независимости». В ней автор освещает жизнь и деятельность сенатора и пытается воссоздать портрет этого политика. Общие работы Е.Ф. Язькова, Н.В. Куркова⁴, посвященные фермерскому и рабочему движению 1920-х гг., содержат отдельные главы, в которых упоминается деятельность Лафоллета. Также необходимо назвать работы У. Фостера, Д.Н. Сташевского, Н.Н. Иноземцева, И.М. Краснова, В.К. Фураева⁵, в которых рассматриваются внешнеполитические взгляды прогрессивных сил США, в том числе и сенатора Лафоллета, на Советскую Россию. Особо следует отметить и автобиографию Р. Лафоллета, написанную им в 1913 году⁶.

Проанализировав как общую, так и специальную литературу нужно признать, что основной темой исследования являлось подробное изучение его внутривнутриполитических взглядов на политическую и экономическую жизнь США начала XX века. Справедливым будет заметить, что большое внимание вышеупомянутыми авторами уделялось именно политико-экономической деятельности Р.М. Лафоллета, а его внешнеполитические взгляды освещались ими, на наш взгляд, недостаточно. Между тем хочется отметить, что его понимание внешней политики в конце XIX – в начале XX в. вызывает достаточно глубокий интерес.

В данной статье предпринимается попытка осветить отношение сенатора Роберта Лафоллета к внешней политике США, в частности к участию его страны в Первой мировой войне и заключению Версальского договора (1919), к интервенции в Мексику (1916–1919) и Советскую Россию (1918–1920). Также анали-

зируется позиция американского сенатора в отношении правительства и политической жизни «страны большевиков», его оценка путешествия в Западную Европу и первого визита в Петроград и Москву, состоявшихся в 1923 году.

Прежде всего хочется подчеркнуть, что Р. Лафоллет активно выступал против империалистического характера политики США. Несмотря на то что сенатор Лафоллет в целом поддерживал внутреннее преобразование администрации Вудро Вильсона, он негативно относился к его внешнеполитическому курсу в период Первой мировой войны, став одним из шести сенаторов, изоляционно голосовавших против вступления США в войну, участия своей страны в Лиге Наций и осудивших военные интервенции в Мексику и Россию.

Необходимо отметить, что Р.М. Лафоллет никогда не был пацифистом, но его явно мучила мысль, что страну могут втянуть в войну, не считаясь с желанием американского народа. Свои взгляды на войну и мир, на интервенцию в Мексику, на милитаризм и империализм, лежавшие в основе внешней политики его страны, Лафоллет изложил в своей речи перед сенатом 20 июля 1916 года. В ней Р. Лафоллет подчеркивал непосредственную связь войн с империализмом. «Основой всех современных войн практически, – говорил он, – является одна политика. Это политика финансового империализма»⁷. В качестве наглядного примера он привел политику США в Мексике. Сенатор заострил свое внимание на том факте, что финансовые магнаты, вложившие свои капиталы в экономику слаборазвитой страны, всегда настаивали перед своим правительством на применении вооруженных сил. Таким образом, Р. Лафоллет проводил прямую связь между империализмом и войной, между интересами финансового капитала и политикой правительства. Далее он добавит: «Народ США не хочет войны с Мексикой. Мексиканский народ не хочет войны с нами»⁸.

То обстоятельство, что Р. Лафоллет был убежденным противником любой войны, в том числе вступления США в европейскую войну, а также обостренное чувство долга заставляли его с неуклонной последовательностью предпринимать шаги для предотв-

ращения вступления его страны в эту бойню. Войну он рассматривал как преступление против своего народа. Его позиция заключалась в том, чтобы США сохранила свой нейтралитет.

29 апреля 1916 г. Лафоллет представляет в Конгресс билль, в котором он требует всенародного референдума перед официальным вмешательством страны в любой военный конфликт. Билль, правда, отсылается в комитет и уже больше никогда не ставится на обсуждение. Летом 1916 г. во время дебатов по законопроекту об ассигнованиях на армию Лафоллет произносит страстную речь против войны, милитаризации, указывает на опасность войны. В этой связи уместно вспомнить и речь сенатора против закона о мобилизации в армию, флот и авиацию: «Мобилизация является результатом милитаризма, а милитаризм означает смерть демократии. Ни одна война не может вестись успешно, если она не пользуется искренней поддержкой людей, которые участвуют в этой войне. Если мы примем билль о мобилизации, это будет черная страница в истории Конгресса»⁹. Его речь была открытым осуждением войны как таковой. Он не изменил своим убеждениям, говорил об ужасах войны, протестовал против «облечения властью одного человека», ради того, чтобы он послал за океан «самых лучших, самых сильных и самых здоровых наших парней, чтобы заставить их, под страхом смерти в случае отказа, ранить и убивать других людей, таких же, как они сами, к которым они не чувствуют вражды и не имеют повода ее чувствовать»¹⁰.

Говоря об интервенции в Россию, Лафоллет принципиально высказывался против нее, а также резко осуждал правительство США, пославшее свои войска в эту страну без всякого объявления войны. В итоге 20 мая 1919 г. сенатор от штата Висконсин и будущий кандидат в президенты США Р.М. Лафоллет внес в сенат резолюцию, одобренную законодательным собранием штата Висконсин, в которой содержался призыв о немедленном выводе американских войск из России. При этом он заявил, что «нет никаких оснований к тому, чтобы была объявлена война против русского народа и фактически против русского правительства. Однако происходят сражения, проливается американская кровь, рус-

ских убивают на русской земле»¹¹. Далее сенатор Р. Лафоллет подчеркивает: «Я считал бы себя вероломным отступником от своего понимания долга перед моим штатом и его населением, если бы не использовал всех имеющихся в моем распоряжении возможностей для того, чтобы выяснить, по какому праву сотни юношей из Висконсина отправлены вести войну против России»¹². Однако он не останавливается на этом и объявляет со свойственной ему прямотой и резкостью: «...я думаю, что Конгресс и страна должны знать, почему мы ведем войну против русского народа»¹³. Надо сказать, что сенатор позволял часто себе весьма резкие выражения по поводу отправки американских войск и вооружения союзникам против России, назвав политику президента Вудро Вильсона «столь же безрассудной, сколь и незаконной, упрекая президента в том, что тот, “помогая в России одной части народа, воюющей против другой ее части” вызывает ненависть и презрение обеих сторон к Америке»¹⁴.

Примечательно то, что Р. Лафоллет считал, что русский народ сам имеет право решать свою судьбу и определять форму правления. В этой связи полезно будет обратиться к его словам о русском народе: «Из того, что нам было известно о русском народе еще задолго до нынешней войны, мы знаем, что это великий, идеалистический, трудолюбивый и свободолюбивый народ. Вот что я скажу о советском правительстве, о котором мы знаем так мало: это именно тот самый народ, который, насколько мы можем судить, организовал и в своем подавляющем большинстве поддерживает нынешнее Советское правительство. Эти факты о русском народе должны заставить каждого американца не принимать на веру фантастические выдумки о нынешнем правительстве России. Но, отвлекаясь от всего этого и независимо от того, является ли по нашим стандартам русское правительство хорошим или плохим, – не нам пытаться его свергнуть, если этот род правительства, которого хотят сто тридцать или сто сорок миллионов русского народа, то это их дело, а не наше. И никакое правительство, и ни под каким предлогом не должно вторгаться в их дела. У нас достаточно дел в настоящее время и на ближайшее буду-

щее у себя в Соединенных Штатах»¹⁵. Как мы видим, сенатор резко осуждает собственное правительство, обратившее оружие против революционного русского народа и смело встает на защиту советского правительства и его действий. Вся его речь настойчиво призывает считаться с тем, что существующее правительство в Советской России поддерживается огромным большинством народа, и американскому правительству никуда от этого не деться. На мой взгляд, такое отношение Р. Лафоллета к революционной России является честным, высококонравственным, непредвзятым.

Хотелось бы также кратко остановиться на визитах Р. Лафоллета в Петроград и Москву, а также в страны Западной Европы. Известен тот факт, что сенатор мечтал об этом путешествии, но не из-за туристической любознательности, а для того, чтобы своими глазами увидеть, что происходит в странах, над которыми пронеслась война, а за ней и революция. Он давно желал посетить Германию и Советскую Россию, и конечно, когда его друг-бизнесмен Роули сделал ему щедрый подарок в виде оплаты всех расходов на путешествие с женой и сыном, Лафоллет не смог отказаться от такого предложения. Р.М. Лафоллет, Белл и Роберт-мл. отплыли из Нью-Йорка на пароходе «Джордж Вашингтон» 1 августа 1923 года. Вместе с ними отправился в поездку его лучший друг Безил Менли с женой, также пожелавший воспользоваться возможностью посетить Европу и далекую, загадочную Россию. Следует подчеркнуть, что к моменту прибытия в страну, где как раз победили «крайности коммунизма», группа американских путешественников увеличилась, так как в Германии к ним присоединились старые приятели Лафоллета – известный журналист Линкольн Стеффенс и скульптор Джо Дэвидсон. Целью их визита являлось получение правдивой информации о советском правительстве, о социальных, экономических и политических условиях, в которых жил советский народ. Роберт Лафоллет хотел подробно изучить положение дел в этой стране, увидеть все хорошее и плохое, как действуют фабрики и заводы при коммунистической системе, а также желал встретиться с людьми по его выбору, повидать американцев, проживающих в России, и связаться с

представителями АРА (Американской ассоциации помощи России). Лафоллет получил заверения советского правительства в том, что ему будут созданы все условия для изучения положения дел в России. Действительно, в Петрограде американскую делегацию ждали. Их встретил представитель Петроградского отдела наркомата иностранных дел и сопроводил в гостиницу «Европейская». Интересно то, что американцы прибыли как гости советского правительства, но сенатор Лафоллет лично оплатил пребывание в отеле, хотя на тот момент гостиница «Европейская» уже была государственным владением. В своих воспоминаниях известный советский историк Николай Полетика задается вопросом, с какой целью сенатор Р.М. Лафоллет приехал в Советскую Россию: «Что погнало его к нам – свирепым большевикам со страшными бородами и с ножами в руках (так в американских газетах и журналах изображали советских граждан), когда он мог отдыхать в Майами или в Ницце, – вот это было вопросом»¹⁶.

Выяснить эту цель и было задачей Н. Полетика. Журналист так вспоминает свою первую личную встречу с американским сенатором и взятое у него затем интервью в гостинице «Европейская»: «Когда я явился в гостиницу и представился сенатору и его свите (с ним были, кажется, два конгрессмена), то решил спровоцировать сенатора обычным для журналистов и обывателей разговором о красотах и достопримечательностях Петрограда. На традиционный вопрос “Как вам понравился Петроград?” Лафоллет ответил, что Петроград ему очень понравился: – Какие дворцы! Какие улицы, каналы! Тогда я перешел в наступление и спросил: – Вы, конечно, приехали посмотреть наши театры? У нас замечательный классический балет в Мариинском оперном театре. Сенатор взорвался: – Какой там балет! – кричал он, и его коротенькая седая борода тряслась от негодования. – Стал бы я ездить сюда ради балета! Я приехал посмотреть, может ли петроградский порт вывозить пшеницу в Европу, и в каких количествах»¹⁷.

Самым интересным фактом для Лафоллета в Петрограде были встречи с советскими людьми на заводах. Здесь хотелось

бы отметить, что в 1922 г. американским профсоюзом швейников и советским правительством с помощью американских профсоюзов была создана Российско-американская индустриальная корпорация (РАИК), которой были переданы шесть текстильных и швейных фабрик в Петрограде и четыре – в Москве. В Петрограде сенатор посетил Трубный, Патронный, Балтийский, Путиловский и другие заводы и фабрики, а уже в Москве – Московский автомобильный завод (АМО), на котором налаживали производство более ста квалифицированных рабочих с американского завода «Форд». Он также побывал в домах рабочих и был приятно удивлен, увидев детские садики, где работницы текстильных фабрик оставляли на день своих детей. Лафоллет с большой радостью отмечал все хорошее, что ему пришлось увидеть и услышать от рабочих, с которыми он беспрепятственно общался через переводчика. Хочется заметить, что американский визитер в целом достаточно лояльно отнесся к советской власти и советской жизни в частности. Он писал, что люди кажутся ему счастливыми, довольными условиями, в которых они живут и трудятся¹⁸.

Пробыв в Петрограде несколько дней, сенатор вместе со своей группой выехал в Москву. Там Роберт Лафоллет рассчитывал встретиться с лидерами советского государства, чтобы выяснить для себя их позицию и возможность содружества с западным миром. Он испытывал острый интерес к стране, где произошла рабоче-крестьянская революция, к стране, в которой теперь строился новый, не понятный западным либералам мир. Лафоллет с сожалением отмечал тот факт, что ему так и не довелось лично увидеться с В.И. Лениным, поскольку он на тот момент был тяжело болен. Но надо сказать, что американский сенатор все-таки смог встретиться с одним из руководителей советской власти, а именно А.И. Рыковым, заменявшим на посту председателя Советнаркома Ленина. Хотелось бы также отметить его встречи с А.В. Луначарским и Л.Б. Красиным, на которых шла речь о политической и экономической ситуации в России.

Сенатор Лафоллет признавал, что повсюду видел свидетельства любви народа к Ленину и признания его величайшим государ-

ственным деятелем из когда-либо бывших в России. Он честно говорил о том, что условия труда намного улучшились по сравнению с тем, что можно было увидеть в царские времена, что советское правительство проявляет особую заботу о детях, о работающих женщинах, беременных и имеющих маленьких детей. Особенно сенатор интересовался различного рода выставками, считая, что они отражают конструктивную деятельность и энергию советского правительства, и не хотел закрывать глаза на достижения русских, если их видел. Но несмотря на все вышесказанное Лафоллетом, сенатор резко выступил против направленности политики большевиков и, приехав из России обратно в США, пришел к выводу, что «демократия, как мы ее понимаем, в России не существует. Нет свободы печати, и нет свободы собраний. Ни одной оппозиционной газете не разрешается выходить в тираж. Ни один гражданин, если он не член коммунистической партии, не может возвысить голос с критикой правительства и жить в России»¹⁹. Далее он осуждал полный контроль четырехсоттысячной партии коммунистов над 150-миллионным народом. Его осуждение вызвало и подчинение армии той же партии. Однако в своем журнале «Лафоллет'с мэгэзин» в январе 1924 г. Лафоллет все же подчеркивал, что «Россия управляется людьми, которые должны быть упомянуты среди наиболее способных и выдающихся государственных деятелей Европы. Они искренни в своей вере в коммунистическую форму правления»²⁰.

Италия и его встреча с диктатором Муссолини в сентябре 1923 г. произвели еще более удручающее впечатление на Роберта Лафоллета. Увидев впервые на улицах Италии отряды чернорубашечников, хотя и со стороны, а затем, уже в Германии, услышав, как маршируют отряды вооруженной молодежи, и увидев их в коричневых рубашках с угрожающими надписями, он узнал о существовании такого нового и ужасного явления в мире, как фашизм. По этому поводу жена Лафоллета Белл отметила, что «Боб испытывал к итальянскому фашизму не больше симпатии, чем к русскому коммунизму»²¹.

Нельзя не отметить тот факт, что германская тема стала центральной уже в первом номере «Лафоллет'с мэгэзин», вышедшем

после его возвращения из Германии, в ноябре. Главной проблемой, занимавшей первую полосу его журнала, было снабжение населения Германии продовольствием. Будучи в Германии, Лафоллет встречался со многими государственными деятелями, членами рейхстага, рабочими лидерами и бизнесменами. Его принимали Г. Штреземан – глава Веймарского правительства, д-р Х. Лютер – министр продовольствия и сельского хозяйства, Зоргер – директор фирмы Круппа. Лафоллет беседовал со многими немцами. Сенатор старался собрать больше сведений о жизни простых людей, посещал госпитали и детские продовольственные станции, и то, что он увидел, его потрясло и обострило его возмущение Версальским договором. Роберт Лафоллет был убежден, что народ не должен голодать из-за того, что он был ввергнут в военные действия. Сенатор снова и снова обращал свое внимание на бедственное положение населения в побежденной вражеской стране. Он настойчиво призывал американскую общественность оказать реальную продовольственную помощь голодающим детям в Германии, а также предупреждал, что «голод в Германии представляет угрозу для всего мира, а промедление означает возможное свержение правительств, смятение, хаос, гражданскую войну и разгул темных сил в Европе»²².

В заключении этого воззвания о помощи Германии Роберт Лафоллет вновь возвращается к мысли об угрозе гибели демократии, но уже в Европе: «Не только в Германии, но и во многих других странах, которые я посетил, демократические институты разрушаются или “разбазариваются” диктаторскими режимами различной формы»²³. «Сейчас в Европе распинают демократию. В России ей нанесла сокрушительный удар коммунистическая олигархия. В Италии она разрушается Муссолини и его фашистскими группами. В Австрии она оказалась заложницей союзных денежных тузов, а в Германии демократия, основанная на посвященной конституции, зажата меж жерновами коммунизма и монархизма»²⁴. В продолжение он говорит: «То, что случилось в Италии и России, может произойти в Германии, где враждующие группы одновременно прилагают все усилия низвергнуть республику

и на ее месте установить диктатуру, опирающуюся не на волю народа, а на силу оружия»²⁵.

Американский историк Д.П. Телен, освещая позицию Роберта Лафоллета в отношении Версальского договора, отмечал, что сенатор видел в нем реакционный документ, созданный для того, «чтобы подавить движения за народную демократию, возникающие повсюду после войны»²⁶. Лафоллет не скрывал возмущения лидерами союзников и лидером собственной страны, распорядившимися за закрытыми дверями Версальской конференции судьбами людей без их согласия. Сенатор был глубоко возмущен тем, как политики расправились с народами Европы, Азии и Африки в Версале. Надо сказать, что его речь, посвященная этому договору, была наиболее сильной по аргументации и эмоциональной напряженности из всех его выступлений. Он вложил в нее свое отношение не только к политике Вудро Вильсона, но и собственное восприятие всех процессов, происходивших тогда в послевоенном мире. Наглядным тому подтверждением может служить его известное высказывание в отношении к Версальскому договору: «Маленькая группка людей, которые в течение нескольких месяцев заседали на тайном конклаве в Версале, не были миротворцами, они выковывали войны, резали и кроили карту Старого Света, грубо нарушая условия перемирия, склеивали новую карту Старого Света в соответствии с условиями тайных договоров. Они расчленили территории и торговали народами, сделав посмешище из священной формулы 14 пунктов и превратив ее в наш национальный позор. Затем, страшась гнева разъяренных народов, зная, что их новая карта может быть разорвана в клочья враждующими непримиримыми элементами, которых они произвольно связали вместе, несмотря на расовые предубеждения, они создали Лигу Наций, чтобы сторожить награбленное»²⁷.

Подводя итоги, можно сказать, что внешнеполитические взгляды Р.М. Лафоллета, а именно его осуждение участия США в мировой войне, отрицательное отношение к Версальскому договору и Лиге Наций, выступление против вооруженной интервенции в Мексику и Россию, а также его визит в «страну большеви-

ков» и в Западную Европу, только утвердили его политическую позицию в направлении развития демократических институтов в США. Надо заметить, что его путешествие по Советской России и странам Западной Европы 1921–1923 гг. оказало большое влияние на его дальнейшее поведение как политического лидера. В своих путевых заметках, как мы видим, Лафоллет дал отрицательную характеристику духовно-политического содержания процессов, происходивших в Европе на тот момент.

На основании вышесказанного хочется подчеркнуть, что сенатор Роберт Марион Лафоллет являлся талантливым лидером, выдающимся политическим и государственным деятелем, одержимым идеями демократии и прогрессизма в понимании путей развития американского государства, и внес огромный вклад в политическую жизнь США на протяжении более четверти века.

Нет сомнений, что его вера в американскую демократию была искренна. Занимаясь политикой всю жизнь и зная досконально, какими приемами пользуются политики ради достижения своих целей, он стойко защищал идеалы свободы и демократии, в которые продолжал верить до конца своих дней.

Примечания

¹ The Rating Game in American Politics / Ed. by W. Pederson, A. McLaurin. N.Y., 1987. P. 110, 112.

² La Follette B.C., La Follette F. Robert M. La Follette. 2 vols. N. Y.: Macmillan, 1953.

³ Thelen D.P. Robert M. La Follette and the Insurgent Spirit. Boston: Little, Brown, 1976; McKay K.C. The Progressive movement of 1924. N.Y., 1947; Maxwell Robert S. La Follette and the Rise of the Progressives in Wisconsin. Reprint 1956. N.Y.: Russell&Russell, 1973; Unger N.C. I Went To Learn: Meanings of the European Tour of Senator Robert M. La Follette, 1923 // Mid-America 84. 2002. P. 5–25; Cooper J.M., Jr. Robert M. La Follette: Political Prophet // Wisconsin Magazine of History 69. Winter 1985–1986. P. 91–105; Doan E.N. The La Follettes and the Wisconsin Idea. N. Y.: Rinehart, 1947; Madison C.A. Robert M. La Follette: The Radical in Politics // American Radicals: Some Problems and Personalities / Ed. by H. Goldberg. N. Y.: Monthly Review Press, 1957. P. 91–110.; Barton A.O. La Follette's Winning

of Wisconsin. Madison, 1922; Ogg F.A. Robert M. La Follette in Retrospective // The Current History. 1931. Vol. 33, № 5. P. 685–691; Sanford H.E. The Political Liberalism of Robert Marion La Follette: Ph.D. dissertation. Boston College, 1938; Myers R.D. Robert M. La Follette // The American Radical / Ed. by M.J. Buhle, P. Buhle and H.J. Kaye. N. Y.: Routledge, 1994. P. 159–166.

⁴ Язьков Е.Ф. Фермерское движение в США (1918–1929). М., 1974; Курков Н.В. Американская федерация труда (1919–1936). М., 1990.

⁵ Фостер У. Марксизм и американский рабочий класс. «Прогрессивные деятели США в борьбе за передовую технологию». М., 1955; Сташевский Д.Н. Прогрессивные силы США в борьбе за признание Советского государства (1917–1933). Киев, 1969; Иноземцев Н.Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; Краснов И.М. Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции (1919–1920 гг.). М., 1961; Фураев В.К. Советско-американские отношения 1917–1939 гг. М., 1964.

⁶ La Follette's Autobiography. A Personal Narrative of Political Experiences. Madison; Milwaukee; London, 1968.

⁷ The Political Philosophy of R.M. La Follette, as Revealed in His Speeches and Writings / Ed. by E. Torelle. Madison, 1975. P. 194.

⁸ Ibid. P. 197.

⁹ Congressional Record. Vol. 55. Pt. 2. P. 1358.

¹⁰ Ibid. P. 1354.

¹¹ Kennedy P.C. La Follette and the Russians // Mid-America 53. 1971. July. P. 197.

¹² Congressional Record. Vol. 57. Pt. 2. P. 1100.

¹³ Ibid. P. 1101.

¹⁴ Congressional Record R. Vol. 58. Pt. 8. P. 8427–8428.

¹⁵ Золов А.В. США: Борьба за мировое лидерство (К истории американской внешней политики. XX век). Ч. 1. Калининград, 2000. С. 38.

¹⁶ http://ruslib.com/MEMUARY/POLETIKA/wospominaiya.txt_Piece40.12

¹⁷ Там же.

¹⁸ La Follette B.C., La Follette F. Op. cit. P. 1081.

¹⁹ La Follette's Magazine. 1924. Jan. P. 5.

²⁰ Ibid.

²¹ La Follette B.C., La Follette F. Op. cit. P. 1083–1084.

²² Unger N.C. I Went To Learn: Meanings of the European Tour of Senator Robert M. La Follette, 1923 // Mid-America 84. 2002. P. 15.

²³ La Follette's Magazine. 1923. Nov. P. 161.

²⁴ La Follette B. C. and La Follette F. Op. cit. P. 1087.

²⁵ Ibid.

²⁶ Thelen D.P. R.M. La Follette and the Insurgent Spirit. Boston; Toronto, 1976. P. 150.

²⁷ Белявская И.А. Роберт Лафоллет: цена независимости (1855–1925). М., 1996. С. 65.

Л.С. Хейфец, В.А. Хейфец (Санкт-Петербург)

ФРЭНК СИМЭН - МЕКСИКАНСКИЙ ДЕЛЕГАТ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Знаменитая фотография «Ленин и Горький во время Второго конгресса Коминтерна». Как и многое в советском отображении истории, она показала лишь часть правды. Когда в годы перестройки ее опубликовали целиком, мы увидели на ступенях Таврического дворца в Петрограде, где проходило торжественное открытие конгресса, людей, имена которых были долгие годы запрещены к упоминанию. И наряду с Г. Зиновьевым, Н. Бухариным, К. Радеком, Дж. Ридом, Н. Бомбаччи, С. Лозовским, М.Н. Роем и другими широко известными лидерами коммунистического движения на этой фотографии оказались персонажи, которых было непросто идентифицировать историкам. Один из них – делегат Мексиканской Коммунистической партии, американец Фрэнк Симэн.

Проведение по решению Политбюро ЦК РКП(б) открытия конгресса в Петрограде носило символический характер. Член Исполкома Коминтерна Н. Бухарин писал, объясняя решение партийного руководства, что в Советской России «*организуется штаб мирового пролетарского восстания* (курсив наш. – Авт.)»¹, и отмечал: «Петроград, прежде всего, есть мертвый город для буржуазии. На грани старого и нового Петрограда стоит, как гранитный утес, неприступная крепость революционного пролетариата... Многострадальный и славный рабочий Петроград – действительная столица международного пролетариата. Оттого мы все так любим Петроград. Оттого все так единодушно решили, что всемирный конгресс революции должен быть в Петрограде, в пролетарской столице»².

Заседая в «городе трех революций», участники конгресса не принимали решений, но здесь демонстрировались возрастающие возможности международной пролетарской партии – III Интернационала. Именно в Петрограде произошли первые контакты пред-

ставителей левых движений и партий, симпатизировавших большевистской революции, с лидерами этой революции, в первую очередь – с В.И. Лениным. Эти встречи сыграли важную роль в определении политики Коминтерна и Советской России на ближайшую перспективу. Здесь, в Петрограде, а затем на московских заседаниях конгресса и многочисленных встречах зарубежных делегатов с руководителями Коммунистического Интернационала можно было оценить некоторые итоги его деятельности, в том числе в Западном полушарии.

Мексиканскую компартию на конгрессе представляли ее основатели: индеец Манабendra Нат Рой и два американца – его жена Эвелин Трент и Фрэнк Симэн (Чарльз Фрэнсис Филлипс). Если деятельность Роя подробно освещена в литературе, то его соратник долгое время в лучшем случае только упоминался, не смотря на то что играл в международном коммунистическом движении не последнюю роль: участвовал в основании и функционировании нескольких компартий (Мексики, США, Кубы, Испании), деятельности Всеамериканской антиимпериалистической лиги, был делегатом II и VI конгрессов Коминтерна, Брюссельского антиимпериалистического конгресса.

Студент Колумбийского университета Симэн после вступления США в Первую мировую войну бежал в Мексику и вместе с другими «уклонистами» активно включился в местное рабочее движение. Для американских радикалов Мексика оказалась притягательна не только своей близостью к США: они видели в мексиканской революции идеал социально-политического переустройства общества. Появление в Мексике в 1917–1918 гг. эмигрантов, сочувствовавших Октябрьской революции, способствовало формированию левого крыла рабочего движения, ускорению его радикализации. Работавший в английском отделе газеты «Эральдо де Мехико» молодой американец вошел в группу эмигрантов, среди которых наибольшую активность проявляли его соотечественники Л. и М. Гэйл, Р. Хаберман, И. Гранич (Майкл Голд), М. Пэйли, индеец М.Н. Рой³. Вместе с мексиканскими левыми социалистами они сыграли важную роль в I Национальном соци-

алистическом конгрессе (август 1919 г.) и последовавших за ним событиях. Гэйл выступил со страстными обвинениями «реформизма» и «продажности» местных профсоюзных деятелей, обвинив лидеров Мексиканской региональной рабочей конфедерации (КРОМ) Моронеса и Юдико в тесных связях с правительством и Американской федерацией труда. Дискуссия о мандате Моронеса позволила Симэну выйти на первые роли. Не желая мириться с участием лидера КРОМ в конгрессе, с форума ушел делегат А. Сантибаньес, а его место занял заместитель делегата Симэн. Демарш Сантибаньеса, кстати, оказался бессмысленным: сторонники Моронеса оказались в меньшинстве и отказались подписывать итоговые документы конгресса. Одним из важных результатов противостояния Моронеса и Гэйла стала победа третьей группы во главе с Роем, мексиканцем Х. Алленом и Симэном, провозгласившей на конгрессе создание Мексиканской социалистической партии (МСП).

Гэйл 7 сентября объявил о создании Коммунистической партии Мексики (КПМ), представлявшей собой немногочисленную группу, состоявшую в основном из американских эмигрантов, деятельность которой была ограничена Мехико и Тампико. КПМ, осуществлявшая большую часть пропаганды на английском языке, так и не смогла сыграть заметной роли в рабочем движении Мексики.

Симэн между тем сыграл важную роль в осуществлении миссии прибывшего в Мехико М. Бородин, эмиссара Коминтерна и генерального консула РСФСР в Мексике. Именно к нему и Граничу обратился за помощью сопровождавший посланца Москвы Р. Маллен, американский социалист мексиканского происхождения. В качестве посредников с мексиканским социалистическим движением американцев выбрал сам Бородин, которого заинтересовали публикации «Эральдо де Мехико», пропагандировавшие социалистические идеи. Американцы свели Бородина с Роем, дом которого на некоторое время превратился в школу, в которой старый большевик наставлял своих учеников (Симэна, Роя, Гранича) в марксистской теории⁴. Под его влиянием неофи-

ты коммунистического движения развили энергичную деятельность по преобразованию МСП в Мексиканскую Коммунистическую партию (МКП)⁵. После объявления в ноябре 1919 г. о создании МКП, секции Коммунистического Интернационала, Рой с Симэном стали готовиться к поездке на II Всемирный конгресс международной партии.

Само присутствие иностранцев в высшей иерархии зарождавшегося коммунистического движения Мексики не было случайным. Фактор интернационального характера большевизма вряд ли был определяющим. Куда большее значение имело то обстоятельство, что в немногочисленном движении, не обладавшем подготовленными кадрами, быстро выдвинулись люди, обладавшие некоторыми теоретическими знаниями (вовсе не обязательно марксистскими) и проявлявшие наибольшую активность.

Группа Гэйла пыталась дезавуировать МКП как коммунистическую партию, обвиняя Роя и Симэна в тайном пособничестве Моронесу, подвергая сомнению их социалистические убеждения. Гэйл в принципе отверг право МКП считаться леворадикальной партией и начал международную кампанию за признание, апеллировав за помощью к Джону Риду. Но Коминтерн в конечном итоге проигнорировал сам факт существования КПМ. Причина была достаточно проста: Бородин увидел в Рое потенциального лидера антиколониального движения на Востоке и оказал ему и МКП всемерную поддержку.

Симэн выехал в Испанию вместе с Бородиным в качестве его секретаря и переводчика⁶, Рой и его жена Э. Трент отправились в путь позднее. Для Симэна это путешествие было судьбоносным. Так как перед представителем ИККИ Бородиным стояли широкомасштабные задачи по поддержке революционного движения США и Латинской Америки, он использовал любую возможность для установления контактов с лидерами рабочих организаций, сочувствовавших идеям большевистской революции. И Симэн принял в этой работе активное участие. В романтический период становления Коминтерна неопит коммунистического движения превратился в его представителя, сначала на вторых

ролях при Бородине, потом – в отсутствие своего ментора – заменил его. Основанием для этого было только доверие старого большевика, а никак не заслуги перед международной коммунистической партией.

Во время остановки в Гаване американец, направившийся по поручению эмиссара Коминтерна в город для сбора материала о рабочем движении Кубы, вернулся через несколько часов на корабль «счастливым и ликующим», сообщив об организации Коммунистической секции во главе с анархистом М. Салинасом и принятой резолюции о присоединении к Москве ⁷. Бородин отнесся к КСК, руководимой не верившим в понятие «партия» левым анархистом, с достаточной иронией и позднее назвал события в Гаване «курьезным, но значительным инцидентом», демонстрирующим перспективы развития левого коммунизма, способного дойти до отрицания самого понятия «партия»⁸. Между тем этот эпизод как в кривом зеркале отразил произошедшее ранее в Мексике. Если в Мехико самому Бородину понадобилось несколько недель для того, чтобы, заворотив умы нескольких лидеров социалистов, превратить МСП в компартию, то на Кубе Симэну, которого еще недавно в необходимости подобного шага для социалистов в Мексике самого убеждал Бородин и, по его собственным словам, почти не знавшего о ситуации на острове до приезда туда, хватило несколько часов для аналогичной «обработки» кубинцев. Нелюбовь к партиям не помешала Салинасу отправить в Москву просьбу о приеме в III Интернационал – всемирную коммунистическую ПАРТИЮ, обещая «всеми силами бороться за распространение его идей и за разгром буржуазии во всем мире». КСК выразила желание быть представленной на конгрессе Коминтерна и на латиноамериканском коммунистическом конгрессе, назначив делегатом секции Симэна ⁹.

В Испании Бородин и Рамирес установили контакты с социалистами, сочувствующими Советской России. Опираясь на молодых социалистов, они стали готовить почву для создания в Испании группы, способной организовать борьбу за присоединение к новому Интернационалу, вопреки позиции руководства Испанс-

кой социалистической партии (ИСП). Как писал впоследствии Симэн, «по настоянию Бородина группа занялась подготовкой своего современного раскола, чтобы оказаться представленной на приближающемся Втором конгрессе в Москве»¹⁰. Был создан Временный Комитет III Интернационала, в который, наряду с известными лидерами соцпартии, вошли Бородин и «Рамирес». Комитет начал переговоры с представителями левого крыла ИСП для поиска путей прихода партии в III Интернационал, опираясь на Федерацию социалистической молодежи, провозгласившую готовность «присоединиться немедленно и безо всяких условий». Бородин уехал из Мадрида через три недели, не оставив своим новым соратникам четких инструкций и плана действий для борьбы внутри партии. Вопрос стоял так: создать внутри ИСП левое крыло, чтобы захватить руководство и направить партию по пути к коммунизму, или выйти из партии и основать параллельную коммунистическую организацию ¹¹. Оставшийся в Мадриде как полномочный представитель Бородина, Рамирес предложил начать организацию левого крыла внутри ИСП. Встретив сопротивление сторонников единства партии, бескомпромиссные адепты Коминтерна пошли на раскол, создав 15 апреля 1920 г. на основе ФСМ Коммунистическую партию Испании, присоединившуюся к III Интернационалу.

Участие во Втором конгрессе Коминтерна позволило Симэну войти в узкий круг международных коммунистических функционеров, познакомиться с лидерами всемирного коммунистического движения. Самокритично оценив свое место на конгрессе как «новичка среди ветеранов рабочего движения»¹², тем не менее, Симэн не мог позволить ни себе, ни окружающим забыть, что в его активе участие в основании трех (!) компартий в течение всего полугода. Это был рекорд, поставленный им вместе со своим наставником – Михаилом Бородиным. И активность Симэн проявлял соответствующую.

Ирония и скепсис Бородина по отношению к левизне кубинской КСК не удержали его бывшего секретаря от попытки добиться для себя права выступать на конгрессе от имени сторонников Са-

линаса, оказавшейся неудачной. Несмотря на то что Коминтерн, безусловно, стремился к расширению своих рядов и влияния на различные регионы, на то, что ему было крайне важно продемонстрировать рост своего влияния за пределами Европы («делегат Кубы» стал бы на тот момент представителем второй после Мексики латиноамериканской страны на конгрессе), заседавшая 17 июля 1920 г. мандатная комиссия сочла нужным соблюсти «респектабельность» и умерить пыл мексиканского коммуниста, оставив вопрос открытым «до представления мандата»¹³. Вмешательство Бородина, вероятно, помогло бы Симэну, но тот не считал необходимым участвовать далее в этой эпопее, будучи переброшенным на другой участок работы в Коминтерне.

Сложилась парадоксальная ситуация. Симэн был направлен на конгресс всеми тремя партиями, в основании которых он участвовал, но официальный мандат он имел только от КП Испании. Однако американец не связывал свою дальнейшую судьбу с работой на Пиренеях, а собирался вернуться в Западное полушарие. После того как мандатная комиссия конгресса дала Рою и Трент-Рой решающий голос как делегатам Мексики, но отложила вопрос о предоставлении мандата Симэну, жена Роя делегировала свои полномочия члену Исполкома МКП Симэну. В итоге делегатами МКП с правом решающего голоса стали Рой и Симэн¹⁴.

Рой представлял на конгрессе Мексику и Индию, но направил свои усилия на решение проблем антиколониального движения в Азии, передоверив участие в обсуждении мексиканских проблем Симэну¹⁵. Американец в этой ситуации оказался единственным представителем коммунистического движения Латинской Америки на конгрессе и сосредоточил свои усилия на этом направлении деятельности Коминтерна. Он представил конгрессу документ, посвященный Коминтерновским задачам в Западном полушарии, в котором пришел к выводу, что «свержение капитализма в Америке» требовало хорошо скоординированного движения во всей Америке, работать же в отдельных странах Центральной и Южной Америки по образцу II Интернационала – «смешно». Насущной задачей Коминтерна Симэн считал объе-

динение континентального рабочего движения¹⁶. Эта позиция совпадала с предложениями делегатов конгресса от обеих компартий США, сформулированных в декларации ИККИ «Американская революция».

Делегация Мексики оказалась единственной, кто представлял Латинскую Америку на конгрессе, что способствовало росту престижа мексиканских коммунистов (и Симэна, как их представителя в Москве) в глазах руководства III Интернационала. Этому способствовали и постоянные контакты посланцев МКП с Бородиным, принимавшим деятельное участие в подготовке конгресса, занимаясь организацией перевода его тезисов и ленинской «Детской болезни “левизны” в коммунизме» на иностранные языки, и постоянно общавшимся в связи с этой работой с Лениным¹⁷. Ментор мексиканского коммунистического движения представил своих неофитов замнаркома иностранных дел Льву Карахану, курировавшему в НКВД Латинскую Америку, и Жаку Садулю, одному из лидеров КП Франции. Они сблизились с американцами Дж. Ридом, Л. Фрайной, Дж. Гилдеем, британцами Дж. Мэрфи и У. Галлахером. Однажды Бородин привел к ним Владимира Маяковского¹⁸.

В течение II конгресса Коминтерна или непосредственно после него посланцы Мексики встречались с Лениным. Уже в Петрограде 19 июля в Таврическом дворце они участвовали в завтраке вместе с Лениным, Зиновьевым, Бухариным, Радеком и Горьким, после которого и была сделана знаменитая фотография¹⁹. Во время инаугурационного заседания конгресса в Доме Оперы (Мариинском театре) с обращениями выступали Ленин, Зиновьев и М. Кашен. Ф. Симэн вспоминал: «Ленина все слушали стоя. Тот был невысоким, коренастым и лысоватым мужчиной лет пятидесяти со слегка раскосыми глазами и рыжеватой бородкой. Он говорил просто, непрониновенно, почти не жестикулируя, но с гипнотической концентрацией. Его короткие ноги были расставлены, а миндалевидные глаза остры, весь он был энергичен, уверен, совершенно неотразим. Я был впечатлен, хотя и не понимал ни слова. Лица сидящих впереди просто сияли»²⁰.

Рой общался с московскими лидерами много раз, но эти встречи уже не имели практического значения для формирования американского направления внешней политики большевистского руководства и Коминтерна. Если во время первой встречи с Лениным вопросы Латинской Америки еще обсуждались, то затем речь уже в основном шла о национально-колониальных проблемах и революции в Азии: среди прочего дебатировался план направить тандем Бородин – Рой в Афганистан: первого в роли полпреда РСФСР, второго – как руководителя центра антиколониального движения в Индии.

Симэн, понимая, что шансы вклиниться в напряженный рабочий график председателя Совнаркома невелики, все же настойчиво добивался встречи с вождем мирового пролетариата для обсуждения вопросов латиноамериканского коммунистического движения, и в конечном итоге был приглашен в Кремль²¹. В мемуарах, опубликованных через много лет после этого, американец так описал содержание их беседы: «Не трата попусту время на обычные предварительные условности, Ленин пояснил, что встречается со мной потому, что я представлял мексиканскую партию. Он знал, что в Мексике произошла буржуазная революция, и что крестьяне добивались земли. Но для него оставалось неизвестно, какова была роль нашей партии в этом. Что я мог бы сообщить ему? Мог ли он в чем-либо помочь? Его сведения о стране были, откровенно говоря, обрывочны. Он не знал, что значительная часть крестьянского населения была индейской. Была ли у нас литература на индейских наречиях? (Нет. Индейцы были неграмотны.) Тогда нам надо было бы завербовать людей, говорящих на индейских языках. Эти индейцы, сказал Ленин, должны стать вашей целью “номер один” в сельской местности. Остальная часть ленинских ремарок касалась стратегического положения Мексики в западном полушарии. Все, что он сказал, было полезно, и все это демонстрировало ту же самую простую, действенную логику. Он сознавал, о чем говорил, был сконцентрирован, явно заинтересован, было легко понять, почему не испытывавшие к нему ненависти люди начинали обожать его. Думаю, что я был из их чис-

ла... Советский руководитель сказал мне о своей книге об американском сельском хозяйстве, написанной несколько лет назад. В данный момент она имелась только на русском языке, но если мне интересно, то он попросил бы кого-нибудь помочь мне в ней разобраться. Он полагал, что, вероятно, книгу надо было перевести, если я не считаю, что та устарела.

Хотя он и выглядел человеком минуты, Ленин научился сохранять свою энергию и организовывать свое время. Он довольно мало походил на русских, оставаясь пунктуальным. (Как и Троцкий.) Наша беседа продолжалась пятнадцать или двадцать минут. Когда подошло время, Ленин пожал мне руку и нажал кнопку на своем столе. Помощник сопроводил меня на улицу, где уже ждал автомобиль. Экземпляр книги о сельском хозяйстве оказался в моем номере, когда я до него добрался»²².

В более раннем интервью Симэн оценивал содержание встречи с Лениным несколько по-иному: проявив серьезный интерес к Латинской Америке, Ленин хотел получить информацию прежде всего не о социалистическом движении и МКП (в силу их зачаточного состояния), а о массовых организациях и силе антиамериканских настроений населения. При этом американец предполагал, что более подробную информацию Ленин мог получить предварительно от Бородина²³.

Создание Панамериканской федерации компартий, которое должно было дать Коминтерну в будущем «перспективную базу работы», требовало создания организационной структуры непосредственно в регионе. Распри среди мексиканских коммунистов фактически парализовали деятельность Латиноамериканского бюро и явно нарушали решения II конгресса всемирной компартии, предусматривавшие наличие в стране лишь одной секции Коминтерна. На нескольких заседаниях ИККИ Хесус Рамирес решительно поддержал предложения Роя и американского делегата Фрайны, настаивавших на создании нескольких региональных органов ИККИ (в первую очередь, на Востоке и в Америке). При этом делегат МКП считал необходимым придать Бюро, которое следовало учредить в Мексике, не только технические функции, но и полити-

ческие права. «В Латинской Америке невозможно вызвать настоящую социальную революцию без объединения. <...> Там, правда, есть революционный дух, но нет пролетарского воспитания. Там рабочие следуют за каждым, кто называет себя социалистом революционером. Далее, если там образуется коммунистическая партия, может случиться, что ее члены забудут о своих коммунистических принципах и последуют искать приключений»²⁴.

Это противоречило позиции Г. Зиновьева, считавшего целесообразным упразднить все региональные бюро, оставив только личные агентства с ответственностью перед ИККИ. Председатель Коминтерна исходил из уже сложившегося опыта, когда вспомогательные органы всемирной компартии проявляли «тенденцию выявлять себя как политическую корпорацию и обнаруживать тенденцию, противоположную исполкому... Интернационально поступать мы должны с более высокой башни»²⁵. Но вскоре это решение было отменено, и среди новых органов Коминтерна, создававшихся вне Москвы, было учреждено и Панамериканское бюро (Американское агентство), в состав которого были включены американские делегаты на II конгрессе Л. Фрайна и К. Янсон (Ч. Скотт), и живший в США японский коммунист Сэн Катаяма. Руководителем Временного Панамериканского бюро Профинтерна был назначен Симэн²⁶.

Перед отъездом из Москвы американец женился на сотруднице аппарата конгресса Коминтерна Н. Михайловой, с которой познакомился в Петрограде. Хотя сам он рассказывал впоследствии, что единственной целью восемнадцатилетней девушки из дворянской семьи, никогда не бывшей коммунисткой, было выбраться из Советской России (и она была реализована «при снисходительной помощи Советского правительства»), в его словах можно усомниться. Технический персонал для работы в Коминтерне подбирался тогда достаточно случайно, но это вовсе не означало исчезновения контроля, тем более, когда речь шла о выезде за границу. Кстати, и свидетелями при регистрации брака стали не последние лица в большевистской иерархии – Н. Бухарин и М.П. Томский, а также делегаты конгресса Дж. Мэрфи и Л. Фрайна²⁷.

Одной из серьезнейших проблем Панамериканского бюро (ПАБ) стала унификация коммунистического движения Мексики, в которой активную роль играл Симэн, вернувшийся в страну под новым псевдонимом – «Д. Таннер»²⁸. Путь к достижению единства он видел в привлечении новых кадров в коммунистическое движение, стремясь убедить Катаяму в том, что единственным препятствием в деле объединения параллельных компартий является Гэйл. Председатель бюро направил составленное Симэном письмо МКП и КПМ, от имени III Интернационала призвав до начала III конгресса Коминтерна объединиться в «сильную секцию» международной компартии. Вступить в партию могли все лица, признающие принципы III Интернационала и действующие в соответствии с ними. ЦИК КПМ предлагалось организовать из пяти человек – по одному от МКП и КПМ и троих, избранных на съезде. Подготовка съезда и работа временного ИК новой партии осуществляется в сотрудничестве с мексиканским представителем Панамериканского Бюро, которым стал Таннер²⁹. Председатель ПАБ считал создание единой партии свершившимся фактом.

Разбирая конфликт между мексиканскими партиями, Катаяма пришел к выводу, что Рой «злоупотребил» мандатом МКП, не представляя на деле ни партию, ни пролетариат, а только себя самого с единственной целью оказаться на конгрессе Коминтерна, поступив «в лучшем случае, по-иезуитски». Такое мнение председатель бюро составил, среди прочего, и со слов Симэна. Вряд ли у последнего, вместе с Роем основавшего МКП и боровшегося против группы Гэйла, внезапно «открылись глаза». Скорее, бывший делегат МКП испытывал обиду на то, что не его, а индийца включили в состав руководства Коминтерна, полагая, что их опыт и заслуги мало чем отличаются. Кроме того, в отсутствие Роя он, также побывавший в Москве, мог продвигаться на высшие роли в руководстве МКП (а после объединения коммунистов страны – и единой партии). С этим же связан конфликт Таннера с руководителем МКП Алленом, которого проинформировали о приезде представительства Коминтерна лишь когда потребовалась его подпись под мандатом М. Диаса Рамиреса как делегата партии на будущем

конгрессе III Интернационала. Вопреки настоянию Аллена мексиканский представитель ПАБ не явился на им же организованную встречу Катаямы с генеральным секретарем МКП. Беседа закончилась безрезультатно: представителя Москвы не удалось убедить в необходимости сосредоточиться на развитии организационной структуры партии, а не на скоропалительном объединении. Встречи более не повторялись, а Аллен постепенно был отодвинут от фактического руководства³⁰.

Признав, что обе компартии представляют собой лишь «горстку товарищей», председатель бюро под влиянием Симэна все же отнесся чуть благосклоннее к МКП, в которой насчитал побольше «хороших товарищей», не обнаруженных им среди сторонников Гэйла³¹. Опубликованная руководством МКП и КПМ резолюция о предстоящем объединении, основанная на письме Катаямы, обратила особое внимание на необходимость сохранения в неизменном виде Федерации коммунистической молодежи (работавшей ранее под эгидой МКП)³². Вскоре выяснилась правильность последнего решения.

При оценке перспектив будущей объединенной компартии Катаяма и Симэн не учли перемены, произошедшие в политической жизни страны. Движение против президента В. Каррансы завершилось триумфальным вступлением генерала А. Обрегона в столицу в ноябре 1920 года. В отличие от «дона Венустиано», обрегонисты решили сделать ставку на привлечение рабочего движения в проправительственный альянс. Обрегон подписал тайный пакт с руководителями КРОМ, согласно которому правительство в обмен на политическую поддержку во время избирательной кампании обещало создать Министерство Труда, зарезервировав пост его руководителя за членами КРОМ. Обрегон провозгласил себя сторонником социализма, целью которого являлось «распределение на равной основе ресурсов, которыми природа наделила человечество»³³. Подобный альянс не только обеспечивал правительству поддержку со стороны существенной части организованного рабочего класса, но и оставлял ему свободу рук для действий против радикальных секторов последнего в любой

момент, когда это понадобится правящей политической или профсоюзной элите (КРОМ).

Это явно ускользнуло от внимания обитавших в мире своих фантазий мексиканских коммунистов и представителей Коминтерна, не обративших внимания на недвусмысленные предупреждения президента Обрегона и министра внутренних дел Кальеса в связи депортацией Гэйла. Они предупредили, что вышлют и других иностранцев, распространяющих «разрушительные идеи, открыто противоречащие конституционным устоям... не соответствующие социальному порядку...»³⁴.

Коммунисты и их союзники из анархо-синдикалистской Всеобщей конфедерации трудящихся, уверенные в толерантности обрегоновского правительства в отношении их деятельности, приняли это за свидетельство собственной силы и 1 мая 1921 г. организовали ряд столкновений с силами правопорядка в столице, а через несколько дней ворвались в Палату депутатов, водрузив красный стяг над зданием. Подобные акты произошли и в г. Морелия. Такое развитие событий переполнило чашу терпения Обрегона, ответившего на уличные выступления репрессиями. В середине мая правительство осуществило высылку из страны ряда иностранных радикалов: Симэна, члена МКП С. Сан-Висенте, профсоюзных работников Х. Рубио, М. Пэйли и др.³⁵ Н. Михайлова добровольно сдалась властям, чтобы быть депортированной вместе с мужем, что вызвало резкое неудовольствие Катаямы. Заодно с иностранцами был выслан и мексиканец Аллен, не имевший отношения к организации вышеупомянутых мероприятий³⁶. Позицию Обрегона не поколебали протесты рабочих организаций: президент ответил им, что «если бы не было достаточного количества фактов, оправдывающих депортацию», то он не издал бы соответствующих указов, подчеркнув, что иностранцам воспрещено участвовать в деятельности мексиканских политических организаций³⁷.

После этой акции правительства работа по объединению левого движения Мексики, проделанная Панамериканским бюро, пошла насмарку. Катаяма, наконец, убедился, что попытка создать новую КПМ на основе фантомных партий изначально вела в ту-

пик – обе компартии почти исчезли вместе со своими лидерами. Именно тогда Катаяма выдвинул идею ее формирования посредством реорганизации ФКММ, что не только способствовало вступлению в новую компартию оставшихся членов «старых» партий, но и привлекло бы тех пролетариев, кто до сего времени сторонился коммунистического движения из-за раздиравших его ссор и склок. По мнению председателя ПАБ, такая структура смогла бы в будущем заняться организацией компартий в странах Центральной и Южной Америки и их объединением в будущем в Панамериканскую коммунистическую федерацию (с участием коммунистов США и Канады), как одного из сильнейших отделений Коминтерна³⁸. Руководству Коминтерна причины перемен в тактике по отношению к мексиканскому левому движению объяснялись тем, что Рой и Гэйл не оставили после себя достаточного количества последователей, в то время как молодежь «более заинтересована коммунистическим движением», чем старшие рабочие, находящиеся под влиянием анархо-синдикализма.

Депортация в Центральную Америку Симэна, Сан-Висенте и Михайловой внесла неожиданные коррективы в деятельность ПАБ³⁹. Пробыв около месяца в Гватемале и Панаме, Симэн (принявший в Гватемале псевдоним «Мануэль Гомес») и Сан-Висенте по собственной инициативе организовали коммунистические ячейки на базе «Социалистического рабочего объединения» (Unión Obrera Socialista) (СРО), причем это происходило, по словам первого, секретно и без особых надежд. Здешнее рабочее движение находилось в зачаточной стадии организации, о международном коммунистическом движении и о Коминтерне не было известно даже рабочим лидерам⁴⁰. Регулярной связи с председателем ПАБ налажено не было, и оба высланных из Мексики радикала действовали на свой страх и риск⁴¹. Не получая информации и директив из Мехико, Симэн обратился напрямую в Москву, к председателю Коминтерна Зиновьеву, констатируя наличие осложняющего работу информационного вакуума.

Также была организована коммунистическая группа и в столице Панама. Новоявленные панамские коммунисты заняли аб-

сентеистские позиции, считая, что при существовании «несправедливой и опасной для человечества» частной собственности все правительства обречены на «прислуживание правящему классу». «Единственно возможным способом разрешения социальных проблем» был назван коммунизм. Группа заявила о поддержке РСФСР и III Интернационала. Несмотря на ее малочисленность и отсутствие каких-либо выпускаемых ею изданий количественно она превосходила гватемальскую⁴². Эта появившаяся при непосредственном участии представителей коммунистического движения Мексики (а в случае с Симэном – также и Коминтерна) группа стала, видимо, первой коммунистической структурой в Панаме, провозгласившей себя сторонницей III Интернационала⁴³.

Вероятно, именно Симэн является автором хранящегося в фонде ПАБ РГАСПИ доклада о ситуации и перспективах революционного движения в Центральной Америке. В документе отмечается важная роль слабости коммунистического движения в регионе того обстоятельства, что он является колонией США, полностью находящейся под контролем американского империализма. Создание прочной базы для развития мощного коммунистического движения тормозится почти полным отсутствием фабрик и промышленного пролетариата. Неудивительно, резюмировал докладчик, что коммунистического движения здесь нет: коммунистическая группа в Панаме «является всего лишь группой», а в Гватемале «состоит из дюжины товарищей»; социалистическое движение также «практически отсутствует»⁴⁴.

Автор доклада делал вывод о малообещающих перспективах развития революционного движения в Центральной Америке, в связи с чем считал необходимым «пробудить и организовать городских рабочих», начав с создания профсоюзов. Для этого, указывалось в документе, необходимы пример и *руководство* (курсив наш. – Авт.) со стороны «компетентной сознательной Мексиканской Коммунистической партии», так как следует «расшевелить через Мексику» Центральную Америку⁴⁵.

Симэн с документами на имя Мануэля Гомеса и его жена нелегально вернулись в Мексику уже через пару месяцев⁴⁶. Пря-

мые связи коммунистов Центральной Америки и центральных структур III Интернационала в 1921 г. так и не были установлены, поскольку ему не удалось встретиться с Катаямой, выехавшим в Москву⁴⁷.

Находясь в глубоком подполье, Симэн продолжил работу в качестве руководителя Бюро Профинтерна, регулярно встречаясь с членами Секретариата объединенной компартии. Ситуация, сложившаяся к весне 1922 г., привела его к выводу о невозможности продолжения эффективной работы в Мексике; и он принял решение о возвращении в США⁴⁸. Вступив в Рабочую партию Америки (РПА) как рядовой член, занимаясь распространением листовок, участием в митингах и демонстрациях и т. д., Мануэль быстро сделал партийную карьеру: председатель ячейки, член Городского Центрального комитета РПА в Чикаго, вскоре он был назначен на освобожденную партийную должность – директором местного агитпропа, затем окружного агитпропа. После III Национального съезда компартии (1924), делегатом которого был Гомес, входивший в группу Фостера, и перемещения ЦИК РПА в Чикаго он вошел в редакцию официального партийного органа – журнала «Уоркерс Мансли», формальным редактором которого был Эрл Браудер, и возглавил Антиимпериалистический отдел партии⁴⁹.

Эта партийная структура занималась пропагандой за независимость Пуэрто-Рико, ликвидацию военно-морской базы Гуантанамо на Кубе, вывод американских войск с Гаити и из Доминиканской республики, прекращение американской эксплуатации в Латинской Америке и на Филиппинах, призывала к освобождению Китая. Гомес и его немногочисленные сотрудники поддерживали контакты с компартиями стран, входивших, по критериям Коминтерна, в разряд колониальных, полуколониальных и зависимых, развивали отношения с националистами из числа живших в США латиноамериканцев, филиппинцев, китайцев, поддерживавших Гоминьдан.

Новая работа позволила Симэну дважды приехать в Мексику в роли «братского делегата» РПА на III и IV съездах КПМ. Он

сыграл важную роль в ликвидации конфликта в руководстве мексиканской партии, осложненный активным участием в нем сотрудников полпредства СССР (в том числе и полпреда в Мексике и делегата Коминтерна С. Пестковского)⁵⁰. Важнейшей целью пребывания Гомеса в Мексике стало участие в учреждении Всеамериканской Антиимпериалистической Лиги, секретарем североамериканской секции которой он стал.

Латинской Америке Коминтерном отводилась важнейшая роль в мировом антиимпериалистическом движении, способном привлечь на сторону коммунистов широкие массы. Сама идея формирования организации единого фронта в масштабах континента, включающего профсоюзы, крестьянские лиги, студенческие группы, патриотические общества, политические партии и т. п., получила полную поддержку и во время встреч Гомеса с руководителями КПМ в помещении советского полпредства, и на съезде, делегаты которого выразили удовлетворение антиимпериалистической работой американской компартии⁵¹.

На континентальную Лигу возлагались большие надежды. Участники обсуждения (в том числе и Пестковский) видели в деятельности Лиги средство построения могучего движения, «которое нельзя создать иным путем», возможность формирования в отдельных странах коммунистических партий на основе этой антиимпериалистической организации, способ превращения компартий в массовые. При этом особое внимание уделялось необходимости скрывать организационную связь Лиги с Коминтерном, не допускать наличия у документов Лиги «коммунистического ярлыка»⁵².

Разногласия возникли по техническому, на первый взгляд, вопросу – о местопребывании штаб-квартиры ПААИЛ. ЦК КПМ, настаивая на необходимости нахождения центра континентального антиимпериалистического движения в Мексике, ссылаясь на мнение Пленума ИККИ, категорически решившего, что партия США «не должна совать руки в дела латиноамериканских партий». Американский делегат воспринял позицию КПМ и поддержавшего ее члена ИККИ Штирнера как дурную шутку, будучи уве-

ренным в неспособности мексиканских коммунистов возглавить эту работу в масштабах континента. Не возражая в принципе против нахождения формального центра Лиги в Мехико, он считал это возможным при решении финансовых вопросов, направлении в Мексику подходящих для работы товарищей из США и т. п. В то же время при наличии «открытого, технического центра» в Мексике, подлинный руководящий центр должен был, с его точки зрения, находиться в США⁵³.

Гомесу, как и многим американцам, в том числе и коммунистам, не удавалось понять: вопрос носил не только политический, но и цивилизационно-психологический характер. Однако он был вынужден согласиться с доводом о невозможности для Лиги оставаться организацией, руководимой «гринго». Нелюбовь латиноамериканцев к северному соседу ставила под сомнение возможность осуществления совместной антиимпериалистической работы под руководством центра в США. У мексиканских коммунистов было и явно выраженное недоверие к своим американским товарищам. Признавая наличие у РПА большего опыта, организационных структур и средств, они полагали необходимым перевод части денег в Мексику и упрекали американцев за невыполнение финансовых обязательств. Это было важной причиной неверия в «искреннюю заинтересованность» РПА в антиимпериалистической работе⁵⁴.

В этом плане мексиканским антиимпериалистическим лидерам (и не только коммунистам), да и представителям антиимпериалистического движения других стран было существенно проще пойти на формирование штаб-квартиры организации за пределами «северного соседа». При всестороннем обсуждении проблемы они добились решения о расположении «технического центра» Лиги в Мехико. Сумели они настоять, «во избежание неправильной интерпретации названия» Панамериканской антиимпериалистической лиги, на ее переименовании во Всеамериканскую (ВААИЛ)⁵⁵.

Широкомасштабному развертыванию деятельности ВААИЛ должно было способствовать проведение двух континентальных конгрессов: антиимпериалистического и крестьянского. Однако

этот проект, задуманный американскими коммунистами и поддержанный КПМ, не удалось осуществить⁵⁶. С одной стороны, как и предполагал Гомес, сказался недостаток средств. Другой причиной срыва конгрессов стала позиция только что созданного в Аргентине Южноамериканского Секретариата Коминтерна, руководитель которого Пенелон настаивал на проведении этих мероприятий в Буэнос-Айресе, хотя ни опыта в проведении антиимпериалистической деятельности и работе с крестьянами, ни должного авторитета у аргентинских коммунистов не было.

В глазах общественности Континентальный комитет Лиги, созданный в Мехико, и ее мексиканская секция (что, по сути, было одним и тем же организмом) являлись центром настоящей международной деятельности в масштабах Латинской Америки и пользовались признанием в мировом антиимпериалистическом движении. В первую очередь это было связано с активным участием в ее деятельности уникальных личностей: кубинца Х.А. Мельи, перуанцев В.Р. Айя де ла Торре, Н. Террероса, Х. Гурвица, венесуэльцев Г. и Э. Мачадо, С. де ла Пласы и др. Секции Лиги были созданы во многих странах Латинской Америки. Хотя далеко не везде их активность была достаточно интенсивна, следует признать, что во второй половине 20-х и в начале 30-х гг. присутствие Лиги в революционном движении континента было весьма заметным. В значительной мере это было вызвано поддержкой движения Сандино в Никарагуа и деятельностью дочерней организации Лиги и КПМ Комитета «Руки прочь от Никарагуа!».

В самих США секция ВААИЛ находилась в эмбриональном состоянии. Некоторые известные либералы (У. Пикенс, Р. Болдуин, Р. Ловетт и др.) позволили использовать свои имена на фирменном бланке секции – рядом с именами коммунистов С. Нирина, У. З. Фостера и М. Гомеса. Но организованное рабочее движение не проявляло интереса к ее деятельности. До начала никарагуанского кризиса Лига оставалась в основном пропагандистским мероприятием – бюллетени, ходатайства, лекционные материалы и т. д.

После победы на IV съезде РПА [которая стала называться Рабочая (Коммунистическая) партия Америки Р(К)ПА)] группы Ру-

тенберга-Ловстона М. Гомес, принадлежавший к противоположному течению, сохранил свое положение в партии. Видимо, это было связано в первую очередь с развитием кризиса в Никарагуа: замена в такой острый момент одного из немногих экспертов по латиноамериканским проблемам могла быть расценена в партии как невнимание к антиимпериалистической борьбе. Антиимпериалистический отдел и ВААИЛ выступили в поддержку партизан и вербовки морских пехотинцев, выдвинув лозунг «Завербуйся к Сандино!». Американская секция Лиги собирала средства на закупку боеприпасов, медикаментов и амуниции для армии Сандино.

В феврале 1927 г. Гомес был делегирован на Конгресс против колониального угнетения и империализма в Брюсселе, где собрались звезды мировой политики и культуры, уже известные тогда или прославившиеся позднее: Дж. Неру, Чжоу Эньлай, А. Барбюс, Э. Толлер, Дж. Лэнсбери, Х.А. Мелья, С. Нириг, В.Р. Аяя де ла Торре. Среди делегатов были старые знакомые Катаяма и Рой.

Отношение к антиимпериалистическому движению стало важной частью фракционной борьбы внутри Р(К)ПА. Сторонников Фостера обвинили в пацифизме⁵⁷. Дискуссии в американской компартии были вынесены на трибуну VI конгресса Коминтерна, который стал судьбоносным как для коммунистического движения Нового Света. Для латиноамериканского левого движения значение конгресса крылось в том, что впервые континентальная проблематика открыто рассматривалась на мировом форуме коммунистов. Для американских коммунистов VI конгресс продемонстрировал открытое столкновение, теперь уже на глазах у всего мирового коммунистического сообщества, двух тенденций в американской компартии. На конгрессе обсуждалось и многое недо-споренное в Мексике на IV съезде КПК. Для Гомеса, делегата конгресса от группы Фостера, это был апогей его деятельности в коммунистическом движении. Все вышеперечисленные проблемы касались его деятельности непосредственно, и он был одной из центральных фигур в дискуссии. Учитывая его активность на конгрессе, видимо, не зря впоследствии некоторые авторы оши-

бочно считали, что он был избран членом ИККИ (путая его с уругвайцем Э. Гомесом).

Гомес вступил в полемику с Пестковским (Бандерасом), выступив в защиту идеи «латиноамериканизма», предложенной на конгрессе руководителем Латинского секретариата ИККИ Ж. Эмбер-Дро, заявив: «Товарищу из Крестинтерна не нравится весь этот “латиноамериканизм”. Он боится: 1) что мелкая буржуазия может воспользоваться этим для утверждения своей гегемонии в движении; 2) что это может отвлечь латиноамериканские массы от идеи объединения с пролетариатом САСШ. Я не боюсь этого. Тов. Бандерас не встретит у латиноамериканской мелкой буржуазии жадности бороться за союз латиноамериканских стран: точно также среди революционных элементов Латинской Америки он не встретит противников союза с классово сознательными пролетариями САСШ»⁵⁸. Подчеркнув, что руководящим принципом в подходе коммунистов к колониальному вопросу является единство между революционным движением в угнетенных странах и процессом мировой пролетарской революции, Гомес подверг критике сторонников Ловстона (в первую очередь, Б. Вольфа) за недооценку «самостоятельной агрессивной роли американского империализма». Орудием объединения революционного движения Латинской Америки и США под руководством Коминтерна Гомес считал ВААИЛ и обвинил ловстоновское большинство Политбюро партии в недооценке борьбы против империализма и непонимании ответственности рабочего движения США перед освободительным движением в колониях и полуколониях. «Все, что было в этом отношении сделано, делалось без всякой поддержки и при сопротивлении большинства Политбюро», – заявил Гомес с трибуны всемирного форума коммунистов. Главным выводом из критики ловстоинцев было установление прямой зависимости организации панамериканской борьбы против империализма США от того, сможет ли Р(К)ПА указать дорогу всем пролетарским массам Западного полушария⁵⁹.

Однако антиимпериалистическому движению суждено было развиваться дальше без М. Гомеса. В то время как в Москве об-

суждались тенденции и перспективы революционного движения в колониальных и полуколониальных странах, в Нью-Йорке решалась судьба самого лидера Лиги и будущего его детища. Компартия Мексики и Континентальный Комитет ВААИЛ выдвинули против него обвинение в некомпетентном руководстве антиимпериалистической работой РПА. Поводом для мексиканцев послужило нецелевое использование 2 000 долл., собранных в США для поддержки армии А.С. Сандино. Сбор средств для Сандино был призван продемонстрировать сотрудничество между революционными массами Латинской Америки и Соединенных Штатов для проведения совместной борьбы против единого врага – американского империализма. С. де ла Пласа, специально приехавший в Нью-Йорк для разбирательства дела Гомеса в Политическом Комитете РПА, считал его виновным в срыве реализации одной из непосредственных задач Лиги: опровержения существовавшей в Латинской Америке тенденции распространять свою ненависть против американского империализма на всех американцев. Растрата средств на иные цели давала повод для противников КПМ и некоммунистических активистов Лиги и Комитета «Руки прочь от Никарагуа!» подозревать сторонников Коминтерна в двойной игре по отношению к борьбе против империализма. Мексиканская компартия потребовала смещения Гомеса с поста в американской секции Лиги, немедленного направления в Мексику и Комитету «Руки прочь от Никарагуа!» средств, собранных для Сандино, добиться того, чтобы впредь все собранные средства направлялись полностью в Комитет, а не использовались для другой работы⁶⁰.

Руководство КПМ внесло свою лепту во фракционную борьбу, разгоревшуюся в американской компартии. Вся партия обвинялась в невнимании к антиимпериалистической работе, свидетельством чего стало поручение вести ее самой маленькой фракции и нанесение, таким образом, внутренней борьбой в компартии США ущерба антиимпериалистической работе на всем континенте. Гомес, по мнению мексиканцев, не смог ни создать американскую секцию ВААИЛ как эффективную организацию, ни

обеспечить разделения антиимпериалистической работы партии и Лиги, что мешало проведению политики единого фронта. В связи с этим секции обвинялись в том, что они являются частью коммунистических организаций, а это становилось непреодолимым препятствием для создания единого фронта.

Американская секция ВААИЛ не смогла организовать работу даже среди латиноамериканской общины, где только мексиканцев насчитывалось более 3 миллионов. Сбор всего 2 000 долл. для Сандино квалифицировался как «поражение Гомеса, секции и, соответственно, партии, поскольку та поддерживала и отстаивала Гомеса».

Рабочей партии Америки предлагалась целая программа антиимпериалистической работы, предусматривавшая более тесное сближение с компартиями Латинской Америки; сотрудничество с Континентальным комитетом Лиги; направление представителя США в Комитет; смещение Гомеса и замена его человеком, не только известным как коммунист, но и обладающего признанием в стране, предпочтительно американца в нескольких поколениях; организация партийного департамента для антиимпериалистической работы; организация подкомитета испаноязычных товарищей для проведения кампаний среди латиноамериканцев⁶¹.

Столь массивная персональная атака на Гомеса могла объясняться не только искренней обеспокоенностью руководства мексиканской партии о судьбах антиимпериалистического движения. Учитывая тесные связи лидеров КПМ с одним из руководителей ловстоновского большинства РПА Б. Вольфом, нельзя исключить возможность инициативы для демарша мексиканских товарищей, исходившей от него, для дезавуирования не только самого Гомеса, но и его фракции (Фостера-Кэннона). В любом случае маневр удался: Гомес был отстранен от руководства антиимпериалистической работой⁶². Позднее он писал, что не был обеспокоен этим: «до национального съезда оставалась пара месяцев, и мне на руку было получить свободное время для проведения фракционной работы». Ловстон и его сторонники, ввязавшиеся в упрямую конфронтацию со Сталиным, были исключены

из партии в июне 1929 года. Однако и Гомес в руководство не вернулся, а в марте 1932 г. был также исключен из партии «за мелкобуржуазные тенденции»⁶³.

Жизнь человека с множеством имен изменилась радикально. Некоторое время М. Гомес продолжал сотрудничество с организациями коммунистического фронта (Клубом Джона Рида, Театральным союзом), писал в «Нью Мэссиз» и вел занятия по ленинизму в Рабочей школе, и в то время под псевдонимом «Чарльз Шипман» работал в «Уолл-Стрит джорнал», «Нью-Йорк Пост» и различных фирмах. Но уже в 1937 г. двойная жизнь закончилась: Мануэль Гомес исчез, и остался только Чарльз Шипман, ответственный сотрудник, а затем и президент «Стандард энд Пурз Корпорэйшн», президент «Координэйтед Сервисиз», а на склоне лет — драматург, работавший с испанскими пьесами, адаптируя их на английском языке.

Примечания

- ¹ Петроградская правда. 1920. 3 июля.
- ² Беднота. 1920. 21 июля.
- ³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 108. Д. 25. Л. 18; *La efervescencia del cambio social en México*. Archivo de José C. Valadés; Centro de Estudios del Movimiento Obrero y Socialista (CEMOS), Colección PCM. Caja 10, folio 5. Fs. 2–3.
- ⁴ Shipman Ch. *It Had to Be Revolution*. Ithaca; L., 1993. P. 84.
- ⁵ Решение о преобразовании МСП в МКП было принято на заседании Исполкома партии 24 ноября, на котором присутствовало лишь 7 из 22 его членов. Генеральным секретарем МКП стал Аллен (Taibo P.I., Vizcaino R. *La Memoria Roja. Las luchas sindicales en México en los años 20*. México, 1984. P. 14).
- ⁶ Симэн заслужил доверие Бородина, приняв по его просьбе участие в розыске чемодана, который представитель Коминтерна, опасаясь проверки на таможене, доверил своему попутчику по поездке в Западное полушарие. Хесус Рамирес (новый псевдоним Симэна) нашел багаж своего наставника в Порт-о-Пренсе, и даже бумаги оказались на месте, под двойным дном чемодана. Правда, Бородин не стал информировать американца, что в чемодане должны были быть еще и алмазы, предназначенные для финансирования революционной деятельности в Латинской Америке. Алмазы исчезли. История с драгоценностями стала поводом для серьезного расследования, ожидавшего Бородина в Мос-

кве. Только через несколько месяцев попутчик Бородин разыскал его семью в Чикаго и передал Ф. Бородину считавшиеся безвозвратно утерянными драгоценности, с которыми та приехала в Москву (см.: Shipman Ch. Op. cit. P. 87–89).

⁷ Дневниковая запись М.М. Бородин. [Б. д.]. РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 7. Л. 92; Gomez M. *From Mexico to Moscow* // *Survey* (London). 1964. № 53. P. 40.

⁸ РГАСПИ. Ф. 497. Оп. 2. Д. 1. Л. 1; Д. 7. Л. 92.

⁹ Письмо М. Салинаса в III Интернационал. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 105. Д. 2. Л. 1.

¹⁰ Shipman Ch. Op. cit. P. 93–95.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 120. Д. 204. Л. 56–59а.

¹² Shipman Ch. Op. cit. P. 115.

¹³ Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Июль – август 1920 г. М., 1934. С. 617; РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-1 об.; 3. Как представитель коммунистов Кубы, он участвовал в заседании ИККИ 14 июля 1920 г. с правом голоса и расписался в альбоме автографов делегатов конгресса (см.: Там же. Д. 65. Л. 7 об; Ф. 495. Оп. 1. Д. 6. Л. 110).

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2; Д. 30, Л. 90; II конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг., 1921. С. 354.

¹⁵ Das Gupta B.N. M.N. Roy. *Quest for freedom*. Calcutta, 1970; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Псевдоним – Бородин. Настоящая фамилия? Лафайет! // *Латинская Америка*. 1993. № 3. С. 107–115.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.

¹⁷ См.: Матюнин Э. Переболевшие «левизной». Л., 1990. С. 75.

¹⁸ Shipman Ch. Op. cit. P. 105–106.

¹⁹ В марксистской литературе первым мексиканским коммунистом, встречавшимся с Лениным, было принято считать делегата III конгресса Коминтерна М. Диаса Рамиреса. Эта ошибка проникла даже в авторитетные издания Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в которых приводился факт переписки Х. Рамиреса с Лениным, но в комментариях он идентифицировался как М. Диас Рамирес. М. Диас Рамирес, вне всякого сомнения, был первым мексиканцем, общавшимся с Лениным, но первыми мексиканскими коммунистами, удостоившимися встреч и бесед с вождем большевиков, были делегаты МКП на II конгрессе Коминтерна индиец Рой и американец Симэн (см.: Shipman Ch. Op. cit. P. 116–119; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 129, 227; Письма В.И. Ленину из-за рубежа. М., 1966. С. 146; XXXVII Ленинский сборник. М., 1970. С. 239).

²⁰ Shipman Ch. Op. cit. P. 107.

²¹ В записке он писал: «Дорогой Товарищ Ленин! На следующей неделе я должен уехать домой, и до отъезда хотел бы обсудить с Вами ситуацию в Мексике и Испании. Возможно ли это? Хесус Рамирес. Делегат Коммунистической партии Мексики на Второй конгресс Коммунистического Интернационала» (см.: Письмо Х. Рамиреса В.И. Ленину. 11 сент. 1920 г. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 828. Л. 1).

²² Ленин написал записку заведующей своей личной библиотекой в Кремле Ш. Манучарьянц: «Товарищ Рамирец (“Деловой Двор”, № 216). Пожалуй-ста, отправьте ему книгу, мою книгу “Новейшие факты о развитии капитализма в сельском хозяйстве. Североамериканские Соединенные Штаты”» (см.: Ленинский сборник. XXXVI. М., 1970. С. 239). Имелась в виду книга: Новые факты о капиталистических законах в сельском хозяйстве. Вып. 1: Капитализм и сельское хозяйство в Соединенных Штатах Америки. См. также: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. После перевода книги на английский язык Филлипс убедился в том, что опасения Ленина в безнадежном устарении материала подтвердились, и не стал забирать ее с собой (см.: Shipman Ch. Op. cit. P. 127).

²³ Gomez M. From Mexico to Moscow // Survey (London). 1955. № 55. P. 43.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 8. Л. 50–51.

²⁵ Там же. Л. 17–23.

²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 97–97 об. При формировании Панамериканского бюро учитывались рекомендации Бородина, знавшего всех его будущих работников. Филлипсу, как единственному, знающему страну и умеющему говорить по-испански, отводилась роль общего помощника Катаямы и Фрайны (см.: Shipman Ch. Op. cit. P. 123–124).

²⁷ См.: Shipman Ch. Op. cit. P. 127–128. Русская жена Симэна по приезде в Мехико не оправдала возложенных на нее надежд. «Страшилки» о присланной из Москвы для подрывной работы «специалистке по коммунистическому разложению интеллигенции и политиков» «Наташе Мхазловой» («Наташе Михайловне»), о чем писали некоторые мексиканские авторы, по прочтении документов архива Коминтерна оказались явным преувеличением. Она не владела испанским языком, поэтому ее роль переводчицы оказалась бессмысленна. После нелегального возвращения супругов в Мексику Михайлова и близко не находилась к подпольной деятельности, ограничившись работой по дому.

²⁸ При формировании Панамериканского бюро учитывались рекомендации Бородина, знавшего всех его будущих работников. Филлипсу, как единственному, знающему страну и умеющему говорить по-испански, отводилась роль общего помощника Катаямы и Фрайны (см.: Shipman Ch. Op. cit. P. 123–124).

²⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 65. Л. 109. Л. 98–99, 109; Оп. 108. Д. 16. Л. 2; Gomez M. From Mexico to Moscow, II // Survey. 1965. Apr., № 65. P. 47.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 25. Л. 27–28.

³¹ Там же. Д. 11. Л. 18–19; Ф. 521. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–4.

³² Там же. Ф. 495. Оп. 18. Д. 66. Л. 260–261; Оп. 108. Д. 16. Л. 21–23.

³³ Matute A. La carrera del caudillo. Historia de la Revolución mexicana 1917–1924. México, 1988. P. 67–68; Valades J.C. Historia general de la Revolución Mexicana. Vol. VII. México, 1985. P. 58–60.

³⁴ Agitador Linn A. E. Gale fue llevado a Guatemala // Excelsior. 8.04.1921; No se ha Nombrado Ministro para Rusia // Excelsior. 7.04.1921. Депортацию Гэйла красные радикалы вполне вероятно приняли за досадный инцидент. Сам Гэйл на встрече с мексиканским консулом в Сан-Антонио расценил свою высылку, как акт ме-

сти со стороны генерала Кальеса, заявив, что они с президентом являются членами «Большевистского объединения» [см.: Archivo General de la Nacion (AGN). Ramo A. Obregón-P.E. Calles. Exp. 429-S-1; Exp. 421-G-2; Archivo Histórico de la Secretaría de Relaciones Exteriores (AHSRE). Exp. 17-10-221].

³⁵ Un Siglo de Relaciones Internacionales de México a través de los mensajes presidenciales. AHSRE. México, 1935. P. 329; El Sr. Presidente de la República, General Obregón, con Toda Energía, Está Dispuesto a reprimir los actos que Desprestigien a Nuestro País // Excelsior. 17.05.1921.

³⁶ AGN. Ramo A. Obregón-P.E. Calles. Exp. 421-P-8, 421-M-3, 421-R-7; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 25. Л. 28–33; Д. 14. Л. 16–16 об; Оп. 18. Д. 65. Л. 190–191; Д. 66. Л. 8–12; Expulsión de Extranjeros // Excelsior. 18.05.1921.

³⁷ Ibid. Exp. 813-A-811; AHSRE. Exp. 9-4-172.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 10. Л. 1–2.

³⁹ Там же. Оп. 108. Д. 14. Л. 16; Taibo II P.I., Vizcaino R. Memoria Roja. P. 187.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 14. Л. 16 об.; Gomez M. From Mexico to Moscow, II. P. 117. В.И. Ермолаев ошибочно указывает в качестве даты создания первых коммунистических групп в Гватемале 1922 г., сообщая, что те были созданы под руководством Х.П. Уэйнрайта (см.: Ермолаев В.И. Из истории рабочего и коммунистического движения в Латинской Америке. М., 1982. С. 150). Компартия Гватемалы (с 1923 г. – КП Центральной Америки) сформировалась в 1922 г. именно на базе организации, созданной Симэном и Сан-Висенте, еще продолжительное время остававшейся группой по пропаганде марксистско-ленинских идей, нежели чем реально действующей партией. Следует отметить, что в связи со сменой значительной части членского состава МКП (КПМ) в 1921–1923 гг. о многих ранее проведенных представителями партии мероприятиях забыли достаточно быстро. Так, доклад представителя КПМ и Всеамериканской антиимпериалистической лиги Р. Блэкуэлла о поездке в Центральную Америку в разделе, посвященном истории местной компартии, не содержит ни единого упоминания о деятельности в Гватемале высланных туда в 1921 г. из Мексики коммунистов. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 54. Л. 7.

⁴¹ Действовать самостоятельно предложил Симэну Катаяма, считавший, что обстоятельства его ареста и «неосторожное» поведение в тюрьме делают невозможным выдачу детальных инструкций (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 66. Л. 12).

⁴² Центральноамериканское движение. 1921 г. Там же. Оп. 18. Д. 66. Л. 245.

⁴³ Панамская коммунистическая историография вскользь упоминает появление в стране первых марксистских групп в начале 20-х гг., однако официальной предшественницей местной компартии считает Панамскую Коммунистическую партию, созданную 4 апреля 1930 г. «двенадцатью героическими борцами» внутри Трудовой партии (см.: Кастельянос Р. Октябрьская революция и коммунистическое движение в Панаме // Историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции: Материалы Междунар. теорет. конф., организ. ред. журн. «Проблемы мира и социализма», г. Прага, 22–24 июня 1967 г.

М.: Изд-во полит. лит., 1967: С. 468). Принимая во внимание численность основателей данной партии, нет причин считать панамскую коммунистическую группу 1921 г., созданную при участии Симэна, менее значительной структурой. Да и достигшие берегов Панамы «волны революционного взрыва 1917 г.», полученная радикальным движением страны «революционная теория» появились в данном центральноамериканском государстве не сами по себе, а вследствие непосредственного контакта местного рабочего движения с представителями структур III Интернационала.

⁴⁴ Центральноеамериканское движение... Л. 246–248.

⁴⁵ Там же. Л. 249.

⁴⁶ Taibo P. I.; Vizeaino R. Op. cit. P. 188; Gomez M. From Mexico to Moscow, II. P. 117.

⁴⁷ Однако связи, установленные радикалами Центральной Америки через него, способствовали приезду делегатов Гватемалы в 1922 г. на конгресс ФКММ. Получив инструкции в Мексике, они 1 сентября 1923 г. участвовали в создании КП Гватемалы (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 112. Д. 4. Л. 22).

⁴⁸ Анализ мемуаров приводит к выводу: одобрение ИККИ на такой переезд вряд ли было получено. Устав Интернационала требовал от коммунистов рекомендацию руководства партии на перевод в другую национальную секцию. Архив Коминтерна, в том числе фонды компартий США и Мексики хранят сотни «трансферов» – официального подтверждения права перевода в другую партию. Нам не удалось обнаружить такого документа на имя Симэна или человека с любым из его псевдонимов. Само по себе это ничего не значит, так как архив огромен и такая находка еще возможна в будущем. Дело в другом. Симэн не имел явок в КП США, а это противоречило сложившейся практике перехода из одной компартии в другую. Он «нашел» партию, применив способ, использованный Бородиным в Мексике: обнаружил таблоид, «полный коммунистических фраз» («Войс оф лэйбор», официальный орган Рабочей партии Америки), представился редактору как «Мануэль Гомес, товарищ из Мексики», и после беседы был принят в члены РПА, а чуть позже приглашен на заседание «настоящей партии» – коммунистической (РПА являлась легальным прикрытием компартии, ушедшей в подполье после «пальмеровских рейдов» 1920 года). Вступив в обе партии, «эмигрант из Мексики» не счел нужным рассказать товарищам «ничего из своей истории в международном движении», объясняя это желанием «войти в ряды американского движения “самостоятельно”, став рядовым членом партии и обрести реальную базу» (см.: Shipman Ch. Op. cit. P. 135). Трудно представить себе подобную коллизию для такого амбициозного человека, как Симэн. Скорее, решение о переезде из Мексики в США стало отражением каких-то трендов с руководством КПМ и, возможно, даже Коминтерна, где Катаяма мог своеобразно преподнести его деятельность в мексиканском рабочем движении. Следует отметить, что это наше предположение, не подтвержденное документально.

⁴⁹ Shipman Ch. Op. cit. P. 145–153. Все партии Коминтерна в крупных капиталистических странах имели такие отделы, которые стремились осуществить

«ленинскую программу объединения всех революционных движений рабочего класса в империалистических странах с национально-освободительным движением в угнетенных и полукOLONиальных странах».

⁵⁰ Ibid. P. 154–155. Официально он находился в Мексике как корреспондент органа американской компартии «Дэйли уоркер», в которой опубликовал серию репортажей из Мексики и интервью с Пестковским (см.: Soviet Flag to Fly in Mexico This May Day. Gomez interviews Red Minister, Pestkovsky // Daily Worker. 27.4.1925.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 539. Л. 64, 69.

⁵² Там же. Л. 65, 70.

⁵³ Там же. Л. 9 об. В позиции Штирнера М. Гомес усмотрел наличие особых «корыстных интересов» Латинского секретариата ИККИ.

⁵⁴ Гомес писал в Чикаго: «Они не станут слушать объяснения о нехватке финансов. Они указывают, что мексиканская партия при всех ее ограниченных средствах, профинансировала выпуск пяти номеров “El Libertador”» (см.: РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 717. Л. 12–12 об.

⁵⁵ Там же. Л. 13. Тем не менее «руководящий центр» сохранялся в США, все важные решения должны были приниматься с одобрения американской компартии, а мексиканский Секретариат ВААИЛ должен был работать по инструкциям подкомитета по империалистической работе, назначенного ЦИК РПА. РПА предлагалось назначить товарища для организации антиимпериалистической работы в Мехико и финансировать ее (см.: РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 539. Л. 69–70; Д. 717. Л. 12). Эту позицию мексиканские коммунисты распространяли не только на антиимпериалистическую сферу деятельности, но и на рабочее движение континента. В качестве первоочередной меры в борьбе против основанной Гомперсом Панамериканской Федерации труда Рабочая партия Америки предлагала добиваться проведения следующего конгресса ПАФТ в какой-либо латиноамериканской стране, а не в Вашингтоне.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 539. Л. 64–65.

⁵⁷ Один из лозунгов североамериканской секции ВААИЛ («Остановить поток никарагуанской крови!») Ловстон со своим характерным остроумием окрестил «гомесовской кампанией распространения прокладок “Котекс”» (см.: Shipman Ch. Op. cit. P. 169).

⁵⁸ Стенографический отчет конгресса Коминтерна. Вып. 4: Революционное движение в колониальных и полукOLONиальных странах. М.; Л., 1929. С. 140, 173.

⁵⁹ Там же. С. 176.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 84. Л. 43–44.

⁶¹ Там же. Л. 50–51.

⁶² Вместо него был назначен У. Саймонс (М. Пэйли), как и Гомес участвовавший в мексиканском рабочем движении в 1919–1921 гг., и, как и Гомес, не бывший «американцем в нескольких поколениях» и не «обладавший признанием в стране».

⁶³ Shipman Ch. Op. cit. P. 174–175.

В.В. Булатов (Волгоград)

СМЕШАННАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КОНЦЕССИЯ «ПРИКУМСКОГО РУССКО-АМЕРИКАНСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА»

10 марта 1925 г. СНК СССР утвердил текст договора смешанного товарищества между американским товариществом «Ukraine Farming and Machinery Corporation» («Украинское товарищество механизированного сельского хозяйства») и Юго-Восточным сельскохозяйственным трестом¹. Позже эти организации стали известны как «Russian Reconstruction Farms Inc.» («Общество по устройству ферм в России») и Северокавказский сельскохозяйственный трест (Севкавсельтрест)². Целью нового товарищества была организация совместной эксплуатации входивших в состав Севкавсельтреста совхозов № 2, 4 и 7 Прикумской группы. Совхозы располагались в районе станции Маслов Кут Терского округа Северокавказского Края³.

Организация и главный организатор Прикумского Русско-Американского товарищества

Договор о создании смешанного товарищества был подписан в Москве 10 июля 1925 г., одновременно с концессионным договором. По договору товарищества, совместная эксплуатация должна была осуществляться *«в направлении максимального увеличения производительности названных совхозов, путем применения усовершенствованных способов ведения сельского хозяйства и организации в этих совхозах образцово-показательных хозяйств, имеющих целью служить школой для окружающего крестьянства»*⁴.

Капитал товарищества определялся в 410 тыс. руб. и формировался путем взносов обоих участников. Доля Севкавсельтреста выражалась в сумме 210 тыс. руб., которая слагалась из стоимос-

ти переданных смешанному товариществу мелиоративных сооружений, построек, живого и мертвого инвентаря. В эту сумму вошла также стоимость материалов, полуфабрикатов, готовых изделий и другого имущества⁵. Взнос американского общества был определен в 200 тыс. руб., которые надлежало внести наличностью и сельскохозяйственными машинами⁶. Таким образом, доля советской стороны в капитале товарищества выражалась 51 %, а американской – 49 %.

Со стороны Севкавсельтреста смешанное «Прикумское Русско-Американское товарищество» (далее – ПРАТ)⁷ возглавил директор треста В.А. Химчик, а с американской – представитель «Общества по устройству ферм в России», член Коммунистической партии САСШ Гарольд М. Уэр⁸. Его имя было хорошо известно в Советской России. Еще в 1922 г. он прибыл в страну во главе группы сельскохозяйственных рабочих из САСШ и осуществил одну из первых поставок в РСФСР более или менее крупной партии американских тракторов. Именно в тракторах он усматривал ту силу, которая была способна реорганизовать советское сельское хозяйство⁹. Успехом Г. Уэра стала организация через «Общество друзей Советской России» показательного совхоза «Тойкино» в Пермской губернии в 1922 году¹⁰.

Упоминание «Украинского товарищества механизированного сельского хозяйства» в товарищеском и концессионном договорах отражало предпринятую в 1923 г. Уэром попытку получить сельскохозяйственную концессию на территории Украины. 18 ноября 1923 г. американская газета «Нью-Йорк Таймс» со ссылкой на Карла Рива, секретаря Г. Уэра, поспешила сообщить о предоставлении Уэру концессии на период 36 лет как о свершившемся факте¹¹.

17 ноября 1923 г. Уэр телеграфировал из Берлина своему секретарю о том, что он заручился поддержкой нескольких американских производителей сельскохозяйственных машин, планировал прибыть в Советскую Россию до 15 февраля 1924 г. и доставить туда эти машины, которые оценивались на сумму не менее 100 тыс. долларов. Вместе с Уэром намечалось прибытие группы американских специалистов в количестве 20 человек. В состав группы вхо-

дили механики в качестве инструкторов по обучению работе на тракторе, специалист по производству молочных продуктов и один владелец завода, имевший финансовый интерес к этой концессии¹².

Юридическое сопровождение проекта обеспечивал нью-йоркский юрист Фрэнк Уолш. Он же составил условия концессионного договора. Уолш пояснил прессе, что в действительности договор представлял собой *трехстороннее соглашение* между американскими компаниями-производителями тракторов, стоявших за Уэром, правительством Украины и американской рабочей организацией, которую представлял Г. Уэр¹³. Несмотря на проделанную подготовительную работу украинская концессия Уэра не была реализована.

Основные условия концессионного договора с ПРАТ

10 июля 1925 г. ПРАТ заключило с правительством СССР (в лице наркома земледелия РСФСР А.П. Смирнова) концессионный договор. Смешанному товариществу ПРАТ в хозяйственное пользование предоставлялись три совхоза Прикумской группы (совхозы № 2, 4, 7), включавшие в себя 5,7 тыс. десятин удобной и неудобной земли (6,2 тыс. га) со всеми строениями, оборудованием, живым и мертвым инвентарем и техническими предприятиями. Под «техническими предприятиями» имелись в виду мельницы. Договор о смешанной советско-американской концессии был заключен сроком на 15 лет¹⁴.

Концессионер взял на себя обязательство организовать на базе совхозов Прикумской группы полеводческое образцово-показательное хозяйство, чего предполагалось достичь за счет механизации и рационального использования угодий и подсобных предприятий. Кроме этого концессионер должен был развить в переданных в концессию совхозах семеноводство и племенное животноводство. На концессию ПРАТ возлагалась обязанность по ведению агрикультурной работы, которая заключалась в распространении среди местного населения агрикультурных знаний, проведении показательных мероприятий, организации прокатных,

зерноочистительных и других пунктов для обслуживания прилегающих к концессии хозяйств на льготных условиях¹⁵.

На введение в сельхозоборот всей сданной в концессию земли отводилось 3 года. Концессионеру было разрешено создавать промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции собственного производства. Однако для организации предприятий по переработке сельхозпродукции, производившейся вне пределов концессии, требовалось заключение отдельного концессионного договора с правительством СССР¹⁶.

Взимание с концессионера долевых отчислений (платы за концессию) договором не предусматривалось. Концессия должна была лишь ежегодно уплачивать государству единый сельскохозяйственный налог наравне с государственными производственными или трестированными сельскохозяйственными предприятиями района. Налог взимался по усмотрению концедента либо продукцией, либо деньгами в твердой валюте. Однако за эксплуатацию технических предприятий (мельниц) концессионер взял на себя обязательство отчислять государству 50 % от их чистого дохода¹⁷.

За государством закреплялось преимущественное право покупки производимых концессионером продуктов *по местным ценам*¹⁸. Это было явным отличием от соответствующего пункта концессионного договора с германским АО «Друаг», в котором за государством закреплялось преимущественное право покупки концессионной продукции *по ценам Роттердамской хлебной биржи*.

В вопросах труда на концессионера возлагалась обязанность строгого соблюдения всех правительственных декретов и распоряжений по вопросам найма и увольнения, по охране труда, социальному обеспечению и социальному страхованию трудящихся. Размер заработной платы и прочие условия труда на концессии определялись коллективным договором администрации концессии с соответствующим профессиональным союзом. В концессионном договоре особо оговаривалось число иностранных служащих и квалифицированных рабочих, привлекаемых для работы в хозяйстве ПРАТ. Их число не должно было превышать 20 человек¹⁹. *При этом речь шла именно о простом количестве, а не о процентном соот-*

ношении советских и иностранных граждан, как это обычно было в случае других концессий на территории СССР.

Концессионер получил право кредитоваться как в советских, так и в иностранных кредитных учреждениях. Способ хранения денежных и иных капиталов ПРАТ не подлежал никакому ограничению. Однако перевод денежных средств за границу и из-за границы должен был осуществляться исключительно через советские кредитные учреждения. Ввоз из-за рубежа необходимых средств производства для оборудования и эксплуатации концессионного предприятия должен был осуществляться на основании законов СССР о внешней торговле²⁰. Это означало, что права беспощинного ввоза концессия ПРАТ в момент заключения договора с советским правительством не получила.

По истечении срока договора концессия должна была безвозмездно передаваться государству. Общее состояние передаваемого предприятия в количественном и качественном отношении должно было соответствовать тому состоянию, в котором оно находилось в течение шестого – девятого года эксплуатации концессии. Несмотря на безвозмездную передачу, государство брало на себя обязательства оплатить концессионеру неамортизированную стоимость возведенных им мелиоративных сооружений и построек, а также приобретенного инвентаря²¹.

Спорный характер заключения концессионного договора с ПРАТ

Заключение концессионного договора с ПРАТ частично является иллюстрацией отсутствия в период первой половины 1920-х гг. четких критериев в определении субъекта концессионного соглашения, принимавшего на себя права и обязанности концессионера. В этот период существовало весьма формальное определение концессии, а именно: *в формальном смысле концессиями считались все договоры, которые утверждались Главным концессионным комитетом*²².

На практике это выглядело так, что концессионный договор мог заключаться с любым акционерным обществом, даже если его учредителями выступали исключительно советские государственные организации и его капитал был полностью государственным. Заключение таких концессионных договоров имело место при наличии в уставах АО пунктов, содержавших изъятия из существующего законодательства, или пунктов, предусматривавших всего лишь возможность приобретения акций данного общества иностранными или советскими частными лицами («нэпмановский капитал»).

В СССР имелись прецеденты заключения концессионных договоров такого рода. В частности, 31 июля 1924 г. был заключен договор между Моссоветом и АО «Богородский трамвай». Учредителями акционерного общества являлись Богородско-Щелковский трест хлопчатобумажных фабрик и Ленинградский государственный электромашиностроительный трест. За заключением договора концессии *с обществом, имевшим полностью государственный капитал*, стояло лишь наличие в уставе АО пункта о возможности привлечения в число акционеров частных (в том числе и иностранных) лиц²³.

Причина заключения такого «внутреннего» концессионного договора могла лежать и в двойственном положении социалистических производственных единиц периода нэпа. В комментарии к декрету от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)», трест назывался государственно-капиталистическим предприятием. Следовательно, к трестам могли быть применены универсальные правовые нормы, которые обслуживали рыночные хозяйственные связи²⁴. Как раз в начале 1920-х гг. концессии рассматривались как элемент внедрения «рыночности» в советскую экономику.

Но по общему правилу, концессии в СССР предназначались исключительно для привлечения в страну иностранного капитала. В то же время, *в первой половине 1920-х гг. отсутствовало четкое толкование самого понятия «иностраный капитал»*, привлечение и допущение которого к хозяйственной деятельности в

Советском Союзе постановлением СНК СССР от 21 августа 1923 г. возлагалось на Главный концессионный комитет.

Отсюда не было и ясного понимания того, что же скрывалось за формулировкой «привлечение и допущение иностранного капитала к промышленной, торговой и иной хозяйственной деятельности на территории Союза ССР», изложенной в упомянутом постановлении. Эти обстоятельства приводили к тому, что иностранные и международные организации, изъявившие желание вести свои хозяйственные операции в Советском Союзе, не всегда дифференцировались ни по формам собственности, ни по характеру или целям их деятельности. *Концессионные договоры подчас заключались с теми субъектами, цели и характер деятельности которых находились вне задач, возлагавшихся на Главконцеском.*

Со временем советские юристы дали разъяснения по этому поводу. В частности, они пояснили, что когда речь идет о «привлечении и допущении иностранного капитала к хозяйственной деятельности», то имеется в виду привлечение и хозяйственная деятельность иностранных *частнокапиталистических* организаций. Кроме того, «хозяйственная деятельность иностранного капитала в СССР» подразумевала *деятельность иностранных организаций, преследовавшая цель извлечения прибыли*²⁵.

Советская концессионная практика первой половины 1920-х гг. имела целый ряд примеров предоставления концессий и благотворительным, и рабочим организациям, и религиозным трудовым коллективам, то есть тем субъектам, которые явно не относились к числу «частнокапиталистических организаций» и не ставили своей исключительной целью извлечение прибыли.

В случае ПРАТ имело место заключение концессионного договора со смешанным товариществом, учредителями которого были советский государственный трест и американская рабочая организация. В советской концессионной практике в области сельского хозяйства заключение концессионного договора со смешанным товариществом, где участвовал советский государственный хозяйствующий субъект, имело место в случае «Маньч – Крупп» (СССР – Германия) в 1928 году. Однако это произошло после того, как концессионер «Крупп» (Герма-

ния) потерял к концессии интерес, и данная мера была направлена на сохранение концессионного предприятия. Такое же мероприятие намечалось и в 1927 г., когда возник план преобразовать концессию «Друг» (Германия) из «чистой» в смешанную. Данная попытка, правда безуспешная, также ставила своей целью спасение «Друг» от ликвидации. В обоих этих случаях с иностранной стороны выступали частнокапиталистические иностранные организации.

Но в ПРАТ участвовала американская рабочая организация. Как писал сам Г. Уэр в 1926 г.: «В рядах нашей американской организации “Фермы восстановления России” нет ни одного капиталиста, и во главе ее стоят члены американской компартии»²⁶. Иностранная сторона определенно не являлась частнокапиталистической и не преследовала цели извлечения прибыли. Это подтверждал в 1926 г. председатель Концессионной комиссии Народного комиссариата земледелия РСФСР (НКЗ) М.И. Лацис, когда писал о концессии ПРАТ: «Цель этой концессии почти тождественна с миссией Нансена. Американские товарищи решили применить в нашем сельском хозяйстве американские способы ведения его»²⁷.

И далее Лацис замечал: «Поскольку со стороны иностранцев участвуют товарищи рабочие, работающие на пользу Советского Союза, можно рассчитывать, что от этой концессии будет несомненная выгода. Поэтому нам не приходится сокрушаться о том, что в концессию сданы совхозы, находящиеся на ходу и расположенные в удобных и доступных районах»²⁸.

Отсутствие в концессионном договоре пункта о долевых отчислениях, приравнивание концессии в вопросе налогообложения к государственным организациям, замечание Лациса о том, что переданные в концессию совхозы были «на ходу» и расположены «в удобных и доступных районах», отличали ПРАТ от других концессий. Эти отличия указывали на то, что концессия ПРАТ находилась в более привилегированном положении по сравнению с «обычными частнокапиталистическими» концессиями, такими как «Крупп» или «Друг».

Тем не менее, в ноябре 1926 г. это не помешало Г. Уэру, начинавшему свои письма в различные советские инстанции обращением «товарищи» и заканчивавшему их фразой «с коммунист-

тическим приветом», резко выступить против отношения к ПРАТ как к концессии. Он продолжал отстаивать перед различными краевыми и окружными органами свою точку зрения – *хозяйство смешанного товарищества должно рассматриваться как совхоз, а не как концессия*²⁹. Под словом «концессия» он имел в виду частнокапиталистическое предприятие.

В стремлении придать своему мнению большую убедительность Уэр призвал на помощь авторитет СНК СССР. Он приводил следующий аргумент: «Учитывая исключительно ценные культурные задания и характер этого предприятия, и отсутствие в нем действительных хищнических черт спекулянтского капитала, даже Совнарком СССР в 1925 г. ...постановил, в лице его Административно-финансовой комиссии, отменить постановление Всесоюзного таможенного комитета, отказавшего нашему товариществу, по формальным мотивам, в праве ввозить беспошлинно нужные для нашей работы земледельческие машины и оборудование, и постановил, руководствуясь фактическим характером предприятия, разрешить нам в порядке исключения ввезти *беспошлинно* машины и оборудование на 90 000 руб.»³⁰. Данный аргумент на самом деле весомым не был, так как «частнокапиталистические» концессии зачастую могли иметь право на беспошлинный ввоз машин и оборудования. То, что Уэр прибегнул к этому аргументу, скорее говорило о том, что он не был знаком с условиями других концессионных договоров, что обуславливалось их секретностью.

В то же время, отстаивая свою точку зрения, Г. Уэр невольно подтверждал выводы, изложенные в резолюции комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по концессионной политике от 10 июня 1925 г. в той ее части, где говорилось о «недоверчивом, придирчивом, иногда враждебном отношении местных органов к концессионным предприятиям»³¹.

Уэр просил краевые органы власти хотя бы формально принять постановление об отношении к концессии ПРАТ как к совхозу (а не как к концессионному предприятию) и уведомить об этом земельные и кредитные организации в Ростове-на-Дону «и в особенности партийные, профессиональные и советские органы в нашем Терском окру-

ге: Окрисполком, Окрком, Окрзу, ОкрСПС – и через них уведомить низшие органы, вплоть до нашего рабочкома, секретаря нашей ячейки и пр.». Г. Уэр упоминал о «некоторых товарищах», имевших «ложный подход» к предприятию. Он считал, что этот подход тормозил работу, а эти должностные лица создавали «вредную атмосферу», оказывая тем самым Краю и в целом СССР «медвежью услугу»³².

«Недоверчивое, придирчивое и враждебное» отношение существовало как к самому предприятию, так и к американской группе работников. Их пытались представить «хищными буржуазными спекулянтами», а порой дело доходило и до объявления их «экономическими шпионами Америки», от которых следует охранять советские интересы. Уэр был уверен, что только директива краевых властей могла иметь эффект, и что тогда «такие слишком близорукие и ретивые “охранители” времен военного коммунизма... поймут, что раз мы выполняем принятые на себя перед партией, профсоюзами и соввластью обязательства, они, эти секретари ячейки, рабочкомы и прочие, имеющие с нами наибольший контакт товарищи, обязаны не только не тормозить дело, создавая мелочные, но приносящие крупный вред конфликты и склоки, а наоборот, установить истинно товарищескую атмосферу и оказывать всяческое содействие успешному развитию дела или же быть снятыми с постов, где они только вредят»³³.

В дальнейшем проблема была решена, но не через директивы вышестоящих органов. Определяющую роль в этом вопросе сыграла все более возрастающая диспропорция в процентном соотношении паев Севкавсельтреста и Американского общества «Russian Reconstruction Farms Inc.» в капитале смешанного товарищества, приведшая в итоге к ликвидации концессии и переходу хозяйства к колхозно-совхозной форме землепользования.

Проблема процентного соотношения паев в капитале ПРАТ (1925-1929 годы)

В соответствии с товарищеским договором взнос советской стороны в капитал ПРАТ должен был составить 210 тыс. руб., а

взнос американской стороны выражался в сумме 200 тыс. рублей. Далее на общую сумму капитала в 410 тыс. руб. товарищество должно было выпустить паи в количестве 2 050 штук по 200 руб. каждый. При этом американская группа получила право передавать свои паи, с обоюдного согласия обеих сторон, лишь «гражданам дружественных Союзу Советских Социалистических Республик (СССР) государств»³⁴.

Какие государства признавались «дружественными», в договоре не указывалось. Однако, судя по числу поступивших в Главконцесском предложений и числу заключенных концессионных договоров за период 1922–1926 гг., «дружественными государствами» были Германия, Великобритания и Соединенные Штаты (см. табл. 1). В Советском Союзе вопросу «национальной принадлежности» соискателей концессий всегда уделялось самое пристальное внимание.

Таблица 1

**Распределение поступивших предложений
и заключенных концессионных договоров
по «национальной принадлежности»,
1922–1926 годы ***

Страна	Число поступивших предложений	Число заключенных договоров
Германия	709	39
Великобритания	205	23
САСШ	195	15
Франция	161	5
Прочие	745	62

* Сост. по: Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.): документы и материалы / Под ред. проф. М.М. Загоруйко; Сост.: М.М. Загоруйко, В.В. Булатов, А.П. Вихрян, О.В. Иншаков, Ю.И. Сизов, Т.В. Царевская-Дякина. М.: Современная экономика и право, 2005. Т. II. С. 217–218. (Сер. «Отечественный опыт концессий»).

Со своей стороны, Севкавсельтрест мог передать свои паи исключительно государственным организациям и учреждениям СССР или отдельных союзных республик³⁵.

На деле оказалось, что вместо положенных по договору 210 тыс. руб., выразившихся в стоимости имущества, построек, живого и мертвого инвентаря и пр., Севкавсельтрест вложил более 379 тыс. рублей. Так как капитал со стороны треста был внесен с излишком, то эта излишняя сумма в итоге была зачислена в паевой капитал ПРАТ. Помимо этого 5 августа 1926 г. из фонда Госземимущества концессионерам было передано еще одно хозяйство (хутор № 4), оцениваемое почти в 5,4 тыс. рублей³⁶. Сам хутор располагался в Александрийском районе Терского округа³⁷. Таким образом, имущественный пай Севкавсельтреста оценивался более чем в 384 тыс. рублей.

Со своей стороны, американская группа должна была внести в паевой капитал 200 тыс. руб. наличными деньгами и сельскохозяйственными машинами. В течение 1925–1926 гг. вклад был произведен, однако наличные деньги так и не были внесены. Вклад осуществлялся тракторами, автомобилями, инвентарем, и его сумма составила почти 260 тыс. рублей³⁸. Таким образом, в первый же год эксплуатации концессии, то есть в 1925/1926 хозяйственном году, были нарушены и общая сумма капитала товарищества, и процентное соотношение капиталов пайщиков³⁹.

Американская сторона произвела ряд изъятий из своего пая и довела его до указанной в товарищеском договоре суммы в 200 тыс. руб., однако произведенные Севкавсельтрестом вложения оценивались все в ту же сумму, превышавшую 384 тыс. рублей. Процентное соотношение капиталов опять изменилось, когда 29 ноября 1927 г. был заключен новый товарищеский договор, в котором вложения американской стороны были уменьшены до 100 тыс. руб., а вложения Севкавсельтреста в паевой капитал наоборот увеличены до суммы более чем в 479 тыс. рублей⁴⁰.

На 1 января 1929 г. общий паевой капитал товарищества равнялся 552 тыс. рублей. Из этой суммы на долю Севкавсельтреста приходилось 452 тыс. руб., а на долю американского общества 100 тыс. рублей. В процентном соотношении пай советской стороны составлял 81,9 %, а американской – 18,1 %. *С учетом же задолженности советскому участнику товарищества в сумме около 53 тыс. руб. доля американского общества составила 10,1 %*⁴¹.

При таком соотношении, обратившись к сложившейся в СССР к середине 1920-х гг. практике, форму концессии ПРАТ скорее всего можно было отнести к такой малоизвестной форме как «*вхождение иностранного капитала пайщиком в госпредприятия*»⁴².

Прецедент такой формы имел место в случае «Русско-американской индустриальной корпорации» (РАИК). Эта организация была создана профсоюзом швейников САСШ для оказания помощи Советской России в соответствии с соглашением с советским правительством. В 1923 г. в СССР было образовано АО «Синдшвейпром» (Всероссийский синдикат швейной промышленности), куда в качестве акционера с 40 % акций вошла РАИК (а это далеко не те 10,1 % как у общества Г. Уэра). Среди других акционеров были только государственные организации: ВСНХ, швейные тресты из Москвы, Петрограда, Татарии, Нижнего Новгорода, Харькова, а также Экспериментальная фабрика⁴³.

В связи с создавшимся положением 13 апреля 1929 г. Экономическое совещание РСФСР приняло постановление. Оно поручило Концессионному комитету при СНК РСФСР урегулировать отношения с американской группой и выкупить принадлежавшие ей паи. Это постановление положило начало процессу ликвидации концессии. 7 июля 1929 г. общее собрание пайщиков ПРАТ, исходя из фактического состояния паев на 1 января 1929 г., приняло решение выкупить паи американской стороны на общую сумму около 50 тыс. рублей. После этого вся Прикумская группа совхозов со всем активом и пассивом должна была перейти в полное ведение Севкавсельтреста⁴⁴.

Для выкупа американских паев устанавливалась следующая схема: первая сумма (15 тыс. руб.) выплачивается в советской валюте непосредственно представителю американской группы Г. Уэру, а на остальную сумму (35 тыс. руб.) выдаются векселя с платежом в Нью-Йорке в долларах по существующему в СССР курсу валют. Концессором РСФСР, явно с подачи американской группы, не согласился с данной схемой, так как при ее реализации фактическая стоимость паев оказывалась значительно меньше их номинала. Вопрос был вновь поднят на общем собрании пайщиков ПРАТ 21 октября 1929 года⁴⁵.

Стороны так и не пришли к взаимному соглашению, и вопрос передали на окончательное разрешение в Главный концессионный комитет. После этого встал вопрос об образовании ликвидационной комиссии. Со своей стороны, Концессором РСФСР объявился войти в СНК СССР с представлением об освобождении концессионера от уплаты неустойки в размере 50 тыс. руб., предусмотренной в случае досрочной ликвидации концессии. Представитель американской группы Г. Уэр, находясь в тот период в САСШ, обратился в Концессором РСФСР с просьбой отложить работу ликвидационной комиссии до ранней весны 1930 г., то есть до своего возвращения в СССР⁴⁶.

Главконцессором посчитал дальнейшую затяжку с ликвидацией концессии нецелесообразной. Он также назначил ликвидационную комиссию, которая могла приступить к работе 1 февраля 1930 г. и «в кратчайший срок» подготовить передачу концессии государству. В отношении просьбы Уэра Главконцессором все же признал возможным отложить окончательный расчет до возвращения Уэра в Советский Союз⁴⁷.

Та поспешность, с которой происходил процесс ликвидации концессии ПРАТ, объясняется шедшими в советском сельском хозяйстве процессами. Хозяйства, находившиеся в эксплуатации концессии, вошли в район сплошной коллективизации, приобретшей статус государственной политики. На НКЗем была возложена обязанность до начала весенней посевной кампании 1930 г. на участке ПРАТ провести соответствующие землеустроительные мероприятия для создания укрупненных коллективных хозяйств⁴⁸.

Хозяйственная деятельность концессии ПРАТ

Смешанное товарищество приступило к эксплуатации концессии 1 октября 1925 года. Хозяйства ПРАТ были разбросаны по территории Ставропольско-Терского сельскохозяйственного района. Главное правление товарищества базировалось в селе Стародубском, в одном километре от станции Маслов-Кут. Имевшиеся

у концессии 4 хутора располагались на расстоянии от 3 до 44 км от главной усадьбы⁴⁹. С включением в структуру ПРАТ в 1926 г. нового хозяйства из фонда Госземимущества произошло переименование совхозов Прикумской группы, сданных в концессию. Точнее, были изменены их номера, которые первоначально фигурировали в товарищеском и концессионном договорах. Так, совхоз № 2 стал именоваться хутором № 2, совхоз № 4 – хутором № 1, совхоз № 7 – хутором № 3, а новый участок в Александрийском районе – хутором № 4⁵⁰.

В дореволюционный период усадьбы, сданные в концессию, уже имели сложившиеся направления сельскохозяйственной деятельности. Хутор № 1 включил в себя бывшие частные землевладения Калантарова и Хаджаева. При бывших хозяевах здесь развивалось мукомольное производство, которое состояло из трех вальцовых турбинных мельниц, трех размольных и одной крупорушки. Из отраслей животноводства большое значение придавалось разведению овец русской породы. Меньшее значение имел молочный крупный рогатый скот немецкой породы. Из отраслей земледелия видное место занимало полеводство и промышленное виноградарство с переработкой на вино, второстепенное значение отводилось огородничеству и садоводству. В хозяйстве велся 4-польный севооборот, культивировались многолетние травы, в основном люцерна. Все полевые работы производились живой тяговой силой – волами и лошадьми⁵¹.

Хутор № 2 был расположен на землях бывшего имения Шабанова. Полеводство в его имении велось без севооборота, не было травосеяния. Имелось мукомольное производство, представленное одной вальцовой мельницей с суточной производительностью 800 пудов. Развивались виноградарство с производством вина в количестве до 6 тыс. ведер в год, разведение водоплавающей птицы и огородничество⁵².

Хутор № 3 образовался из бывшего имения землевладельца Кашенко. Основным направлением хозяйства Кашенко было животноводство, в частности – племенное свиноводство, которое было сосредоточено на разведении свиней английской белой по-

роды. Развивались тонкорунное овцеводство, коневодство и птицеводство. Полеводство было представлено зерновым хозяйством с 4-польным севооборотом. Полевые работы велись с использованием волов и лошадей.

Хутор № 4 являлся бывшим имением землевладельца Рыкова. Там развивалось в основном крупное и мелкое животноводство (крупный рогатый скот и овцы). В полеводстве главное место принадлежало выращиванию озимых культур – пшенице и ячменю⁵³.

Таким образом, в указанных хозяйствах до революции широко было представлено животноводство, что обуславливалось избытком и дешевой землей, обеспечивавших возможность иметь дешевый выпас для скота и сенокосы. Развитие животноводства стимулировалось и более выгодным сбытом продукции этой отрасли, по сравнению с продукцией полеводства⁵⁴.

Как это и было отмечено М.И. Лицисом, в концессию сдавались земли, уже находившиеся в хозяйственном обороте и располагавшиеся в удобных и доступных районах. По сути дела это входило в противоречие с одним из основных положений концессионной политики НКЗ РСФСР, которое говорило о «вовлечении в хозяйственный оборот неиспользуемых земель»⁵⁵. В данном случае земли уже использовались, хотя совхозы Прикумской группы часто страдали от недородов и неурожаев, что являлось следствием климатических и почвенных условий Терского округа⁵⁶.

Рельеф местности, где располагались хутора, частью представлял собой ровные степи, а частью холмистые возвышенные равнины. Резко континентальный климат региона характеризовался жарким летом с нередкими «суховьями» и холодной зимой. Зима, весна и лето отличались небольшим количеством осадков (около 350 мм). Почвенный покров был неоднородным, с преобладанием каштанового чернозема, но местами наблюдалась засоленность почвы и даже солонцеватость⁵⁷. В целом считалось, что почвы хуторов были довольно богаты и не истощены. Плодородие местных почв неоднократно подтверждалось тем обстоятельством, что один или два обильных дождя в мае – июне, что было довольно редким явлением, обеспечивали высокую урожайность⁵⁸.

В 1928 г. площадь земельных угодий концессии ПРАТ распределялась следующим образом, га ⁵⁹:

Пашня	5 156
Целина	606
Луга суходольные	401
Выгон	427
Огород	51
Сад	5
Виноград	26
Леса	66
Усадьбы	17
ИТОГО земли	6 791
в том числе неудобной	304
<i>ВСЕГО</i>	7 095

Площадь земельных угодий ПРАТ составляла менее 5 % всех земельных угодий Севкавсельтреста. Основными направлениями хозяйства считались полеводство и эксплуатация подсобных предприятий. К этим предприятиям относились мельницы, виноделие и животноводство (овцеводство и свиноводство). К 1 января 1929 г. констатировалось неравномерное развитие основных направлений. Если планы по полеводству и эксплуатации мельниц были выполнены в полном масштабе, то животноводство лишь в отрасли скотоводства достигло 10 % от намеченного планом объема. Совершенно не было осуществлено разведение крупного рогатого молочного скота ⁶⁰.

Чистосортность посевов за 1927 и 1928 гг. по главной культуре – озимой пшенице – достигла 94 %, по овсу – 97 %, просу – 96 %, кукурузе – 100 %⁶¹. В тот же период у совхозов Севкавсельтреста под чистосортными посевами находилось около 50 % площади всех колосовых культур ⁶².

Данные по урожайности давали картину резкого колебания (см. табл. 2), на что влияли как объективные, так и субъективные факторы. На урожайность объективное влияние оказывали вымерзание (особенно в 1928 г.), недостаток атмосферных осадков и нашествие вредителей (гессенской мухи). К субъективным факторам относились несвоевременная обработка почвы, «скоропашка» и посевы по «безпарью»⁶³.

Таблица 2

Урожайность основных культур (ц с га) *

Наименование культур	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Озимая пшеница	7,86	8,84	7,53
Яровая пшеница	8,86	3,97	–
Ячмень	9,40	9,47	1,15
Овес	8,15	1,94	12,20
Виноградники	23,6	26,50	93,38
Кукуруза	4,68	6,50	3,65

* Источник: Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.). Т. II. С. 579.

Сравнение средней урожайности по пшенице в хозяйстве ПРАТ и совхозах Севкавсельтреста показывало следующие данные (см. табл. 3).

Таблица 3

Средняя урожайность по пшенице в хозяйстве ПРАТ и совхозах Севкавсельтреста (ц с га) *

Культура	1926 г.		1927 г.		1928 г.	
	Совхозы	ПРАТ	Совхозы	ПРАТ	Совхозы	ПРАТ
Пшеница озимая	5	7,86	6,81	8,84	9,04	7,53
Пшеница яровая	3	8,86	3,96	3,97	8,42	–
Собрано с 1 га в сред.	4	8,36	5,38	6,40	8,73	7,53

* Составлено и рассчитано по: ГАРО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 205. Л. 199 об.; Д. 274. Л. 12 об.

Несмотря на отрицательную динамику урожайности хозяйства ПРАТ (кроме овса и винограда), валовая продукция концессии как в количественном, так и в ценностном выражении росла. Так, по годам валовые показатели продукции характеризовались следующими цифрами ⁶⁴:

1926 г.	1,5 тыс. т (92,6 тыс. руб.);
1927 г.	2,2 тыс. т (119,7 тыс. руб.);
1928 г.	3,0 тыс. т (189 тыс. руб.).

Динамика валовой продукции ПРАТ в ценностном выражении за 1926 и 1927 гг. показала рост на 29,3 %. В то же время соответствующий показатель для совхозов Севкавсельтреста отметил ее рост только на 7,2 %⁶⁵. В 1928 г. производство валовой продукции ПРАТ по сравнению с 1926 г. выросло в ценностном выражении уже на 104 %. *Рост валовых показателей при снижении урожайности в центнерах с гектара достигался за счет роста обрабатываемых площадей и восстановления виноградников в 1928 г., что указывало на экстенсивные методы ведения хозяйства.*

С ростом валового производства росла и товарность концессии. В 1926 г. было реализовано 366 т продукции на сумму 24,2 тыс. руб.; в 1927 г. – 398 т на сумму 33,4 тыс. руб., в 1928 г. – 999 т на сумму 104,7 тыс. рублей. Без учета реализованной продукции технических предприятий процент товарности по годам составлял ⁶⁶:

1926 г.	23
1927 г.	17
1928 г.	33

Рост реализации продукции и определил в итоге рентабельность ПРАТ.

В отношении *животноводства* следует заметить, что, за небольшим исключением, оно занимало крайне незначительное место в хозяйстве ПРАТ. Так, лошади в хозяйстве выполняли вспомогательную функцию. Они служили для мелких работ и поездок, и лишь частично являлись тяговой силой, так как главнейшая хозяйственная нагрузка ложилась на тракторы и автомобили. Крупный рогатый скот был беспородным, за исключением всего лишь двух голов немецкой породы. Его наличие не могло удовлетворить потребности в молочных продуктах даже рабочих и служащих концессии. В хозяйстве ПРАТ фактически отсутствовало овцеводство, несмотря на все имевшиеся для его развития условия ⁶⁷.

Только свиноводство заняло видное место – оно приняло промышленные масштабы. Местом сбыта являлась Армавирская бетонная фабрика. Однако развитие свиноводства требовало проведения ряда мероприятий, направленных прежде всего на улучшение породы. В целом имелись все благоприятные условия: значи-

тельные количества мельничных отбросов, выгон и обилие воды. Близость железной дороги позволяла организовать одновременную транспортировку 1 000 голов до места сбыта ⁶⁸.

Переходя к наличию у концессии механической тяговой силы (тракторов), необходимо отметить, что группа американцев с весны 1925 г., то есть *еще до подписания концессионного договора*, приступила к обработке земельных площадей совхозов Прикумской группы. В тот период тракторами было вспахано под пар 1,3 тыс. десятин. На этой работе было занято 10 тракторов (7 из них занимались вспашкой, а 3 – дискованием и боронованием).

По данным Г. Уэра, вспашка десятины в хозяйстве ПРАТ обошлась в 1,5 рубля. Для сравнения: у концессии «Крупп» стоимость обработки тракторами «Фордзон» составляла 8,5 рублей. В среднем для всех тракторов крупповской концессии вспашка десятины обходилась в 30 рублей. В то же время вспашка десятины волами стоила 4,5–5 рублей. «Данные т. Уэра расчеты Круппа опровергают, – писал М.И. Лацис, – даже если считать, что расчеты первого слишком поспешны и оптимистичны, все же они оправдывают идею перехода к механизации сельского хозяйства»⁶⁹.

Резюмируя работу ПРАТ в 1925/1926 хозяйственном году, Г. Уэр утверждал, что на концессии обработка земли была полностью механизирована, что повлияло на удешевление стоимости работ. В частности, общество Уэра доставило из САСШ и использовало в хозяйстве ПРАТ уборочную машину «Комбинат», *которая стала первым в СССР зерноуборочным комбайном*. Стремясь произвести впечатление на окружные власти, Уэр дал подробное описание работы этой машины, «которая, устраняя операции связывания в снопы, складывания в скирды и подвоза к молотилке, обслуживается только тремя работниками и тут же на поле превращает полосу созревшего зерна в массу чистого обмолоченного зерна с быстротой 100 пудов чистого зерна каждые 45 минут. Такая уборка обошлась нам только в 7 коп. с пуда готового зерна, включая доставку к амбару»⁷⁰.

Всего же в 1925/1926 г., помимо тракторов и комбайна, американское общество «Фермы восстановления России» доставило на

концессию: 1 грузовик; 31 рядовую, дисковую сеялку; 1 травосеялку; 4 культиватора; 6 зубчатых катков; 1 керосиновый 6-сильный двигатель; 2 дробилки; 4 конные грабли; 1 элеватор для сена; 1 сноповязалка; 1 тракторную косилку; 1 удобритель; 1 корнерезку и 1 картофелекопатель, а также оборудование для молочной фермы⁷¹.

Сюда же следует добавить 1 молотилку, «которая превращает в зерно подвозимые снопы с быстротою пять пудов каждые 50 сек. ...и также обслуживается только шестью рабочими» и 1 семяочистительную машину производительностью несколько тысяч пудов в день, «которая поможет ... стать крупным источником и для семенного фонда государства, и для снабжения крестьян соседних деревень наиболее подходящим для той местности высококачественным зерном»⁷².

В целом по состоянию на 1927 г. обеспеченность концессии машинами и сельскохозяйственным оборудованием приближалась к 100 %. Самая низкая обеспеченность была по сноповязалкам, она составляла 72 %. По тракторам обеспеченность равнялась 95 % (недоставало 1 трактора)⁷³. Количество живой и механической тяговой силы показывало хоть и небольшой, но стабильный рост как в абсолютных цифрах, так и в лошадиных силах (см. табл. 4).

Таблица 4

Наличие тяговой силы в абсолютных цифрах и в лошадиных силах *

Годы	Тракторы	Лошади	Всего лошадиных сил
1926 г.	17	12	317
1927 г.	19	20	345
1928 г.	20	20	455

* Источник: Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.). Т. II. С. 580.

Но уже в 1929 г., несмотря на рост совокупной мощности тяговой силы, 4 трактора выводились из строя вследствие износа, а остальные трактора требовали капитального ремонта. Однако даже при условии его проведения они могли проработать только

один год. Концессия встала перед необходимостью приобретения 15 новых тракторов типа «Интернационал»⁷⁴.

С 1925 г. по 1928 г. включительно отмечался рост всех имущественно-материальных ценностей концессии. При этом рост шел как по основным, так и по оборотным средствам (см. табл. 5).

Таблица 5

Динамика основных и оборотных средств концессии ПРАТ *

Средства	1925/1926 г. (тыс. руб.)	1927 г. (тыс. руб.)	1928 г. (тыс. руб.)
Основные	485,5	583,36	618,60
Оборотные	162,8	238,40	278,07
<i>Итого</i>	648,3	821,76	896,67

* Составлено по: Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.). Т. II. С. 581.

Специалистами сельского хозяйства обращалось внимание на незначительность вложенных в капитал товарищества оборотных средств. Обеспеченность ими не соответствовала даже самым минимальным нормам такого крупного комбинированного хозяйства, каковым по масштабам того времени являлось ПРАТ. Причиной такого положения являлось фактическое нарушение концессионного договора группой Уэра, которая должна была внести в паевой капитал товарищества *наличными деньгами* такую сумму, которая была достаточна для нормального функционирования хозяйства⁷⁵.

Например, в 1927 г. оказалось, что 90 % паевого капитала состояло из имущества, а остальные 10 % – из строительных материалов и запасных частей, что в сумме представляло собой минимальный объем ликвидных средств. Таким образом, деятельность ПРАТ должна была неизбежно протекать при напряженном финансовом положении. *Однако эта напряженность в значительной степени сглаживалась тем обстоятельством, что в обороты хозяйства было вовлечено много других средств.* Среди этих средств были: ссуда Госбанка; средства, вырученные от продажи беспородного скота и использованные не по назначению; не изъятая налогами

или взносами прибыль; задаточные суммы, полученные от покупателей; пользование кредитом при закупках и т. д.⁷⁶

Несмотря на неудовлетворительное положение дел в этой сфере концессия ПРАТ почти не предпринимала сколько-либо существенных мер к накоплению собственного оборотного капитала через экономию в расходах. Напротив, необоснованно большие расходы по содержанию управленческого аппарата концессии продолжали иметь место. Допускалось большое расходование средств на разъезды, командировки, тантъемы. Крупные суммы пошли на капитальный ремонт зданий, от которого можно было без ущерба воздержаться еще 2–3 года. Были возведены ненужные для хозяйства и в скором времени уничтоженные сооружения – например, плотина и т. д. Кроме того, изъятие группой Уэра из кассы ПРАТ наличности в счет излишне внесенного американцами в паевой капитал имущества, без которого можно было бы с успехом обойтись, сводило на нет собственные оборотные средства концессии⁷⁷.

Тем не менее, взяв период деятельности ПРАТ с 1925 г. по 1 января 1929 г., концессия дала прибыль в 102,1 тыс. рублей. На тот период времени это означало, что концессия ПРАТ единственная из всех земледельческих концессий являлась прибыльной. При этом почти по всем отраслям своего хозяйства концессия несла убытки, кроме работы мельниц. Все убытки были с лихвой покрыты за счет сбыта продукции товарищества⁷⁸. На прибыльность не в последнюю очередь повлиял тот факт, что, в отличие от других концессий, ПРАТ получило в концессию хозяйство, бывшее «на ходу».

Агрикультурная деятельность ПРАТ

Ведение агрикультурной деятельности было одной из основных задач, возлагавшихся на сельскохозяйственные концессии в СССР. Речь шла о распространении сельскохозяйственных знаний среди окружающего крестьянского населения, оказании им

помощи семенами, машинами и инвентарем. В СССР подобные мероприятия проводились сельскохозяйственными коммунами иностранцев, некоторыми религиозными трудовыми коллективами, международными филантропическими организациями, а также некоторыми концессиями (показательна здесь деятельность концессии Нансена).

К их числу принадлежала концессия ПРАТ. Например, в период 1926–1928 гг. концессия передавала свои свободные машины и орудия на прокатные пункты сельских советов или кредитным товариществам для проведения населением весенних и осенних посевных кампаний (см. табл. 6). Правда, ПРАТ не удалось организовать тракторных колонн специально для массовой вспашки земли в окрестных крестьянских хозяйствах по причине нехватки собственной тяговой силы.

Таблица 6

Помощь крестьянскому населению, 1926–1928 годы *

Наименование	1926/1927 г.		1927/1928 г.	
	Количество	Объем работ	Количество	Объем работ
Триера **	3	500 ц	3	800 ц
Трактор с плугом	1	15 га	1	20 га
Кукурузосеялка	–	–	1	15 га
Бороны	–	–	2	80 га
Можары ***	–	–	2	10 дней
Автомобиль для экскурсантов	1	12 дней	1	20 дней

* Источник: Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.). Т. II. С. 583.

** Триер – зерноочистительная машина.

*** Можара – большая арба.

Силами мастерских концессии был произведен ремонт 14 тракторов, принадлежавших крестьянам и различным сельскохозяйственным объединениям округа. Кроме ремонта, в тече-

ние одного месяца проводились тракторные курсы, на которых было подготовлено 30 трактористов. Населению читались лекции по различным отраслям сельского хозяйства, причем их число ежегодно возрастало (см. табл. 7).

Таблица 7

Рост количества прочитанных лекций населению *

Характер лекций	Количество прочитанных лекций по годам		
	1925/1926	1927	1928
Полеводство	12	16	16
Животноводство	4	8	12
Виноградарство	6	12	16
Специальные культуры	3	3	7
Всего (кол-во)	25	39	51
В часах	62	80	102

* Источник: Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.). Т. II. С. 583.

Практика внедрения сельхоззнаний не ограничивалась одними лекциями. В хозяйстве ПРАТ проводились экскурсии для крестьян и учащихся школ различных населенных пунктов. Для этой цели концессионеры выделяли автомобиль, который в общей сложности проработал 22 дня. В 1926 г. экскурсиями было охвачено 96 экскурсантов, а в 1927/1928 г. уже 120. *Показательная функция концессии ПРАТ выражалась в полной механизации всех видов полевых работ*⁷⁹. В целом задача создания на концессии образцово-показательного хозяйства была достигнута.

Главный концессионный комитет отметил за концессией ПРАТ целый ряд положительных результатов в работе, а именно:

- 1) высокая степень механизации хозяйства – свыше 90 % всех работ выполнялось механической тяговой силой;
- 2) чистосортные посевы составляли около 94 % всей посевной площади;
- 3) значительная агрикультурная работа оказывала заметное влияние на окружающие хозяйства⁸⁰.

В то же время главным недостатком деятельности ПРАТ называлось отсутствие фактического руководства предприятием. Американский основатель товарищества Г. Уэр к 1929 г. уже покинул пост директора и перешел на работу в Зернотрест. Из американской группы в товариществе остались лишь 2 человека – завхоз и заведующий мастерскими. Со стороны Госсельсиндиката руководство предприятиям также почти отсутствовало. Крайне незначительное участие американцев в товариществе возбудило вопрос о целесообразности ликвидации концессии, но у Главконцесскома все же существовала оговорка – «...если бы такая ликвидация не произвела бы отрицательное впечатление в Америке»⁸¹. В 1930 г. концессия была ликвидирована.

Примечания

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 2. Д. 1165. Л. 26.

² В период существования концессии ПРАТ Севкавселтрест объединял 16 совхозов, располагавшихся в Северо-Донецком округе (1 хозяйство), Шахтинском округе (1), Таганрогском округе (2), Донском округе (2), Сальском округе (1), Ставропольском округе (3), Терском округе (1, без учета совхозов Прикумской группы, переданных в концессию), Армавирском округе (2), Кубанском округе (3). Все совхозы занимали площадь в 141,2 тыс. га [Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 205. Л. 222].

³ Там же. Л. 38.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 39.

⁶ Там же.

⁷ Существовало еще одно название товарищества – «Гольвиц и Уэр», которое практически не использовалось советскими концессионными органами и самим концессионером.

⁸ ГАРО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 205. Л. 38. В других документах название американского общества переводилось как «Фермы восстановления России».

⁹ Dalrymple D.G. American Tractors and Early Soviet Agriculture // Smithsonian Journal of History. Vol. 2. 1967. P. 53.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1281. Л. 5.

¹¹ The New York Times. 1923. Nov. 18.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

- ¹⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1165. Л. 26.
- ¹⁵ Там же. Л. 27–28.
- ¹⁶ Там же. Л. 28.
- ¹⁷ Там же. Л. 29.
- ¹⁸ Там же. Л. 33.
- ¹⁹ Там же. Л. 31. Именно столько специалистов намеревалось прибыть в Советскую Россию вместе с Г. Уэром в феврале 1923 г., когда появились сообщения о предоставлении Уэру концессии на Украине. По данным Государственного департамента САСШ, на концессию ПРАТ прибыло 15 американских специалистов (см.: Sutton A.C. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1917–1930*. Stanford, California: Stanford University, 1968. P. 117).
- ²⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1165. Л. 34.
- ²¹ Там же.
- ²² Иоэльсон М. Итоги и задачи нашей концессионной политики // *Большевик*. М.: Изд-во газеты «Правда» ЦК РКП(б). 1925. 30 апр. (№ 8). С. 47.
- ²³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 55.
- ²⁴ См.: Черемисинов Г.А. Становление парадигмы директивно-плановой экономики в России во второй половине 1920-х гг. // *Экономическая история России: проблемы, поиски, решения*: Ежегодник. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. Вып. 7. С. 48.
- ²⁵ См.: Бернштейн И. и др. *Правовые условия концессионной деятельности в СССР* (систематизированные материалы с комментариями). М., 1930. С. 6.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1077. Л. 11.
- ²⁷ Лацис М.И. *Сельскохозяйственные концессии*. М.: Гос. изд-во, 1926. С. 38.
- ²⁸ Там же. С. 40.
- ²⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1077. Л. 14.
- ³⁰ Там же. Л. 14–15.
- ³¹ См.: *Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.): документы и материалы* / Под ред. проф. М.М. Загоруйко; Сост.: М.М. Загоруйко, В.В. Булатов, А.П. Вихрян, О.В. Иншаков, Ю.И. Сизов, Т.В. Царевская-Дякина. М.: *Современная экономика и право*, 2005. Т. II. С. 193. (Сер. «Отечественный опыт концессий»). В комиссию Политбюро во главе с председателем СНК СССР и РСФСР А.И. Рыковым входили Л.Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский, М.В. Фрунзе, Г.Я. Сокольников и Г.В. Чичерин. Доведение выводов и решений комиссии до сведения членов Политбюро проходило под руководством секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина.
- ³² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1077. Л. 15. Окрисполком – Окружной исполнительный комитет, Окрком – Окружной комитет партии, Окрзу – Окружное земельное управление, ОкрСПС – Окружной совет профессиональных союзов.
- ³³ Там же. Л. 15–16.
- ³⁴ Там же. Д. 1165. Л. 41.
- ³⁵ Там же.

- ³⁶ *Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)*. С. 578.
- ³⁷ ГАРО. Ф. Р-1510. Оп. 3. Д. 14. Л. 4.
- ³⁸ В отчете делегации Форда, находившейся в СССР в апреле – августе 1926 г., упоминалось о встречах членов делегации с Г. Уэром. Так, Уэр заметил членам делегации, что тракторы, переданные ему компанией «Форд Мотор», проделали хорошую работу, но при этом добавил, что «компания подвела, так как отправила трактора, которые не были снабжены решетками, шкивами и различными запчастями». Фордовские представители восприняли это заявление «как некое чудачество человека, который и так получил эти трактора в подарок» (См.: Sutton A.C. *Op. cit.* P. 117).
- ³⁹ *Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)*. С. 578.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Иоэльсон М. *Указ. соч.* С. 50.
- ⁴³ Sutton A.C. *Op. cit.* P. 228–229; см. также: Иоэльсон М. *Указ. соч.* С. 52–53.
- ⁴⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1281. Л. 5.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. Л. 5–6.
- ⁴⁷ Там же. Л. 6.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)*. С. 577.
- ⁵⁰ ГАРО. Ф. Р-1510. Оп. 3. Д. 14. Л. 4.
- ⁵¹ Там же. Л. 4–5.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. Л. 5–5 об.
- ⁵⁵ См.: *Сельскохозяйственная жизнь*. 1924. 22 нояб. (№ 48). С. 11.
- ⁵⁶ ГАРО. Ф. Р-1510. Оп. 3. Д. 14. Л. 6.
- ⁵⁷ *Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)*. С. 577.
- ⁵⁸ ГАРО. Ф. Р-1510. Оп. 3. Д. 14. Л. 6.
- ⁵⁹ *Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)*. С. 577.
- ⁶⁰ Там же. С. 578.
- ⁶¹ Там же. С. 579.
- ⁶² ГАРО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 205. Л. 223.
- ⁶³ *Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)*. С. 579–580.
- ⁶⁴ Там же. С. 580.
- ⁶⁵ В 1926 г. валовая продукция совхозов Севкавсельтреста составила 1 млн 706 тыс. 130 руб., а в 1927 г. – 1 млн 828 тыс. 776 руб. (ГАРО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 205. Л. 223).
- ⁶⁶ *Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.)*. С. 580.
- ⁶⁷ ГАРО. Ф. Р-1510. Оп. 3. Д. 14. Л. 19 об. – 20.
- ⁶⁸ Там же. Л. 20.
- ⁶⁹ Лацис М.И. *Указ. соч.* С. 39.

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Л. 1077. Л. 12.

⁷¹ Лацис М.И. Указ. соч. С. 39.

⁷² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Л. 1077. Л. 12.

⁷³ ГАРО. Ф. Р-1510. Оп. 3. Д. 14. Л. 18.

⁷⁴ Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.). С. 581.

⁷⁵ ГАРО. Ф. Р-1510. Оп. 3. Д. 6. Л. 12 об.

⁷⁶ Там же. Л. 12 об. – 13.

⁷⁷ Там же. Л. 13–14.

⁷⁸ Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.). С. 582.

⁷⁹ Там же. С. 583.

⁸⁰ Там же. С. 584.

⁸¹ Там же.

А.И. Сизоненко (Москва)

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ (ИЮНЬ - СЕНТЯБРЬ 1941 ГОДА)

Ленд-лиз – один из ключевых моментов в советско-американских отношениях в годы Второй мировой войны, фактор, сыгравший важнейшую роль в сплочении усилий народов двух стран в их борьбе против фашистской Германии. Позднее, в ноябре 1941 г., оценивая предоставление Советскому Союзу по программе ленд-лиза беспроцентного займа на сумму в 1 млрд долл. для оплаты американских поставок вооружения и сырьевых материалов, И.В. Сталин в послании президенту США Ф. Рузвельту (от 4 ноября 1941 г.) писал, что советское правительство принимает этот заем «с искренней благодарностью как исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом, с кровавым гитлеризмом»¹.

Напомним, что закон о ленд-лизе был принят Конгрессом США 11 марта 1941 года. Он давал правительству США право передавать займы или в аренду другим государствам различные товары и материалы, которые были необходимы для обороны этих государств, если их оборона, по определению президента США, являлась жизненно важной для обороны Соединенных Штатов.

Предыстория предоставления помощи СССР по этому закону была далеко не простой и прошла несколько этапов. Непростая, поскольку это было связано с рядом сложных моментов предвоенного периода советско-американских отношений [затяжка американской стороной с продлением торгового соглашения, подписанного в 1937 г., «моральное эмбарго» (1939 г.) на поставки американских товаров в СССР, надуманные обвинения в адрес советской внешней торговли и т. п.]. Все эти акции были отменены только к февралю 1941 г., во многом в результате усилий советской дипломатии в лице посла СССР в США К.А. Уманского, а также по мере осознания американской общественностью пагубной антисоветской политики в ходе начавшейся Второй мировой войны, осознания фашистской угрозы миру.

В результате курс правящих кругов США в отношении СССР начал меняться. Констатируя этот факт, госсекретарь США К. Хэлл отмечал, что накануне нападения Германии на СССР «наша политика (то есть США. – А. С.) в отношении России была твердой, но дружелюбной»².

Сам К. Хэлл сыграл видную и в целом положительную роль в отношениях с СССР. Хэлл признавал важность участия СССР в международной политике, при нем были установлены дипломатические отношения между США и СССР. По указанию Хэлла зам. госсекретаря С. Уэллес сообщил 20 марта 1941 г. послу Уманскому сведения, полученные от американской разведки о подготовке Германией нападения на СССР. Сразу же после 22 июня 1941 г. Хэлл позвонил президенту Рузвельту, заявив, что надо «предоставить России всю возможную помощь. Мы неоднократно заявляли, что предоставим всю помощь, на которую способны, любой стране, которая оказывает сопротивление странам “оси”. Не может быть ни малейшего сомнения, что Россия входит в число таких стран»³. Хэлл отмечал, что он настоятельно указывал своим сотрудникам на необходимость оказания помощи Советскому Союзу. Говоря о том, что некоторые американские специалисты предсказывали победу Гитлера, Хэлл подчеркивал: «Но я не мог поверить в это...»⁴.

Последовавшие затем события носили вполне логичный характер. Уже 27 июня 1941 г. Уэллес заявил послу Уманскому, что всякая просьба советской стороны о материальной помощи будет немедленно рассмотрена и встретит благожелательное отношение⁵.

Вскоре, в июле 1941 г., в Москву вылетел личный представитель Рузвельта Г. Гопкинс, который был принят Сталиным. Цель поездки состояла в выявлении военных потребностей России. В том же июле Рузвельт разблокировал замороженные советские фонды.

После возвращения Гопкинс представил полный отчет о своей поездке. Гопкинс, как вспоминал Хэлл, сделал Рузвельту и Черчиллю во время их встречи в США «оптимистический доклад о способности Советского Союза оказать сопротивление вторгшимся гитлеровским армиям». По результатам его отчета Рузвельт и Черчилль написали Сталину, что они обсуждали вопрос, как США и Англия «могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великолепном отпоре, который вы оказываете нацистскому нападению»⁶. И далее: «Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабжать Вас максимальным количеством тех товаров, в которых Вы больше всего нуждаетесь»⁷.

В этом послании оба лидера предлагали приступить к детальному обсуждению вопроса о данных военных поставках. 2 августа 1941 г. в Вашингтоне состоялся обмен нотами между Уэллесом и Уманским, в которых было зафиксировано обязательство США оказывать экономическое содействие Советскому Союзу⁸.

4 августа 1941 г. К. Хэлл выступил с Заявлением, в котором подчеркнул, что «ситуация требует нарастающего производства военного снаряжения, как для нас самих, так и для тех, кто оказывает сопротивление завоевателям, стремящимся к мировому господству»⁹. В тот же день Хэлл встретился с главой прибывшей в США советской военной делегации генералом Ф. Голиковым и Уманским. «Мы постоянно ощущали, – вспоминал Голиков, – энергичную поддержку посла К.А. Уманского»¹⁰.

Хэлл рассказал гостям о его заинтересованности в предоставлении России всех военных материалов, которые США могут послать. Голиков сообщил, что он передал заявку о потребностях

советской стороны две недели назад в Госдепартамент США, но с тех пор единственным результатом была отправка морем в Россию 60 самолетов, и что Россия нуждается в зенитных и противотанковых орудиях. Эти 60 самолетов, таким образом, можно считать началом военной помощи США СССР (их можно отнести к началу августа).

Однако дело не сразу пошло быстро и гладко. До встречи с Хэллом Голиков и Уманский 31 июля были приняты Рузвельтом. На этой встрече посол СССР выражал свое неудовольствие медленным решением вопросов о военных поставках в СССР, он сказал, что дело подменяется бесконечными совещаниями. Рузвельт обещал оказать свое содействие в решении этой проблемы¹¹. Вопрос об ускорении военных поставок Голиков и Уманский ставили во время встреч и с другими членами американского правительства. На этих встречах советским представителям не раз приходилось слышать такой довод, что, мол, большая часть американских военных поставок уже расписана для Англии, и поэтому США не могут оказать в данное время более существенной помощи СССР. Отвечая на такие доводы, Уманский на встрече с начальником штаба армии США генералом Дж. Маршаллом напомнил ему заявление Рузвельта о том, что советская сторона в ходе общей борьбы против фашизма имеет особое значение, что Красная армия несет на себе основную тяжесть войны с Германией. Уманский заявил Маршаллу, что необходим кардинальный пересмотр программы вооружений с целью успешного решения практических вопросов в духе заявлений Рузвельта. Целесообразно, отмечал Уманский, новое – с учетом сложившейся обстановки – распределение ресурсов. В конечном итоге миссия советской военной делегации оказалась успешной. «Дело, ради которого советская военная миссия приехала в США, – отмечал Голиков, – неуклонно продвигалось вперед»¹².

2 августа 1941 г. в Вашингтоне приступил к работе «Комитет трех», включавший представителей США, Англии и СССР. Созданный по предложению Рузвельта, этот орган должен был укреплять военное сотрудничество трех держав. От Советского

Союза в него вошел посол Уманский, который твердо и решительно выступал в Комитете за оперативные и конкретные действия и решения стоявших задач. Уманский работал в Комитете до конца сентября (до своего отъезда из США в конце сентября).

Отдельное и очень важное значение в советско-американских контекстах на высоком уровне в тот начальный период военного сотрудничества обеих стран имели вопросы финансового порядка. Как вспоминал Хэлл, вопрос о предоставлении России кредитов для оплаты широких закупок в Соединенных Штатах первоначально оказался трудным. Когда Уманский попросил о встрече с президентом, чтобы обсудить этот вопрос, Рузвельт пригласил Гарри Гопкинса и Хэлла принять участие в этой беседе 11 сентября.

Президент откровенно объяснил Уманскому значительные трудности для получения от конгресса необходимых ленд-лизинговых ассигнований для России из-за недоброжелательного отношения к России со стороны некоторых группировок США, пользующихся значительным политическим влиянием в конгрессе. Указав, что в России имеются церкви и что Конституция СССР 1936 г. разрешает религию, президент сказал, что, если бы Москва организовала информационную кампанию в США о свободе религии в СССР, это могло бы дать хороший просветительский эффект. Он предложил далее, чтобы такая кампания началась до обсуждения законопроекта об ассигнованиях по ленд-лизу в конгрессе и до прибытия американской миссии во главе с А. Гарриманом в Москву для обсуждения советских военных потребностей. Уманский сказал, что он займется этим вопросом.

Президент также заявил Уманскому, что для получения согласия конгресса на предоставление помощи России по ленд-лизу Администрации необходимо иметь официальную декларацию о русских активах, золотом запасе, а также бартерной торговле, которую можно было бы вести между двумя странами. Он предложил купить максимально возможное количество русского марганца, хрома и другого сырья при понимании, что их производство и поставки могут начаться после окончания войны.

Уманский заявил, что он предпочитал бы прямой кредит, но если это невозможно, то советское правительство будет со всей серьезностью просить о поставках по ленд-лизу. В конце концов была достигнута договоренность о предоставлении СССР кредита и бартерной торговле на сумму 75 млн долл. через Корпорацию финансирования реконструкции на те несколько месяцев, в течение которых можно будет выработать соответствующие соглашения о поставках России военных материалов¹³.

Заключительным этапом 1941 г. на пути налаживания военного сотрудничества СССР и США стал приезд в Москву в конце сентября 1941 г. американской делегации во главе с видным политическим деятелем США А. Гарриманом. В письме Сталину в связи с этой поездкой Рузвельт, давая общую высокую оценку Гарриману, отметил, что ему «хорошо известно стратегическое значение Вашего фронта, и он сделает все, что сможет, для успешного завершения переговоров в Москве»¹⁴.

В Москве Гарриман принял участие в конференции представителей СССР, США и Англии по вопросам взаимных военных поставок (29 сентября – 1 октября 1941 г.), а также встречался с главой Советского правительства. В письме Рузвельту от 3 октября 1941 г. Сталин оценил участие Гарримана в конференции как «эффективное» и благодарил Рузвельта за назначение Гарримана главой американской делегации.

После возвращения американской делегации на родину Рузвельт ознакомился с Протоколом московской конференции и после бесед с членами делегации в начале ноября направил через посла США в СССР Штейнгардта личное послание Сталину¹⁵, в котором говорилось, что он, Рузвельт:

- 1) одобрил все списки военного снаряжения и вооружения и отдал распоряжение, чтобы сырьевые материалы были предоставлены по мере возможности и как можно скорее;
- 2) дал распоряжение начать поставки немедленно и продолжать производить их в возможно наибольшем объеме.

Весьма показательными были два других распоряжения Рузвельта:

- 1) чтобы избежать финансовых затруднений, Рузвельт распорядился о немедленном проведении мероприятий, при которых поставки будут производиться согласно закону о передаче вооружения займы или в аренду на сумму до 1 млрд долл. (то есть на основе закона о ленд-лизе, принятого в марте 1941 г.);
- 2) далее Рузвельт предложил, чтобы платежи по задолженности, которая может возникнуть у советского правительства, начались только спустя 5 лет после окончания войны и производились в течение 10 лет после истечения этого 5-летнего периода. Как видно из этих предложений, в них нет ни слова, ни намек на прекращение ленд-лиза сразу после войны, то, что сделал в мае 1945 г. Трумэн. Этот его шаг более чем наглядно продемонстрировал отход нового президента США от дипломатии Рузвельта и нескрываемую враждебность к СССР. В тех же предложениях Рузвельта нельзя не отметить понимание им трудностей советской стороны с погашением задолженности непосредственно в годы войны.

В прямой связи с этим звучало и последующее предложение президента. Он выразил надежду, что советская сторона продаст США те товары и сырье, которые имеются у Советского Союза и в которых могут нуждаться США. При этом выручка от поставок в США этих товаров будет зачисляться на счет правительства Советского Союза. Тем самым облегчались бы послевоенные расчеты Советского Союза за поставки по ленд-лизу. В то же время подчеркнем, что поставки из СССР в США подобного рода также были нужными США.

Это послание Рузвельта представляло собой исключительно важный документ, определявший на самом высоком уровне на первоначальном этапе американскую позицию и дальнейшие пути сотрудничества двух стран.

Сталин дал ответ Рузвельту уже 4 ноября 1941 г. – спустя два дня после получения через посла США послания президента. В нем, выражая от имени советского правительства «искреннюю благодарность» за решение США предоставить СССР беспроцентный заем на 1 млрд долл., глава правительства СССР вместе с

тем выразил полное согласие с условиями предоставления этого займа и платежами по нему, а также согласился на продажи в США тех товаров и сырья, которые имеются у советской стороны и в которых могут нуждаться США¹⁶.

Обмен этими двумя последними посланиями стал исключительно важным фактором в деле налаживания взаимопонимания между лидерами двух держав, принципов становления их сотрудничества в годы войны.

Уже с 1942 г. в СССР из США по ленд-лизу стали поставляться самолеты, танки, грузовики и другая техника, а также продовольственные товары. Направлявшиеся из портов США и Англии морские караваны с военными грузами для Красной армии, несмотря на огромные опасности, потери, нападения немецких подлодок и авиации в Северной Атлантике, символизировали боевое сотрудничество СССР и США.

Р. С. На закате своей жизни, оценивая роль и значение американской помощи СССР, маршал Г.К. Жуков вспоминал: «Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали. Но ведь нельзя отрицать того, что американцы гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы... Получили 350 тыс. машин, да каких машин... Американцы по настоящему выручили нас порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь Сталину»¹⁷.

К этому списку можно добавить и американскую тушенку, которая хорошо была известна как на фронте, так и в нашем тылу.

Не будем только никогда забывать, что вся эта американская помощь оплачивалась огромными жертвами советских бойцов и офицеров на фронтах Великой отечественной войны и тружеников тыла, а также мужеством, смелостью, которые несли экипажи наших и союзнических судов¹⁸.

Однако к этим весьма категоричным словам Г.К. Жукова добавим другое, в известной степени уравновешивающее их, свидетельство А.И. Микояна – в годы Великой Отечественной войны заместителя Председателя Совнаркома СССР и наркома внешней

торговли. В своих воспоминаниях он пишет, что еще перед войной Советский Союз закупил значительное количество стратегического сырья: каучук, олово, медь, цинк, свинец, алюминий, никель и др., которые оказались неоценимым подспорьем для советской промышленности ввиду эвакуации ее многих предприятий. В связи с этим авторитетным заявлением Микояна было бы ошибочно представлять, что промышленность СССР работала только за счет сырьевых поставок по ленд-лизу, которые нельзя ни недооценивать, ни переоценивать. Отдавая должное мужеству и самоотверженности моряков-союзников, доставлявших военные грузы на Советский Север, подчеркнем все же главное: решающий вклад в исход Второй мировой войны сделал Советский Союз, заплативший за это миллионами жизней своих граждан.

Примечания

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 13.

² Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голя, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990. С. 345.

³ Там же. С. 341.

⁴ Там же. С. 342.

⁵ Известия. 1941. 28 июня.

⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР... С. 9.

⁷ Там же.

⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. М., 1946. С. 143.

⁹ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля... С. 346.

¹⁰ Новая и новейшая история. 1969. № 3. С. 108.

¹¹ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля... С. 347.

¹² Новая и новейшая история. 1969. № 4. С. 105.

¹³ Там же. С. 110.

¹⁴ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля... С. 348.

¹⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР... С. 11.

¹⁶ Там же. С. 12.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Зенькович Н. Тайны уходящего века. М., 1999. С. 294.

Н.В. Сазанова (Волгоград)

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОМОЩИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В 1990-е ГОДЫ

Активизация американских фондов и программ в 1990-е гг. проходила на фоне характерного для всей нашей страны демократического подъема.

Придя к власти, новые российские правящие элиты принялись осуществлять серьезное структурное реформирование во всех сферах деятельности государства: от здравоохранения и образования до экономики и внешней политики. Активность нового поколения политиков была основана на декларировавшемся стремлении сделать Россию сильной демократической страной со стабильно развивающимися экономикой и социальными процессами. В качестве примера предлагалось рассматривать западные страны, в частности Соединенные Штаты Америки.

Западные страны, со своей стороны, в начале и первой половине 1990-х гг. старались оказать поддержку России в ее стремлении стать демократическим государством. Следует отметить, что на начальном этапе интересы и цели «новой» России и Соединенных Штатов часто имели много точек соприкосновения и пересечения, что отмечалось лидерами обоих государств.

Одной из целей американских благотворительных организаций и фондов (в том числе курирующих обменные программы) было установление и развитие в России гражданского общества, как одного из основных элементов демократического государства.

Однако само понятие «гражданское общество» еще до конца не определено. У представителей различных академических дисциплин существует много точек зрения на этот объект.

В 1990-х гг. в среде западных политологов выделялись два основных подхода при определении гражданского общества.

В качестве первого выделяют либерально-демократический подход, сторонники которого считают свободу высшей ценностью гражданского общества, а само гражданское общество рассматривают в качестве защитной структуры индивида от государства. Максимальная свобода и независимость индивидов и институтов этого общества являются для либеральных демократов высшим идеалом¹. Любые попытки воспрепятствовать или ограничить свободу функционирования общественных институтов со стороны государства воспринимаются сторонниками данного подхода крайне негативно.

Второй подход – социал-демократический, признает гражданское общество не только сердцевинной всей общественной, но и политической жизни. Его сторонники полагают, что общество может быть демократическим, если у него есть реальная возможность формировать структуры власти, которые в свою очередь определяют контуры гражданского общества². Следует отметить, что, в отличие от либеральных демократов, представители этого подхода не столь категоричны в своих оценках взаимоотношений между государством и гражданским обществом. Они даже допускают определенное взаимодействие и взаимовлияние в процессе функционирования государственных структур и гражданского общества с целью не допустить перегибов в деятельности той или другой стороны.

Представленные подходы значительно отличаются друг от друга по проблеме взаимоотношений между гражданским обществом и государством. Такое расхождение во взглядах дает возможность предположить, что оценочные критерии наличия или отсутствия гражданского общества весьма расплывчаты и не имеют какой-либо четкой классификации. Подобное положение связано с тем, что даже в демократических государствах с развитым гражданским обществом еще не пришли к четкому пониманию данного феномена. Его определение эволюционирует вследствие изменений как внутри государств, так и на международной арене.

Кроме того, некоторые западные исследователи подчеркивают длительность перехода к демократическому строю в России, отмечая некоторые возможные особенности становления гражданского общества в этой стране. Так, Р. Дарендорф предостерегает, что гражданских обществ никто не строит, они развиваются самостоятельно, а задача государства состоит в том, чтобы создать для этого соответствующие условия³. Другими словами, данные исследователи утверждают, что построить гражданское общество только с помощью внешних сил практически невозможно. В государстве должна сложиться определенная среда, в которой могли бы постепенно культивироваться мировоззренческая концепция и основные элементы и ценности гражданского общества. Привнести это извне нельзя, это должно зародиться внутри самого государства и общества.

Во введении к своей книге «Демократия и гражданское общество» профессор Вестминстерского университета, директор Центра изучения демократии Дж. Кин приводит такое определение термина гражданское общество: «Гражданское общество – ...это ...категория, одновременно описывающая и предвосхищающая сложный и динамичный ансамбль охраняемых законом неправительственных институтов, которым присуща тенденция к ненасильственности, самоорганизации и саморефлексивности и которые находятся в постоянных трениях друг с другом и с институтами государственной власти; последние же “оформляют”, ограничивают и делают возможной их деятельность»⁴. В данном определении подчеркивается динамика сосуществования и взаимодействия гражданского общества с государством, которое в свою очередь эволюционирует параллельно развитию общественных институтов.

В России в последнее десятилетие XX в. подобного параллельного развития не было. Становление государственных структур являлось приоритетным по отношению к развитию гражданского общества. Одной из проблем, мешавшей развитию гражданского общества в нашей стране, являлся низкий уровень осведом-

ленности российских граждан о том, что такое гражданское общество вообще.

Так, руководитель Фонда общественного мнения А. Ослон на одном из круглых столов привел интересные данные об отношении россиян к понятию «гражданское общество». Были получены следующие результаты: на вопрос о том знают ли они, что такое гражданское общество: «да, слышали» ответили 16 %; что-то слышали об этом – 28 %; слышат об этом впервые – 40 %; затруднились ответить 16 %. Взялись обосновать свое представление о гражданском обществе – 22 %. Из них 12 % связывают его с демократией, правовым обществом. 8 % заявили о существовании взаимосвязи между гражданским обществом и правовым государством, и лишь 2 % считают, что это возможность влияния граждан на политику⁵.

Из приведенных данных следует, что процент людей более-менее представляющих себе, что такое гражданское общество, очень низок. Значительная часть населения нашей страны либо вообще ничего о нем не слышала, либо имеет весьма смутные представления об этом феномене. Подобное положение среди общественных масс создавало, особенно на начальном этапе, значительные проблемы для американских культурных центров и образовательных фондов и программ.

Для решения данной проблемы и ликвидации «гражданской неграмотности»⁶ в последнее десятилетие XX в. делалось многое. Проводились различные семинары, конференции и другие мероприятия, организуемые американскими организациями (в частности, американскими центрами), целью которых было ознакомить российских граждан с условиями развития демократического правового государства и гражданского общества. Однако данные мероприятия охватывали лишь узкий круг людей, специалистов, занимавшихся этими проблемами. Большая же часть российских граждан оставалась незатронутой. Подобная ситуация наблюдалась и с обменными программами, которые были предназначены для определенных групп людей, большей частью для ученых и исследо-

вателей. Значительно меньше было программ, носящих ознакомительный характер с целью создания у российских государственных и общественных лидеров представления о том, что такое гражданское общество, какие необходимы институты и организации, как они функционируют и многое другое. Подобные знания отсутствовали не только у рядовых граждан, но и многих представителей властных структур, что не способствовало развитию позитивных тенденций в вопросе становления в нашей стране гражданского общества и его структур.

Так, в результате проведенных исследований, некоторые представители политического крыла в Международном республиканском институте (International Republican Institute, IRI) и Национальном демократическом институте по международным делам (National Democratic Institute for International Affairs, NDI), а также программ по гражданской защите указывали на то, что для более успешного продвижения демократии в России Соединенным Штатам следовало оказывать большую поддержку гражданским образовательным инициативам. Согласно мнению экспертов, было бы лучше, если бы NDI, IRI или другие американские неправительственные организации могли бы работать в школах или других российских учебных заведениях для обучения российских граждан принципам самоуправления, гражданской ответственности, демонстрируя при этом выгоды от демократического правления в общем⁷.

Инициативы по поводу увеличения числа граждан, знакомых с идеями нового демократического общества, а, следовательно, и более адаптируемых к проводимым реформам, исходили в основном от американской стороны.

При всей разнице подходов все исследователи согласны в том, что основными элементами гражданского общества являются, во-первых, четко функционирующие неправительственные (НПО) и некоммерческие (НКО) организации и общественные объединения, а во-вторых – развитая система местного самоуправления.

Помощь в организации и поддержка НПО (НКО) была одной из составляющих политики американских организаций. По замыслу поддерживающей стороны такие организации должны были возникать по инициативе российских граждан для сотрудничества и контроля над властными структурами разных уровней.

Однако здесь опять возникает проблема с определением понятия «неправительственные организации». Данный термин не имеет четкого определения ни в нашей стране, ни на международном уровне.

Понятие НПО присутствует в Уставе ООН и в документах других специализированных подразделений ООН. Однако и здесь не дается четкого определения данному термину. Так, под НПО понимается «любой добровольный некоммерческий союз граждан, организованный на местном, государственном или международном уровне, ориентированный на достижение конкретных результатов и руководимый людьми, объединенными общими интересами»⁸.

Согласно классификации ООН под категорию НПО не попадают религиозные течения, общественно-политические движения, профсоюзы, спортивные клубы и т. д.⁹

Что же касается нашей страны, то некоторые организации, не являющиеся неправительственными по международной классификации, у нас, наоборот, таковыми являются.

В современной России более распространено понятие НКО. Согласно Федеральному закону России «О некоммерческих организациях» НКО является «...организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками».

2. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан,

дан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

3. Некоммерческие организации могут создаваться в форме общественных или религиозных организаций (объединений), некоммерческих партнерств, учреждений, автономных некоммерческих организаций, социальных, благотворительных и иных фондов, ассоциаций и союзов, а также в других формах, предусмотренных федеральными законами»¹⁰.

Согласно другому Федеральному закону «Об общественных объединениях» «под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения»¹¹.

Таким образом, из приведенных выше определений мы видим, что общественные объединения (организации) частично включают в себя НКО.

Однако следует отметить, что ни в одном, ни в другом законе четко не говорится о том, являются ли эти НКО или общественные объединения правительственными или неправительственными, что может привести к путанице при определении статуса тех или иных организаций.

Кроме того, следует отметить, что термин «НПО» очень широкий и включает в себя разные типы организаций и объединений.

В нашей стране существуют и так называемые общественные организации, которые по определенным критериям не могут называться неправительственными. В настоящее время к таковым можно отнести различные профсоюзы, религиозные организации, спортивные объединения и другие.

Отделить НПО от других общественных объединений достаточно сложно, поскольку многие организации, которые по своей сути являются НПО, себя к таковым не относят. Так, ярким примером могут служить многочисленные научные ассоциации и

общества либо организации этнокультурного или этнополитического характера¹².

Полностью разграничить понятия «общественные» и «неправительственные» организации мешает и тот факт, что существует множество плоскостей и направлений, где сферы интересов и деятельность этих общественных структур тесно соприкасаются либо пересекаются.

В России в течение 1990-х гг. возникли десятки тысяч неправительственных общественных организаций. У многих из них почти с момента их возникновения появлялось множество различных проблем, которые приводили к тому, что вновь появившееся организации достаточно быстро прекращали свою деятельность.

Подобный феномен был связан прежде всего с проблемой финансирования НПО. Общеизвестно, что большая часть НПО финансируется не за счет собственных доходов, а за счет внешних источников. Значительная часть финансирования российских НПО поступала от зарубежных частных фондов или правительств иностранных государств. Правительство Соединенных Штатов в 1990-е гг. участвовало в финансировании программ, способствовавших развитию демократии в России. Так, за период 1992–1998 гг. в рамках различных правительственных программ поддержки нашей стране было выделено 4,471 млрд долл., из них на программы поддержки демократии – лишь 133 млн долларов¹³.

В связи с подобным распределением американские политики выражали недовольство тем, что в 1992–1996 гг. USAID 50 % своего бюджета в России потратил на поддержку американских консультативных организаций, работавших в области рыночных реформ, в то время как американские НПО, работавшие в рамках программ демократического развития, получили лишь 6 %¹⁴.

В то же время Россия, как страна, не завершившая демократические реформы, на наш взгляд, значительно больше нуждалась именно в политическом и общественном реформировании.

Недостаток финансирования и внимания в отношении российских НПО со стороны потенциальных отечественных благодетелей отрицательно сказывался на развитии самого института НПО.

Однако в 1990-е гг. возникали отдельные НПО, которые отвечали запросам общественности того периода. Одним из ярких примеров такой НПО является объединение «Солдатские матери», которое возникло в результате необходимости защиты прав военнослужащих.

Кроме этого проведение отдельных программ американскими НПО дало толчок к развитию и большей организованности региональных НПО, или даже сетей НПО.

Так, в течение 1996–1998 гг. в ходе реализации программы по развитию ресурсных центров для НКО в российских регионах, инициированной несколькими американскими фондами (Фонд Форда, Фонд Евразия, Фонд Мотта и Институт «Открытое общество»), функции ресурсных центров в ряде регионов взяли на себя уже существующие местные НКО.

Также в 1990-е гг. благодаря поддержке западных фондов возникло и развивалось женское движение. В результате программ и инициатив таких фондов, как Фонд Евразия, Фонд Форда и др. женщины получили больше возможностей и доступа к необходимой информации и знаниям для организации собственных предприятий, развития новых общественных организаций и исследовательских программ. Кроме того, именно женские организации были первыми, кто создал целую сеть различных региональных НПО, занимавшихся разнообразными вопросами, касающимися положения женщин в обществе, в семье и т. д.

Так, например, в сентябре 1995 г. при поддержке Фонда Форда 36 женщин, являвшихся членами различных женских организаций, приняли участие в IV Международной женской конференции, проходившей в Пекине. Конференция проводилась под эгидой ООН, и в ней принимали участие более 3 тыс. представительниц женских НПО из разных стран. Так, Марина Писклакова, одна из основателей московского антикризисного центра «На-

силе в семье», после конференции сказала: «Для меня это был очень ценный опыт. В течение двух лет я работала лишь с небольшой группой. В Пекине я увидела, как много женщин пытаются решить те же проблемы. Я почувствовала себя частью большого движения»¹⁵.

Еще одна сфера, которая вызывает озабоченность у стран Запада, – охрана окружающей среды. Состояние окружающей среды в нашей стране вызывает серьезные опасения. Значительная часть всей иностранной помощи в области охраны окружающей среды в нашей стране идет на создание и развитие организаций по защите окружающей среды, которые в определенной мере могли бы способствовать установлению новых демократических связей между гражданским обществом и государством¹⁶.

Еще одна проблема состоит в том, что вновь возникающие российские НПО не связаны между собой, их деятельность не скоординирована. Горизонтальные связи между российскими НКО очень слабые или отсутствуют вообще. Такая ситуация сильно тормозит деятельность НПО, значительно снижая их эффективность.

Существует ряд причин, вследствие которых такой важный структурный элемент гражданского общества и демократического государства, как неправительственные общественные организации, в течение 1990-х гг. не смогли укорениться и благоприятно развиваться в России.

Во-первых, истоки надо искать в прошлом нашей страны. Как показывает историческое развитие России, общество часто противостояло официальной власти. Существовало мнение, что общественное объединение, выступающее против неприемлемых для общества действий со стороны властных структур, должно носить определенное бунтарское начало. Проблема в данной ситуации состоит в том, что не проводилось какой-либо четкой грани между общественными организациями, использовавшими для достижения своих целей незаконные методы (вплоть до террористических актов), и организациями, которые стремились решать все вопросы в рамках правового поля.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что в начале 1990-х гг. в нашей стране гражданское общество и государство относились друг к другу с глубоким недоверием. В России на протяжении почти всей своей истории государство превалировало над обществом. Государственные интересы были превыше всего, как во внешнеполитической деятельности России, так и внутри нее.

Во-вторых, если вернуться в 1990-е гг., то одной из причин можно назвать политическую и общественную апатию людей. Над многими еще довлел страх советского периода, другие не смогли быстро сориентироваться в происходивших в нашей стране изменениях, третьи были еще слишком молодыми, а некоторые просто не хотели ни во что вмешиваться.

В-третьих, необходимо отметить и тот факт, что в России, особенно в начале 1990-х гг., не было людей (активистов), которые могли бы организовать подобное общественное объединение, структурировать его деятельность, создать хорошо организованное и деятельное общественное объединение, которое могло бы последовательно осуществлять свою деятельность.

Необходимо вспомнить и о сложившемся в начале 1990-х гг. в нашей стране экономическом, политическом и социальном положении. Распад Советского Союза подорвал все основы взаимоотношений, существовавших между государством и обществом. В результате этого образовался огромный вакуум в их последовательном развитии.

Большим препятствием на пути органичного развития российских НПО являлось отсутствие в этот период необходимой законодательной базы и специалистов, координирующих все необходимые процедуры, связанные с созданием и регистрацией общественного объединения. Отсутствие соответствующего законодательства отрицательно сказалось не только на зарождавшихся российских общественных организациях, но и на начавших работать в нашей стране американских и других иностранных НПО.

Несмотря на то что в 1990-е гг. количество российских неправительственных общественных организаций значительно возросло, однако их качественные параметры и результаты их деятельности оставались на крайне низком уровне. Деятельность НПО в результате их разобщенности, недостатка финансирования, отсутствия сильной законодательной базы и низкой активности общественных масс не стала важной составляющей и не сыграла значительной роли в становлении в нашей стране развитого гражданского общества. Что же касается американской помощи, то она не могла стать решающей при строительстве гражданского общества и его основных институтов в России. В государстве должна сложиться соответствующая ситуация для развития в нем демократических структур. Тем не менее, недооценивать поддержку американской стороны в процессе становления в нашей стране отдельных элементов гражданского общества не следует.

Примечания

¹ Кочетков А.П. Западные политологи о гражданском обществе // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. 1994. № 2. С. 25–26.

² Там же.

³ Даредорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 74.

⁴ Кин Дж. Демократия и гражданское общество: О трудностях европейского социализма, перспективах демократии и проблеме контроля над социально-политической властью. М., 2001. С. 6.

⁵ Власть и гражданское общество в современной России: перспективы взаимодействия (резюме, дискуссии) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 75.

⁶ В данном случае речь идет о низкой осведомленности российских граждан о том, что такое «гражданское общество», которое должно развиваться в их стране, об их гражданских возможностях и правах принимать участие в процессе развития демократических норм и ценностей в своей стране и становления в ней стабильного правового государства и гражданского общества.

⁷ Promoting democracy: Progress rep. on U.S. democratic development assistance to Russia / U.S. General accounting office. Wash.: GAO, 1996. P. 42.

⁸ Официальный сайт ООН. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/question/ngo-dpi.htm>.

⁹ Якимец В.Н. Межсекторальное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М., 2004. С. 56–57.

¹⁰ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 янв. 1996 г. Режим доступа: <http://www.regist.spb.ru/doc/np.html>.

¹¹ Федеральный закон «Об общественных организациях» от 19 мая 1995 г. Режим доступа: <http://www.regist.spb.ru/doc/pub.html>.

¹² Тишков В. Антропология НПО // Неприкосновенный запас. 2000. № 1. С. 26–27.

¹³ Mendelson S.E., Glenn J.K. Democracy Assistance and NGO Strategies in Post-Communist Societies. Washington, D.C., 2000. P. 63.

¹⁴ Mendelson S.E. Strategies for US Democracy Assistance to Russia after Market Failure. Режим доступа: http://www.csis.org/media/csis/pubs/pm_0047.pdf.

¹⁵ Maughan J. Women's Work: Finding a Place in the New Russia. Ford Foundation Report Online. Spring 1996. Режим доступа: <http://www.fordfound.org/evs/1996/vevsl374.xml>.

¹⁶ Mendelson S.E., Glenn J.K. Op. cit. P. 39–40.

РОССИЯ И США: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ

А.С. Макарычев (Нижний Новгород)

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: СИТУАЦИЯ ДВОЙНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Провинциальная Россия, включая Поволжье, иногда сравнивается со своего рода *зеркалом* российско-американских отношений. Развивая эту метафору, можно, следуя традициям Жака Лакана, увидеть в этих отношениях *обмен взглядами*: американцы смотрят на нас, а мы наблюдаем за тем, как они это делают. Эта ситуация и представляет собой *двойную рефлексю*: нас всегда, даже в годы «холодной войны», волновало, что они думают о нас, как и о чем высказываются, какое мнение составляют о нас. Нам важно, что они увидят в нас и какие умозаключения сделают из своего взгляда, обращенного к нам. Мы подспудно сверяемся с этим американским взглядом и хотим соответствовать его критериям, а если понимаем, что не соответствуем, – то хотя бы стремимся понять, почему. Взгляд из-за океана, таким образом, уже изначально вписан в нашу картину окружающего мира: мы воспринимаем себя под воздействием мнения других. Для нас существенно, какие умозаключения американцы сделают из своего

взгляда, обращенного к нам, насколько этот взгляд интенсивен или безразличен, какие смыслы в нем содержатся и пр.

Но на самом деле *двойная рефлексия* – это все же некоторое упрощение, потому что правильнее говорить о *бесконечности* дискурса, или о «*матрешечном*» принципе его построения. Выглядит это примерно так: а) американцы изучают нас; б) мы стараемся понять, как, для чего и с помощью каких приемов они это делают; в) они, в свою очередь, интересуются тем, как мы смотрим на них, изучающих нас (посредством спонсируемых США конференций или проектов); г) нам может быть важным понять, почему американцы выделяют ресурсы для того, чтобы увидеть самих себя в наших глазах.

***

На американской «ментальной карте» Приволжского федерального округа (ПФО) есть несколько *ключевых точек*, которые были предметом внимания политологов из США. Эти точки можно условно разделить на две группы: регионы-модели и регионы-девиации, причем вокруг каждой из них формируются свои дискуссионные зоны.

Начнем с так называемых *модельных регионов*, к числу которых можно отнести *Нижний Новгород*, на протяжении 1990-х гг. часто именовавшийся «лидером рыночных реформ»¹, моделью эффективной приватизации и конверсии военной промышленности. Одно время стало общим местом считать, что многие западные институты (например, Международная финансовая корпорация) смогли добиться в Нижнем Новгороде больших успехов, чем в других российских городах. Однако при более внимательном прочтении окажется, что американские оценки потенциала Нижнего Новгорода эволюционировали от *сверхоптимистических* до *осторожных* и даже *пессимистических*. Либерально-идеалистический взгляд на «реформаторский регион» был подвергнут ревизии одним из известнейших американских специалистов по международным отношениям Ховардом Виардой, посетившим Нижний Новгород в 1992 г. и спустя 15 лет опубликовавшим свои ме-

муары². Путевые заметки маститого заокеанского специалиста представляют интерес как одно из документальных свидетельств тех времен, когда Нижний Новгород делал первые шаги на пути обретения своего собственного «лица». Именно поэтому эти мемуары могут послужить хорошим напоминанием о том, что бывает полезно взглянуть на себя со стороны, чужими глазами, в том числе и для того, чтобы развеять иллюзии о собственной значимости в глазах наших западных коллег.

Каким же увидел профессор Виарда Нижний Новгород, делавший первые попытки повернуться лицом к внешнему миру? Вместо привычного «полигона реформ» мы видим эпитеты «грязный», «уродливый», «примитивный», «неряшливый», «дикий», «странно пахнущий». По сравнению с Москвой, по мнению американского гостя, нижегородцы были хуже одеты, менее динамичны и выглядели «менее здоровыми». Они часто грубы и не приучены говорить «спасибо» и «пожалуйста». Молодые нижегородские бизнесмены, с которыми встречался г-н Виарда, практически не имели представлений о финансах, маркетинге и окружающем мире в целом. Вообще уровень развития капитализма в Нижнем Новгороде начала 1990-х гг. он сравнил с Генуей или Венецией XV в.: это «бедный и стесненный город».

Путешествие в Нижний Новгород убедило Х. Виарду в том, что Россия – страна более отсталая, чем многие государства третьего мира: плохая окружающая среда, отсутствие безопасности на улицах после сумерек, повсеместный алкоголизм, неразвитая инфраструктура отдыха. В деревнях американского коллегу поразило отсутствие нормально работающего электричества и сложности в сбыте сельхозпродукции, в Арзамасе-16 – низкий уровень безопасности ядерных материалов, которые «хранились на железнодорожной станции в протекающих цистернах». Лекции перед студентами университета убедили его в том, что многие в аудитории были «просто сумасшедшими», просившими его опубликовать их работы на Западе или найти им работу в Гарварде. В его интерпретации, некоторые молодые люди ходят в церковь, чтобызнакомиться там с девушками. Посещение православного храма оставило у вашинг-

тонского гостя глубокое непонимание того, почему «церковная мистика» так связана с мотивами смерти («Не потому ли, что в России так низка продолжительность жизни?» – рассуждает он).

Легче всего списать все прозвучавшие оценки за счет русофобии или недостаточной компетентности их автора. Важнее понять, что в данном случае означает его текст – либо злопыхательство некорректного в своих формулировках американца, либо некий типичный образ нашего города в глазах значительной части зарубежных кругов?

Другая точка на карте ПФО, которая долгое время служила моделью организации региональной власти – это Самарская область при губернаторстве Константина Титова. Михаил Алексеев (университет Сан-Диего) рекомендовал правительству США всячески поддерживать этот регион³, а для другого его коллеги Самарская область являлась примером успешности американского влияния на региональном уровне⁴. Здесь уместно напомнить, что в 2007 г. К. Титов был отправлен в отставку, фактически повторив недавнюю судьбу своего новгородского коллеги Михаила Пруссака, который тоже традиционно считался одним из региональных либералов, пользовавшихся особым доверием со стороны США, и тоже правил полтора десятилетия. Как представляется, важен не сам факт смены места работы самарского губернатора, а тот контекст, в котором это случилось. А контекст этот, весьма негативный, был связан с тем, что окончание губернаторского срока К. Титова ознаменовалось падением управляемости и ростом влияния финансово-промышленных групп на региональную политику.

Таким образом, на примере Нижегородской и Самарской областей мы видим, что существует серьезная разница в восприятии ключевых региональных фигур внутри России и в Соединенных Штатах. Многие фигуры регионального масштаба (включая бывшего нижегородского губернатора Бориса Немцова), воспринимавшиеся в США как перспективные, при президентстве Владимира Путина фактически сошли с политической сцены, далеко не в полной мере оправдав возлагавшихся на них ожиданий.

***

Одной из наиболее распространенных сюжетных линий в американских исследованиях российского регионализма является сравнение друг с другом опыта Татарстана и Чечни⁵ – тоже как *модельных* примеров разных тенденций дистанцирования от федерального центра. Но есть и другое прочтение этого сюжета: к примеру, Генри Хейл полагает, что Татарстан и Башкортостан дают *примеры* подрыва демократии на региональном уровне посредством «электоральной инженерии»⁶ в условиях политики уступок со стороны слабого федерального центра⁷. То есть речь идет о регионах, которые не столько являются учредителями норм, сколько их подрывают или искажают.

Стив Солник, наоборот, полагает, что Татарстан и Башкортостан – это не модели, а *исключения* из общих правил, в результате чего и возникает асимметрия в федеративных отношениях⁸, в том числе и касательно такой чувствительной сферы, как внешние связи⁹. В американских исследованиях Татарстан часто именуется пионером в нарушении конституционных норм, что подчеркивает его *исключительный* статус в рамках российской федеративной системы. Но это – то исключение, которое кодифицирует то, что реально уже и так имеет место (например, практику заключения двухсторонних соглашений регионов с федеральным центром)¹⁰. Похожей мысли придерживается и Гульназ Шарафутдинова (университет Майами), которая описывает Татарстан как *особый* случай «квазигосударственного поведения» (особенно на международной арене), однако такой тип поведения отражает (воплощает в себе) сложившуюся в России систему власти. Как только федеральный центр восстановил политическую стабильность в рамках «вертикали власти», символическое измерение автономного самопозиционирования Татарстана потеряло прежний смысл¹¹.

В американских исследованиях предпринимались попытки доказать исключительность (а значит – особенность, специфичность) этнических республик тем, что в них местные лидеры при президентстве Бориса Ельцина имели меньше проблем с переизбранием (так, Питер Рутланд упоминал в этом контексте о Николае Фе-

дорове в Чувашии, Николае Меркушкине в Мордовии, Муртазе Рахимове в Башкортостане и Ментимире Шаймиеве в Татарстане), однако теоретического развития этот тезис не получил, хотя его можно понимать как указание на особую роль структур власти в соответствующих республиках.

***

Сравнение регионов друг с другом – дело важное и необходимое для научного анализа, но, тем не менее, чрезвычайно сложное и запутанное. Кэтрин Стонер-Вайсс в своей книге показывает, что отсутствие вариаций между российскими субъектами федерации (по таким индикаторам, как, например, уровень взаимного недоверия, информированность о политике, атомизация общества и пр.) не подтверждает известного тезиса о том, что демократическая политическая культура якобы оказывает положительный эффект на управленческие практики. В этом смысле она ставит под вопрос, например, «продвинутость» Нижнего Новгорода с точки зрения развития процедур демократии. К примеру, по уровню электоральной мобилизации Саратов в 1990-е гг. опережал Нижний Новгород. Саратов вообще казался американской исследовательнице не менее достойным претендентом и на звание «кармана России», и на титул «чемпиона демократии» (она, в частности, упоминает такую своеобразную метафору, как «волжские Афины» применительно к этому городу, который исторически может считаться одним из наиболее радикальных волжских городов)¹².

Одной из интересных попыток классифицировать регионы России стала следующая схема, состоящая из четырех категорий.

Первая из них – это так называемые *катализаторы сессии*, где высокий уровень развития региональной социокультурной идентичности соседствует с высоким уровнем ожидаемых экономических стимулов к автономному существованию. В России есть один пример такого рода – это Чечня.

Вторая категория – это «*последователи*» (followers): для этих регионов характерно высокое чувство местной идентичности при низ-

ние ожидания в отношении экономических эффектов от отмежевания. М. Алексеев именно сюда помещает Татарстан и Башкортостан, что можно оспорить на основании того, что в отношениях этих республик с федеральным центром финансово-экономические соображения традиционно превалировали над многими остальными.

Третья категория – это так называемые *выжидатели* (*fence-sitters*), или «готовые к сделкам» (*bargainers*): им свойственно слабое развитие региональной идентичности при высоких ожидаемых материальных результатах от большей самостоятельности. Согласно М. Алексееву примерами в ПФО могут служить Пермь, Мордовия или Марий Эл. С нашей точки зрения, Чувашия и Башкирия с не меньшими основаниями могут быть отнесены к этой же группе.

Наконец, четвертая категория – это *интеграционисты*: им присуща слабая идентичность и незначительные ожидания от гипотетического сепаратизма. Примерами в американской книге служат Чувашия, Удмуртия, Кировская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Нижегородская области¹³; мы бы отнесли сюда и Пензенскую область.

***

Наше небольшое исследование приводит нас к подтверждению мысли о том, что любой текст похож на зеркало: каждый читающий всматривается в него и что-то непременно видит свое. Американские авторы, без сомнения, внесли свой большой вклад в исследования поволжских регионов и в их презентации международному академическому сообществу. В значительной степени благодаря американским исследованиям многие города ПФО стали известны в качестве субнациональных акторов мировой политики: например, в начале 1990-х гг. Нижний Новгород стал важной точкой в американской «ментальной карте» России. Мы показали, что в американских концепциях большую роль играли модельные, образцовые регионы (Нижний Новгород, Самара, Великий Новгород и пр.). Сейчас картина несколько меняется, и многим городам еще предстоит доказать, что на этой воображаемой карте они останутся в качестве приори-

тетных точек, тем более в условиях, когда постепенно снижается масштаб программ, поддерживаемых со стороны США. По прошествии нескольких лет после того, как из России ушли фонды Дж. Сороса и «Евразия», а фонд Макартуров существенно изменил профиль своей работы, изучение многих общественно важных сюжетов (вопросы гендера, прозрачности, взаимоотношений государства и гражданского общества и т. д.) у нас ведется гораздо слабее, чем в во многих соседних странах СНГ, что привело, к большому сожалению, к серьезному коммуникационному разрыву в академических связях между Россией и такими странами, как Молдова, Украина, Казахстан, Грузия, Азербайджан. Эта же тенденция проецируется и на изучение регионов: за последние несколько лет американскими авторами не было написано практически ни одной работы, которая содержала бы в себе анализ состояния дел и процессов, протекающих на уровне субъектов федерации. Это означает не только сокращение общего американско-российского дискурсивного пространства, но и снижение возможностей для узнавания друг друга посредством взаимного изучения.

Примечания

¹ Rutland P. Comparative Economics and the Study of Russia's Regions // Center-Periphery Conflict in Post-Soviet Russia. A Federation Imperiled / Ed. by M.A. Alexseev. Macmillan, 1999. P. 255.

² Wiarda H.J. Adventures in Research. Vol. III: A Global Traveler. Universe, 2006. P. 49–93.

³ Alexseev M. The Unintended Consequences of Anti-Federalist Centralization in Russia. PONARS Memo № 117. Apr. 2000.

⁴ Kupchan C. Devolution Drives Russian Reform // The Washington Quarterly. Spring, 2000. P. 75.

⁵ Лапидус Г. Асимметричный федерализм и государственное строительство в России // Федерализм в России. Казань: Ин-т истории Акад. наук РТ и Казан. ин-т федерализма, 2001. С. 285–286.

⁶ Hale H. The Regionalization of Autocracy in Russia // PONARS Memo № 42. Nov. 1998.

⁷ Evangelista M. Russia's Path to a New Regional Policy // PONARS Memo № 157. Oct. 2000.

⁸ Solnick S. Putin and the Provinces // PONARS Memo № 115. Apr. 2000; Solnick S. The New Federal Structure: More Centralized, or More of the Same? // PONARS Memo № 161. Oct. 2000; Solnick S. Methods of Central Control Over Russia's Provinces, and Prospects for the Future // PONARS Memo № 97. Oct. 1999.

⁹ Alexseev M. Russia's Periphery in the Global Arena: Do Regions Matter in the Kremlin's Foreign Policy? // PONARS Memo № 156. Oct. 2000.

¹⁰ Stoner-Weiss K. Central Weakness and Provincial Autonomy: The Process of Devolution in Russia // PONARS Memo № 39. Nov. 1998.

¹¹ Sharafutdinova G. Opportunities and Limits of Self-Creation and Identity Politics: Tatarstan's Paradiplomacy Project // Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised? / Ed. by Kimitaka Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center: Hokkaido University, 2005. P. 407.

¹² Stoner-Weiss K. Local Heroes. The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton University Press, 1997. P. 162, 163.

¹³ Alexseev M. Asymmetric Russia: Promises and Dangers // Center-Periphery Conflict in Post-Soviet Russia. A Federation Imperiled. P. 265.

Т.А. Анисимова, Г.А. Птичникова (Волгоград)

ВЛИЯНИЕ РЕКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗА КРУПНОГО ГОРОДА: ОПЫТ РОССИИ И США

На формирование архитектурного образа крупного города влияют как городская застройка и сооружения разного назначения, так и преобразованные человеком элементы природы, составляющие городскую среду. Этот процесс происходит в четырех измерениях – в трехмерном пространстве и во времени, отражая социально-экономические условия, меняющиеся с течением времени, и материальное развитие человеческой культуры, которое более чем где-либо прослеживается именно в градостроительстве.

Длительный путь развития крупных городов сопровождается, как правило, сменой исторических условий, архитектурных стилей, планировочных приемов, используемых материалов и элементов наполнения городского пространства. Да и само городское пространство во всем многообразии и взаимосвязи застроен-

ных и открытых пространств и городская среда в целом меняются вместе с городом.

Река, как и другие крупные формы водоемов, занимает важнейшее место в образе города. Исследование иконографического материала и археологические раскопки – свидетельство тому, что источники воды издавна были определяющим фактором при выборе мест поселений, выполняли оборонительные функции и служили транспортными путями. Они также фокусируют наиболее выразительную застройку и предъявляют повышенные требования к оформлению линии пограничья – встречи воды и берега – Реки и Города, где, как правило, возникает общественное городское пространство.

Здесь формируется набережная – место публичного пребывания людей у воды. Вдоль реки возникают причалы и порты, рыболовное и другое, в том числе и промышленное, производство, а также берег используется и для купания, прогулок и любования Рекой. Ценность таких мест столь высока, что города при первой экономической возможности сразу начинают украшать и благоустраивать берега рек и морей, создавать набережные разных типов – из каменных стен, многоярусных террас, природных ландшафтов. Для городов, расположенных на реках, одним из важных градостроительных элементов всегда были «речные ворота» – речные вокзалы с набережными, порты. С развитием скоростных и зачастую более дешевых видов транспорта эти объекты постепенно стали рассматриваться как второстепенные. Вместе с тем речные ворота остаются самыми привлекательными из всех въездов в город – вода придает городу новое качество, помогая создать незабываемый архитектурный образ городского ландшафта.

В настоящей статье авторы попытались сравнить подход к освоению этих столь важных общественных пространств в российских городах и городах США. Российским примером стали поволжские города – в первую очередь Волгоград, затем Самара, Саратов, Астрахань. Из американских городов выбраны Вашингтон, Нью-Йорк и Бостон.

Каждый из этих городов имеет свою изюминку, свои характерные черты в освоении прибрежных территорий. Но прежде всего необходимо обратиться к российской градостроительной традиции оформления речных берегов. Пространство встречи города и реки может принимать разные формы. В российской традиции, которая была заложена имперской столицей Санкт-Петербургом, одной из самых образцовых форм организации стала парадная набережная.

а

б

Набережные Санкт-Петербурга:

а – фрагмент Дворцовой набережной возле Эрмитажа;
б – Стрелка Васильевского острова

Начальные работы по укреплению берега Невы начались в середине 1710-х гг., то есть всего через 7 лет после закладки первых зданий столицы. Каменные набережные Москвы начали возводить позже, после Отечественной войны 1812 года. Сначала была создана Кремлевская набережная, затем Софийская.

Парадные набережные разных городов напоминают друг друга. Обычно доминирует мощная перспектива реки, завершающаяся каким-либо крупным объектом или силуэтом нескольких высотных зданий, и две стихии – вода и небо, сходящиеся в линию горизонта. Парадные набережные одеты гранитом и обычно хорошо благоустроены. Как правило, наиболее выгодными точками для лицезрения набережных являются мосты, поэтому точка наблюдения на фотографиях бывает поднята высоко над горизонтом. Это создает ощущение огромной воздушной «залы» города, в которой вода играет роль пола, а фасады домов и деревья – роль стен, обрамляющих эту «залу». Взгляд уносится вверх и от открывающейся панорамы наблюдателя охватывает чувство восторга с оттенком триумфальности. Следует отметить, что по-настоящему парадные – дворцовые – набережные были сформированы в российских столицах. В российских поволжских городах – в Волгограде, и особенно в Самаре, это пространство всегда активно задействовано.

а

Волжские набережные:

а – в Волгограде; см. также на след. стр.: б – в Самаре

б

Набережные могут быть не только «речными фасадами» городов, строгими и обычно безлюдными, но и местами для активной жизни горожан. Здесь удят рыбу, капаются, встречаются, гуляют, занимаются «ничегонеделаньем». Под сенью деревьев можно увидеть многочисленные рестораны и места отдыха. Здесь всегда много людей, которые гуляют, катаются на велосипедах и роликовых коньках, сидят на парапетах и ступеньках и просто на песке.

а

Рекреационные функции набережных:

а – пляжи Самары; см. также на след. стр.: б – прогулочная зона Саратова

б

Остановимся на особенностях формирования прибрежных территорий Волгограда. В градостроительной истории Царицына – Сталинграда – Волгограда главным действующим лицом всегда была Волга, великая река не только России, но и всей Европы. Царицын возник в том месте, где Волга своей крупной излучиной, протянувшейся на 25 км, прорезывает переход из степи в прикаспийские пустыни. Такие территории у середины излучины – это место встречи двух речных дорог, место перевалки грузов. Граница. Форпост. Главным назначением Царицынской крепости была охрана волжского судоходства.

Для города река всегда являлась тем природным магнитом, который притягивал к себе самые важные городские узлы. В период индустриального развития на реку «сели» крупнейшие заводы-гиганты – металлургический («Красный Октябрь»), орудийный («Баррикады»), Сталинградский тракторный.

Послевоенная реконструкция планировочной структуры Сталинграда поставила своей задачей формирование новой структуры, ориентированной на Волгу, создание продольных (параллельных Волге) и поперечных магистралей, которые формировались для связи города и реки.

Вид на промышленную зону Волгограда с Волги

Волга использовалась в послевоенных генпланах в качестве главного градоформирующего фактора. Архитектура города стремилась следовать двум главным принципам, которые впоследствии стали градостроительными традициями: первое – обращенность главных ансамблей на Волгу либо связь их с набережными; второе – создание выразительного образа волжского фасада, панорамы города со стороны реки.

Волгоград тянется вдоль реки почти на сто километров, послушно следуя ее изгибам и почти не отдаляясь. В 1970-е гг. пересилило притяжение союзного центра – московская трасса подтянула к себе новую застройку, и возник жилой район «Семь ветров». Со стороны Волги город целостно воспринимается на всем своем протяжении с севера на юг. Уникальный пример развития единого архитектурного образа города с миллионным населением.

Волжский фасад Волгограда

В отличие от других волжских городов Волгоград до сих пор не смог «оседлать» реку мостами, Волга здесь растекается вширь весной до двух километров. Поэтому город всей своей стокилометровой подковой обращен не на застройку, а на природу – природный парк «Волго-Ахтубинская пойма». Город как зритель расположился на стекающихся к реке террасах и постоянно следит за действием под названием «Времена года».

Волгоград – город на Волге, и для многих посещающих наш город въезд в него ассоциируется со знаменитой волгоградской набережной, монументальной лестницей с пропилеями, речным вокзалом... Прибрежные территории всегда считаются самыми ценными городскими пространствами, а места причала судов, речные вокзалы рассматриваются как узловые точки в композиционном решении набережных. Следует отметить, что в большинстве российских городов, стоящих на реках, речные вокзалы построены по типовым проектам. Среди волжских городов такие типовые «речные ворота» имеют Нижний Новгород, Кинешма, Казань, Ульяновск, Тольятти, Самара, Саратов. В целом ряде городов, несмотря на активное движение теплоходов и большие пассажиропотоки, вообще нет соответствующих зданий – под эти цели используют плавучие дебаркадеры. В их числе Углич, Рыбинск, Кострома, Плес, Чебоксары. В Астрахани строительство речного вокзала продолжается уже более 10 лет. Немногие города имеют речные вокзалы, построенные по индивидуальным проектам с учетом специфики городской среды. В число таких городов входит Волгоград со своей знаменитой на всю Волгу набережной.

Волгоградский речной вокзал, построенный по проекту архитектора Т. Садовского, – крупнейшее сооружение подобного типа в Европе.

Речной вокзал Волгограда

Его длина составляет 296 м, ширина – 36 м, высота по верхней точке – 47 м. К вокзалу одновременно могут причаливать 6 теплоходов. Зал ожидания рассчитан на 700 человек, и порт, наверное, еще «не забыл» те времена, когда он был крупнейшим по пассажирскому грузообороту портом на Волге. Органически вписывающееся в ландшафт, легкое по массам сооружение – здание речного вокзала со своей четкостью горизонталей в качестве композиционного центра, играет доминантную роль на огромных просторах набережной. Горизонтальность линий речного вокзала удачно «перебивает» цилиндр – объем панорамного ресторана. Фасад, выходящий на Волгу, представляет собой стеклянный витраж, придающий легкость архитектуре здания, а фасад, обращенный в сторону склона набережной, решен в более пластичных и массивных архитектурных формах, что было закономерно и эстетически оправдано.

Волгоградская набережная, спроектированная по проекту архитекторов В. Симбирцева и И. Фиалко, разделена на две террасы. Нижняя терраса непосредственно примыкает к Волге, верхняя же возвышается над ней на 15–20 метров. С верхних отметок открываются великолепные виды на Волжские дали, здесь формируется основное место народных гуляний, праздников и концертных выступлений. Тер-

расы связаны между собой многочисленными лестницами и пандусами. Двухъярусные террасы над водой поражают игрой пространства, связанной с «судвоением» среды, разнесенной по разным уровням. Верхняя набережная связана с городом, улицами, кварталами, тогда как нижняя связана с водой и служит для отдыха. На зеленых склонах формируется каскад каменных террас, засаженных деревьями и создающих удивительную глубину городского пространства. Это соединение пандусов, подпорных стенок, зданий и башен одного цвета и материала в сочетании с искривленным руслом реки создает самый яркий образ городского пространства удивительной глубины и пластичности. Особенно выделяется центральная лестница, которая выводит непосредственно к Волге. Гранитная лестница растянулась на 45 метров. Верхняя отметка лестницы начинается с парадных ворот – Пропилей, за ними вверх поднимается эспланада Аллеи Героев, которая выводит в самое сердце Волгограда – площадь Павших Борцов. Во всех проектах послевоенной реконструкции города Аллея Героев рассматривалась в качестве парадного монументального входа в город.

В американском градостроительстве можно выделить также множество приемов формирования архитектурного образа крупного города, стоящего у «большой» воды. Мы же рассмотрим лишь немногие из них на примере Нью-Йорка, Вашингтона и Бостона и других городов.

a

Американские города:

a – Нью-Йорк; см. также на след. стр.; *b* – Вашингтон; *в* – Бостон

б

в

Большая часть Нью-Йорка расположена на воде: два из пяти районов размещаются на островах. Бухты и реки образуют одну из прекраснейших гаваней мира, ширина которой в районе Манхэттена около полутора километров. Острова Стейтен-Айленд и Лонг-Айленд, сближаясь в устье Гудзона, словно своеобразные ворота, открывают обширное пространство бухты, где по мере передвижения меняются впечатляющие городские панорамы.

Панорама города – это вид, охватываемый взором с одной точки, ряд панорам дает возможность более полно понять и ощутить образ города, ибо весь сразу город не может обозреваться.

Исключением будет разве что его вид с самолета, но огромный масштаб городского пятна «растягивает» его в двухмерную плоскость с маловыразительными, словно «приплюснутыми» доминантами. Хотя значительно возросли грузопассажирские потоки Нью-Йорка воздушным путем [здесь три крупных аэропорта – Ла Гуардия, Аэропорт им. Дж.Ф. Кеннеди (JFK) и Ньюарк], морской порт способен принять до 400 судов одновременно.

Южный морской порт с организацией специализированного музея и расширением культурно-развлекательных функций приобрел статус активно посещаемого общественного комплекса на воде.

Несмотря на то что прибрежная полоса, то есть протяженность водной поверхности, уступает площади, занимаемой сушей, река Гудзон и Верхний залив играют значительную роль в формировании неповторимого образа города.

Сверхчеловеческий тяжеловесный масштаб Нью-Йорка прежде всего прочитывается в вертикальном характере застройки и ее высокой плотности.

Тяжеловесный масштаб Нью-Йорка
противостоит окружающей природе

Манхэттен кажется скоплением гигантских вертикальных призм, разнообразных зданий-монолитов, которые в большинстве своем плотной массой подходят к береговой линии, вытесняя из города пространство, сжимая его до размеров скоростной магистрали, бегущей вдоль берега, и только небольшой участок южной конечности острова занимает Бэттери-парк, где эта магистраль проходит под землей. В 1693 г. англичане установили здесь батарею для защиты своих владений, это и послужило поводом для столь необычного названия парка. Это – одна из немногих рекреационных зон Среднего и Нижнего Манхэттена, расположенных возле реки.

Неподалеку от парка находится паромная переправа, которая связывает Манхэттен с островом Стейтен-Айленд, на котором возвышается 45,5-метровая статуя Свободы, выполненная по эскизу Огюста Бартольди и подаренная Францией Америке в честь союза двух стран со времен войны за независимость США.

Окружающее пространство подчинено монументу –
Статуе Свободы

Она была по частям перевезена из Парижа в Нью-Йорк, установлена на искусственном острове в бухте и торжественно открыта в 1885 году. Эта статуя стала символом Америки для миллионов иммигрантов, которые обрели в ней новую родину. Безусловно, если посмотреть из окон в короне статуи на фантастический вид бухты, города и его окрестностей, сомнений не возникает – окружающее пространство подчинено этому монументу.

В отличие от Нью-Йорка с относительно ровной границей воды и суши, Вашингтон и Бостон отличает сложная геометрия взаимодействия этих двух природных элементов. Конфигурация берегов водоемов в плане сказывается на характере планировочной структуры их прибрежных территорий.

В основу планировки Вашингтона (проект французского архитектора Ланфана) была положена прямоугольная сетка улиц, сориентированная по сторонам света и пересеченная диагональными проспектами, расходящимися по радиусам от Капитолия.

Регулярная планировка Вашингтона подходит к реке Патомак под углом, что создает довольно живописные панорамы города с воды

Городской центр Вашингтона широкой эспланадой (длиной 3,5 км, шириной от 300 до 600 м) выходит к реке Потомак. Открытое общественное пространство с живописными зелеными скверами, бассейнами, мемориальными зданиями и скульптурными группами является популярным местом, посещаемым как жителями города, так и туристами.

И если силуэт Нью-Йорка с его плотно поставленными небоскребами как бы противостоит природному окружению, архитектурный образ Вашингтона с его гуманными панорамами формируется с использованием иных композиционных приемов: застройка довольно деликатно «вписывается» в береговую линию в окружении зеленых массивов и открытых благоустроенных пространств.

а

б

Вашингтон:

- а* – застройка и парки на береговой линии;
- б* – вид города от Капитолия на пешеходную эспланаду (по центру на дальнем плане – небоскребы Арлингтона)

Отсутствие массы небоскребов объясняется тем, что высота зданий в американской столице регулируется, и любое строящееся здание не должно быть выше отметки купола Капитолия.

В Арлингтоне, что расположен на противоположном берегу реки Патомак, небоскребы стоят довольно плотно и видны на поперечных панорамах, и со значительной части береговой полосы Вашингтона, но это уже другой город и он принадлежит другому штату (Виргинии), хотя оба города объединены системой общественного транспорта (метрополитен и автобусное сообщение).

Играет роль и ширина реки, которая уступает в размерах Гудзону. Протяженный горизонтальный характер панорам подчеркивает лишь одна доминанта – обелиск Дж. Вашингтона, который установлен в фокусе – на своеобразном «перекрестке» двух композиционно-планировочных осей: эспланады, идущей от Капитолия, и поперечной оси, идущей от Белого дома. Своеобразие этого композиционного приема подчеркнуто открытостью обеих осей – они выходят к береговой линии, завершаясь парком, разбитым на намывной территории и создающим буферную зону между Городом и Рекой.

По своему характеру архитектурный образ Бостона, и в первую очередь его силуэт, занимает «промежуточную» позицию между контрастными Нью-Йорком и Вашингтоном – здесь есть несколько небоскребов-доминант, и в силу того что береговая линия имеет сложное начертание, эти доминанты воспринимаются в панорамах под разным углом и в различных композиционных сочетаниях.

Ширина акватории и длина отрезков между изгибами оказывают воздействие на формирование застройки долины реки и на условия ее восприятия. Городская застройка местами подходит вплотную, местами отступает, открывая пространства для рекреационных функций, что придает панорамам с воды разнообразие.

Панорама Бостона с воды

В последнее время в США активизировались разработки многочисленных программ по социальной и экологической реконструкции прибрежных территорий городов. Со стороны правительства разработана «Национальная программа социальной и экологической реконструкции приречных территорий в городах». Имеется более 30 примеров успешной реконструкции приречных территорий в масштабе всей страны. В их числе реконструкция территорий вдоль рек Бронкс и Ист-ривер в Нью-Йорке, реки Делавэр в Филадельфии, реки Огайо в Луисвилле, Руж-ривер в Детройте и другие.

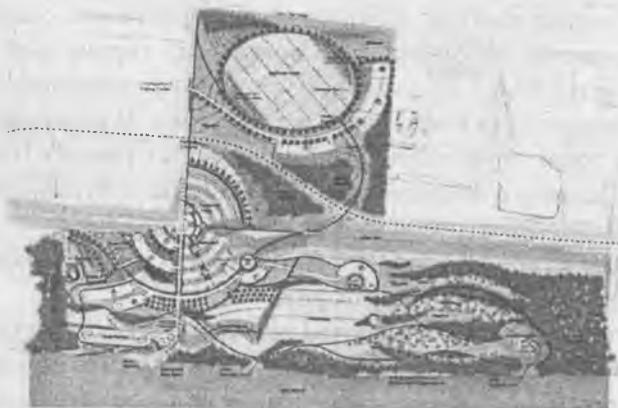
Одним из крупных проектов стал проект реконструкции приречной территории в Филадельфии.

Близость реки Делавэр позволяла увеличить градостроительную ценность городских территорий. В этой связи проект предполагал функциональную трансформацию под развитие общественных функций и новое землепользование.

Схема функционального развития прибрежной зоны, Филадельфия

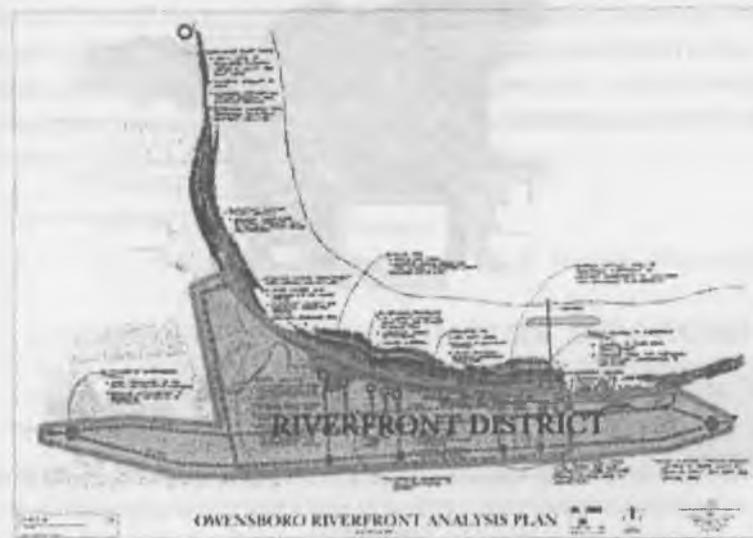
Интересное архитектурно-ландшафтное решение воплощается для приречных территорий Луисвилля.

Планировка участка парковой территории, прилегающей к реке Огайо, Луисвилль (фрагмент)

Этот крупнейший город штата Кентукки с населением около 700 000 жителей расположен на реке Огайо, близ так называемых Водопадов Огайо. В настоящее время в Луисвилле разрабатывается система парков «Сити-Оф-Паркс», задачей которой является постройка непрерывных пешеходных и велосипедных путей вокруг города, и также увеличение площади городских парков. Текущий проект должен превратить пойму «Флойдс-Форк» размером в шесть квадратных километров в один большой парк, который будет включать в себя часть «Джефферсон-Мемориал-Форест», речное побережье и верфи около дорог «Риверуок-Трэйл» и «Леви-Трэйл».

Третий пример – градостроительное освоение приречных территорий Оуэнборо. Проект предусматривает изменение планировки территории всей приречной линии – речного фасада города. Предусматривается строительство набережной «Променада», спортивных и игровых площадок, мемориального парка, амфитеатра, выходящего на реку Огайо.

a

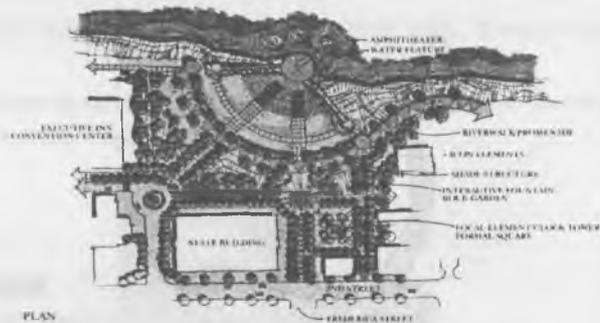
Градостроительное освоение приречных территорий Оуэнборо:

a – схема анализа территории «речного фасада»; см. также на след. стр.:

б – генплан прибрежной территории; *в* – амфитеатр, планировка участка, разрез

б

PLAN

SECTION
CIVIC SPACE
OWENSBORO RIVERFRONT DISTRICT

б

Анализ многочисленных программ реконструкции прибрежных территорий позволил выявить основные принципы реконструкции прибрежных территорий США. В их числе:

- 1) сохранение естественных особенностей и функций речной экосистемы;
- 2) восстановление прибрежных сред обитания;
- 3) использование альтернатив в структуре управления водными ресурсами;
- 4) сокращение нарушенных ландшафтов;
- 5) балансирование между региональными и муниципальными интересами в использовании ресурсов реки;
- 6) развитие культурной истории места.

В заключение хотелось бы отметить, что городские территории возле реки, будучи самыми привлекательными и благоприятными, должны быть открытыми для городских жителей, в какой стране и в каких бы экономических условиях этот город ни находился. В этой связи опыт других стран в преобразовании таких территорий может быть полезен и нашим градостроителям, конечно, с учетом специфики наших городов, как, в свою очередь, некоторые разработки российских набережных вызывают живой интерес у зарубежных специалистов.

Т.В. Нелин (Волгоград)

СУБКУЛЬТУРА ИНДЕАНИСТОВ В РОССИИ

Субкультура индеанистов получила определенную известность в России в самом начале XXI в. благодаря серии репортажей по федеральным каналам относительно так называемого движения индеанистов России. Наиболее масштабным кинопроектом такого рода был спецрепортаж Т. Баженова «Добровольная резервация», показанный по НТВ 22 октября 2000 года¹. Помимо этих репортажей определенное значение имел и целый ряд статей в

самых разных газетах и журналах. Статьи и телевизионные репортажи об индеанистах появлялись и раньше, однако они носили больше эпизодический характер. В начале же XXI в. о движении действительно было заявлено на всю страну.

К сожалению, стоит признать, что в основном журналистские расследования касательно данной тематики не обходились без личного домысла авторов, зачастую перекрывающего достоверную информацию о движении. Например, из репортажа Т. Баженова сами представители субкультуры с удивлением узнали о том, что «чай они, оказывается, пьют из сосновых иголок, отпуск проводят в Чечне, сражаясь на стороне федеральных войск, а дети индеанистов разговаривают исключительно на языке лакота, так как русский им без надобности...»². Подобные заявления, конечно, абсурдны и не имеют ничего общего с действительностью. Сами индеанисты очень обиделись на Т. Баженова за ту, мягко говоря, нелепость, которую он допустил в своем репортаже, и с тех пор очень настороженно относятся к журналистам. Однако при всем при том дело было сделано, и у россиян в результате прочтения некоторых газетных статей типа «Чуда в перьях» Д. Соколова-Митрича и телерепортажей, подобных «Добровольной резервации», сложилось зачастую искаженное представление о субкультуре³.

Субкультура индеанистов начала складываться еще в конце 60-х – начале 70-х гг., когда группы любителей вестерна, точнее, того направления вестерна, где повествовалось об индейских войнах, собирались вместе, делились впечатлениями о прочитанном, обменивались книгами Дж. Шульца, Сат-Ока, Ф. Купера и др., ходили в кинотеатры на фильмы «про индейцев» студии ДЕФА. Главным «индейцем» всего соцлагеря считался, безусловно, югослав Гойко Митич.

Одним из толчков к формированию субкультуры индеанистов стала борьба коренных американцев за свои права в 70-е гг. XX века. 27 февраля 1973 г. группа активистов из племени лакота провозгласили деревушку Вундед-Ни, что находится в резервации Пайн Ридж в Южной Дакоте, независимой от Соединенных Штатов. Целью подобной акции было привлечение внимания аме-

риканской, да собственно и мировой общественности к проблеме несоблюдения договоров с индейцами. Естественно, не обошлось без стычек с ФБР.

События в Вундед-Ни 1973 г. и последующие за этим конфликты лакота с американским правительством очень ярко освещались советской прессой. Особое внимание уделялось личности индейца-лакота Леонарда Пелтиера, осужденного в 1977 г. на два пожизненных срока за убийство двух сотрудников ФБР. Дело Л. Пелтиера было непростым. До сих пор много неясного в той истории. В любом случае бурное освещение в советской печати событий 70-х не могло пройти мимо любителей индейской культуры. Собирались вырезки из газет, предпринимались попытки наладить переписку с редакциями. Через эти самые редакции индеанисты Советского Союза находили друг друга. Таким образом, постепенно расширялся круг единомышленников, формировались группы по интересам: 1976 г. – «Лесной союз» ленинградцев, 1978 г. – «Организация сохранения культуры североамериканских индейцев». В 70-е гг. в Советском Союзе появилось много разрозненных «племенных» групп под Ленинградом, Арзамасом, Новосибирском, в Подмоскovie, на Урале, на Украине и т. д.⁴ Так формировалось общесоюзное движение индеанистов.

Гораздо более четко субкультура стала проявлять себя с 1980 года. Именно в этом году состоялся первый «Большой Совет» любителей индейской культуры под Ленинградом. Начиная с 1982 г. индеанисты СССР начали собираться под Ленинградом ежегодно⁵. Подобные съезды стали называться Пау-Вау, по образцу традиционных ежегодных праздников американских индейцев. Проводились советские Пау-Вау так же летом, преимущественно в конце июня – начале июля. На первых Пау-Вау было не сильно много народу, примерно 50–70 человек, затем в несколько раз больше. Значение этих праздников для развития субкультуры неопределимо. Обмен литературой, опытом способствовал качественному развитию движения. Многие индеанисты начали специально учить английский язык, чтобы читать англоязычную литературу по истории и культуре коренных американцев, благо подобная

литература была вполне доступна в крупных союзных библиотеках типа «Ленинки». Книги переснимались на фото пленку, и фотографии с текстом и картинками рассылались фактически по всей стране. Помимо этого развивалась и материальная сторона субкультуры: из брезента шились типи, на смену фланелевым традиционным костюмам 70-х приходили кожаные и т. д.

Естественно, интерес группы лиц к США не остался незамеченным со стороны КГБ. Многие индеанисты так называемого старшего поколения оказались под наблюдением сотрудников соответствующих органов и вынуждены были долго объяснять причину своего интереса к Соединенным Штатам. Практически на каждом Пау-Вау был внедренный сотрудник КГБ, следивший за происходящим. И хотя такой новоявленный «индеанист» скрывал свое реальное лицо, его все равно, как правило, выявляли по нехарактерному для индеанистов поведению, например, по совершенно бездуховному отношению к такому сакральному элементу культуры, как типи. Слежка со стороны КГБ и ежегодные вызовы в органы продолжались практически до периода перестройки, потом прекратились⁶.

Современное количество индеанистов установить не так просто. Официальной статистики не велось, и соответствующей переписи тоже не было. По подсчетам самих индеанистов, их число примерно равно двум тысячам, но это лишь очень примерная цифра. Примечателен тот факт, что среди индеанистов можно встретить представителей самых разных профессий. Так, среди них есть водители, слесари, парикмахеры, музыканты, милиционеры, фермеры, лесники, учителя и т. д.⁷

Практически каждый индеанист помимо своего «белого» имени имеет и «индейское». Для некоторых второе является даже гораздо значимее первого. Выбор имени – дело не всегда личное, хотя, конечно, часто индеанисты сами придумывают себе имя, особенно это касается тех из них, кто долго не мог найти единомышленников. В таком случае нередко в имени прослеживается тема одиночества: Одинокий Волк, Идущий Один и т. д. Помимо этого индеанисты дают имена другим индеанистам в зависимости от характера человека или от какого-то события, где человек мог себя проявить хорошим, не

очень хорошим или смешным образом. Бывает и так, что имя приходит во сне или видении, что особенно почитается.

Помимо имени фактически каждый индеанист имеет и «свое» племя. Племя выбирается часто самим представителем субкультуры по принципу: к чему душа больше лежит. Очень часто человек просто чувствует особый интерес к культуре и истории какого-либо народа, иногда это приводит к некому сакральному отождествлению индеаниста с этим народом на невидимом духовном уровне. Последнее обстоятельство, конечно же, встречается не всегда, но довольно часто. Ввиду этого некоторые индеанисты признают себя не столько русскими, украинцами, белорусами, сколько лакота, шайенами, черноногими, оджибвеями и т. п.

Роль Пау-Вау в жизни индеанистов является центрообразующей. Фактически, как только заканчивается одно Пау-Вау, начинается подготовка к следующему. Время праздника является не только тем периодом, когда встречаются друзья со всей страны, но и тем, когда можно пожить «индейской» жизнью: одеваться в традиционную одежду, готовить еду на костре, ночевать в типи, петь хором традиционные песни, танцевать традиционные танцы и т. д.

Материальная сторона субкультуры индеанистов двояка. Костяк этой материальной культуры составляют вещи, изготовленные самими индеанистами. Притом часто эти вещи являются либо копиями реальных индейских вещей, фотографии которых можно найти в журналах или в интернете, либо просто изготовлены в стиле определенного племени коренных американцев. Среди таких вещей стоит назвать уже упомянутое типи, которое также шьется с учетом племенных различий; одежду (рубашки, леггинсы, мокасины, платья и т. д.); украшения (бастлы, браслеты, чокеры и т. д.), а также ножи, луки, стрелы, томагавки, шила и многое другое. Все эти предметы можно увидеть на Пау-Вау.

Другая часть материальной культуры индеанистов касается не праздничной, а повседневной одежды. Зачастую – помимо длинных волос, которые, кстати, носят далеко не все индеанисты – представителя субкультуры можно узнать по чокеру на шее, ремненным бляхам, браслетам на руках с характерной индейской те-

матикой. Летом – по футболкам с подобной же тематикой, в другие времена года – по кожаным жилеткам, украшенным бисерными полосками, по курткам с бахромой т. д. Хотя справедливости ради стоит заметить, что внешне на улице индеанист вообще может себя никак не проявлять, чему можно найти достаточно причин, например, нежелание привлекать внимание «белых» людей или необходимость носить определенную рабочую форму. Однако домашнее убранство индеаниста, как правило, более этнически ориентированно: это и вышитые бисером сумочки, и дрим-кэтчеры, и фотографии индейцев на стенах и многое другое.

Что касается духовной стороны культуры, то здесь конечно дела обстоят гораздо сложнее и запутаннее. В духовном плане среди индеанистов встречаются не только приверженцы традиционных культов, но и православные, протестанты, атеисты и др. Причисление себя к некоторому племени подталкивает некоторых представителей субкультуры к более глубокому изучению религии определенного народа. Притом духовное наследие этого народа часто признается такими людьми как единственно верное восприятие мира. Происходит несколько странное явление: воспитанный в «чужой» культуре, индеанист начинает постигать «свою» культуру по книгам или по возможности из общения с носителями такой культуры, часто (но не всегда) совершенно не будучи знакомым с языком «своего» народа. Как правило, непрофессиональный подход к изучению духовной культуры определенного племени ведет к формированию целого ряда клише и стереотипов, некому религиозному воззрению, лишь в самых общих чертах напоминающему религию действительно какого-либо индейского племени. Чести ради стоит заметить, что некоторые индеанисты подходят к проблеме постижения духовной культуры очень даже профессионально, но таких немного.

Среди причин, которые заставляют индеаниста вникать в религиозные воззрения определенного племени коренных американцев, можно назвать как просто интерес, так и попытку найти ответы на свои вопросы. В основном индейской культурой увлекаются подростки: дух романтики вестернов рисует определен-

ный образ вольной жизни индейцев в гармонии с природой, это, соответственно, формирует и симпатию подростка ко всему «индейскому». Однако заимствованное из вестернов мироощущение приходит в конфликт с реалиями настоящего мира. Это, естественно, требует некоего духовного переживания и переосмысливания реалий⁸. В поисках ответов на вопросы наибольшую ценность для индеанистов представляют автобиографии самих индейцев, качественно отличающиеся от типично выдуманных вестернов. Наиболее известной такой автобиографией является своего рода откровение шамана лакота Черного Лося⁹.

Конечно же, книги не дают полной картины мира и ответов на все жизненные вопросы. В этой связи еще в 80-е гг. большую роль в духовной жизни индеанистов, как собственно и у самих индейцев, начало играть личностное эмоциональное переживание, полученное от подражания образу жизни индейцев, естественно не всецелому, но хотя бы частичному. Для кого-то Пау-Вау стали как раз тем самым глотком воздуха в море «белой» жизни. Но для кого-то этого было явно недостаточно: духовные поиски требовали более длительных и более реальных переживаний. Некоторые индеанисты уходили кочевать, пасли овец, жили в типи, другие становились профессиональными охотниками и следопытами¹⁰. Каждый искал смысла по-своему.

В 1983 г. на Алтае появилась первая община индеанистов – Голубая Скала. Она просуществовала до 1992 г. – достаточно для того, чтобы часть людей нашла себя – кто-то вернулся в город, кто-то остался жить на Алтае, пусть не в общине, но все равно максимально близко к «индейским» реалиям¹¹.

Современную субкультуру индеанистов нельзя назвать однородной ни в региональном масштабе, ни в духовном смысле. Широта российской территории делает весьма затруднительной как в финансовом, так и во временном плане организацию единого общероссийского (и не только общероссийского) Пау-Вау. Сейчас Пау-Вау проводятся под Санкт-Петербургом (как минимум два), под Москвой, Тюменью, иногда под Екатеринбургом, Харьковом и т. д. Питерское Пау-Вау при этом считается все равно самым главным.

В духовном плане единства также нет. Разные трактовки моральных принципов индейца приводят иногда к серьезным ссорам. Усложняет ситуацию и наплыв ролевиков, зачастую лишь играющих в индейцев, что часто не нравится тем, кто реально в традиционном духовном наследии ищет ответы на свои жизненные вопросы¹².

Современные возможности дали новый толчок развитию субкультуры. Интернет предоставляет много необходимой информации по самым разным вопросам, позволяет индеанистам общаться непосредственно с коренными американцами. Многие индеанисты смогли поехать в США и Канаду, увидеть все своими глазами, пожить в резервациях, пообщаться с лидерами Движения американских индейцев.

Отношение же самих коренных американцев к индеанистам весьма настороженное. Это связано, так сказать, с распространением в США движения ваннаби (от амер. выражения «wannabe» – хочу быть) – людей, стремящихся стать индейцами. Главная проблема здесь кроется в том, что ваннаби хотят быть индейцами скорее внешне, чем внутренне, духовно оставаясь «белыми». Они заимствуют обряды, копируют священные регалии, сакрально не наделяя их тем смыслом, которым наделяют свои священные вещи коренные американцы. Подобная спекуляция духовными и материальными ценностями весьма болезненно воспринимается индейцами-традиционалистами. Так, например, 10 июня 1993 г. на пятом Верховном совете народа сиу была принята «Декларация войны против эксплуататоров лакотской духовности»¹³. На этой волне разделять перемешавшихся между собой как в США, так и в России индеанистов и ваннаби очень трудно и индейцам, и самим индеанистам. В целом же подобные проблемы решаются в результате личного общения. Узнав больше друг о друге, современные индейцы и индеанисты становятся часто друзьями. В таких условиях коренные американцы даже учат некоторых индеанистов своим традициям, как, например, приехавший в Россию Скай Хоук¹⁴. Хотя бывает, что и индеанисты учат индейцев, помогают им возрождать языки, например, лакота или оджибва, переводят тексты с английского на традиционные языки и т. п.

В целом же когда заходит речь о взаимопонимании «белых» индеанистов с «краснокожими» коренными американцами, первые любят вспоминать фразу шамана лакота Хромого Оленя: «Индейцы – это путь жизни, а не процент крови»¹⁵.

Примечания

¹ Профессия – репортер: Добровольная резервация: [Видеозапись] / Т. Баженов; НТВ. 2000. 22 окт.

² Как снимали «Лошадиную энциклопедию». Режим доступа: http://www.hauteecole.ru/ru/horse_encyclopaedia.php?sid=22&id=386.

³ Подтверждением этому могут служить явно возмущенные отзывы, неоднократно выслушанные самим автором настоящей статьи, а также полученные редакцией индеанистского журнала «Первые Американцы». См.: Ясененко О.Н. Горькие последствия умышленного противостояния // Первые Американцы. 2001. № 8. С. 141.

⁴ Иванов С. Краткая история индеанистики в России. Режим доступа: <http://michilmakinak.narod.ru/Memuars.html>.

⁵ Ясененко О.Н. Индеанисты России: кто они? // Первые Американцы. 1996. № 1. С. 95.

⁶ Из личных бесед с М. Конкиным, индеанистом старшего поколения. См. также: Иванов С. Указ. соч.

⁷ Дзибель Г.В. Двойное самосознание – сущность индеанистского движения // Первые Американцы. 1998. № 3. С. 97.

⁸ Подробнее об этом см.: Там же. С. 96–100.

⁹ Говорит Черный Лось: пер. с англ. / Записал Дж. Нейхардт // О сути жизни: Индейские и эскимосская автобиографии: Сб. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1989. С. 101–253.

¹⁰ См.: Иванов С. Указ. соч.

¹¹ О жизни общины и причинах ее распада можно прочитать в статье одного из ее организаторов – В. Кошелева. См.: Кошелев В. Магия единства // Первые Американцы. 1998. № 3. С. 92–95; 2000. № 6. С. 104–110; 2000. № 7. С. 103–109.

¹² См.: Иванов С. Указ. соч.

¹³ Дзибель Г.В. Новости из-за океана: индейцы объявили войну индеанистам // Первые Американцы. 1999. № 4. С. 83; Тэлиман В. Лакотская декларация войны: пер. с англ. // Там же. С. 81–82.

¹⁴ См.: Иванов С. Указ. соч.

¹⁵ Файр А. (Хромой Олень). Индейцы – это путь жизни, а не процент крови... // Первые Американцы. 1996. № 1. С. 69.

Е.В. Костина (Саратов)

СТРОБ ТЭЛБОТ И «ЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» КАК ОСНОВА АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРИОДА АДМИНИСТРАЦИИ КЛИНТОНА

Как известно, став руководителем исполнительной власти, президент Б. Клинтон поручил курировать российское направление американской внешней политики своему давнему другу, известному советологу и апологету глобализации С. Тэлботу. Стратегия, разработанная Тэлботом еще в 1993 г., предполагала радикальную трансформацию России, превращение авторитарного государства с командной системой экономики в современную рыночную демократию на основе американской модели. «То, что происходит в России – вещь величайшая и жесточайшая. Это не просто конец коммунизма, конец “холодной войны”. С ними уже покончено. Но там что-то начинается, что-то новое. Понять, что это такое и как нам с этим работать, как направлять это в нужную сторону – вот что сейчас следует делать»¹, – говорил Клинтон. Одним из методов, позволяющих «направлять» Россию в нужную сторону, стала «личная дипломатия» Тэлбота, заключающаяся в безусловной поддержке президента Ельцина, даже если тот позволял себе пользоваться недемократическими способами управления и решения конфликтов.

Несмотря на то что подобная тактика администрации вызвала ожесточенную критику со стороны экспертов, недовольных «ельцинизацией» американо-российских отношений², тем не менее Тэлбот оставался верен своему подходу на протяжении долгих лет, невзирая на многочисленные проблемы, связанные с неуравновешенным и непредсказуемым характером Ельцина и неоднократными угрозами импичмента, нависшими над российским президентом. Тэлбот справедливо полагал, что с точки зрения американских интересов ставка на Ельцина была оправдана, поскольку

поддержка первого президента России, отчаянно нуждавшегося в деньгах и мировом признании, приносила Соединенным Штатам дивиденды, выразившиеся в соглашениях и компромиссах, прежде невероятных. «Клинтон видел в Ельцине политического лидера, полностью сосредоточенного на одной крупной задаче – вогнать кол в сердце старой советской системы, – писал Тэлбот, – поддержать Ельцина так, чтобы он преуспел в решении этой задачи, было в глазах Клинтона (и моих собственных) важнейшей целью, оправдывавшей необходимость смириться со многими куда менее благородными, а порой и просто глупыми вещами. Кроме того, дружба Клинтона и Ельцина сделала возможным для Соединенных Штатов достижение конкретных, трудных целей, которые не могли бы быть достигнуты через какие-либо другие каналы: ликвидация ядерного оружия на Украине, вывод российских войск из Балтии, получение согласия России на расширение НАТО, вовлечение России в миротворческую миссию на Балканах»³.

Конституционный кризис, разразившийся в России в марте 1993 г., стал для администрации первой серьезной проверкой, которая испытала на прочность тактику «личной дипломатии». После того как российский парламент урезал президентские полномочия и объявил себя верховным органом власти, Ельцин в качестве ответного шага объявил о референдуме, назначенном на 25 апреля 1993 г., на котором передавал рассмотрение вопроса о полномочиях на суд народа. Кроме того, до референдума в стране вводился «особый режим правления»⁴. Сразу после постановления парламента в выступлениях Ельцина вновь настойчиво звучала тема потери власти демократами, призванная продемонстрировать драматичность момента. «Западный мир до VIII съезда не представлял реальной угрозы реформам в России. И только минувший съезд показал, что приход к власти реваншистских сил реален, если развитые страны мира не предпримут решительных шагов для поддержки реформ в России», – утверждал он⁵.

В своих мемуарах Тэлбот отмечал, что для него, как человека, наблюдавшего за российскими событиями со стороны, формулировка «особый режим правления» прозвучала почти как пе-

реход на военное положение. У других советников Клинтона возникли серьезные сомнения по вопросу поддержки Ельцина в принципе⁶. Авторитарные действия Ельцина поставили под сомнение целесообразность поддержки российского президента.

Однако администрация, оценив шансы Ельцина на победу, невзирая на недовольные возгласы сомневающихся, все же заявила о своей поддержке теряющему позиции лидеру. «Президент Ельцин – лицо реформ в России. Он – ведущий реформатор в России сегодня. Именно поэтому мы поддерживаем его. Невозможно поддержать реформу и реформаторов, не называя имен, и это имя – президент Ельцин», – сказал Тэлбот на слушаниях, посвященных утверждению его в должности 2 апреля 1993 года⁷. «Царю» российского направления вторил Клинтон, публично озвучивший решение Соединенных Штатов. «Я считаю его законно избранным президентом России, – заявил Клинтон прессе, – и он подлинный демократ. Он управляет страной, которая мужественно пытается совершить две вещи: во-первых, уйти от коммунизма в рыночную экономику, в тот мир, где она никогда прежде не жила, а во-вторых, сохранить реальную демократию. Это довольно трудная задача. Я намерен делать все, что в моих силах, чтобы поддерживать этот процесс и буду поддерживать его, пока Ельцин остается президентом России»⁸.

Вслед за Америкой ее партнеры по Большой Семерке также выразили готовность временно подавить свою демократическую щепетильность ради общей цели – поддержки демократии в России. Президент Миттеран деликатно призвал Ельцина «по возможности избегать кровопролития»⁹ и высказал надежду, что действия российского президента останутся в рамках демократического порядка.

Очередной кризис в отношениях законодательной и исполнительной власти в России, послуживший причиной драматических событий в Москве осенью 1993 г., вновь заставил администрацию задуматься о верности выбранного курса. Как известно, 21 сентября 1993 г. Ельцин объявил о роспуске парламента и назначении выборов на 12 декабря. В ответ на это спикер парламента Р. Хазбулатов собрал депутатов на чрезвычайную сессию, где было принято решение об отстранении Ельцина от власти.

Удивительно, что всего лишь за несколько часов до обращения Ельцина Тэлбот, выступая перед Конгрессом, отметил, что Россия делает решительные шаги на пути к нормализации политической обстановки. Разразившийся вскоре кризис дал повод прессе иронизировать по поводу осведомленности администрации. Марк Герен, директор Белого дома по коммуникациям, признался: «Мы только что узнали о событиях», в то время как после выступления Ельцина прошло уже два часа¹⁰.

Несмотря на то что правительство Ельцина не удержалось в границах законности и применило силовые методы подавления оппозиции, администрация Клинтона поддержала Ельцина, оправдывая его действия необходимостью защищать реформы и демократию. Комментарий Клинтона не давал повода для сомнений – пока Ельцин остается демократическим лидером, американская сторона будет оказывать ему содействие, обвиняя в кровопролитии Верховный Совет, чья победа могла означать конец реформ и возврат к прошлому¹¹.

Выступая перед студентами Академии национальной экономики, госсекретарь У. Кристофер пояснил, что хотя Америка традиционно выступает против противостояния с парламентом, данный конфликт развивался в исключительных обстоятельствах, учитывая которые американская сторона сочла возможным поддержать российского лидера, принявшего верное решение дать возможность русскому народу выразить свое политическое волеизъявление посредством выборов. Кристофер в который раз отметил, что, несмотря на возникающие трудности, Америка и Россия продолжают двигаться по пути построения «стратегического партнерства»¹².

Завершившееся победой Ельцина противостояние с парламентом оправдало надежды администрации и утвердило ее в правильности выбранного курса. Российское направление преподносилось чиновниками госдепартамента как самый яркий успех во внешней политике США¹³, а за С. Тэлботом закрепилась репутация человека, который «умеет решать проблемы»¹⁴.

Однако декабрьские выборы в России преподнесли администрации и Тэлботу крайне неприятный сюрприз. Оказалось, что

российские избиратели были уверены в победе демократических реформ гораздо меньше, чем Клинтон и его команда. Ежедневно испытывая на себе трудности, связанные с переходным периодом, граждане России проголосовали за партии конкурентов Ельцина, обеспечив им большинство голосов в парламенте и поставив под сомнение дальнейшее проведение реформ. «Переход к рыночной экономике может быть очень болезненным процессом, сопровождаемым коррупцией, усилением преступности, потере чувства стабильности. Но основная масса россиян понимает, что этот период необходим»¹⁵, – убежденно заявлял Кристофер за месяц до выборов, явно не рассчитывая на такой исход голосования и не подозревая, что «основная масса россиян», находясь за гранью нищеты, не желает более поддерживать реформы и не верит в помощь Запада. Российская действительность оказалась хуже американских представлений о ней.

Госсекретарь, комментируя итоги парламентских выборов в России, назвал их «тревожным звонком» для разделенных и неорганизованных реформаторов Москвы, на что пресса тут же ответила тем, что выборы «также грубо разбудили и Клинтона»¹⁶, который до сих пор считал российскую политику здоровой и успешной.

Именно результаты декабрьских выборов заставили Тэлбота пообещать, что Соединенные Штаты предпримут попытку увеличения базы своих политических партнеров в России, и наряду с президентом Ельциным, которому до сих пор оказывалась практически вся политическая поддержка, администрация будет обращаться к другим реформаторам, даже если они являлись соперниками Ельцина¹⁷.

Следующий этап борьбы за «демократию и реформы» методами «личной дипломатии» был связан с президентскими выборами 1996 г. в России. Необходимо сказать, что ситуация в стране была катастрофической. По опросам общественного мнения, российского президента поддерживали только около 10 % населения. Политические, да и медицинские перспективы Ельцина были безрадостны. В администрации, по свидетельству Тэлбота, практически никто не разделял уверенности в его победе. Однако Клинтон

уже в который раз решил сделать рискованную ставку. «Если Ельцин выиграет, никто и не вспомнит, что республиканцы твердили мне от него отступить. А если проиграл, сам убедишься: во всем обвинят меня», – говорил он Тэлботу¹⁸. Американский президент, которому самому предстояло пройти через предвыборную кампанию в 1996 г., понимал, что российская карта, удачно разыгранная его политическими противниками, может негативно отразиться на его собственных рейтингах. В случае поражения Ельцина оппоненты Клинтона тут же обвинят его в том, что он «потерял Россию».

Было очевидно, что отсутствие поддержки или чрезмерная поддержка – это две крайности, которых администрации нужно было по возможности избежать. С одной стороны, повышенное внимание к российским выборам могло стать, по словам Клинтона, «поцелуем смерти»¹⁹ для реформаторов, поскольку политика США была крайне непопулярна среди большинства русских, убежденных, что «реальная стратегия Америки состоит в том, чтобы фактически ослабить Россию и разделить ее»²⁰. С другой стороны, Соединенные Штаты не могли позволить себе оставить Ельцина наедине с его политическими соперниками, поскольку поражение демократического лидера ставило под угрозу все усилия администрации по содействию преобразования России и дальнейшее проведение реформ.

Взвесив все факты, администрация выработала формулу, в которой Клинтон, комментируя события в России, выразил надежду, что российский народ вновь выберет реформы²¹.

Тем не менее, несмотря на выверенные формулировки, многие эксперты считали, что Клинтон «ясно сигнализировал, что Ельцин – его человек»²². Помимо этого чиновники администрации не всегда могли удержаться в рамках полной корректности накануне выборов в России и часто озвучивали свои политические пристрастия, чем вызвали язвительную реакцию прессы.

В такой ситуации Тэлбот заявил, что Америка не может заставить граждан России голосовать за того или иного кандидата, поскольку это «их дело». «То, что мы можем сделать, так это сказать: вот то, во что верят США, вот то, что мы поддерживаем, а

вот – образ будущего мира, который, как мы надеемся, мы будем строить вместе с Россией. Но Россия сможет присоединиться к нам, только если продолжит курс на реформы», – транслировал Тэлбот позицию администрации²³. В качестве официального представителя Белого дома он заявил, что Клинтон не позволил вовлечь себя в «сомнительный бизнес одобрения того или иного кандидата или партии», однако США действительно заинтересованы в исходе голосования²⁴.

Можно с уверенностью утверждать, что время выборов президента России было самым тревожным периодом в карьере Тэлбота, которого уже и так называли «главной проблемой России»²⁵. Предполагалось, что итоги этих выборов станут окончательной оценкой его работы. Высокий пост, наделявший его полномочиями «царя российской политики», предполагал прежде всего ответственность Тэлбота за возглавляемое направление. В случае поражения Ельцина республиканцы не только поднимут излюбленный вопрос «Кто потерял Россию?», но и укажут на автора провальной политики – Строба Тэлбота, – который неизбежно превратится в «удобного козла отпущения»²⁶.

Учитывая эту малопривлекательную перспективу, Тэлбот попытался подстраховаться, объявив, что вне зависимости от результатов выборов администрация может подтвердить, что сделала все возможное для преобразования новой России. «Россия изменилась, – сказал Тэлбот, – полномочия главного человека в Кремле ограничены. За прошлые пять лет власть стала более децентрализованной»²⁷.

Несмотря на критику влияние Тэлбота в администрации было по-прежнему велико. Томас Дониолон, руководитель штаба Кристофера, как-то сказал: «Я могу, конечно, дискутировать с Тэлботом относительно России, но есть только один человек в этом здании, кому в воскресный вечер звонит президент, чтобы узнать, как у него дела. И этот человек – не Уоррен Кристофер»²⁸.

Одной из попыток поддержать Ельцина и поднять его политический авторитет стала встреча ведущих промышленных держав в Москве с участием России. Включение новой страны в важ-

ный экономический и политический союз означало признание России на международной арене в качестве полноправного партнера. Именно этот факт делал встречу неоспоримым подтверждением поддержки ельцинской кампании западными лидерами.

Из встречи Большой Семерки Ельцин постарался извлечь все возможные дивиденды. Он произнес пламенную речь, в которой обвинил Америку в отступлении от партнерского характера взаимоотношений двух стран, во вмешательстве США в дела России и ее соседей по СНГ, чем немало разозлил американскую делегацию. Тем не менее, представ в роли сильного руководителя, отстаивающего интересы своей страны перед лицом мощной сверхдержавы, он сумел набрать дополнительные политические очки.

Клинтон понимал, что самоуверенность Ельцина – это предвыборная политическая игра, поэтому не предпринял никаких ответных действий. По этой же причине администрации пришлось смириться с фактом усиления олигархов, начавших оказывать серьезное влияние на политическую жизнь страны, в том числе и на выборы. Еще долгие годы критики расценивали этот поворот развития событий в России как «фаустовскую сделку», в которой Ельцин «продал душу реформ», а Америка сделала вид, что ничего не замечает. В результате такого поведения Соединенных Штатов, утверждали политические обозреватели, в России вместо демократических реформ расцвел «ельцинский олигархический капитализм»²⁹, и страна «погрязла в коррупции»³⁰.

Тэлбот отчасти признавал свою вину и ответственность администрации, соглашаясь с тем, что Соединенным Штатам «как постоянным попечителям, а иногда и советчикам реформаторов следовало острее спорить с ними по этому поводу». Однако, с другой стороны, победа Ельцина для администрации была важнее методов ее достижения. Одним из аргументов Тэлбота стало утверждение, что политика Клинтона позволила предотвратить худший сценарий, а именно коммунистический реванш. «То, что вы называете коррумпированным ельцинским олигархическим капитализмом, не только является упрощенным определением, – писал он в своей виртуальной дискуссии с журналисткой Энн Эплбом, – но и очень

отличается в лучшую сторону от коммунистически-националистической альтернативы, которая была очень реальной и опасной возможностью на протяжении почти всех 1990-х годов»³¹.

Кроме того, Тэлбот не мог согласиться с тем, что сложившаяся в России ситуация являлась исключительно «заслугой американского бездействия». Он отмечал, что «криминализация и коррупция возникла в России не в связи с распадом Советского Союза, эти явления были частью советской системы в течение долгих лет»³².

3 июля 1996 г. во втором туре выборов Ельцин победил Зюганова с внушительным перевесом, и администрация вздохнула с явным облегчением. Курс на реформы в России был сохранен, по крайней мере, еще на четыре года. Воодушевленный Тэлбот сказал, что победа Ельцина «реабилитировала» политику администрации³³.

Экономический коллапс, разразившийся в 1998 г., и косовский конфликт, продемонстрировавший непримиримые противоречия США и России, стали причиной ухудшения отношений двух стран и изменения вектора внешней политики Соединенных Штатов. Россия, а вместе с ней и ее лидер Ельцин перестали быть объектом гордости госдепартамента. Лавина критики, обрушившаяся на администрацию после российского дефолта, смятение и растерянность, сопровождавшие переговоры по урегулированию косовской проблемы, стали причиной усталости и отчаяния Тэлбота. «Я из-за России все предыдущие шесть с половиной лет сильно не высыпался, но то был первый раз, когда у меня из-за нее начались настоящие кошмары», – впоследствии признавался он³⁴.

На встрече Большой восьмерки в Кельне в июне 1999 г. Ельцин выглядел больным и уставшим, что не ускользнуло от взгляда Строба, который сравнил российского лидера с «обветшалой статуей, готовой рухнуть в любой момент». Известный русофил, от которого привыкли слышать только хвалебные речи в честь решительного президента России, сменил интонации и оценки. Отныне Ельцин в глазах Тэлбота стал «эксцентричным, отчаяв-

шимся и эгоистичным стариком». «Выражение лица замерло маской, которую я к тому времени уже считал его личиной власти: губы сердито искривлены, брови сведены в олимпийской суровости, а кожа – гипсового оттенка», – неблагосклонно подмечал Тэлбот и резюмировал, что встреча лидеров в Кельне не оставила у него никаких сомнений в том, что «эпоха Ельцина быстро приближается к довольно бесславному концу»³⁵.

Впоследствии Строб не раз подчеркивал, что ельцинские методы управления страной, включавшие в себя частые противостояние Кремля и парламента, существенно уменьшали эффективность проводимых реформ, заставляя большинство россиян чувствовать, будто их страна, по выражению Клинтона, переживает «безостановочный нервный срыв».

Кроме того, заявление Ельцина от 9 августа 1999 г. о замене С. Степашина на нового премьер-министра В. Путина, в котором президент торжественно объявил, что он не просто назначает главу кабинета, но благословляет преемника, многими, в том числе и Тэлботом, было воспринято как очередное доказательство того, что президент утратил связь с реальностью.

31 декабря 1999 г. российский лидер выступил с прощальной речью, заявив, что намерен уйти в отставку. Закончилась эпоха Бориса Ельцина, за безраздельную поддержку которого так часто критиковали администрацию. Демократ и деспот в одном лице, Ельцин, тем не менее, олицетворял для Тэлбота эпоху перемен, полную величайших завоеваний и величайших ошибок.

Для самого Тэлбота уход Ельцина ознаменовал окончание очередного большого этапа в его профессиональной деятельности. Перед Тэлботом стояла грандиозная задача по претворению в жизнь прогрессистских планов Клинтона, нацеленных на превращение России в развитую рыночную демократию. Однако радужные надежды начального периода реформ столкнулись с множеством препятствий, оптимизм постепенно угасал и в конечном итоге сменился осознанием необходимости трудной и напряженной работы, часто связанной с непониманием и критикой. Экономическая отсталость, политическая нестабильность, коррупция, расцвет олигархических структур в

России в сочетании с недовольством американского Конгресса российской политикой администрации – эти факторы сопровождали Тэлбота на всем пути его работы в Госдепартаменте.

Тем не менее, свою работу в правительстве Тэлбот оценивал положительно, считая, что труд российской команды администрации не прошел даром, поскольку США и Россия смогли совместно преодолеть взаимное недоверие. «Пусть перед нами громоздятся новые кошмарные угрозы, – писал впоследствии Тэлбот, – но еще большую и более кошмарную мы все-таки похоронили»³⁶.

Примечания

¹ Talbott S. *The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy*. New York: Random House, 2002. P. 42.

² Shapiro W. Russian election critical well beyond U.S. politics // *USA Today*. 1996. June 12. P. 02 A.

³ Из переписки Строба Тэлбота с журналисткой Анн Эплбом в книжном клубе журнала «Slate» (*The Russia Hand* By Anne Applebaum and Strobe Talbott / *The Book Club* // *Slate Magazine*. 2002. Mode of access: <http://slate.com/id/2066704/entry/2266781/>. Загл. с экрана).

⁴ Обращение президента Российской Федерации Бориса Ельцина к гражданам России (Москва, 20 марта 1993 г., 21.30) / Федерал Ньюс Сервис – Москва. Информ. агентство. Стенограммы выступл. Режим доступа: <http://www.fednews.ru/cgi-bin/nquery.ru.pl?sn=nFNR&fn=EVENTS:06144c40&rf=150>. Загл. с экрана.

⁵ Цит. по: Соколов М. Что было на неделе // *Коммерсантъ-Daily*. 1993. 20 марта (№ 51).

⁶ Albott S. Op. cit. P. 58.

⁷ Цит. по: Two cheers for demokratiya / D. Stanglin, V. Pope, F. Coleman [et al.] // *U.S. News & World Report*. 1993. Apr. 5. P. 42–46.

⁸ Clinton W. US Support for Russian Democracy // *US Department of State Dispatch*. 1993. March 29 (Vol. 4, № 13).

⁹ Цит. по: Соколов М. Указ. соч.

¹⁰ Quinn-Judge P. Clinton backs move by Russian president // *The Boston Globe*. 1993. Sept. 22. P. 1.

¹¹ Talbott S. Op. cit. P. 89.

¹² Christopher W. A New Generation of Russian Democrats // *US Department of State Dispatch*. 1993. Nov. 8 (Vol. 4, № 45).

¹³ Quinn-Judge P. US support of Yeltsin reexamined // *The Boston Globe*. 1993. Dec. 15. P. 1.

¹⁴ Sciolino E. 3 Players Seek a Director for Foreign Policy Story // *The New York Times*. 1993. Nov. 8. P. A.1.

¹⁵ Christopher W. Op. cit.

¹⁶ Robbins C.A. U.S. slowly realizing vote results mean Russia can't be treated like a hibernating bear now // *Wall Street Journal*. 1993. Dec. 22. P. A.12.

¹⁷ Sciolino E. U.S. is Abandoning «Shock Therapy» for The Russians // *The New York Times*. 1993. Dec. 21. P. A.1.

¹⁸ Ibid. P. 205.

¹⁹ Цит. по: Talbott S. Op. cit. P. 191.

²⁰ Deputy Secretary Talbott. America and Russia in a Changing World // *U.S. Department of State Dispatch*. 1996. Oct. 28 (Vol. 7, № 44).

²¹ President Clinton. Russian Election Results // *U.S. Department of State Dispatch*. 1996. June 24 (Vol. 7, № 26).

²² Benedetto R., Katz L.M. U.S. eggs are in Yeltsin's basket Defeat would scramble two nations' ties // *USA Today*. 1996. June 17. P. 04 A.

²³ Ibid.

²⁴ Talbott S. The Russian elections and U.S. policy // *US Department of State Dispatch*. 1996. June 17 (Vol. 7, № 25). P. 315(3).

²⁵ Erlanger S. Russia Vote Is a Testing Time For a Key Friend of Clinton's // *The New York Times*. 1996. June 8. P. 1.1.

²⁶ Cornwell R. Russian Elections: Clinton hopes he's picked the winner // *The Independent – London*. 1996. June 15. P. 11.

²⁷ Talbott S. The Russian elections... P. 315(3).

²⁸ Erlanger S. Op. cit. P. 1.1.

²⁹ По свидетельству Тэлбота, на приеме, устроенном послом США в России в 16 июля 1996 г., он встретился с Явлинским, который заявил, что его «тошнит от раболепия Тэлбота перед Ельциным и Черномырдиным», а также обвинил США в том, что Россия становится «криминальной олигархией». Явлинский посоветовал Америке обратить внимание на личность генерала Лебеда, который мог стать достойной заменой Ельцину (См.: Talbott S. *The Russia Hand...* P. 211).

³⁰ Из переписки Строба Тэлбота с журналисткой Анн Эплбом в книжном клубе журнала «Slate» (См.: *The Russia Hand* By Anne Applebaum and Strobe Talbott).

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Coleman F. Was Boris a bad bet? // *U.S. News & World Report*. 1996. Sept. 30. P. 46.

³⁴ Talbott S. *The Russia Hand...* P. 347.

³⁵ Ibid. P. 350, 352.

³⁶ Ibid. P. 407.

Е.Е. Рябцева (Астрахань)

«ХОЛОДНЫЙ МИР» ИЛИ PR-ВОЙНА?

Как отмечают аналитики, последнее время в отношениях России и США повеяло холодом. Сначала 8 февраля 2007 г. глава Пентагона Роберт Гейтс призвал увеличить численность вооруженных сил страны, для того чтобы США были готовы к масштабной войне с Ираном, КНДР, Китаем и Россией. Затем МИД РФ запросил через американского посла в Москве разъяснения по поводу соответствия высказываний министра обороны позиции администрации США.

Вскоре президент РФ В.В. Путин произнес мюнхенскую речь, в которой резко осудил политику США и НАТО, как ответ на слова Гейтса. Одним из ключевых моментов мюнхенской речи В.В. Путина стал вопрос о приближения военной инфраструктуры НАТО к российским границам. Президент пообещал, что Россия асимметрично ответит на создание американской системы противоракетной обороны (ПРО), которую Пентагон намерен расположить в Польше и Чехии¹.

Как заявил В.В. Путин, те тезисы, которые он изложил в своей речи, не стали откровением для американских политиков, поскольку он их уже озвучивал в прямых беседах с коллегами. Критика В.В. Путина была болезненно воспринята в Пентагоне. Министр обороны США Роберт Гейтс даже заметил в ответ российскому президенту, что «одной “холодной войны” было вполне достаточно»².

Конечно, «холодной войной» взаимоотношения России и США называть не следует, но на память приходит термин «холодный мир».

В 1980-х гг. Дмитрий Саймс³ написал статью в «Вашингтон пост» под заголовком «Холодный мир». Это выражение тогда стало распространенным. Но оно и сейчас хорошо характеризует ситуацию, которая сложилась во взаимоотноше-

ниях между Россией и США. Сегодня официальная риторика обеих сторон не признает скатывание к конфронтации, как это было в период «холодной войны», но совершенно очевидно, что мы снова оказались в промежуточной стадии, и к чему она должна привести, не сформулировано четко ни в той, ни в другой стране. Конечно, сегодня нет плана Маршалла, нет доктрины Трумэна, которые были платформой для американской внешней политики, Россия не является и не претендует на роль сверхдержавы, у обеих стран есть множество проектов, в которых США и Россия выступают как партнеры. Мир стал многополярным... Перечень фактов, свидетельствующих об отсутствии явного соперничества, можно продолжать и продолжать.

Конечно, мы не думаем, что гражданам США всегда нужен враг. Но, размышляя над данной ситуацией, вспоминается позиция авторов книги «Враги в политике», которые отмечали: «Кажется, что мы всегда нуждаемся во враге и козле отпущения, если его еще нет в наличии, мы создаем его. Враг(и) помогает выявить нелояльность в собственной стране, помогает отвлечь от внутренних проблем»⁴.

В этой связи мы обратимся анализу состояния общественного мнения по ряду вопросов, которые были актуальны в период «холодной войны», и сделаем попытку проследить основные тенденции.

Традиционно на протяжении более полувека в США проводятся опросы по выяснению отношения американцев к странам мира. Различные службы и институты по опросам общественного мнения предлагают респондентам выразить свое отношение к той или иной стране мира. В первую пятерку стран предпочтения для американцев, по данным института Гэллапа на февраль 2006 г., входят Канада, Австралия, Великобритания, Италия, Франция. Россия занимает из 26 предложенных стран 19-е место. За ней идут Китай, Куба, Палестинская автономия, Северная Корея, Иран, Ирак, Ливия⁵. Совершенно очевидны симпатии и антипатии американцев.

Давно уже нет Советского Союза и советской системы, но и в настоящее время наблюдается устойчивая тенденция уменьшения оптимизма и доброй воли в отношениях с Россией, которые были характерны для периода времени, последовавшего сразу после «холодной войны». Это объясняется некоторыми изменениями экономической ситуации в России, стабилизацией внутри страны и более твердым курсом во внешней политике. Подавляющее большинство населения (81 %) в 2006 г. все еще относят Россию к жизненно важным объектам для США, с 1994 г. этот процент несколько повысился⁶.

Отношение американцев к нашей стране с 1953 г., когда впервые было проведено такое исследование институтом Гэллупа, вплоть до 1988 г. оставалось «неблагоприятным». В восьмидесятые годы негативизм стал несколько снижаться. В 1988 г. число респондентов, «благоприятно» и «неблагоприятно» относящихся к СССР/России, приблизительно сравнялось, в 1989 г. 62 % респондентов отметили ответы «благоприятно» и «очень благоприятно». Причем между 1987 г. и 1989 г. число положительных ответов увеличилось с 25 до 62 %, а негативных снизилось с 71 до 29 %⁷.

В девяностые годы опять наметилась тенденция к ухудшению восприятия России. Весна 1999 г. стала рубежом снижения благоприятного отношения к нашей стране. Основной причиной этого, на наш взгляд, стало критическое отношение России к действиям США против Югославии. После непродолжительного роста числа респондентов, благоприятно относящихся к России, в марте 2003 г. Организация Гэллупа зафиксировала снижение до 41 %. Это было связано с решимостью России наложить вето на предложенную США и Великобританией резолюцию ООН по Ираку. Ниже в таблице 1 приведены данные ответов на вопрос: «Каково ваше мнение о СССР/России? В целом вы относитесь к России очень благоприятно, благоприятно, в основном неблагоприятно или нет мнения?».

Таблица 1

Россия как страна предпочтения *

Дата опроса	Отношение, %		
	Благоприятное	Неблагоприятное	Нет мнения
2007 февраль	53	41	6
2006 февраль	58	35	7
2005 февраль	61	33	6
2004 февраль	59	35	6
2003 март	41	52	7
2002 февраль	66	27	7
2001 февраль	51	42	7
2000 ноябрь	40	51	9
1999 ноябрь	38	58	4
1999 апрель	33	59	8
1999 февраль	44	44	12
1996 март	52	39	9
1995 апрель	49	44	7
1994 февраль	56	38	6
1992 февраль	57	33	10
1991 август	66	25	9
1990 май	55	32	13
1989 февраль	62	29	9

* Источник: The Gallup Organization. Poll Releases. Jan. 6, 2000; The Gallup Organization. Poll Releases. Febr., 2007.

Чтобы оценить, как население относится к соседям и союзникам, друзьям и противникам во всем мире, респондентам Чикагского совета было предложено оценить свои чувства к 25 странам по шкале термометра от 0 до 100 градусов. 50 градусов считаются нейтральным отношением, а теплые чувства – выше 50. Как и в предыдущие годы⁸, ведущими странами являются Канада и Великобритания, за ними следует Италия (зарегистрировано самое большое повышение), Мексика, Германия и Бразилия. Россия потеряла свои позиции по сравнению с 1994 г., и теперь ее обошли Бразилия, Израиль, Япония, Польша, Южная Африка, Южная Корея и Тайвань. И все же нейтральная температура России остается намного выше среднего уровня времен «холодной войны». Сохраняются теплые чувства к Бразилии, так же как и нейтральные к Польше, несмотря на низкий уровень этих стран в

списке жизненных интересов США. Китай и Саудовская Аравия, попавшие в область холодной температуры, стоят достаточно высоко в оценке населением жизненных интересов, в то время как Индия, находящаяся в том же температурном режиме, в списке жизненных интересов находится в самом низу. Турция, впервые упоминаемая в таком исследовании, показывает температуру, аналогичную Индии, Нигерии и Саудовской Аравии. И снова Иран и Ирак имеют самые низкие температурные оценки, даже ниже двух других постоянных противников Америки – Северной Кореи и Кубы⁹. Когда респондентам в 2005 г. предложили использовать шкалу-термометр для выражения своего отношения к предложенной стране, используя градуировку от 0 до 100, «температура» России оказалась 53 градуса¹⁰. Для сравнения: Турция получила 53 градуса, ЕС – 57, Израиль – 60, Италия – 63, Палестина – 42 градуса. С этими цифрами контрастирует показатель благоприятного/неблагоприятного отношения к России, когда речь заходит о влиянии на мировой арене. В апреле 2006 г. 53 % опрошенных отметили, что «Россия в основном оказывает негативное влияние в мире»¹¹. В то время как в 2005 г. этот показатель составил 40 %, в 2004 г. – 44 %.

Другая не менее влиятельная организация по опросам общественного мнения, служба Харриса, предлагает более дифференцированный выбор. Ниже в таблице 2 приводятся данные ответов на вопрос: «Как вы воспринимаете перечисленные далее страны: как близкого союзника, друга, не друга, врага США?».

Итак, мы видим, что каждой приведенной в списке стране присвоена своя категория, приклеен свой ярлык. И самыми яркими «недругами» и «врагами» США в конце XX в. стали Россия и Китай.

Чем же угрожают эти «враги» и кто угрожает сильнее самой мощной державе в мире? Набор угроз оказывается стандартным. В таблице 3 представлены наиболее вероятные угрозы, которые в предварительном опросе были названы «наиболее серьезными», и наиболее вероятные страны, от которых исходят эти угрозы.

Таблица 2

Рейтинг стран по шкале «союзник – враг», % *

	Союзник	Друг	Не друг	Враг	Не знаю
Канада	69	21	4	1	6
Великобритания	66	17	6	2	9
Австралия	45	30	8	1	16
Франция	38	33	16	2	10
Израиль	37	27	14	9	14
Германия	32	33	18	6	12
Мексика	31	35	19	5	9
Япония	23	39	20	8	10
Тайвань	21	32	20	6	21
Филиппины	19	34	24	3	20
Бразилия	15	35	20	2	28
ЮАР	14	34	27	4	21
Аргентина	11	32	20	3	35
Россия	6	30	34	20	9
Китай	6	22	30	33	10

* Источник: Polling Report.com. Foreign Affairs and Defense Issues. P. 3.

Таблица 3

Страны, представляющие угрозу США, % *

Страна	Ядерная угроза	Военная угроза	Экономическая угроза
Англия	–	–	2
Германия	–	1	2
Израиль	51	–	–
Индия	54	–	–
Ирак	–	9	–
Иран	–	2	–
Китай	81	39	26
Мексика	–	–	2
Пакистан	72	–	–
Россия	75	20	4
Сербия	–	1	–
Тайвань	44	–	–
Япония	–	–	27

* Источник: The Gallup Poll. March 17–9, 2005; Fox News/Opinion Dynamics Poll. April 7–8, 2006; Polling Report.com. Foreign Affairs and Defense Issues. P. 2–4.

Выражая умеренно позитивное отношение к России при абстрактной формулировке вопроса, большинство американцев, однако, испытывают иные чувства, когда в вопросе речь идет о роли России в мире, о российской экономической системе, форме правления и президенте страны. Одной из причин, по мнению американцев, является «отсутствие демократии» в России. Когда респондентам предложили определить уровень развития демократии по десятибалльной шкале, в 2005 г. Россия получила 3,63 балла¹², а в 2006 г. – 3,69 балла¹³. Для сравнения мы привели «индекс демократии» для ряда стран в таблице 4.

Таблица 4

**«Индекс демократии» для стран мира
в представлении американцев ***

Страна	Индекс
Канада	7,06
Великобритания	6,83
Швеция	6,21
Мексика	4,63
Индия	3,99
Россия	3,63
Турция	3,62
Египет	3,48
Афганистан	2,63
Ирак	2,34
Пакистан	2,29
Саудовская Аравия	1,94
Китай	1,89

* Источник: PIPA/Chicago Council on Foreign Relation. Dates: September 15–21, 2005.

В дополнение к данным, приведенным в таблице 4, отметим, что 68 % американцев негативно воспринимают систему правления в России, и только 26 % положительно¹⁴. Причем такая точка зрения по поводу «демократичности» России усиленно обсуждается в американской прессе, что, несомненно, оказывает определенное влияние на аудиторию. Поэтому 1 из 4 американцев «оза-

бочен, что Россия становится менее демократичной страной и менее ответственной за своих граждан»¹⁵.

«Растущий авторитаризм в России является сильной угрозой для США», – убежден 61 % респондентов¹⁶. И, наконец, российская экономика имеет очень низкий рейтинг среди американской общественности – 72 % опрошенных высказались о ней негативно, также как и 55 % отметили отрицательное восприятие личности российского президента В. Путина¹⁷.

В целом американцы воспринимают Россию как умеренно мощного мирового актора, который, видимо, не усилится в ближайшем будущем, но все-таки опасен для безопасности их страны.

Российские же граждане не воспринимают «новые акценты» российской политики как угрозу безопасности. Более того, они фиксируют определенные позитивные сдвиги и связывают их как раз с более жестким внешнеполитическим курсом России, наметившимся в последние годы.

Действительно, согласно данным исследования ВЦИОМ, сегодня мир в глазах наших соотечественников стал существенно более безопасным, а международная ситуация более спокойной и стабильной, чем в 90-е гг., когда Россия вела значительно более прозападную международную политику, хотя все еще менее безопасным, чем в советские времена, до начала перестройки. На предложение сравнить эти три периода новейшей российской истории с точки зрения международной безопасности, стабильности международной ситуации 47 % опрошенных выбрали советские времена, 34 % – нынешние и только 5 % – 90-е годы, эпоху правления Бориса Ельцина, когда двери России «были широко распахнуты на Запад»¹⁸.

Именно эти обстоятельства объясняют тот факт, что большинство россиян не испытывает особого страха перед ужесточением внешней политики России. И не слишком опасаются возобновления «холодной войны», во времена которой им, по их сегодняшней оценке, жилось совсем неплохо, а ситуация с безопасностью была даже лучше, чем сейчас. 40 % опрошенных россиян считают возобновление «холодной войны» более или менее вероятным.

И в то же время почти половина опрошенных россиян парадоксальным образом фиксируют в целом позитивное развитие отношений между Россией и Западом. По мнению 29 % респондентов, эти отношения скорее улучшаются, а по мнению 17 % опрошенных, напротив, скорее ухудшаются. Треть опрошенных полагает, что эти отношения в последнее время не меняются ни в негативную, ни в позитивную сторону.

Интересным представляется и то обстоятельство, что большая часть опрошенных скорее готова критиковать действия Владимира Путина на международной сцене как недостаточно жесткие в отношении политики стран Запада, чем за излишнюю жесткость. Так, по мнению 16 % россиян, в последнее время внешнеполитический курс России стал излишне прозападным, и только 8 % считают, что, напротив, внешнеполитический курс России является излишне жестким в отношении стран Запада. Но больше всего тех (61 %), кто оценивает внешнеполитический курс России как сбалансированный в отношении западного мира.

Это означает, что аналитики, которые говорили, что «мюнхенская речь» обращена далеко не столько и даже не в первую очередь к «западным ушам», сколько к нашим российским избирателям, в чем-то правы. Владимир Путин с его исключительно тонким чутьем в отношении общественного запроса в очередной раз «сорвал аплодисменты» российского электората, что отнюдь не является лишним в преддверии нового избирательного цикла. И к следующему президенту, который должен прийти на смену Путину, россияне высказывают пожелания, чтобы при сохранении общего вектора Россия продолжала бы искать «свой путь», еще в меньшей степени ориентируясь на интересы и позицию Запада¹⁹.

В последние годы ореол Запада в глазах российского общества сильно померк. Да и Запада как единой политической силы уже не очень-то видно. Сегодня только 29 % опрошенных согласны с мнением, что нынешний мир однополярный, и ведущую роль в нем играют США в качестве единственной реальной сверхдержавы. Еще 9 % добавляют к этой картине мира Китай, полагая, что мир делят с точки зрения своего влияния две сверхдержавы –

США и Китай. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой сегодняшний мир не является ни однополюсным, ни двухполюсным, а управляет миром целая группа ведущих стран, включающих в себя как ведущие страны Запада, так и ведущие страны Азии (Китай и Индия). И, наконец, 8 % россиян вообще не видят в современном мире ни одной страны, способной управлять миром или даже участвовать в его управлении. По их мнению, миром сегодня реально никто не управляет, а международные дела развиваются хаотично, без какой-либо единой стратегии.

Эти цифры хорошо отражают резкое падение авторитета США как единственного центра мировой силы, что почти безоговорочно принималось большинством в 90-е годы. После войны в Ираке, острого кризиса в отношениях со «старой Европой», «бунта» некоторых стран Латинской Америки, явной неспособности выстроить партнерские отношения с Россией и Китаем США уже не воспринимаются страной, способной наводить порядок в одиночку.

По мнению 34 % россиян, блок НАТО представляет сегодня серьезную и вполне реальную угрозу национальной безопасности России. Еще 42 % придерживаются более осторожной и взвешенной оценки, согласно которой сегодня блок НАТО такой непосредственной угрозы для России не представляет, но расширение его на Восток, в регионы традиционного российского влияния, может негативно сказаться на национальной безопасности страны. Лишь 7 % видят в НАТО партнера и союзника России. Еще меньше – 6 % опрошенных – полагают, что в интересах России стремиться к вступлению в блок НАТО²⁰.

Внешняя политика России становится все более жесткой. Это имеет свои издержки, но плюсы от подобного ужесточения в сознании населения с лихвой их перекрывают. Зато «с нами снова стали считаться», и это, по мнению россиян, которые так думают, действительно важно.

Новая «холодная война», ситуация глобального соперничества, на наш взгляд, исключена, хотя бы потому, что она и не прекращалась, а только приняла иные, более утонченные формы. Сейчас дела

обстоят иначе, но американское общественное мнение не прекращают готовить к действиям, которые предполагает холодная война – гонка вооружений, дальнейшее расширение военного бюджета страны. В американских СМИ идет речь и о поддержке Россией враждебных Америке государств, в том числе Ирана. Высказывается мнение, что Вашингтон переходит к политике «ограниченного сдерживания» России. И от этой политики веет «холодным миром».

Примечания

¹ Режим доступа: www.polit.ru. 15.02.2007.

² Режим доступа: <http://body.imho.ru/html.ng/imp=imp&place=rjan240x400&id=1&transactionID=14184>.

³ Дмитрий Саймс – один из наиболее авторитетных экспертов в области российско-американских отношений в США. Д. Саймс является президентом Центра Никсона (Вашингтон) и издателем журнала «The National Interest».

⁴ Finlay D.J., Holsty O.R., Fagen R.R. *Enemies in Politics*. Chicago: Rand McNally, 1987. P. 175.

⁵ Polling Report.com. *Foreign Affairs and Defense Issues*. P. 1–2.

⁶ Organization: Harris Interactive // Time, Cable News Network. Date: Sept. 27–28, 2006.

⁷ Подробнее см.: Рябцева Е.Е. *Внешиполитические предпочтения американской общественности (вторая половина XX в.)*. Астрахань, 2000. Гл. 2.

⁸ Там же. С. 206.

⁹ The Chicago Council on Foreign Relations. Режим доступа: www.c CFR.org.

¹⁰ Survey Organization: Gallup/Cable News Network/USA Today. Dates: March 14–15, 2005.

¹¹ BBC/GlobeScan/PIPA polls. Nov. 2006.

¹² CCFR/PIPA-KN poll. Sept., 2005.

¹³ WorldPublicOpinion.org/Knowledge Networks. Dates: Apr. 18–25, 2006.

¹⁴ WorldPublicOpinion.org/Knowledge Networks. Dates: Apr. 18–24, 2006.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Pew Research Center/Council on Foreign Relations, conducted by Princeton Survey Research Associates International. Dates: Febr., 2006.

¹⁷ WorldPublicOpinion.org/Knowledge Networks. Dates: April 18–24, 2006.

¹⁸ Режим доступа: www.wciom.ru/arhiv/tematicheskii-arhiv/item/single/4191.html.

¹⁹ Бызов Л. Народные империалисты // *Время новостей*. 2007. 13 марта.

²⁰ Режим доступа: www.wciom.ru/index.php/c/D=tx_cvs_showpic2file.

Д.Е. Цыкалов (Волжский)

ОТ ЛЕНИНА ДО ПУТИНА. ОБРАЗЫ СССР И РОССИИ В КАРИКАТУРАХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЛЛЮСТРАЦИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

Враг 1917–1920 гг. «Красная угроза»

Соединенные Штаты закончили Первую мировую войну в ранге победителей. Но отношение американцев к ее итогам было сложным. Президент В. Вильсон находился среди архитекторов новой системы международных отношений. В Европе бушевали революции, американские войска были брошены в Россию на борьбу с большевиками, однако большинство граждан США опасалось, что активная европейская политика правительства угрожает безопасности американского континента. Подъем стачечного движения и серия взрывов перед домами нескольких высокопоставленных чиновников весной – летом 1919 г. (взрывы были приписаны радикалам) спровоцировали антикоммунистическую истерию, вызванную страхом большинства американцев перед красной революцией.

В антибольшевистской кампании, известной как «Большая красная угроза» (The Big Red Scare), активное участие приняли карикатуристы американских газет¹. США являются родиной ежедневной газетной карикатуры, ее авторитет здесь традиционно высок. В 1871 г. сатирические рисунки Томаса Насти даже привели к отставке мэра Нью-Йорка, уличенного в казнокрадстве. В годы Первой мировой войны большинство американских карикатуристов занимали патриотические позиции. Антинемецкая пропаганда не была бы, очевидно, столь эффективной без сильных визуальных образов. Карикатуры на большевизм имеют явное родство с образом германского варвар-

ства и национализма. Военный враг персонифицирован на рекрутском плакате «Убей это бешенное животное», который призывал американцев воевать против Германии (см. рис. 1) в виде огромной и разъяренной обезьяны в кайзеровском шлеме, прибывшей в Новый свет из опаленной войной заокеанской Европы. В одной руке она сжимает дубинку с немецкой надписью «kultur», в другой трепещет Колумбия – олицетворение американской свободы.

Рис. 1. Destroy this mad brute. H.R. Hopps. 1916

Многие из этих клише встречаются в карикатурах «красной опасности». Большевик также дик и груб, он злейший враг свободы и цивилизации. Да и по сложению на некоторых рисунках косматый коммунист напоминает гориллу.

Вместе с тем смысловое содержание образов германского варварства и большевизма различно (см. рис. 2).

Рис. 2. He Would Turn the Clock Back a Thousand Years. Neal McCall *

Большевики не националисты, а интернационалисты, они же – потенциальная «Пятая колонна», которая угрожает Америке изнутри. Орудия большевика на рисунках – это бомба и кинжал, указывающие на связь левого радикализма с терроризмом, идеях, по мнению американских СМИ, опасных и вредных для общества. На одной из самых ярких карикатур на большевизм художник Нил МакКолл изобразил огромного мужика, вращающего стрелки часов назад. Возможно, художник таким образом пытался метафорически передать утопизм коммунистической доктрины, ее стремление повернуть время вспять. Крестьянская одежда большевика на этом рисунке подчеркивает отсталость и одновре-

* Источник: Portland Telegram. May 1919.

менно враждебность современности, намекая на цель большевизма – привести общество в состояние принудительного равенства, вернуть людей назад в дикость и мрак.

Ленин

Несмотря на то что большевизм имеет некоторые признаки «русскости», жало этих карикатур направленно против большевизма как политической силы, а не против русских. Последние изображаются монстрами, приносящими голод, бедствия и деспотизм, но это лишь послушные рабы в руках большевистских вождей (см. рис. 3).

Рис. 3. Bolshevism the Great Exponent of Idealism. J.N. Darling *

* Источник: New York Tribune. 1920. Aug. 11.

Владимир Ленин и Лев Троцкий на этих рисунках – идеологи мировой революции, интернационалисты. На рисунке Дарлинга «Новый клиент лысого парикмахера» Ленин изображен в образе модного цирюльника. В кресле сидит маленький лохматый человек, олицетворяющий Центральную Европу, а Владимир Ильич предлагает клиенту помощь в виде «большевистского реставратора волос» (см. рис. 4).

Рис. 4. Another Case of the Bald-headed Barber. J.N. Darling *

Карикатурист пытается убедить зрителя в том, что помощь эта на деле «медвежья услуга», поскольку следование экономическим и политическим советам «лысого парикмахера» неизбежно приведет экономику Центральной Европы не к «укреплению», а к «выпадению волос», то есть бедности.

* Источник: St. Paul Pioneer Press. 1920. Aug. 14.

Дядюшка Сэм

Образы большевизма, социализма и радикализма на этих карикатурах создавали контраст для изображения американской идентичности. Америку олицетворял дядюшка Сэм – традиционный символ национального характера американцев. Он – верящий в силу доллара прагматик (см. рис. 5).

Рис. 5. What Comes of Keeping a Vicious Dog. Gale *

На карикатурах «красной опасности» худощавый, но крепкий дядя Сэм – решительный противник любых социалистических экспериментов и поддерживает самые жесткие меры в отношении доморощенных радикалов.

Карикатуры демонстрируют, что политика «порядка» внутри страны отвечала настроениям общества, переживавшего пос-

* Источник: Los Angeles Times. Feb. 1920.

левоенный шок. Одновременно рисунки помогали правительственной пропаганде убедить американцев в моральной правомерности интервенции в Россию и оправданности репрессий в отношении американских радикалов.

Постскрипtum: 1933 год. Кинг-Конг

Впрочем, период откровенно враждебных отношений между нашими странами длился недолго. Уже в годы гражданской войны американские журналисты путешествовали по России, а американские филантропы помогали в начале 1920-х голодающим Поволжья. Взаимные предубеждения и отсутствие дипломатических отношений не помешали США и Советской России вскоре наладить экономические и торговые отношения. В 1920-е образ косматого большевика отошел на второй план. Но мифы и клише, созданные пропагандой и карикатурой военных и первых послевоенных лет не пропали бесследно. Они перемещаются в массовую культуру.

В 1933 г. на экраны американских кинотеатров вышел фильм «Кинг-Конг». Его главный герой – гигантская горилла мужского пола, крушащая все на своем пути и питающая слабость к блондинкам, – стал одним из самых популярных образов созданных когда-либо Голливудом. Секрет успеха Кинг-Конга, вероятно, заключается в том, что авторам фильма удалось произвести на свет архетип врага Америки – «обитателя простирающихся за пределами США джунглей, воплощение ужасающей, пугающей и в то же время притягательной брутальной силы... вызывающей зависть природной мощи»².

Режиссером и сценаристом фильма был Мериан Купер, в судьбе которого есть, между прочим, очень яркий, связанный с Россией, эпизод. В молодости Купер-летчик отправился добровольцем в Польшу сражаться против Красной армии. Но долго воевать ему не пришлось. Будущий создатель Кинг-Конга был сбит буденовцами и взят в плен. Лишь через девять меся-

цев Куперу удалось бежать из советского концлагеря. Возможно, опыт пребывания в России повлиял на творчество режиссера, и Кинг-Конг и есть по сути аллегорический Семен Михайлович Буденный, как считает кинокритик Всеволод Бродский. Но возможно, истоки образа косматого монстра напрямую ведут нас к американской визуальной пропаганде периода Первой мировой войны и первых послевоенных лет. Свидетельством чего является поразительное сходство постера к фильму Кинг-Конг (см. рис. 6) с плакатом «Убей это бешеное животное!» и карикатурами на «красную угрозу».

Ваш САВОТ За WRAY Against ARMSTRONG

Requisit M. COOPER & E. SCHÖEDSACK

Рис. 6. Плакат к фильму «Кинг-Конг». 1933

1920-1930-е: партнер и противник

Редакционные обложки на русскую тему в еженедельнике «Time» свидетельствуют о достаточно сильном интересе американцев к внутренней политике Советского Союза и борьбе внутри политической элиты. Постепенно в 1930-е гг. после установления дипломатических отношений фокус внимания этого издания смещается в сторону внешней политики СССР.

Обложки «Time» – это, в основном, фотографические портреты и коллажи. Являясь визуальным дополнением к редакционной статье, фотографии и коллажи концентрированно передают ее символический смысл. Как источники они вполне могут использоваться для изучения национальных образов. Поскольку, будучи результатом определенного дизайна, как и карикатуры, они содержат определенную идеологию.

Героями обложек «Time» в эти годы были Михаил Калинин, Вячеслав Менжинский, Алексей Стаханов, Алексей Рыков (см. рис. 7), неоднократно Иосиф Сталин и его злейший враг Лев Троцкий. Эти изображения не вызывают большой тревоги. Тем не менее, визуальные образы вкупе с текстом закрепляли в сознании американцев представление о Советском государстве как об alter ego американской демократии, однопартийной диктатуре с разветвленным бюрократическим аппаратом и сильным влиянием на власть военных и органов безопасности. Страна Советов была для заокеанских наблюдателей страной с непредсказуемой внутренней политикой, что превращало ее в глазах американцев в рискованного партнера. Критику и неприятие вызывали также негативное отношение к частной собственности, уравниловка и сравнительная бедность основной массы советского населения. В конце 1930-х в США в Советском Союзе видели едва ли не большую угрозу, чем в Германии. Сталина, а не Гитлера «Time» признал человеком 1939 г., поместив злоеющее и самодовольное лицо советского вождя на свою обложку (см. рис. 8).

Рис. 7. Alexis I. Rykov (cover) *

Рис. 8. Joseph Stalin: Man of the Year (cover) **

Союзники 1941-1945 годов. Универсализация

После нападения Гитлера на СССР восприятие американцами Советского Союза резко изменилось. На октябрьской обложке «Time» 1941 г. лицо Сталина уже куда более человечно (см. рис. 9). Произошла не просто смена настроения, началась «переоценка ценностей». Американцы придавали союзу с СССР универсальный смысл. Коллаж в «Time» от 11 мая 1942 г., ставший фоном фотографии Литвинова, изображает советский серп, наносящий под крылом американского орла смертельный удар по трехголовому змеиную клубку – Гитлеру и его союзникам (см. рис. 10). Интересно, что враг, нарисованный в виде змеи, редко встречается в американских иллюстрациях. В годы Второй мировой войны символической фигурой врага чаще всего был все тот же Кинг-Конг, который ассоциировался с Германией и Японией.

* Источник: Time. 1924. July 14.

** Источник: Time. 1940. Jan. 1.

Рис. 9. Stalin: Dictator of the Proletariat (cover) *

Рис. 10. Maxim Litvinoff (cover) **

Коллаж «Time», скорее всего, перекликается с известным советским плакатом художника А. Кокорекина (см. рис. 11). В свою очередь образы Врага в виде Змеи (Гада), символа несчастья и Зла, и ее победителя, змеборца с копьём, восходят к русской иконографии.

Советская пропаганда дополнила православную символику борьбы Добра и Зла идеологией смертельной схватки коммунизма и фашизма. Коллаж в «Time», не принимая классовую идеологию, разделяет христианскую интерпретацию борьбы с фашизмом как борьбы Добра со Злом. Серп здесь символизирует и неизбежную смерть фашизма, и, возможно, намекает на крестьянскую в большинстве своем армию Советов (трехголовый Враг указывает и на русский фольклор). Орел олицетворяет Америку, но одновременно это – христианский образ истребителя драконов и змей, символ победы света над темными силами.

* Источник: Time. 1941. Oct. 27.

** Источник: Time. 1942. May 11.

Рис. 11. Бей фашистского гада. А. Кокорекин. 1941

Тем не менее, даже на этом изображении в отношениях между СССР и США можно усмотреть бинарность, если учесть, что серп может символизировать луну и землю, тогда как орел связан с солнцем и небом.

На обложках «Time» и «Life» этого периода образы СССР исключительно позитивны. В целом происходит легитимация Советского государства в качестве цивилизованной державы. Изображение Сталина на обложке «Time» в конце войны передает чувство гордости американцев за своего союзника (см. рис. 12). Советский солдат на американских фотографиях и плакатах символизирует теперь не враждебность, а мощь и безопасность, да и

вообще мало чем отличается от своих американских и английских братьев по оружию (см. рис. 13).

Рис. 12. Stalin (cover) *

Рис. 13. The Big Three (cover) **

Соперничество мировых держав

За годы «холодной войны» образ союзника трансформируется в образ соперника. В карикатуру и коллаж возвращаются звериные персонажи века империй. Мир теперь делят американский орел и русский медведь. Именно они ведут диалог о судьбах планеты, тогда как британский лев и галльский петух ждут их решений (см. рис. 14). Русский медведь символизировал мощь советской державы, которую возглавлял человек, наделенный почти монархической властью (см. рис. 15).

* Источник: Time. 1945. Feb. 5.

** Источник: Time. 1945. May 14.

Рис. 14. Russia's Premier Bulganin (cover) *

Рис. 15. Nikita Khrushchev (cover) **

Соперничество двух сверхдержав не ограничивалось геополитикой, как в XIX веке. Конкурировали два образа жизни. Следует заметить, что американцы отдавали должное успехам своего конкурента. Спутник и Гагарин явно задевали их самолюбие.

Вызову социализма и коллективизма американцы противопоставляли комфорт, высокий уровень науки и образования, частное предпринимательство, веру в свободу и права человека.

Визуальный образ конкурента часто производит отталкивающее впечатление. Особенно наглядно это проявилось в карикатурах на Никиту Хрущева, высмеивавших командный стиль и догматизм советского лидера (см. рис. 16).

* Источник: Time. 1955. July 25.

** Источник: Time. 1960. June 13.

Рис. 16. You've been acting like civilians! Bill Mauldin *

В условиях военной конкуренции двух держав важным мотивом в визуальном образе Советского Союза являлся милитаризм. Советский мужчина часто – это человек в форме. Армия и военные олицетворяют мощь советской державы. В этом отношении Советский Союз, по мнению американцев, прямой наследник царской России. Январская обложка «Life» 1958 г., изображая сцену из истории первой русской революции, на которой свирепый казак занес шашку над беззащитной женщиной в платке (см. рис. 17), между тем напоминает о конфликте власти и общества в дореволюционной России. Иллюстрация словно предвосхитила тему на-

* Источник: The Chicago Sun-Times. 1963. Apr. 17.

рушения прав человека в СССР, ставшую вскоре одной из ключевых в американской сатирической графике.

Рис. 17. Twilight of czars (cover) *

Конец 1970-х - начало 1980-х годов: Империя зла

Новый виток «холодной войны». Образы Советского Союза этого периода крайне агрессивны. Американские карикатуры иллюстрируют две главные угрозы – советский экспансионизм и авторитаризм (см. рис. 18–20).

* Источник: Life. 1958. Jan. 13.

Рис. 18. Squeezing the Soviet (cover) *

Рис. 19. We Want the Olympics to Be a Pure Sporting Event – Not Just an Opportunity for the Western News to Lionize Dissidents and to Play Politics **

* Источник: Time. 1980. Jan. 28.

** Источник: Valtman: The Editorial Cartoons of Edmund S. Valtman, 1961–1991. Baltimore, MD: Esto Inc., 1991. P. 24.

Рис. 20. Russian bear. September 1983 *

Происходит ренессанс американских стереотипов большевизма и традиций британской русофобии (см. рис. 21).

Рис. 21. Русский медведь ведет революционеров в Сибирь. 1870-е годы **

* Источник: <http://www.psychohistory.com/reagan/r136x147.htm>.

** Источник: Punch. Режим доступа: <https://tspace.library.utoronto.ca/citd/RussianHeritage/8.RT/RT.12.html>.

Горбачев разбивает империю

Среди советских лидеров в Америке, пожалуй, нет более симпатичной фигуры, чем Михаил Горбачев. В его лице на обложке «Life» мало амбициозности, но есть человечность (см. рис. 22). На страницах американских газет и журналов Горбачев предстает в образе смелого реформатора (см. рис. 23). Он открыл путь к сближению Востока и Запада и завершил «холодную войну», чем заслужил в Америке огромный авторитет.

Рис. 22. Gorbachev (cover) *

Рис. 23. I Can't Believe My Eyes! E. Valtman. 1991**

Трагедия Горбачева, по мнению американцев, в том, что, похоронив советскую религию – коммунизм, он потерял власть и империю (см. рис. 24).

* Источник: Life. 1987. Oct. 1.

** Источник: Valtman: The Editorial Cartoons of Edmund S. Valtman, 1961–1991. P. 15.

Рис. 24. Gorbachev beholds a crushed hammer and sickle.
E. Valtman. 1991 *

Борис - друг Билла

Первый президент России Борис Ельцин вызывает у американцев в основном положительные эмоции (см. рис. 25). На карикатурах он весел и часто пьян. Он – отец русской демократии и, за исключением негативных изображений периода чеченской кампании, не злобный персонаж. Бутылка водки, с которой Борис Николаевич периодически появляется, символизирует одновременно иррациональность ельцинской натуры и слабость российской власти.

* Источник: Valtman: The Editorial Cartoons of Edmund S. Valtman, 1961–1991. P. 13.

Рис. 25. Boris Yeltsin. Mark Streeter *

Однако эксцентричный Ельцин мог сдерживать «русского медведя» и не допустить прихода к власти реваншистов (см. рис. 26).

Рис. 26. Russian President Boris Yeltsin and the fear of what might follow.
David Horsey **

* Источник: The Savannah Morning News. 2007. Apr. 23.

** Seattle Post-Intelligencer.

Ельцин и Запад нуждались друг в друге. Гарантией российско-американского партнерства была дружба Бориса Ельцина и Билла Клинтона, ставшая популярным политическим анекдотом девяностых (см. рис. 27–28).

Рис. 27. Boris Yeltsin (cover) *

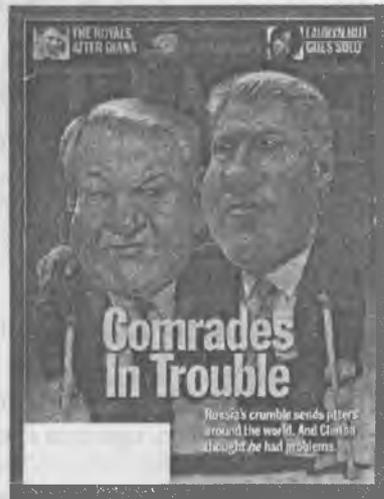

Рис. 28. Boris Yeltsin & Bill Clinton (cover) **

Путин и глаза

В отличие от Бориса Ельцина Владимир Путин демонизирован американскими СМИ в гораздо большей степени. Укрепление властной вертикали в России 2000-х воскресило в памяти карикатуристов, к сожалению, главным образом стереотипы русского (советского) авторитаризма (см. рис. 29–30).

* Источник: Time. 1996. July 15.

** Источник: Time. 1998. Sept. 7.

Рис. 29. Putin media review. John Fenzels's Blog *

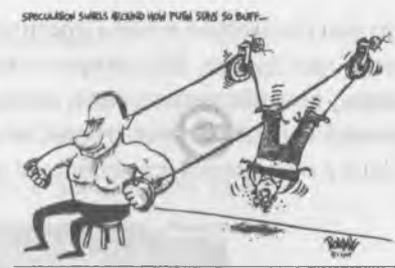

Рис. 30. Speculation swirls about how Putin stays so buff. Dwane Powell **

То же можно сказать и об отношении к роли России в мировой политике. Ее самостоятельность часто воспринимается через призму противостояния интересам Запада (см. рис. 31).

Рис. 31. Party Crasher ***

На авторитарные наклонности российского лидера намекает в частности сюжет с глазами Путина, который обыгрывается в карикатурах на темы российско-американских отношений. Возник он после того, как Джордж Буш заявил на одной из пресс-конференций,

* Источник: http://johnfenzel.typepad.com/john_fenzels_blog/alexander_litvinenko_assassination/index.html.

** Источник: Powell D. Dwane Powell's Editorial Cartoons. 2007. Aug. 24.

*** Источник: Cox & Forkum Editorial Cartoons. 2007. June 4. Режим доступа: http://www.coxandforkum.com/archives/2007_06.html.

что «он посмотрел в глаза президента РФ Владимира Путина и увидел в них душу». На сатирических рисунках Буш смотрит в глаза своему российскому коллеге, пытаясь таким образом понять его внутренний мир, но в итоге путинские глаза гипнотизируют президента США и он не замечает проблем с демократией в России (см. рис. 32).

Рис. 32. Soul-gazing with Putin. Steve Sack *

В целом Россия 2000-х для американских карикатуристов все еще остается загадкой. Русский медведь часто нетрезв, путь его извилист, и куда он идет – одному Богу известно (см. рис. 33).

Рис. 33. Freedom declines in Russia. Etta Hulme **

* Источник: The Minneapolis Star-Tribune.

** Источник: The Fort Worth Star Telegram. 2004.

Примечания

¹ Zwick J. The Red Scare of 1919–1920 in Political Cartoons // Political Cartoons and Cartoonists / Ed. J. Zwick. Режим доступа: <http://www.boondocksnet.com/gallery/cartoons/reds/>.

² Бродский Вc. Буденный и красота // Эксперт. 2005. № 47.

Richard C. Crepeau (Orlando, USA)

U.S.-RUSSIAN RELATIONS: A PERSONAL VIEW

The end of the Cold War and break-up of the Soviet Union was greeted with two dominant reactions within the United States. One has been termed «triumphalism» which was driven from many quarters by the notion that the United States had «won» the Cold War. The second reaction featured a great deal of hope that the end of the Cold War would bring peace and harmony between these two great powers.

Both views lacked sufficient elements of realism. The notion that somehow the U.S. «won» the Cold War flowed from those who wanted to anoint President Reagan, and from those who believed that all developments in every part of the world are shaped by U.S. power. Such a view is reflective of the hubris that flows freely within certain sections of the American body politic and the American foreign policy establishment.

On the other hand the second viewpoint was wanting from a lack of understanding or a willingness to look realistically at fundamental differences in the national interests of these two nations. Even in the most euphoric days of the 1990s differences between the U.S. and Russia over the future of NATO and an American desire to push its influence along Russia's western borderlands were a troubling reality. American leadership never seemed to understand or appreciate the deep anxiety of Russia over these fundamental issues.

In my conversations with Russian academics, retired military personnel, and friends and acquaintances, it was clear to me that this

was an issue that resonated deeply among ordinary Russians. My conversations with Americans led me to conclude that there was very little understanding of that anxiety in the United States, and that within the American foreign policy community there may have been understanding, but that carried little weight. American presidents and government officials have proceeded with a policy of NATO expansion giving Russians assurances that it would be no danger to Russia, while ignoring these anxieties and, one could argue, ignoring history.

The second view also contained a false notion that somehow the end of the Soviet Union would lead to free enterprise capitalism and democracy, as if there were no other real alternatives. There was lip service given to the notion that the United States should provide substantive assistance in producing this outcome. Instead what was given was advice in the form of economic experts and advisors on civil society who, too often, had a thin knowledge of Russia.

The coming of the Bush Administration, whose foreign policy was driven by ideologues of the right and opportunists of the center, pushed the NATO policies of the United States to fruition. The U.S. then added the volatile notion of an Eastern European based missile defense system to the mix.

Unfortunately what these developments demonstrated is the disturbing fact that there remain many people within the United States who think the Cold War has not ended. They continue to have a deep and profound suspicion of Russia, and mean to act upon these feelings. There are others who may not have as clear a view as that, but who do not have an ability to move beyond a Cold War mental set and vocabulary. Some seem to have an almost nostalgic view of that troubled time.

Even more unfortunate there are large segments of the mainstream American press, including two of the leading national newspapers, *The New York Times* and *The Washington Post*, that remain wedded to this Cold War nostalgia and a deep suspicion of Russia. Further to the right are the network and cable news outlets ranging from CNN (the U.S. domestic service and not CNN International) to the extremes at Rupert Murdoch's FOX Cable News Network.

The slightest policy differences between the U.S. and Russia can send the more conservative press into hysterical posturing. More disturbing is the fact that the «liberal» press continues to report most developments in Russian politics and foreign policy from a neo-Cold War point of view.

In the larger view there is some similarity of policy from the late 1940s. Then a primary aim was control of access to Central European markets, which meant guaranteeing American hegemony and minimizing Soviet influence. With the collapse of the Soviet Union it would seem that the U.S. seeks to spread that hegemony to Eastern Europe. Both then and now a view of Russia as a threat facilitates the spread of American influence, and fear of Russia leads to some level of dependence on the United States. Then and now the specter of an East-West struggle, with the United States as leader of the West and the democratic forces, and Russia as the leading Eastern power with autocratic tendencies, is an imagery that served and serves what are perceived to be the American interests in the region.

The rise of Vladimir Putin, despite his great popularity within Russia, has been cast in terms of proof that counter-democratic pressures are winning the day in Russia. There is a constant focus on what is described as a suppression of freedom and attacks on democracy, and the formation of another tyranny. Among the signs of this trend which are featured are a lack of press freedom, the suppression of political freedom, and attacks on journalists. It is implied that all of these are directed from inside the Kremlin. The slightest anti-government demonstration, regardless of its source, is offered as proof of a repressive regime in Russia. Any policy that seems opposed to U.S. interests or differs with some U.S. position is taken to mean that the Cold War is still on, or at a minimum that another Cold War is developing.

The complete lack of historical perspective that such a position represents is in fact one of the most difficult realities for anyone who seeks to counter this point of view. There is a tendency among Americans to see current events without any connection to the historical past, to see that historical continuity and historical roots dictate some

policy decisions in all parts of the world. Paradoxically Americans find much of their information wrapped in outmoded Cold War vocabulary.

Even more disturbing for the future of U.S.-Russian relations is a tendency on both sides of the relationship to act in ways that affirm the assumptions that each side holds about the motives and character of the other. This in a strange and troubling way echoes the series of events that led to an escalation of hostility in the U.S.-Soviet relationship that produced the Cold War. This is not being done at the same levels of confrontation and hostility that one saw in the period from 1946 to 1949, but the pattern has a ghostly similarity.

In that formative period of the Cold War U.S. officials read all Soviet actions as aggressive, while all U.S. policies were read in the Soviet Union as signs of a hostile and aggressive power. The tendency in the U.S. to conflate the Soviet Union and communism further fueled this pattern. When the Soviet Union made any change in the occupied Eastern European states it was seen in the U.S. as proof that the Soviets wanted to take over the world. When the United States developed a policy such as the Truman Doctrine to deal with the Greek crisis, Soviet officials saw it as proof of U.S. aggression and capitalist encirclement. American responses to Soviet policies and Soviet responses to American policies further re-enforced these negative interpretations of one another. This macabre dance continued in a downward spiral producing the Cold War and sending it into its most frigid state.

In the last five to ten years a similar dance seems to have developed. Russians fear an aggressive American presence in Eastern Europe. The Americans develop a set of policies which they insist are non-threatening to Russia, but in fact only confirm the worst fears of the Russians about American motives. Americans fear the crushing of democratic trends and institutions in Russia and then see the killing of a journalist, the jailing of an oligarch, or the tightening of control over television news as confirmation of their worst fears. Russians fear that Americans are becoming more anti-Russian as Americans want to place a missile defense system in Eastern Europe even though it has no immediate practical impact. Russia follows its longtime policies toward

Iran, and Americans see this as support for the Axis of Evil and a sign of anti-Americanism in Russia.

The possibilities of a downward spiral in the relationship increase accordingly. This is not likely to produce anything as destructive to the U.S.-Russian relationship as the Cold War, but it does not bode well for the future.

For many the hope is that policies might change with the departure of the Bush Administration but that is probably more of a hope than a likely development. A new administration might ease relations, but the fundamental differences will remain. What is often overlooked is that there was considerable continuity between the Clinton and Bush policies toward Russia.

What is needed in the United States is recognition of the fact that when U.S. interests and Russian interests are seen as being in conflict, there will be strains on the relationship. This must be recognized for what it is, a natural part of international affairs that must be addressed by statesmen and diplomats, not ideologues and militarists. It must not be viewed as a return to the period of Cold War hostility and must not be allowed to produce knee-jerk reactions reminiscent of the worst days during the late Forties and early Fifties.

Daniel A. Saalfeld (Washington, D.C., USA)

TEACHING RUSSIAN STUDENTS AMERICAN LITERATURE

For many of my students in the Linguistics and Philology Departments at Volgograd State University, I am the first American with whom they have interacted. So, I am not just an American poet teaching American poetry; I am the American. The refreshing thing about this is that, for the most part, these students are interested in every word I say. Because of my newness to them and because I see my role as a Fulbright Scholar in Russia not just as a professor of American poetry, but also as a living, breathing American with whom

my students can interact, I make myself available outside of class if my students want to meet for tea to shoot the breeze or share cultural notes. Many of my students have taken advantage of my availability, and both they and I have profited from these meetings.

Outside of class, I get asked a variety of questions about the United States and myself: «What do students wear to classes in the U.S.?», «Why did you begin to write poetry?», «Are Americans really fat?», «How good are we as students?», «What jobs pay the most in the U.S.?», «Do Americans read poetry?», «Do you have a car?», «What kind of car do you drive?», «What is the most popular car in the U.S.?», «How much do Americans drink?». Even though I cannot answer all of these questions with 100 percent precision, I enjoy my students' curiosities. In return, I get to hear a variety of responses from them about Russia and Volgograd: «I hate this country»; «I would never live in the United States»; «I never want to leave Russia»; «There aren't enough opportunities here»; «I have never been to Moscow»; «I live with no indoor plumbing»; «The gangsters make the most money here»; «The Mormons are invading»; «I can't imagine not wearing stiletto heels»; «Marchutkas are a retarded form of transportation»; «Cigarettes are O.K. if they are cherry-flavored»; «It is difficult to be a Russian woman».

From my openness with my students, you might think I loose all discipline with them in the classroom, but this is not true. Again, for the most part, they are interested in every word I say, and because of this, they have been some of the most polite students I have taught. Actually, for my tastes, they are sometimes too polite, or perhaps too shy to participate in classroom discussions. I have gotten the impression that Russian students expect to be lectured to for a solid hour-and-a-half without saying a word. In a literature class, I have had to remind them that their participation is crucial. First, it allows me to gauge how well they understand the material. Second, literature is living and should be conversed with, smelled, and touched instead of framed under a magnifying glass to be examined and poked. When students actively participate, class discussions shift from «How to read poetry?» to «Why we read poetry?» which is a more crucial and interesting topic.

From the beginning, I remind them that the class will be conducted as it would in the States. Professors in the U.S. have different

approaches to teaching American poetry, but for the most part, student participation is critical and often graded. In the fall, I had a couple of students who did not believe me when I went over the syllabus, noting that in order to pass my class, one can miss no more than three classes. Not only did these students miss every class but the first and last ones, they did not write the required papers, so when they came to me on the last day and asked what they could do to pass, I said, «Nothing. The class is finished». «But, no, what can we do?» – they asked. I said, «Nothing». In the U.S., the students would not bother pleading with a professor after missing so many classes. Most would not even want to see their professors. But here in Russia, I have found that not only students, but also the general population, often do not think «Yes» means «Yes» and «No» means «No». I have yet to put a finger on why this is so, but for my spring classes, I have made it doubly clear to my students that they will not pass my class if they do not attend the class. This is standard in the U.S., especially for literature classes.

After some initial prodding, most of my students have taken a liking to voicing their opinions about the poems they have read. In the fall, one of the most memorable classroom discussions was about the poetry and lives of Walt Whitman and Emily Dickinson. Two heavyweight American poets: Whitman, the freewheeling, self-promoting, transcendental American poetry Father vs. Dickinson, the quiet, extremely private, not-as-popular-in-her-lifetime Amherst poet. Actually, these poets are so different from each other, I have never found it fruitful to compare them, but because they are contemporaries and begin Modern American poetry, comparisons between them are unavoidable. When these two poets are paired in my American classrooms, Whitman, on average, slightly wins the likableness contest. But about eighty-five percent of my Volgograd students preferred Dickinson to Whitman. Perhaps this is because about ninety-five percent of my Volgograd students are women, and can more closely relate to a female poet, who lived in the shadows of men.

Many of these students told me «I'm Nobody! Who are you?» was their favorite Dickinson poem. This poem's tone is the complete opposite of Whitman's «Song of Myself», which begins, «I celebrate myself, and sing myself». Is there something inherently American in Whitman's verse and ideology, where no one is better than anyone else, where the individual

is the ultimate authority, where nothing human is vulgar, and where the President takes off his hat to the people and not they to him? Yes, I think so. And perhaps Whitman's bold independent tone was shocking to my students, yet some of them loved him. What I learned most of all, though, from this classroom discussion, which was one of our first, was that my students were fully capable of studying these poets in the original, not in translation. In good depth, they expressed their fondness for Dickinson's imagery and were able to follow me through my lecture on her stylistics. So, I am surprised that one of these students from the fall told me she is now reading T.S. Eliot in Russian in a world literature class. She should be reading him in English, as she did in my class.

Yes, linguistically, my students here are capable of reading modern and contemporary American poetry in the original. I applaud their language professors, in whose room I share an office space. As in the United States, teaching English to non-native speakers can be very exhausting; especially since language professors usually teach multiple classes every day and are generally paid less than other professors. For the important work they do, both here and in the United States, English-language professors should be more handsomely paid.

While these Russian students of mine are capable of taking on American poetry, the cultural allusions in the poetry, whether it is read in the original or in translation, pose more difficulties to them than to the average American student. It is similar to me reading *The Master and Margarita*. Not being Russian, there are allusions I simply do not understand without guidance. My poetry classes here, therefore, often unfold into American culture lectures. The allusions in the works of some of the modern poets, such as Eliot and Pound, can be difficult for any student. It is in the more personal, confessional work of the contemporary American poets that cultural explanations are more often needed here than in the United States. For example, many poems from Gwendolyn Brooks's book, *A Street in Bronzeville*, simply cannot be fully understood if the reader does not know that Bronzeville was the low-income black neighborhood Brooks grew up in on Chicago's South Side. With Brooks's work, it is also important to understand the racial tension that existed in Chicago in the 1950's and 1960's when she was writing much of her

poetry, and the huge migration of blacks to Chicago from the South in the 1910's and 1920's. Many of my Russian students have heard of civil rights, but the chord it strikes with them usually sounds off quieter than the one hit with American students. With my Contemporary American Poetry class this spring, I am continually reminded that my role here as a Fulbright Scholar is not just to teach American poetry but to explain every facet of American culture my students need to better understand the poetry.

I have also learned that my Russian students sometimes know just as little about certain cultural aspects of the United States as my American students. At American University in Washington, D.C., I once taught a class I titled *Out West*. It focused on contemporary literature written about life west of the Mississippi, the principal geographical boundary between the East and the West in the United States. Most of my students in that class were from the Northeast, and except for a handful, had never been west of the Mississippi. They were eighteen and nineteen, a little younger than my students here. Most of them were too young to know much about the death of small towns in the West, the importance of water in the West, and the often-rugged independence of Westerners. Growing up in Nebraska, I enjoyed sharing my culture with them. We were all Americans, but I was a Westerner, and they were Easterners. In many ways, they knew no more about the western United States than my Russian students.

Reading a poet like Richard Hugo, one sees a lot of the West, particularly Montana. In «Degrees of Gray in Philipsburg», we hear lines such as, «The principal supporting business now/is rage», «Only churches are kept up. The jail/turned 70 this year. The only prisoner/is always in, not knowing what he's done», and «One good/restaurant and bars can't wipe the boredom out». To explain the anger and boredom in this poem, I use personal anecdotes from my life in the West, as well as explanations of the slow decay of Thomas Jefferson's beautiful vision turned reality of blanketing the West with small, privately owned farms. In «Montana Ranch Abandoned», we read, «The rotting wagon tongue/makes fun of girls who begged to go to town./ Broken brakerods dangle in the dirt». I choose to explain the isolation, desolation, boredom, and anger in this poem and other Hugo

poems by asking my students what life was like in their towns if they grew up in small Russian towns or villages, and by reading to them a few poems of mine stimulated by my Western background: «Wide Open Among the Closely Knit», «Sand Hills», and «Egg Cleaning».

Wide Open Among the Closely Knit

In the middle of this country, there are people
 who will slow down to look at you
 and wonder who you are and what you are doing
 on a frozen street repelling fresh salt.
 Whether you have just murdered someone
 or cheated on your wife, do not expect peace
 on the plains. Old ladies in small town bars
 will ask where you came from before they ask
 for your license and what you want to drink.
 Do not put on that good English offended look,
 mate; these women don't know good English.
 Wrap your soiled condoms up tightly
 before walking out your lover's door,
 and carefully choose the alley off that street,
 and the trashcan; west of the steel plant,
 south of the high school, behind grandmother's
 garage, on a bored brain, your interesting looks
 may be recorded, next to the red doghouse.

Sand Hills

My gas carries me two hundred miles west
 to a Thedford pump. Here on Highway 2,
 I ask how they get the Omaha World Herald.
 «Every morning», the attendant says,
 «a van comes feeding cowboys the present».
 Down this straight stretch, I have a burger

in an Alliance bar, where a sunburned,
 tank-topped guy sits at my side
 and tells me I sure look cute.
 «Would you buy me a beer, honey?» I reply.
 A cheap elbow knocks me off my stool.
 The barmaid tells him to get lost.

Out of town, not feeling like catching the road
 to Scottsbluff, I head toward the Interstate.
 Broadwater, Lisco, Oshkosh, Lewellen—
 they're all closed down. I pray Ogallala

will have gas. A big fill-er-up and feed
 is the only thing happening. A woman
 pulls up in her long bed, twin cab, diesel,
 dual-ended pickup and stomps in for chew.

Egg Cleaning

Down in the basement, he sits on his wooden stool
 in the middle of the room, whose walls are lined
 with shelves of eggs. He sits there in worn overhauls
 with the yellow plastic-coated wire basket
 between his legs. Recently returned from the coop,
 he cleans each egg: chapped hands muscular
 from milking cows smooth away straw and shit
 and then give each a run through his white rag
 as if he were a magician. The maroon and black

tiles are worn from movement in this little room:
 shelf to shelf to stool, shelf to shelf to stool.
 He sits there at one with the room, chicken farmer,
 egg cleaner, moving, moving patiently, delicately,
 thoughtfully. The yellow bulb hangs from a black
 and gray cord swirled above his head

and coughs a murky glow through the window
 to the gravel driveway, where westerly winds
 are clumsily flopping around sleet.

Just as I never really understood Russia before coming here, and still, at times, struggle for understanding, my students, of course, will never fully understand the West without going there. However, interacting with me, they are going to come a lot closer to an understanding of the United States and the West than they would without a live American reading them American poetry about the West and explaining the cultural allusions in it to them.

Beyond their general attentiveness and politeness, the spirit of my Russian students is worth noting. I do not claim to fully understand their spirit, but for me, an American, the spirit that surrounds my Russian students is amazing. The best I can do here is describe what I see and feel. It isn't that all of them are completely devoted to their studies, but it is the calm intensity I see in many of them that impresses me. In general, my American students simply have more material resources in better, more comfortable surroundings than my Russian students. I have never gone to the women's bathroom, but if it is anything like the men's bathroom, it is disgusting compared to most bathrooms on U.S. campuses. Maybe this is just cultural, but a filthy bathroom is not a great thing, in my book, for anyone to experience during the day.

One of my American Fulbright colleagues made the accurate analogy that studying and researching in Russia is often like camping with the necessity of always needing to carry some toilet paper and some type of hand sanitizer. She does research in archives in Moscow. I simply do not buy into this «but we don't have the money» feedback I get from many Russians when I mention needed improvements from cleaner bathrooms with toilet paper to faster trains. Yes, perhaps the universities do not have the extra funds, but the country does.

Bathrooms, trains, and poetry. Well, if you had no other choice but to go to dirty bathrooms and take slow trains, your concentration on your studies would probably be no less than if you went to clean bathrooms and took fast trains. However, your spirit might not be so high, unless you knew nothing but dirty bathrooms and slow trains.

Many of my students, though, especially in the American Studies Department, where I taught an early twentieth-century American Literature class have experienced cleaner bathrooms because many of

them had recently returned from the U.S. when my class began. Maybe they did not experience American trains, which in my opinion, are not that great, but they probably experienced flights in the U.S. that connected their cities to the cities of their destinations within the U.S. without having to fly to Washington, D.C. first; whereas from Volgograd, you have to first fly to Moscow to get anywhere else within Russia.

Since most of these students were just getting back from the U.S. a month into the fall semester, the start of my class with them was delayed by a month. Many of them, especially those just returning from the U.S., were not awfully motivated to begin their studies. They had just gotten a first-hand exposure to U.S. culture, and I think they were all still in the process of doing some difficult comparisons between life in Russia and life in the U.S. Like I had experienced on my return to the U.S. from France in the early nineties, they were experiencing reverse culture shock.

My Russian students at Volgograd State University, in my experience, are as intellectually capable, if not more so, than any group of international students I have taught. They have original views of the American poets they have studied in my classes. They ask in-depth questions, and are interested in a culture's literature that is not their own. Intellectually, linguistically, and behaviorally, they impress me. Russia has a gold mine of brainpower, and it should mine for it more than for the oil and minerals under its surface. Like any country, it will continue to lose many of its brightest individuals if it does not treat all of its people better.

Charles Hoy (Mansfield, USA)

THE EXPERIENCE OF TEACHING AT VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

The opportunity to teach at a foreign university as an American professor is one that is unique, interesting and educational. For me

this opportunity came through a direct exchange program that Mansfield University has with Volgograd State University (VolSU) in Volgograd, Russia. This narrative is about that experience, both the good and the bad. Because of the nature of this document it is written from the first person perspective.

I first became aware of the direct exchange program between Mansfield and VolSU during my first year at Mansfield University. At the time I was unable to take advantage of this opportunity. It would not be until mid way through my third year that a call went out at the end of the Fall Semester for a professor to go to Volgograd for the 2007 Fall Semester. It seems the professor who had been selected was unable to meet their obligation and had to back out. I submitted my name and credentials to the provost for consideration. In early January 2007 I was informed I was the person selected to go to VolSU as Mansfield's faculty representative. I would also be accompanying some of our students as part of the exchange.

It was an opportunity I was both excited about and had trepidations about. I was excited by the thought of being able to teach in English in another country while immersed in their culture and to live in another country for over three months. My trepidations were mostly about arranging to be away for more than three months. Since it was January there was going to be a long build up to my departure for Russia and lots of time to plan.

During spring 2007 I was able to meet other professors and students who had previously participated in this program. I heard many positive stories about their experiences. Many of these stories centered on the warm and wonderful people the Russians were. Due to cultural differences the experience sometimes required patience and an understanding that this was Russia. It allowed me to decide to approach this exchange program with an open mind and heart and to go along with whatever happens knowing I had little if any control over many of the circumstances in which I would find myself.

At one point in the spring I was requested to supply a list of proposed courses to teach along with course summaries. I supplied the requested information and in the late spring received an email requesting that I

prepare to teach three courses: Media and American Politics; Radio and Television Programming; and Writing for Broadcast. When I received this information I was also told to be prepared for anything including the possibility that these courses could change.

During the summer travel arrangements were made and visas and passports were obtained as well as the invitation from the university. At times I was concerned whether we were going to be leaving at all due to some delays in acquiring passports and visas. The day before our departure was when our visas and passports were all returned to us for the trip to Russia. The four students and I would depart in early September 2007 for Volgograd. Out of the group only one student had been abroad before and that was as part of a group on a planned ten day tour of Italy and Greece.

Our trip to Volgograd was not an easy one. After two days of travel and some lost luggage we finally arrived at our destination. While interested in our new surroundings and what would become home for the next three plus months we were also too tired to be overly concerned about anything. The only thing we wanted was a shower and some clean clothes.

The first few days at VolSU were spent getting acclimated to our new surroundings. Since our luggage had been lost it meant we did not have anything of our own from home which was a bit difficult to deal with. It was one of those things beyond our control. We proceeded with tours of the city and university as while as spending time getting pictures taken for identification cards and meeting with the professors.

During my first week at VolSU I met with two different department chairs. The second of these which I will discuss first was the Journalism Department Chair. Through the use of a translator it was determined I would teach a course for journalism. The course that was agreed upon that I would teach was American Electronic Media Journalism. This was a course that I had the ability and knowledge to teach as well as something I had taught before in other forms. It was not one of the courses that I was told VolSU wanted me to teach in an email received during the prior spring. This was not a problem as I went into this program being open to what may happen including changes in courses I might teach.

Again, through the use of a translator, the VoISU Journalism Department Chair, a journalism professor and I discussed some content for my class. I agreed to cover some history, the current state of electronic media journalism in the U.S., how the produce news programs as well as some discussion about the internet. I also met with the Dean in order to work out a schedule for this class, and a room which ended up being on Mondays from 17:00 to 18:30. My first class would begin in mid-September.

During my conversations with the Journalism Department Chair I learned that they had received some electronic equipment that would enable them to do video stories. The equipment included cameras, lighting, sound equipment and computers for digital editing. The equipment was still boxed up as no one had an opportunity to open it and set it up. Since this was an area of expertise I offered to work with some students in assisting them in getting this equipment operational and possibly use it for my class. The chair was seemingly agreeable to this.

The first department chair I met with was the chair for American Studies. As with the Journalism Department I would not end up teaching courses that I was told I would during the previous spring. For American Studies the chair and I agreed I would teach two sections of a course called Mass Media and American Culture. Again, this was a course that I had the expertise to teach, even though I did not have as many materials I would have liked to have had to prepare for this course. I was also told that I would not begin teaching until sometime in October. I had time to use the internet in my apartment to gather some materials for this class. It was requested I prepare a syllabus for the course. Since I would not start teaching for almost four weeks I had ample time to prepare a syllabus. My only problem was I had no guidelines from which to work nor was I provided any. From the language classes I sat in on with my students it seemed as if syllabi were not used at VoISU. I adapted the syllabus from those I used at Mansfield and created the course. I provided this syllabus to the American Studies Chair and was told they would let me know when and where my course would begin. Meanwhile I used the time to prepare some lectures for my courses; to set in on the Russian language classes the Mansfield students were taking; and, to do some much needed writing.

Late in September I received a call telling me that my Mass Media and American culture class would meet at 10:10 – 11:40 on Tuesdays. I was only teaching one section. I was also requested to record some business terms for the International Department, which I agreed to do. They would contact me later. I would never hear from this Department even after inquiring about this task so I finally let the idea drop and decided they would contact me when and if they needed me. I was excited to begin teaching my first classes.

The first class I would teach would be the Electronic Media Journalism class. I had prepared an introduction for myself and a lecture looking at the historical developments in American electronic media and journalism. After some initial problems entering the classroom and in communications I began teaching my first class in Russia. I was a bit nervous, which quickly dissipated as I introduced myself and provided the students with my credentials. I opened the floor to any questions the students might have and received none. In order to get to know my students I requested they introduce themselves and what they expected from this class. At this point I discovered almost three quarters of the class did not speak or understand English. This was a surprise to me as I had been told the students were all fifth year and while they may not be fluent, they would all understand English.

Having never been faced with a situation of this type, I proceeded with my lecture. This in hindsight may not have been the correct choice, but seemed so at the time. I did have the support of a few of the foreign exchange students including a couple of students from Mansfield University which made things a little better. By the conclusion of the class many of the Russian students had completely blank and bored looks on their faces more so than any class of students I have ever had the pleasure of teaching. The problem was most of them had just sat through a 90 minute class where they understood nothing being said. If I had to do the same thing I believe I too would have a blank bored look on my face. At the conclusion of the class I packed up my materials and a previously designated student locked up the room. After I left I began wondering how to approach next week's class. I would have a week to think about it.

The following week I arrived at my journalism class a little early. There was no one around and the door to the classroom was locked. Some of the foreign students showed up but there were no Russian students. I was also unable to find anyone in the Journalism Department. I was left clueless. Eventually I was able to find someone who informed me my class had been cancelled. I did not know why.

The next morning I went to the journalism department and found only a secretary who did not speak English. In order to find out what was going on I called the number of the only journalism professor I had at VoISU. She informed me she was on her way there and would call me when she arrived at the university and we could meet at that time.

When the journalism professor arrived we had a nice conversation. She told me that they needed to find a translator for my class as the students did not understand English as well as they had hoped. Since they were unable to find someone for the previous evening they cancelled my class. She was apologetic that I was not informed about the cancellation but insured me I would teach the following Monday with a translator. We also agreed I would redo my first lecture now that the students would be able to understand it.

During the upcoming week I was contacted by my translator who requested a copy of my lecture. The translator was a student at VoISU who was studying to become a translator so this would be good practice and a learning experience for them. Unfortunately, they did not know anything about electronic media or journalism which would create some minor problems. I provided the requested lecture notes by email and met with the student 30 minutes prior to class to go over any questions they had and to decide on how we would work together. We decided I would pause frequently during my lectures so that they could translate for me.

Class began on time and as with the first class I again introduced myself and provided the students with my background and credentials. I also asked them to do the same and tell me what their expectations were. This went very quickly. I did not take attendance as I did not have a class roster I did notice that some of the students differed from the previous class. I would find that almost every week I would have a different group of students who wanted information about my background.

Working with a translator was not easy as I consistently had to pause affecting the pace of my lecture's delivery. At times I would have to pause to explain electronic media terms to the translator. Because of the need for the translator I was only able to cover a little over half of the material I had covered in the first class. This would present problems in trying to cover the areas agreed upon with the Journalism Department Chair during our first meeting. I would do my best to meet the expectations of the journalism department and the students. I was hopeful my class for the American Studies Department would be a less frustrating experience and it was to begin the next day.

I arrived at the American Studies Department a little before class time to get the key to the room I would be teaching in. There was already another professor in the room so this was not a problem and I just had to wait for them to finish their class. As soon as the instructor departed I entered the room and began to set up my computer. Students also began filtering in. By the beginning of class most of the students had arrived. As with my journalism class I had no idea how many students were in the class as I had not received any type of class roster or list of students. I began to recall that I had not seen other instructors with class rosters and decided this was standard for Russia and VoISU.

To my pleasant surprise the chair of the American Studies Department showed up right after the beginning of my class to introduce me to the students. This was very nice of him and a surprise as I knew he had a class with the foreign exchange students at the same time. Unfortunately, he did not have a copy of my curricula vitae and I had not been requested to provide one so he introduced me based on our previous conversations. As with the journalism class I began this class by asking the students to tell me about themselves and their expectations of what they wanted to learn from the class. During this phase of the class I discovered that many of the students had participated in an exchange program where they worked and/or studied in either America or Great Britain so they all spoke fluent English and were able to understand me fairly well. Unlike the class rooms I was use to at Mansfield University this class room did not have any technological enhancements. It did have a white board, but I would find it difficult to obtain a marker for it.

After the introductions, I began this class with a broad historical overview of media in America. I covered as much material as I could. I also gave the students opportunities to ask questions at various points in the lecture. The students chose to remain silent and I found I would have to encourage them to be more open and willing to discuss the topic with me. I had discovered that the relationship between Russian students and their professors is very much different in Russia. The students hold their professors in high esteem and do not often question or challenge them. The relationship between student and professor was far more formal than the informality at Mansfield. Though the students would become more interactive toward the end of the semester I would also discover ways to interact with the students on a more informal level.

For my accommodations I was provided an apartment on the third floor of the student dormitory or hostel. This apartment was located on what was known as the international floor or the floor where all the international exchange students were housed. Each exchange student was assigned to room with a Russian student, a very good arrangement for the foreign students. While at the dorms I was able to meet the students in many informal settings and gatherings. This gave me an opportunity to talk with them and discuss media in both America and Russia. I was also able to meet students on various formal and informal excursions. Again, this was an opportunity to talk with them about the topic and about themselves.

The Russian students welcomed this opportunity and seemed to enjoy being able to talk with a professor outside the structured and formal atmosphere of the university classroom. At the same time it would usually take them a little time to become comfortable with the idea but once they loosened up they enjoyed the opportunity to meet and talk with a professor in a more informal and less structured venue and one-on-one. It was at these meetings I felt able to really reach the students and enable their learning more so than I could in the classroom.

I will describe a few of the more informal meetings I had. One of the first was with a journalism student. She was on her way back to the dorms with some friends and I was on my way to the university to

teach my first class. She stopped me and asked if I was the American professor and was I on my way to teach a class. I told her indeed I was and she said she was in that class and turned around and escorted me to the university. During our walk I learned she was interested in radio. Since she was a journalism student I assumed she was interested in radio news. We were able to briefly talk about radio in America during our walk. It would be at subsequent meetings where I would find out more about this delightful young lady.

One evening while having some foreign students over for dinner and a movie, we were out on my balcony getting some air when I discovered that this same journalism student lived only one floor above me, in what would be the room next to mine if we lived on the same floor. I invited her down to join us and she readily agreed. During the course of the evening I found out she really was not as interested in journalism as she was audio production and radio provided her that outlet. We discussed possible career paths she could take in pursuing her dream and steps she could take along the way. I found she was already producing some music for friends and was anxious to pursue that further. We had a nice long discussion about music and audio production. She was grateful for the time and the conversation and like most Russian students found it strange to meet with a professor in this way. By the end of my time at VolsU, she and I had become friends enough that I was invited to and attended her birthday party. It was a good night filled with music, laughter, good food and good conversation.

I met one of the American Studies students during a get together hosted by the exchange students from Hungary. During the evening I found out this student lived in the room next door to the social. I had given the students an assignment to find out the cultural context in which the Dixie Chicks' song «Not Ready to Make Nice», was written, and what the lyrics were really about. This student had completed the assignment and we discussed it at great length. The discussion also expanded into other political and social protest songs and was joined by some of the other students during the evening. My reason for this assignment was that American music was very dominate in Russia and

while the students enjoyed the music they often did not know of the cultural atmosphere or context in which they were written and recorded. This to me is one of the failures of American exports of music and other media.

Unfortunately when it came to class the following week this student would not speak up about the information she had found. This was not an unusual case. I would discover that many of the students were too shy to speak up in class or were afraid their English was not fluent enough. This was a little discouraging for me but it enabled me to speak directly with the students in both courses about discussions in the classroom and how I encouraged them to be more open and forthcoming in class and to challenge and question me on what I had said. Afterwards I found the students to be more open and more challenging of me. It led to more intellectual discussions and facilitated their learning along with my own. This breakthrough did not come in a traditional classroom but was facilitated outside the context of the class. It served the purpose and afterwards I began each class with a question and answer period which very often led to some lively discussions about media and culture. In one case it led to a lecture about how America selects candidates to run for president and the difficulties media has in covering the election process and candidates.

The third experience came during an excursion to Saint Petersburg. This excursion was composed of some of the foreign exchange students and students from VolSU. During the train ride to and from Saint Petersburg I had the pleasure of being able to meet and talk informally with many students. I had more than one student tell me they had seen me at the university and had wanted to say something to me or engage me in a conversation but were too shy to do so and it was not something usually done with professors. I told them I wish they had stopped me or said something to me as I would have been open to them and more than willing to talk to them.

With each class the relationship between the students and I slowly improved. The biggest challenge came in the journalism class where I had a different group of students each week. It made it difficult to plan a series of lectures and instead this class would have been

approached better as a series of different presentations. By the end of the semester I felt the students had acquired new knowledge and had learned something from my lectures and classes. I also found the students to be more open and forthcoming about asking questions. It took some time and patience but it was worth it for both myself, the professor, and the students in understanding the differences and similarities between us.

This does not mean the experience was completely free of problems. Some of the challenges I faced were related to cultural differences and communications problems related to language. I will briefly detail some of these items here. Though I received a tour and indoctrination it was the same as that received by the foreign students. As a result I was always unsure what the expectations of me were and what I should be doing and where. Some of these things would be like how to obtain classroom keys; what types of documents were needed such as syllabi and teaching programs; how to obtain class rosters; what types of exams and assignments might be appropriate for the students; and who to go to when certain problems and needs arose such as the need for audio/visual equipment. I would suggest a separate indoctrination for the exchange professor maybe providing them with a mentor to provide them guidance. In many ways the chair of the American Studies Department fulfilled this role for me but he was a busy person and sometimes it was difficult meeting with him.

I spent the first month not teaching. In many instances I feel that the VolSU did not make the best use of my talents and knowledge. This might be because there is no mass media program at VolSU and they were not sure how to make use of what I had to offer. When I arrived at VolSU I arrived ready to begin teaching immediately. While the time off from the classroom was enjoyable I feel this was time lost. I found at the end of the semester I was being asked to teach back-to-back classes in order to meet the requirements of the students for their credits. It would have been easier to have begun teaching earlier in the semester and not have to cram so much into so little time at the end of the term.

In relation to the previous paragraph I found the faculty and administrators at VolSU did not know much about my background

except what I told them. Future faculty members should submit their curricula vitae in advance to a person who can translate and coordinate dissemination of this information to those who need to know. It will provide various departments at VolSU knowledge of the foreign faculty member and enable them to possibly plan on how they can incorporate this person's expertise into their curricula for the benefit of students and faculty alike or arrange for other one time presentations to members of the VolSU community.

For the faculty member participating in the exchange I would suggest they not adopt quite the «laissez-faire» attitude that I did, just accepting what came along without pursuing greater opportunities, questioning more and pressing some demands more aggressively. Very often experiences like this are what we as individuals make of them. While I took advantage of as many opportunities as I could and my experience was a good one, in hindsight I feel I could have been a bit more aggressive in making some opportunities happen.

The real test of this exchange experience is found in the answer to the question: Would I do it again? Though it is difficult to be away from home, family and friends for such an extended period of time, my response would be a positive one in that I would do this experience again if given an opportunity. As a professor I have personally learned a great deal from the experience. Having this knowledge would make mine or anyone's participation in this program even more beneficial. Another test of this experience is related to the departure of me and the students from Volgograd. Though we got a great deal of advice and information going into this program no one told us how difficult it was going to be to leave. Indeed when it came time for us to leave Volgograd we did so in tears, as it was sad for us to leave behind so many new friends and what had over the three plus months become our home. This last line really speaks to the experience as a whole for it was the warmth and welcoming hospitality of the Russian people and in particular the people of Volgograd State University that made this a memorable lifetime experience and for Volgograd to seem like home. For this I thank each and every one of them.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ И НА ЮГЕ РОССИИ (Стенограмма круглого стола, 6 октября 2007 года)

Участники круглого стола

Анипкин Михаил Александрович – канд. филос. наук, PhD, университет Эссекса (Великобритания), доцент кафедры социологии Волгоградского государственного университета.

Кубышкин Александр Иванович – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения и международных отношений, директор Центра американских исследований «Американа» Волгоградского государственного университета.

Курилла Иван Иванович – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории и мировой политики Волгоградского государственного университета.

Леонтович Ольга Аркадьевна – д-р филол. наук, директор Центра американистики Волгоградского государственного педагогического университета.

Макарычев Андрей Станиславович – д-р ист. наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Нижегородского государственного лингвистического университета.

Окунь Александр Борисович – канд. ист. наук, доцент кафедры зарубежной истории Самарского государственного университета.

Перевезенцев Александр Леонидович – канд. ист. наук, доцент Актобинского государственного университета им. К. Жубанова (Казахстан), докторант Волгоградского государственного университета.

Птичникова Галина Александровна – д-р архитектуры, профессор кафедры градостроительства Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета.

Рябцева Елена Евгеньевна – д-р полит. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Астраханского государственного университета.

Тюменцев Игорь Олегович – д-р ист. наук, проректор Волгоградского государственного университета по научной работе.

Ульева Людмила Александровна – зам. директора по развитию и автоматизации Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького.

Хейфец Лазарь Соломонович – д-р ист. наук, доцент кафедры Северо-американских исследований, заведующий Центром иберо-американских отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Хмелевская Юлия Юрьевна – канд. ист. наук, научный сотрудник Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета (Челябинск).

Ходякова Наталия Владимировна – канд. пед. наук, доцент, подполковник милиции, начальник кафедры информатики и математики Волгоградской государственной академии МВД России.

Тюменцев И.О.: Начинаем работу круглого стола «Российско-американское сотрудничество в области науки и образования в Поволжье и на Юге России».

Круглый стол этот проводится по инициативе ИВИ РАН и Московского организационного комитета, который создан для проведения мероприятий, посвященных 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США.

Перед вами лежат списки вопросов, которые мы хотели бы вынести на круглый стол.

К сожалению, здесь допущена одна техническая ошибка и нет одного из вопросов, которому мы придаем принципиальное значение, который имеет для нашего университета большую важность, а именно – МИОНЫ (Межрегиональный институт общественных наук) как форма межгосударственного образовательного сотрудничества.

Вы знаете, что эта форма сотрудничества возникла относительно недавно, накоплен определенный опыт сотрудничества. Хотелось бы обменяться мнениями с исследователями, работающими в вузах Южного федерального округа, Поволжского федерального округа.

Первый вопрос: МИОНЫ как форма межгосударственного образовательного сотрудничества. Кто хотел бы высказаться по этому вопросу?

Пока вы обдумываете, я расскажу о нашем опыте. Дело в том, что наш университет дважды включался в эту работу. МИОНЫ создавались не на базе нашего университета, то есть наш вуз довольно молодой, а на базе авторитетных старых университетов. Это Ростовский государственный университет (ныне Южный федеральный университет) – там один МИОН, и второй МИОН в Саратовском государственном университете. И нам дважды предлагали: сначала войти в проекты Саратовского МИОНа, затем Ростовского. Наши исследователи подготовили соответствующие предложения. Обещаний было много, а на практике ни один из проектов поддержан не был.

По своему опыту мы можем сказать, что форма МИОНа – очень своеобразная. Как только университет получает право создать МИОН, получает под это финансовые средства и на стадии подготовки документов говорит, что он будет сотрудничать с вами, а потом, получив денежные средства, он их на сторону не выпускает. Может быть у вас как-то по-другому?

Леонтович О.А.: У меня достаточно положительный опыт, может быть он связан с теми людьми, с которыми приходится общаться, я думаю здесь, как и везде, все зависит от личности или личностей. Мы достаточно много сотрудничаем с Воронежским

государственным университетом, и те большие средства, которые они получили, были израсходованы на большое количество публикаций. Мы участвовали в большом количестве монографий, сборников. Первый положительный опыт заключается в том, что мы вошли в эти сборники как соавторы, а второй – что они снабжают нас большим количеством литературы. У меня на полках огромное количество книг, изданных ими, с которыми они с нами безвозмездно делятся, как и положено по Уставу. Вот то, что я могу сказать.

Макарычев А.С.: У меня тоже был опыт непосредственного общения с МИОНами из Воронежа, Калининграда, но общее впечатление достаточно противоречивое. Понятно, что, с одной стороны, эти университеты достаточно продвинулись вперед с точки зрения имиджа, потому что они получили не только финансовые средства, но и некий статус таких магнитов, которые теоретически должны притягивать к себе кадры, всякие проектные идеи из других регионов, но, с другой стороны, мне кажется, что в обоих случаях реальная проектная деятельность могла быть более эффективной. Конечно, я присутствовал на конференции, я знаю – есть всякие публикационные проекты, но и в том и в другом случае, мое впечатление, такие возможности можно было использовать лучше, прежде всего, за счет межрегиональных связей. Это слабое место МИОНов, для них межрегиональные связи, то есть сотрудничество горизонтальное между вузами, скорее некое бремя, что-то, что собственно составляет суть этого проекта. Такие вот отрывочные впечатления.

Кубышкин А.И.: Я согласен с Андреем Станиславовичем в том плане, что МИОНЫ, как форма взаимной научной коммуникации, позволили аккумулировать довольно значительные финансовые средства в действительно крупных исследовательских университетах Российской Федерации. Я не думаю, что отборочная комиссия, которая образовала МИОНЫ, допустила какую-то серьезную ошибку и географически, и логистически. Эти центры были созданы там, где они были созданы, но при этом, конечно, есть проблемы, и проблемы эти зачастую состоят в том, что МИОНЫ, как

мне представляется, слишком автаркийно понимают свое значение, и мне кажется, что они просто не магнитами становятся, а в какой-то мере даже отторгают инициативу со стороны, в частности, региональных университетов, не вошедших в систему МИОН. У нас своеобразное положение в Волгоградском государственном университете. Игорь Олегович уже говорил здесь об этом. Мы находимся между двумя крупными МИОНами, но ни одно предложение, которое мы посылали в бывший Ростовский государственный университет в связи, скажем, с организацией совместных работ по международным отношениям, не прошло в силу неизвестных причин, хотя наша заявка, которую мы подавали на МИОН, была признана одной из лучших в России. Тем не менее в Саратове по некоторым аспектам нам не подходит эта тематика, и мы вынуждены базироваться либо, например, на Томском университете, что само по себе звучит довольно экзотично. У нас все-таки не Америка, где можно перелететь очень быстро за 1,5, а не за 6 часов от Москвы до Томска, или мы ищем, в общем, пути, используя какие-то обходные связи. Хотя, справедливости ради, я должен сказать, у нас есть некий опыт сотрудничества с МИОНами.

У нас несколько сотрудников работали по программе МИОН довольно успешно, но суть их участия сводилась к тому, что они публиковались в рамках проектов МИОН, своего рода выступали реципиентами этих программ. Я думаю, что, конечно, ограничивать помощь региональным университетам деятельностью МИОНа является большой ошибкой, мне кажется, что в какой-то степени сейчас, на новом этапе, когда появились деньги, когда выделяется дополнительное финансирование научных проектов, может быть эту форму стоит пересмотреть, уточнить, может быть все-таки стоит подумать о системе филиалов МИОН или отделений МИОН, ответственных в том числе и в финансовом отношении, тогда и дело немножко сдвинется, потому что все-таки, на мой взгляд, научное пространство российских ученых остается достаточно распыленным.

Тюменцев И.О.: Позвольте еще несколько слов. В первом выступлении я заострил внимание на финансовой стороне взаи-

моотношений, но есть и другая сторона – результаты работы этих МИОНов. Ведь МИОНЫ задумывались как центры содействия развития региональной науки, да, но, по крайней мере, даже если наши проекты не принимались для разработки, даже если мы каким-то образом не получали финансирование, то хотя бы могли получать научную продукцию оттуда, да? Или мы должны были получать информацию о том, что делается в этих МИОНах, какие проекты разрабатываются и какие итоги этой работы. Не просто отдельные сборники статей, не просто на личных контактах это должно выстраиваться – это государственное или общественное дело, это не частная лавочка, правильно? Беспокоит то, что нет широкой общественной экспертизы научной процедуры. Думаю, наш круглый стол может сформулировать эти замечания как предмет для обсуждений на круглом столе в октябре в Москве.

Макарычев А.С.: Разрешите, я еще сделаю одно замечание в этом отношении. Я абсолютно согласен с Вами по всем пунктам, у меня тоже не сложилось впечатления, что МИОНЫ стали каким-то качественно новым этапом в организации управления, а нужно именно это сейчас современной России. Мне кажется, что МИОНЫ повторяют судьбы известного 5–6-летней давности начинания, которое называлось мегапроект «Развитие образования в России», действовавшего еще в рамках Института «Открытого общества» – Фонд Сороса, в рамках высшего образования в России. Я могу сказать, что у нас в Нижегородском университете университет выиграл этот большой грант по мегапроекту. Но, опять-таки, с очень осторожным скептицизмом отношусь к тому, что было сделано, какого-то качественного прорыва я не вижу, примерно те же самые традиционные формы работы – приехал на конференцию, опубликовался и все. Ни сетевых контактов, ни каких-то прорывных идей, которые могли бы на самом деле сформировать сообщество, я не заметил.

Курилла И.И.: Так получилось, что я довольно много контактирую с ИНО-центром – администратором программы МИОНов, поэтому всю кухню знаю, но вижу, что там тоже есть обеспокоенность тем, что МИОНЫ как-то коллапсируют в себя, то есть

изначально идея, как она развивалась, еще формулировалась впервые, – создать сеть таких мини-«институтов Кеннана» по России, то есть институтов, которые давали бы возможность ученым из разных вузов на конкурсной основе получить гранты и поработать в хорошем научном центре. Когда же это дошло до ступени реализации, университет, получивший МИОН, начал тратить ресурсы на себя. Независимо от того, есть научные школы там или нет научных школ. Эту проблему видят в ИНО-центре, настолько хорошо видят, что собираются бороться с этим явлением, создавая сетевые проекты. Это у них новое направление, которому где-то год-два. Это попытка исправить ситуацию, когда львиная доля ресурсов, всех ресурсов, не только финансовых, но и организационных, уходит в эти выбранные университеты, и здесь эффективность страдает, и это очевидно. Спасибо.

Тюменцев. И.О.: Еще один момент, который я хотел бы отметить. Если отойти от темы МИОНов, здесь есть еще более глубинная причина: отношения к науке в вузах в целом. Все-таки американская наука, как показывает опыт, развивается в университетах, у нас есть РАН, есть другие академии, у нас традиционно большая академия, и на уровне управления есть определенные иллюзии, что наука должна делаться в РАН, а в образовательных учреждениях науки не будет. Не случайно в нашем агентстве нет управления науки. Я думаю, это неправильно. Как показывает американский опыт, все-таки науку в вузах нужно развивать, поддерживать и не сводить только к МИОНам.

Система МИОНов нуждается в серьезной перестройке, реформировании. Мы будем правы, если обратим внимание нашего руководства на то, что можно потерять серьезные средства на поддержку фундаментальной науки в вузах, потому что на одной договорке и зарубежных грантах далеко не уедешь. Хотя наши фонды освободили с нового года от подоходного налога, 150 000 рублей, по мнению авторов, – это копейки. Нужно реанимировать финансирование научных исследований через заказ-наряд, и не в тех минимальных цифрах, которые нам дают, и видимо серьезно, на конкурсной основе, через специальные научные программы.

Если мы хотим идти по пути развития университетской науки, то нужно использовать опыт зарубежных коллег и обратить внимание на более серьезное финансирование проектов. Но в то же время я хочу сказать, что необходимо потребовать серьезных результатов от тех, кто эти гранты получает.

Макарычев А.С.: Я хотел немного расширить рамки для дискуссии. Вы совершенно правильно отметили, что сложно оценить качество продукта. Эта проблема не замыкается МИОНами или чем-то другим. В России, в отличие от Соединенных Штатов, если уж мы разговариваем в рамках этого контекста, вообще отсутствует нормальная система рецензирования работ друг друга. Большая часть той продукции, которую мы выпускаем, чего греха таить, предназначена для внутреннего потребления. Она практически не проходит рецензирования в том смысле, в котором мы, публикующиеся на Западе, знаем. Там это две-три анонимные рецензии, это очень серьезная работа с текстом.

К сожалению, в значительной степени наша академическая культура находится еще на архаической стадии, и материалы конференции составляются по принципу «кто что принесет» в 90 % случаев, хотя есть исключения. Но все-таки на 2/3 наша научная продукция еще не соответствует даже организационным требованиям с точки зрения управления знаниями, тем стандартам, которые есть. Я думаю, что этот сюжет нужно каким-либо образом тоже развивать. Потому что мы только тогда будем котироваться за пределами своего города, региона, страны, когда мы будем работать по схожим или аналогичным критериям.

Тюменцев И.О.: Такой оборот нашего разговора мне кажется очень интересным потому, что я имею опыт работы в структуре РАН. И надо сказать, что когда я устраивался на работу в Южный научный центр РАН, то запросили список моих трудов. В мой актив засчитали только московские, питерские публикации, две-три саратовские. Остальное в мой актив не пошло, так как вышло в малотиражных местных изданиях, которые не прошли в полной мере научную экспертизу. И вот здесь как раз МИОНЫ пригодились бы в продвижении нашей продукции.

Макарычев А.С.: Если наш разговор может иметь какую-то практическую составляющую, я хотел бы обратить внимание, что даже в системе ВАК, к сожалению, публикации в солидных, лучших зарубежных издательствах не считаются. Здесь, понимаете, можно говорить об особости российского научного пути, и вот вам худшая иллюстрация этого. Человек может в десяти крупнейших международных журналах опубликоваться, а с точки зрения стандартов ВАК это будет значить ноль. Это очень плохо.

Тюменцев И.О.: Это вы очень правильно заметили. Получается, кто подсуетился, тот и попал, то есть нет опять-таки серьезной научной экспертизы. Смех, когда «Византийский временник» не попадает в перечень ВАК. Видимо, должны быть некие иные критерии подбора для списка рецензируемых журналов. Видимо, по их существованию, по солидности, по международному авторитету. Следует разработать какие-то другие критерии.

Леонтович О.А.: Я очень рада, что здесь эта тема поднята, я здесь с чем-то бы согласилась, с чем-то нет. Во-первых, московские и питерские публикации далеко не всегда отвечают тем самым критериям, о которых мы сейчас ведем речь. Второе, у нас есть свой собственный институциональный, академический научный дискурс, который отличается от западного, и я не согласилась бы с тем, что наши, не подходящие под западные мерки, публикации плохи. Но то, что у нас нет критериев, и то, что у нас нет нормального рецензирования, я с этим согласна совершенно. Действительно, может быть и МИОНовские публикации, и ВАКовские публикации могли бы выработать те же самые критерии, в которых присутствовала бы методика.

Я, как представитель гуманитарных наук, хочу сказать, что у нас к нашей методике отношение совершенно наплевательское. Мы можем ее описывать, мы можем ее не описывать. А чаще как наши аспиранты пишут методику? Чего греха таить, сначала они пишут работу, затем они выбирают какие-то методики, вставляют их в автореферат, и вот это очень печально. Поэтому мы не привыкли к этому жесткому зарубежному отбору. Естественно, по статистике у них 95 % поданного отвергается, потом ты уже дораба-

тываешь, и тебя либо берут, либо не берут. Но мы не привыкли к этим жестким критериям. Вот как раз ВАКу и создать бы вот те журналы, которые отвечают этим требованиям.

Кубышкин А.И.: Ольга Аркадьевна, я с вами целиком согласен, но хотел бы добавить следующее. Уже много лет мы говорим о том, что уровень рецензирования зависит и от формата наших академических журналов. Если мы взглянем на Запад, то мы увидим, что любой академический журнал состоит из 5–7 статей, а 70 % площади, журнальной площади, заполнены рецензиями. И уровень рецензирования чрезвычайно строгий, охватывающий практически все провинциальные университеты, издательства и т. д. Более или менее значительные работы немедленно получают рецензию, огромное количество площади занимают обзоры новых опубликованных работ. Сейчас в электронных журналах начинает развиваться обзорно-рецензионная сторона. У нас же даже в ведущих журналах по гуманитарным проблемам 3–4 рецензии – это просто праздник какой-то, все остальное заполнено огромными статьями, фрагментами монографий академической элиты, которая, ни для кого не секрет, живет на гонорары с этих статей. И в академический журнал пробиться, например, ученому из регионального университета очень трудно. Я помню, сколько лет лежала статья Ивана Ивановича в журнале «Новая и новейшая история». Вот эта своеобразная академическая иерархия, сложившаяся еще примерно с 1935 г., с переезда академии из Ленинграда в Москву. Она до сих пор никуда не делась. И в этом смысле понятно то, что мы стали издавать на местах какие-то издания, какие-то региональные сборники, какие-то продолжающиеся издания и т. д. По-моему, это не так уж и плохо, другое дело, что уровень, конечно, этих изданий нам нужно еще поднимать для того, чтобы добиться и качественного рецензирования.

Я могу сообщить, что наша «Americana» получила очень неплохое рецензирование в Джорджтаунском университете. Это была совершенно независимая экспертиза. Человек просто получил в библиотеке Конгресса сначала один номер, потом второй, третий, написал на них рецензию, а мне эту рецензию, опять-таки, совер-

шенно случайно переправили. Потому что я этого рецензента никогда не знал. Было приятно видеть, что независимый рецензент очень строго, принципиально (он нашел и определенные проблемы в нашем издании), но все-таки дал положительную оценку.

Мы поняли, что занимаемся не пустым делом. Мы стараемся заниматься американистикой уже на таком уровне, чтобы нас кто-то читал, и не только специалисты. Я думаю, что здесь, конечно, проблем много, но самое главное не сужать, а расширять это пространство, сотрудничество и предъявлять все более строгий счет к себе.

Рябцева Е.Е.: Наблюдая за тем, что происходит с нашими советами по защитах кандидатских и докторских диссертаций, следя за тем, что вывешивается на сайтах ВАКа, с так называемыми рецензируемыми журналами, я пришла к выводу, что действительно надо менять критерии подхода и к нашим публикациям, и к защитах диссертаций.

Тенденция такова, по крайней мере создается впечатление, что действительно есть попытка сосредоточить все нити управления в Москве. Я, например, считаю, что это совершенно неправильно, потому что наша страна Москвой не ограничивается. Естественно, в Москве работают достаточно высокопрофессиональные кадры и находятся очень уважаемые университеты, но у нас в Южном федеральном округе и в Поволжском федеральном округе есть не менее уважаемые университеты – я часто езжу на конференции, встречаюсь с людьми. И таких университетов достаточно много. И мое мнение таково, что это не совсем положительное отношение к «самиздату» неверно. Скажу о себе. Это переключается с моим отношением к МИОНу, может быть немножечко обидчивым. Мы тоже отправляли заявки, никаких откликов не получили. И вдруг, зайдя на сайт Ростовского МИОНа, я с ужасом вижу там в электронном варианте свою монографию, но совершенно под другим названием. Правда, фамилия моя, название другое, монография не законченная, в сыром варианте, даже с грамматическими ошибками. Первый вариант начала моей работы. Кто ее туда отправил? Я до сих пор выяснить не могу. Совер-

шенно непонятно, как туда все это попало. И второй момент: когда я проходила стажировку в МГИМО, мы достаточно плотно работали в библиотеке МГИМО, я поинтересовалась у библиотекаря, имеются ли в библиотеке мои монографии. «Да, есть, – ответила она, – и они хорошо востребованы студентами МГИМО». Но они, кстати, обе изданы в Астрахани. И, в общем-то, говорить, что это какой-то самиздат, я бы не стала, потому что студенты очень неплохо их читают, и они хорошо востребованы. Я участвовала и в коллективных монографиях. И я видела названия своих монографий в списке литературы достаточно уважаемых курсов – у питерцев, у москвичей. То есть, может быть, стоило бы вывести какой-нибудь индекс цитирования. Словом, не все плохо то, что издается в провинции.

Ходякова Н.В.: Мы, конечно, не университет, и у нас нет такой структуры, как МИОН, но зато есть Министерство внутренних дел, где есть отдел международной деятельности, который координирует взаимодействие вузов МВД России с зарубежными коллегами.

Мне показалось, что, судя по откликам, можно провести аналогию между МИОНОм и этим отделом. Если мы говорим об американо-российском сотрудничестве вузов, то системообразующим компонентом такого сотрудничества являются не такие тяжеловесные оргструктуры, централизованные где-то в столицах округов или в Москве, а системообразующими факторами являются предметное поле – первое и второе, как справедливо отметила Ольга Аркадьевна, – это личности. На личностных контактах держится это сотрудничество, и американцы очень тянутся к интересным академическим персоналиям, которые способны ответить на их потребности вот в таком сотрудничестве.

Поэтому мне представляется, что развитие научного сотрудничества должно идти не через такие организационные структуры сверху вниз, оно должно идти широким горизонтальным фронтом, связывая вузы друг с другом по направлениям деятельности, по личным контактам профессоров и т. д. Это первое.

Второе. По поводу публикаций и возможностей здесь российско-американского сотрудничества. Я уже на протяжении трех

лет являюсь главным редактором нашего журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России», и, когда мы изучали опыт других изданий, в том числе и ВАКовских, мы всегда открывали страничку, где высказываются требования к публикациям. И почти везде есть такая строчка: «в нашем издании не публикуются работы, напечатанные в других изданиях». Мы попытались преодолеть этот барьер на пути сотрудничества, и сегодня мы развиваем двуязычные публикации. Например, у нас сейчас активно идут исследования в области криминологии, социологии преступности и т. д. И результаты таких исследований мы стараемся печатать на двух языках, наших исследователей и американских исследователей. Одна публикация на русском языке выходит в нашем журнале, параллельно эта же публикация за двумя – тремя подписями россиян и американцев выходит в журнале университета Центральной Флориды.

По-моему, это замечательный опыт, и можно было бы такое предложение высказать и другим академическим журналам, которые представляют на своих страницах зарубежный опыт или занимаются международными исследованиями. Спасибо.

Макарычев А.С.: Я бы хотел продолжить мысль коллеги из Астрахани. Кажется, наша система книгоиздания на научном поле выглядит тоже как-то по-иному по сравнению с западными странами. Если бы она развивалась нормально, то, допустим, вашу книжку можно было просто предложить в каком-либо центральном издательстве, написать, что называется, book proposal, но у нас же этого нет, у нас книжный бизнес – это бизнес, и любое издательство с вас сначала потребует предоплату. Мой опыт, по крайней мере, свидетельствует о том, что этого нет на Западе, в Америке и Европе. Поэтому, что касается того, как у нас издаются книги и как они циркулируют потом, это тоже отдельная история.

Хейфец Л.С.: Во-первых, о понятии «провинциальность». Я несколько раз слышал в Москве приблизительно одну и ту же фразу, обращенную ко мне, а через меня и моим коллегам, которую надо понимать в том смысле, что Петербург – глухая научная провинция. И это отношение на самом деле очень серьезных лю-

дей, руководителей, может быть, не самых высоких структур, оно четко совершенно присутствует. Я не считаю, что Волгоградский государственный университет – это научная провинция, для меня, например, большая честь печататься в «Americana», и Саратовский университет, исторический факультет, с младых моих ногтей для меня был неким образцом продвинутой исторической науки.

Это вкусовщина, и с этой вкусовщиной можно бороться одним способом – публиковаться и не считать это чем-то пограничным. Коллеги оценят, читающая публика оценит.

Независимость экспертизы. В свое время я столкнулся с РФФИ и могу четко сказать, что никакой независимости, закрытости экспертизы там нет. При всей моей любви к москвичам они все равно всегда все знают про продвижение своих проектов и всегда у них преимущество, потому что их товарищи по учебе, по работе, по дружеским каким-то встречам сидят в этой структуре, и они, естественно, все это продвигают. Мы с этим, я боюсь, ничего не сделаем до тех пор, пока эти структуры, что фонды, что ВАК, что МИОНы, будут структурами бюрократическими. Бюрократы, которые там сидят, хоть и имеют ученые степени, но, с моей точки зрения, далеки от сути науки. Я приведу вам простой пример. Журнал «Латинская Америка» – академический журнал – помещен в списке ВАК по специальности «История». Институт Латинской Америки занимается политологией, занимается экономикой, занимается культурологией и практически не занимается историей. Политология, экономика, культурология были включены лишь только тогда, когда прошли дополнительные переговоры с ВАКом. «Вестник Санкт-Петербургского университета», так же как и «Вестник Московского университета», были вычеркнуты на год из этого списка. Сидят какие-то люди, которые не имеют представление о реальном научном процессе, и принимают решения.

Еще раз повторю, пока эти структуры будут бюрократическими и не превратятся по-настоящему в представительство научной общественности, боюсь, что с этим сделать ничего нельзя. Спасибо.

Курилла И.И.: В продолжение того, что сказал Лазарь Соломонович, очень мне кажется важной мысль, что во многих сфе-

рах нашей научной деятельности одна из самых больших проблем – эта проблема организации, что нас организуют бюрократы, а само научное сообщество неорганизовано. Сейчас появилось несколько больших российских ассоциаций международных исследований, политических исследований. Это наиболее процветающие ассоциации. У историков нет ничего подобного. У филологов, лингвистов также нет ничего подобного. То есть у гуманитарных наук только политологи как-то самоорганизовались. А в остальных случаях мы слушаем чужое мнение, так как не можем сформулировать свое мнение, потому что нет организованной науки. И этим мы сильно отличаемся от американской науки, вообще от западной науки, в которой именно профессиональные сообщества являются главными рецензентами, главными оценщиками работы друг друга.

Кубышкин А.И.: У меня реплика по поводу выступления Лазаря Соломоновича. Я учился в аспирантуре на кафедре новой и новейшей истории Ленинградского государственного университета, там работал один из крупнейших советских историков Владимир Георгиевич Ревуненков, и он на заседаниях кафедры часто говорил с иронией: «Мы – ученые областного уровня», – чтобы показать, что Ленинград в силу определенных обстоятельств всего лишь областной город, в общем, даже если там работают выдающиеся отечественные ученые.

Теперь по поводу высказанной реплики Ивана Ивановича. Он совершенно прав в том, что наше научное сообщество хоть и пытается самоорганизоваться, но без большого результата. У нас, скажем, есть Ассоциация американских исследований, у нас есть Российское общество изучения Канады, но мы, опять же, очень жестко зависим от каких-то бюрократических структур, а самое главное – эти ассоциации сравнительно небольшую роль, я бы сказал, играют в оказании профессиональной поддержки. Ну то, что мы друг друга поддерживаем, это так. Но что такое, например, Ассоциация преподавателей английского языка в Соединенных Штатах.

Вот Ольга Аркадьевна прекрасно это знает. Это прежде всего профессиональная биржа, на которую специалисты ежегодно

приезжают, на которой вы не только свои тезисы или одну статью в год печатаете, но вы можете получить и хорошее место, и новую работу, вы можете получить конкретное предложение. Предложение, которое может изменить вашу судьбу. Поэтому люди дорожат этим порядком, этим сообществом, стараются сделать в него какой-то максимальный вклад, занимаются своим promotion, для себя создают определенную сеть контактов (networking).

У нас же давление совершенно другое. Если на 0,75 % увеличена доля бюджета, то, значит, появился какой-то грант в РГНФ, который на 15 тыс. больше. А то, что делают ассоциации или самодельные организации типа нашего центра или вашего Центра международных исследований Нижегородского государственного университета, – это все остается на совести самих самоорганизующихся.

Тюменцев И.О.: Коллеги, я думаю, что можно переходить ко второму вопросу. Поскольку у нас в семинаре два сопредседателя, слово для руководства переходит к Кубышкину Александру Ивановичу.

Кубышкин А.И.: Уважаемые коллеги, мы уже полтора дня говорим о различных аспектах российско-американского взаимодействия применительно к региональной, в частности Поволжской, проблематике. На заседание нашего круглого стола вынесены вопросы, которые не первый год волнуют нашу научную общественность, не первый год они поднимаются на семинарах, и сам факт, что они поднимаются снова и снова, говорит об их актуальности.

Действительно, сфера образования сейчас является важнейшей стратегической составляющей международных отношений, и сейчас уже защищаются диссертации, например, по национальным системам образования и их вкладу в национальную безопасность, в их мировой статус и т. д. Все это говорит о том, что проблема взаимодействия в академической сфере, сфере университетской, которая для большинства из нас близка по роду наших профессиональных занятий, чрезвычайно интересна.

Хотелось бы сейчас услышать мнения всех участников семинара и участников американских выпускных программ, кото-

рые в последнее время сократились и количественно, и в чем-то качественно. Но, тем не менее, они продолжают существовать, в какой-то мере оказывать влияние на развитие академических отношений между нашими странами.

Действительно ли для нас так страшна проблема «утечки мозгов» или это очередная мифологема? Действительно ли мы должны равняться на американские университеты как на безупречный образец, как мы это делали 5–10 лет тому назад, или пойти вслед за одним весьма высокопоставленным политиком... несколько дней назад на весьма почтенном собрании заявившем о том, что «эта проклятая западная система образования принесла нам больше вреда, а вот советская система высшего образования была лучшей в мире и мы должны на нее равняться»?

Это не случайно, когда делаются такого рода заявления. Так вот, действительно ли исчерпал себя западный опыт для российских университетов в эпоху их очередного транзита, ну и, наконец, как развивать нам партнерские связи, что мы можем на уровне академического сообщества сделать, чтобы эти связи не только не прервались, но и стали бы разнообразнее, интереснее и эффективнее? Вот этот комплекс вопросов вынесен сейчас на обсуждение, поэтому прошу вас принять в нем самое живейшее участие, и единственная просьба – не забывать представляться тем, кто включает микрофон первый раз, для того чтобы это было отмечено в стенограмме. Спасибо.

Окунь А.Б.: Я являюсь участником обменных программ. Стажировался в университете штата Мэриленд и поддерживаю достаточно тесные контакты с учеными и университетами американских и российских городов. У меня некоторое недоумение вызывает ситуация, когда отношения российских и нероссийских университетов (неважно, американских или неамериканских) переводятся в плоскость какой-то конфронтации, противостояния, конкуренции, некоего вреда, которое оно якобы может принести.

На самом деле больший вред может принести только искусственная попытка ограничить эти связи, нормальные, естественные научные связи, попытка выключить наши университеты, нашу

систему образования из (медленно, тяжело, в муках) формирующегося единого образовательного пространства и попытка создания некой самоизсляции.

На деле проблемы «утечки мозгов», на мой взгляд, нет никакой, речь идет, наоборот, о включении российской науки, российской системы образования в мировой процесс свободного перетекания идей, методик, программ, людей, в том числе и когда речь идет о том, что какая-то группа российских ученых, преподавателей переезжает работать в Америку, в Европу, — это означает на самом деле, что для российской академической общественности открывается еще один канал связи, еще один канал получения новой информации и включения в этот единый мировой процесс.

Все остальное — это уровень политизированной демагогии и создания мифических угроз, которые позволяют строить кому-то политику. К реальному развитию образования это не имеет никакого отношения.

Ходякова Н.В.: Вот с этой «утечкой мозгов» наша академия столкнулась напрямую. Был у нас молодой доктор, для которого американцы предложили более интересные условия, и он переехал работать в Нью-Йорк. Естественно, уволился из органов внутренних дел. Конечно, досадно, конечно, обидно, мог бы еще постараться для своей Родины, но, по-моему, эта проблема «утечки мозгов» должна восприниматься не как угроза нашей стране, а как проблема социально-экономического порядка.

Мы свободно перемещаемся сегодня, и никто не вправе нас ограничить в этом плане. Вот эта мифологическая составляющая, она только в отношении к США. На самом деле люди переезжают туда, где им хорошо, есть возможность заниматься любимым делом, где созданы соответствующие социальные условия. Это то, что касается «утечки мозгов».

С другой стороны, что касается проблемы донорства российских вузов по отношению к реальности американской. Я просто хочу привести пример. У нас уже три года существуют обменные программы, как и в педуниверситете, по обмену студентами. И один раз в году наши студенты выезжают в Университет Цент-

ральной Флориды, один раз приезжают американские студенты к нам. Мы им организовываем обучающие семинары и т. д.

В процессе такого обучения американские полицейские, которые тесно сотрудничают с департаментом криминальной юстиции Флориды, делятся опытом и технологиями в борьбе с преступностью. Они создают для наших курсантов, например, специальные маршруты патрулирования, сажают в свои машины, и мы едим по улицам ночным в округ Орандж, смотрим, как реально происходит взаимодействие полиции и преступных элементов. Более того, они в этом году привезли нам технологию борьбы с преступностью. Технология, как мы ее называем, — «Электронная карта в работе полицейских». Это информационная технология, которая позволяет каждому полицейскому, имеющему в машине note-book, при поступлении сигнала 911 видеть место на карте, где произошло происшествие, это место начинает светиться, а полицейскому выдается информация, куда он должен ехать и где должна оказаться его машина. Это на уровне рядового полицейского. То же самое на уровне менеджмента в полицейских структурах. Вот эти электронные карты являются инструментом управления ресурсами в полицейских подразделениях. Раз в неделю шериф округа собирает ответственных по дистриктам и смотрит: вот на этой неделе преступление такого вот вида часто встречались в этом районе. Что вы предприняли как руководитель полицейского подразделения, чтобы уменьшить эти преступления? Как вы боролись с этой ситуацией? Через неделю уменьшаются здесь преступления, но могут увеличиться в другом районе. И все это оперативно, быстро видно на этих электронных картах. Технология, конечно, блестящая. И нам показывали статистику, как снизилась преступность с внедрением этой информационной технологии.

Сегодня у нас работает один американский профессор, он будет читать нам курс криминологической картографии и научит наших курсантов этой технологии, и мы, естественно, будем взаимодействовать с нашим главком, министерством по поводу этой технологии, она нужна нам, потому что сегодня мы не можем говорить о правовом государстве, надо как-то к нему идти. А вот

нам подарили технологию. Но здесь мы, конечно, не доноры, здесь мы реципиенты, потребители вот этой технологии. Конечно, мы заинтересованы в сотрудничестве. Вот наша академия одновременно отдала человека, талантливого исследователя, а взамен получила технологию. Вот в этом и есть какое-то взаимовыгодное сотрудничество, наверное, то, что реально существует, а не то, чем нас пугают.

Хмелевская Ю.Ю.: Я присоединяюсь к мнению Александра Борисовича, что, на мой взгляд, такая постановка проблемы – или утечка, или доноры – не совсем корректна. Я не знаю род занятий этого исследователя, которого из милицейской академии переманили, скажем так, на запад, но применительно к гуманитарным дисциплинам вообще не может быть и речи об «утечке мозгов», вот «утечка мозгов» – это когда человек из одной сферы деятельности переходит в другую, например, перестает преподавать и уходит торговать на рынок, перестает заниматься исследованиями, перестает выпускать новые работы, – вот это «утечка мозгов», а в современном информационном пространстве, когда человек меняет географически место жительства и получает ПМЖ (постоянное место жительства) в Канаде или в Соединенных Штатах и продолжает работать, продолжает публиковаться – этот термин не вполне корректен, потому что и его коллеги, и его студенты, бывшие и нынешние, имеют возможность ознакомиться с его взглядами, ознакомиться с его новыми работами, новыми достижениями. Спасибо.

Курилла И.И.: Я бы все-таки не совсем согласился со взглядом, что в этом страшного для нас ничего нет, с точки зрения науки – да, совершенно верно, мы можем читать статьи коллег, которые живут в Москве, в Нижнем Новгороде или уже переехали в Калифорнию, и совершенно одинаково наука не проигрывает, а может даже и выигрывает оттого, что человек меньше тратит сил на выживание и больше посвящает науке. Не всегда это случается при переезде, но по-разному бывает у людей. Кто проигрывает? Проигрывают наши университеты, когда лучшие преподаватели, наиболее мобильные, наиболее активные, наиболее востребован-

ные, уезжают на Запад. Проигрывают университеты, откуда они уехали, то есть проигрывают структуры, проигрывают студенты, проигрывает наша в целом система образования. Поэтому мне кажется, проблема есть, но решение ее не в том, чтобы запретить людям уезжать, а в том, чтобы создать условия, которые помогут людям остаться. Люди уезжают. Не очень большой процент уезжает из-за зарплаты. Да, такие тоже есть, но в принципе уезжают не из-за этого, если у человека есть возможность заниматься наукой, любимым делом здесь, то он будет заниматься здесь. Сейчас чаще всего отъезд связан с какими-то проблемами бюрократическими. Вот об этом надо думать, мне кажется, эта проблема действительно стоит. Спасибо.

Кубышкин А.И.: Спасибо. Те вещи, о которых Вы говорите, коллеги, они совершенно нормально воспринимаются в Соединенных Штатах, потому что там переход человека из одного университета в другой, да еще более высокого ранга, воспринимается не как потеря университета, а свидетельство того, что специалист, получивший работу в другом, более престижном университете, да ему просто по-доброму, по-доброму в большинстве случаев завидуют, потому что это доказательство его дееспособности, его таланта, его востребованности, и это поощряется. У нас мобильность практически невозможна, хотя сейчас формально вроде бы все рамки у нас сняты, но попробуй просто так из Волгограда переехать в Санкт-Петербург. Это достаточно сложно. Уехать то можно, но жить под мостом и вспоминать героев Достоевского – это довольно трудно. Я бы хотел сказать, коллеги, вот о чем. Мифологизация здесь в определенной степени присутствует, есть цифра в 200 тысяч уехавших лиц интеллектуального труда начиная с 1990 года. Но по подсчетам специалистов, занимающихся интеллектуальной миграцией, в США работает не более 20 тысяч наших соотечественников в университетах. Но получить рабочую позицию в американском университете очень сложно, и вот я и мои коллеги, в частности Иван Иванович, когда мы бываем в Соединенных Штатах, встречаемся там со многими людьми, я уверен, что и Ольга Аркадьевна делала то же. Когда говоришь,

что в любом университете, даже в небольшом, работает русский профессор, это чаще всего миф, потому что это скорее всего западный украинец или чех, но не обязательно русский. Он чаще всего западный украинец в третьем поколении, считающий, что знает русский язык, русскую культуру, особенно это характерно для Канады, где, конечно, украинцы и украинская диаспора преобладают в плане славистики. Все более или менее известные философы, работающие в американских университетах, всем нам известны, да? Их не больше 30–40 человек, и они работают в ведущих университетах, это так называемый «штучный товар», никакого массового прилива нет, поскольку интеллектуальный американский рынок чрезвычайно жесткий, чрезвычайно насыщенный. Да пусть переманивают побольше, может быть и они тогда начнут выпадать из мировых университетских рейтингов. А вот проблема другая: что нам нужно сделать, чтобы приблизиться к лучшим стандартам образования, и могут ли нам американцы в этом плане помочь? Я просто хочу напомнить, что по всем рейтингам российские университеты стремительно снижают свои показатели, вот четыре года назад МГУ входил в первые 70 лучших мировых университетов, сейчас ему с трудом, с очень большой снисходительностью дают 97 место в рамках 100 лучших университетов мира. Санкт-Петербургский – наш, мой любимый и Игорь Олеговича, – университет не попал и в третью сотню, прошу прощения Лазарь Соломонович, и это не оттого, что в Шанхае сидят злыдни, ненавидящие Санкт-Петербург, а это оттого, что международные критерии качества образования по лекалам глобализации зачастую чрезвычайно жестки для российских университетов. И в этом случае мы знаем, что из 100 ведущих университетов мира 57 американских, из 10 лучших университетов мира – 7 американские, и чтобы мы не говорили об этой самой несуразной системе образования, где за год обучения студент платит пятилетний иногда душевой доход российского гражданина, 37–38 тыс. долларов (о чем тут можно говорить?), тем не менее эта система является инструментом мощного влияния, продвижения американских идей, американских технологий, американского об-

раза и стиля жизни, американских ценностей и т. д. Об этом, я думаю, мы могли бы сегодня поговорить.

У нас есть очень интересный вопрос. Хорошо, мы, кажется, выяснили, что не можем служить только источником для «утечки мозгов», потому что они нам самим нужны, а американцы, в общем-то, в них особо не были заинтересованы, время Питирима Сорокина прошло. Но есть очень интересный момент, связанный со следующим обстоятельством: могут ли российские университеты быть не только реципиентами, то есть получателями помощи, включая интеллектуальную, финансовую и т. д., но и своеобразными проводниками в этом пространственном неопределенном поле или гидами, если угодно сказать, в весьма неопределенном поле складывающегося нового гигантского образовательного евразийского сверхпространства? Иными словами, можем ли мы эффективно и доступно на должном уровне рассказать американским студентам, что происходит в России и в бывших государствах Советского Союза, или китайским студентам о том, как выстраиваются наши отношения с американцами и другими государствами и т. д.? То есть какую роль, позитивную, коммуникативную, на ваш взгляд, могли бы сейчас сыграть российские университеты? Пожалуйста, кто хотел бы высказаться по этому поводу, прошу.

Перевезенцев А.Л.: Я думаю, если Вам интересно услышать немного о казахстанском опыте и относительно «утечки мозгов», и по вопросу о конкурентоспособности. У нас есть несколько вузов, имеющих особый статус, – Казахский институт менеджмента, экономики и прогнозирования (КИМЭП), есть Международная академия бизнеса, есть Казахстанско-Британский технический университет (КБТУ), где довольно высокая плата за обучение – от 4 до 6 тыс. долларов в год. Тем не менее во всех этих вузах учатся не менее тысячи студентов, то есть в этих вузах неплохой бюджет, и, имея особый статус, они платят своим преподавателям минимальную зарплату не менее 800 долларов, для магистра, то есть не западного, нашего, наши казахстанцы получают от 800 до 1200 долларов – это примерно половина преподавательского состава, другая половина – это западная профессура (канадская, американская,

сингапурская). Возглавляет КИМЭП доктор Бэнк, сингапурец. Что такое Сингапур в современном образовательном пространстве, вы, наверное, хорошо себе представляете. Эти структуры неплохо осуществляют коммерческие программы, они дают своим преподавателям зарабатывать не где-то на стороне. Они под эгидой этого вуза создают какие-то консалтинговые структуры, соответственно, консалтинг в бизнесе, в банковском деле, переводы и т. д., и т. п. Там нужно отчислять в кассу вуза 10–15 %, это выгодно и вузу, и этому преподавателю. У нас действует несколько лет программа «Балашак», по которой студент, аспирант, сотрудник выезжает в ведущие вузы мира: в Японию, Сингапур, Малайзию, а также в Англию, Францию, Германию и Россию. В МГУ довольно много учатся, в США и т. д., и, возвращаясь, имея западные степени магистра или доктора, они могут устроиться в эти вузы и получать довольно прилично, то есть если в Америке он получал 3 тыс. долларов, то здесь 1 тыс. долларов – как-то сопоставимо, учитывая цены, налоги, медицинские услуги и т. д., и т. д.

Будучи безусловным лидером в образовании у нас в Казахстане, КИМЭП, тем не менее, не соответствует западным стандартам качества: вот уже несколько лет он не может пройти международную аккредитацию. Они подали сведения в аккредитационное агентство, приезжала предварительная комиссия, но дело в том, что она не только качество образования оценивала. Я так понял, что, хотя у нас прекрасная профессура и качество преподавания довольно высокое, но для современного западного вуза – это всего лишь верхушка айсберга. Важно еще все остальное – вопросы медицины, безопасности, в том числе противопожарной, места питания (столовая), общежитие, библиотека и прочее и прочее. Вот что доминирует. Я бы сказал, по качеству образования университеты могут различаться незначительно, но родители и сами студенты обратили внимание весной в кампусах на делегации, которые ходят, смотрят на вопросы безопасности, где будет жить ребенок, как он будет питаться.

Вот Казахский институт менеджмента, экономики и прогнозирования не соответствует этим критериям ни по безопасности,

ни по медицинскому обеспечению, все необходимо достраивать, добавлять. И, несмотря на доходы, которые они имеют, они никак не могут пройти международную аккредитацию. Я уже второй год докторант ВолГУ и немного становлюсь патриотом ВолГУ, но, если вы самокритично посмотрите, ВолГУ во многом не соответствует международным критериям. Ни столовыми, ни общежитиями, ничем, кроме своего уровня преподавания, – вот эти критерии, вторичные во многом на Западе, и они не позволят, если этот вуз захочет пройти международную аккредитацию.

Очень долго это станет невозможным, пока эта инфраструктура не будет развитой. Пока эта конкурентоспособность возможна, ВолГУ нужно сосредотачиваться не на соперничестве с западными вузами, а на том, как привлечь студентов, и не только Запада, но и из стран СНГ.

ВолГУ может быть просто притягательным для студентов из стран СНГ, стран Азии, Ближнего Востока. И это вполне нормально.

У нас в Алма-Ате с удовольствием учится довольно большое количество таджиков, туркменов, которые считают за великое счастье учиться там, так как для их стран это высокий образовательный уровень. Мне кажется, то же самое может произойти и с крупнейшими российскими вузами, которые не будут ориентироваться только на Запад.

Не поедет сюда англичанин, канадец или американец по большому счету, если это не на полгода, возможно, как экзотика – посмотреть и вернуться, а нормально учиться 4–5 лет поедут прежде всего соседи, люди из тех стран, где не такие высокие доходы.

Тюменцев И.О.: Спасибо большое. Я бы хотел сказать несколько слов Александру Леонидовичу. Вы затронули те моменты, которые нас особенно волнуют. Мы планируем пройти международную аккредитацию, и этими вопросами, как раз вопросами общежития и т. д., занимаемся. По мере сил и теми средствами, которыми располагаем. Я не буду долго распространяться по поводу проблемы получения средств, проблемы того, что мы зарабатываем. Сегодня все идет к тому, что все внебюджетные средства будут уходить в Москву, а оттуда мы будем получать финансирование по смете.

Нам говорят, если вас это не устраивает, переходите в автономное учреждение, но порядок перехода в эти учреждения не определен.

У нас есть казахские студенты в университете, у нас есть большая группа студентов из республик Северного Кавказа (целики), и со Средней Азии, и Закавказья.

Было бы неправильно, если бы мы свернули давно сложившиеся связи с американскими вузами: с Мэнсфилдским и Кентским университетами. Мы выступаем своеобразными гидами в евроазиатском пространстве.

У нас есть стереотипы восприятия Америки, и у американцев есть стереотипы восприятия нас. Только личное общение позволяет преодолевать эти стереотипы. На круглом столе в Москве в августе 2007 г. я привел пример обмена археологами. Американцы благодаря нашему университету получили возможность познакомиться со скифо-сарматской археологией. Нашим археологам удалось принять участие в раскопках древностей ирокезов.

Проблема в том, что это была инициатива вуза. Наш учредитель не обратил внимания на то, что сделано, и не поддержал это начинание. Я опять обращаюсь к той программе. Наше агентство по образованию должно проводить серьезный мониторинг инициативных международных проектов и целевым образом поддерживать и выделять под это средства, чтобы мы могли говорить не только об «утечке мозгов», но и о нашем влиянии. Ведь мы выступаем не только в роли просителей, а оказываем определенное влияние в том, что мы в чем-то помогает, в чем-то разъясняем, ведь это важно? Спасибо.

Кубышкин А.И.: В добавление к тому, что было сказано, я вот о чем хотел сказать. Мы, конечно, что-то делаем, не просто эти инициативные проекты, мы сейчас стремимся открыть магистерскую программу по «Североамериканским исследованиям» здесь, в Волгоградском государственном университете, если это удастся – это будет первая программа от

Казани до Краснодара, которая нам даст возможность приглашать талантливых студентов из Астрахани, Краснодара, Ростова, Ставрополя, Кабардино-Балкарии и т. д. сюда обучаться здесь американистике, но параллельно возможен и другой вариант. Мы с Иваном Ивановичем, который является инициатором этого проекта, хотели бы ввести здесь «Russian Studies» – магистерскую программу для американских и европейских студентов, которые бы сюда приехали и, общаясь в этом дискурсе с нашими американистами и студентами первого уровня – бакалаврами и специалистами, могли бы извлечь для себя что-то полезное. Опять-таки, если это будет только инициатива вуза, а если отдельно кафедры или факультета – у нее много шансов захлебнуться или наткнуться на непонимание того, насколько важны эти идеи.

Вот наши коллеги и друзья из Педагогического университета создали удивительную и уникальную вещь. Ольга Аркадьевна много говорила об этом на различных конференциях, я хочу сказать, что благодаря программе ее Центра удалось создать уникальный мини-кампус с американскими университетами. Через этот мини-кампус прошли если не сотни, то по крайней мере десятки студентов российских и американских, которые никогда в жизни врагами не будут, никогда глупостям взаимным друг о друге не поверят, это же огромная работа была сделана, да?

Но хорошо, что она нашла выражение в публикациях Центра, в совместном сборнике, в работе самой Ольги Аркадьевны, она прозвучала на совместном российско-американском съезде экспертов в 2005 году. Волгоград убедительно тогда выступил со своими американскими программами, но это не получило никакого организационного развития далее, так, прошло и прошло (если Вам это ребята нужно, так и занимайтесь этим), а что делается огромная работа государственного уровня, как Игорь Олегович справедливо заметил, пока что наши распределители финансовых потоков как-то не очень об этом задумываются.

Может быть, обратить их внимание настойчиво, что делается на региональном уровне, тогда закончатся эти пренебрежительные замечания типа «что Вы там со своим самиздатом» или из «провинциального Санкт-Петербурга» приехали и прочее, и прочее. Пожалуйста, кто хотел бы высказаться?

Макарычев А.С.: Фактически, то, что я хотел сказать, Александр Иванович сказал, я может быть немножко это по-другому сформулирую, буду опираться на опыт наших нижегородских вузов, потому что в других городах дела как-то обстоят иначе. Мне кажется, назревает новая парадигма с точки зрения международного позиционирования вузов. Условно говоря, в 1990-е гг. и до последних лет международное сотрудничество воспринималось с точки зрения пополнения бюджета. Что такое международное сотрудничество? Это то, что пополняет бюджет. Мне кажется, эта парадигма исчерпала себя, потому что она в корне неверна. Международное сотрудничество – это более широкая сфера деятельности, в которую сегодня, естественно, нужно инвестировать свои собственные ресурсы. Я не знаю точно, должна ли инициатива исходить из самих университетов, многие, чего греха таить, являются небедными организационными структурами, либо из федерального агентства, мне кажется, все-таки из университета, потому что министерство более консервативно. Но вот вырвутся в лидеры те вузы, которые начнут сознательно инвестировать в международную деятельность, например выделять бесплатные места для студентов. И многие вузы так работают, например в бывших соцстранах, поляки предоставляют гранты на обучение, на исследование из каких-то своих собственных фондов. Пусть приоритет отдается отдельным странам, мы тоже можем отдавать приоритет отдельным странам, например СНГ. Это вполне нормально, но это потребует, мне кажется, некой смены восприятия и управления образовательным процессом. Я думаю, что именно из этого нужно исходить в будущем.

Тюменцев И.О.: У нас есть Центр «Americana», есть Александр Иванович, который со своими сотрудниками очень много делает. Все это финансируется за счет личных грантов Александра Ивановича, Ивана Ивановича. Но для пользы дела я как бюрократ, как проректор, как чиновник должен вам сказать, вы, ребята, плохо работаете. Ваши деньги не идут через счет университета, в результате вы не зарабатываете те 18 тысяч на нос, которые вы должны получать в год в течение 5 лет, чтобы пройти государственную аккредитацию. И не важно, что они выпустили 8 сборников «Americana», 4 сборника канадских, 16 конференций провели. Нет 18 тысяч.

Макарычев А.С.: А откуда эти требования?

Тюменцев И.О.: Эти требования в любом вузе, где вы будете проходить аккредитацию. Любой проректор придет и вам скажет, где эти 18 тысяч, которые вы зарабатывали в течение 5 лет?

Ульева Л.А.: Можно прокомментировать? А не думаете ли вы, что это критерий усиления бюрократизма вузов, что приходится таким образом реализовывать мероприятия образовательного характера? Может механизм таков, что бюрократическая процедура не позволяет сотрудничать с американскими организациями, а более просто получить индивидуальный грант и работать на благо своего вуза.

Тюменцев И.О.: Дело не в вузе. Этот критерий придумал не я и не университет, это критерий аккредитации вузов России. Как проректор по науке я заинтересован в том, чтобы Центр существовал, чтобы прошел аккредитацию. Мы начинаем выкручиваться, откуда деньги принести. Если мы хотим, чтобы деньги шли через наш счет, а не через индивидуальный грант, нужно создать условия, чтобы исследователь был заинтересован зарабатывать деньги через университет.

Макарычев А.С.: Возможно, это довольно наивный вопрос со стороны вуза. Человеку, который пропустил грант параллельно через счет университета, университет может выделить премию в 18 тысяч, что он такой хороший работник и оценен на уровне международном. Почему нет?

Тюменцев И.О.: Вы не так понимаете. Исследователь должен привлечь эти 18 тысяч со стороны. Не университет должен ему дать эти деньги, они должны получить их от грантодателей или от сторонних заказов. Если исследователь выезжает за рубеж, это еще не значит «утечки мозгов». Нужно делать так, чтобы он был заинтересован вернуться, применить в родном вузе то, что приобрел за рубежом.

Кубышкин А.И.: Уважаемые коллеги! Я не хочу уводить разговор в сторону легкой критики нашего высшего департамента, я хочу пояснить вот какую ситуацию. Игорь Олегович ее хорошо очень знает. Вся проблема в том, Андрей, вы себе прекрасно представляете, что индивидуальные гранты выдаются не на университет, а на конкретное физическое лицо при одном условии, что там не будет зарплаты. Мы на кафедре в прошлом году заработали 64 тысячи долларов. Это немножко больше, чем 18 тысяч рублей. Но я не могу за них отчитаться, потому что это грант на фулбрайтовскую конференцию, в которой приняло участие 80 человек, на конференцию по американистике, на которой присутствовало 60 человек, многие из здесь присутствующих коллег участвовали в этих конференциях. Все это в зачет нам не пошло, то есть пошло в общий зачет по итогам работы кафедры, а, с точки зрения Игоря Олеговича, я какой-то жмот страшный, потому что деньги не пропустил через кассу университета. А что это значит? Я получаю, например, 5 тысяч канадских долларов на проведение семинара, и это, конечно, индивидуальный грант. Если я пропущу через кассу, я не смогу пригласить 5–6 человек. Причем этот грант индивидуальный. Я не обязан пропускать его через кассу. Другое дело, что я не могу с него получить вознаграждение, да мы его и не получаем. Ни Иван Иванович, ни наши многочисленные помощники. Никогда, ничего за 12 лет не получаем. Ни одной гонорарной статьи не было. С точки зрения Игоря Олеговича, может он и прав будет, что это не совсем разумно, потому что, легализовав средства, мы сможем тогда тоже что-то получать. Сейчас, как я понимаю, приходит другая эпоха. Индивидуальные гранты постепенно уходят, хотя некоторые еще останутся, но они не будут

иметь такого большого значения. Целиком с нашим проректором согласен, что сейчас надо сосредоточить усилия на получении целевых институциональных грантов наших учредителей из международных организаций, что сделать в 5–6 раз труднее, чем получить индивидуальный грант. Здесь требуется поддержка администрации университета. Тогда это все станет в легальные рамки, и я, и Иван Иванович, мы с удовольствием будем эти деньги проводить. И эти пресловутые 18 тысяч рублей перекрывать. А пока ситуация достаточно сложная.

Тюменцев И.О.: Наш учредитель должен изменить критерии в оценке вузов. Они должны учитывать эти индивидуальные гранты, нужно вывести индивидуальный опыт таких грантополучателей, как Александр Иванович Кубышкин, «из тени».

Кубышкин А.И.: Уважаемые коллеги. Кто еще хотел бы присоединиться к этой дискуссии?

Хейфец Л.С.: Вопрос. «Russian Study» будет преподаваться на каком языке?

Кубышкин А. И.: На русском и на английском.

Хейфец Л.С.: Я почему спрашиваю? Я вижу, как проводится обучение иностранных студентов здесь, американских, канадских, японских, китайских и др. Часть этого обучения идет на английском языке, что создает дополнительные трудности для преподавателей, хотя многие свободно владеют языком, тем не менее это налагает дополнительные обязательства. С моей точки зрения, это приносит некий вред. Может я не прав, вы меня поправьте. Приезжающие к нам иностранные студенты не проходят через общение с разными слоями населения нашей страны для того, чтобы впоследствии они могли стать носителями нашей культуры, я не имею в виду идеологии советского периода, но традиция, которая была раньше, традиция подготовительных курсов на русском языке, была хорошей, я полагаю, традицией. Занятия, естественно, на русском языке. Настоящий путь, с моей точки зрения, не совсем правильный, он укорачивает, конечно, отношения и позволяет зарабатывать, но не позволяет решать главную стратегическую задачу.

Кубышкин А.И.: Лазарь Соломонович, вы совершенно правы. Но проблема здесь в том, что все зависит от формата программы. Если речь идет о полной мастерской программе, соответственно критерием, вы имели в виду, прежде всего, так называемых включенных студентов, которые, изучая «Russian Studies» в Колумбийском университете, приезжают на три месяца сюда. Если они изучали «Russian Studies», то они в какой-то степени владеют русским языком. Но мы можем быть и готовы быть адаптированы к этому. У нас есть некоторый опыт: на протяжении 12 лет преподаем на английском языке цикл курсов для американских студентов из Кента, Мэнсфилда и Акрона. Читаем курсы по истории России, по политологии, по «Russian Cultural Experience» и т. д. Так что можно сказать, что этот момент отработан. А в остальном вы, безусловно, правы: тот, кто хочет заниматься «Russian Studies», тот должен, безусловно, изучать в первую очередь великий, могучий, прекрасный русский язык.

Леонтович О.А.: Я сказала бы, что когда были заданы вопросы «доноры или гиды?», «ориентир или конкурент?», такой multiple choice, я здесь немножко растерялась, потому что выбрать одно или другое я бы не смогла, так как отношения наши давние, как говорил Александр Иванович, важнее, чем ориентиры, которые были нам заданы. Мы с 1990 г. сотрудничаем с Рампо-колледжем, это, считайте, более 16 лет, и нам потребовалось около 10 лет, чтобы стать равноправными партнерами, потому что те, кто начинал сотрудничество в 90-е гг., помнят, что они ехали учить нас, и мы здесь немножечко трепыхались и брыкались, потому что нам хотелось, чтобы нас воспринимали на равных. Пути здесь были самые разнообразные. Когда мы начинали проводить курсы в режиме видеоконференции, мы думали, что американцы придут и нас научат. Пришлось научиться самим, выработать алгоритм, и, когда теперь проводим видеоконференции с американцами, они делают просто пошагово то, что мы рекомендуем. В отношении американского образования много звучало критики, но сейчас, по прошествии стольких лет российско-американского сотрудничества, и мы, и американцы пришли к единому мнению,

что за эти годы мы многому научились и во многом выросли профессионально сами.

Мне приходилось не раз выступать на тему об американском образовании, много писать, и я всегда говорила, что нам надо брать, чего не надо брать, чтобы избежать, не повторяя американских, ошибок, и что может быть критически осмыслено и перенесено на нашу российскую почву.

Еще мне хотелось сказать про Центр «Americana» и про наше сотрудничество. Я знаю, что совершенно типично, что вузы ревниво оберегают то, что им принадлежит. Не дай бог кому-нибудь что-нибудь рассказать. Не дай бог чем-то поделиться. Мы пошли другим путем, и за эти долгие годы сотрудничества мы с Александром Ивановичем больше выиграли, чем потеряли, делясь. Мы друг другу предложили участие и в конференциях, и публикациях, и программах. Александр Иванович выступал у нас. Наверное, это был первый случай – русский исследователь выступал экспертом по большому американскому гранту, это дало нечто университету, потому что они сейчас тоже проводят свои видеокурсы, которые мы начали. Я думаю, здесь общение с обеих сторон было взаимовыгодным. Ну и последнее. Все строится на людях. Что там говорить, уходит человек, уходит энтузиаст, уходит на пенсию, в другой вуз, и теряются многие связи. Очень многое держится на людях и на их энтузиазме. Нам было бы, наверное, наивно предположить, что политика на наши взаимоотношения никак не влияет. Количество грантов, которые мы получали и получаем сейчас, политические отношения, которые сейчас существуют, я это четко чувствую. Вот подошел срок продления партнерских договоров с нашими американскими коллегами. Они – молчат. Они выжидают, они выжидают, а что там будет в политике? Что им сейчас договор подписывать или осмотреться. К сожалению, дело обстоит так, очень бы хотелось, чтобы отношения складывались хорошо и на уровне государств. Спасибо вам.

Анипкин М.А.: Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу поставленной проблемы: «Чем мы можем заинтересовать западные университеты, западные сообщества, прежде всего, в

сфере гуманитарного образования, которое связано с социальными науками, и что они нам могут дать?», – и привести конкретные примеры. Я думаю, что нашему вузовскому образованию, как и российским общественным наукам в целом, нужен тот опыт и те колоссальные наработки социальных наук, которые существуют в англо-саксонских университетах, американских, британских университетах, прежде всего. Это связано с тем, что наши науки в советское время были в загоне, это вы прекрасно знаете, что было связано с креном в сторону политехнического образования. Я имею в виду социологию, политические науки, антропологию, социальную антропологию, которая вообще не существовала в советское время. Только в 1992 г. стали присваиваться кандидатские и докторские степени по названным наукам. Поэтому, я думаю, здесь шапкозакидательством не нужно заниматься. Мы, безусловно, нуждаемся в глубокой подпитке современных качественных методов социальных наук, которые могут дать западные университеты. Здесь абсолютно однозначная позиция, и я в этом абсолютно убежден. Мы можем дать очень многое, прежде всего, в той же социальной антропологии. Сейчас на Западе колоссальный интерес к российским регионам. Волгоградская область, Северный Кавказ являются неким пилотным регионом, который, безусловно, вызывает колоссальный интерес. Я вам приведу конкретный пример: наш давний партнер Джеффри Стивен Мюллер, который раньше работал в Слотленд-колледже, Филадельфия, США, приезжал в Волгоградскую область три раза, и в первый раз, в 2000 г., он, достаточно авторитетный, хотя и молодой американский ученый, с большим удовольствием публиковался в нашем сборнике, который вышел в издательстве ВолГУ, «Власть в России: границы и перспективы» и, более того, с большим удовольствием включает эту публикацию в свой CV. Он считает, что это очень важно. Более того, сейчас ему предложили очень хорошую позицию в университете Сент-Эндрюс, в Шотландии, и во многом эта позиция стала возможной благодаря его научным связям с Кавказским регионом, в частности с Волгоградской областью. В прошлом году он издал книгу «Flesh Points of the Terrorism», пользуясь случаем,

хочу ее анонсировать. Это очень важные образцы того, насколько наша наука востребована, и те отрасли, прежде всего с социальной антропологией и рядом проблем социологии и политологии, чрезвычайно востребованы.

Я думаю, что здесь есть достаточно элементов для взаимовыгодного сотрудничества. Хочу сказать еще вот о чем.

С нашей стороны есть лукавое институциональное желание интегрироваться в международную систему стандартов в связи с переходом на Болонский процесс, но мы абсолютно неправильно понимаем принцип Болонского процесса, сегментированную систему высшего образования и присвоения ученых степеней. С одной стороны, берем магистрат и бакалавриат, но, с другой стороны, не берем самого главного, самую главную сферу: мы не хотим признавать западные докторские степени. Мы хотим консервировать свою двухуровневую систему присвоения ученых степеней, которая является просто анахронизмом. Если мы говорим, что кандидатская диссертация – это квалификационная работа, то в нашей ситуации, коллеги, докторская диссертация тоже превращается в квалификационную работу. То есть опять нужно доказывать, что ты в состоянии заниматься научными исследованиями. Это совершенно неправильный подход. С одной стороны, мы как бы солидаризируемся, чтобы институционально влиться, но, с другой стороны, мы решительно сами себя от него оттаскиваем, и на Западе прекрасно отдают себе отчет в том, что мы делаем. Если наши кандидатские, докторские степени в технических областях признаются сразу, сходу, их никак не нужно нострифицировать, то наши степени ученых гуманитарных наук, особенно в общественных науках, там не признаются автоматически. Давайте вещи называть своими именами. С одной стороны, мы хотим, а с другой – мы сами себя оттаскиваем, как некий известный мифологический персонаж. Это очень печально. Спасибо.

Кубышкин А.И.: Коллеги, я хочу сказать, что эмоциональное выступление Михаила Александровича связано еще и с тем, что он недавно блестяще защитил диссертацию PhD по социологии в Эссекском университете, в Великобритании, и теперь не зна-

ет что делать, потому что он кандидат социологических наук, доктор философии по социологии и вот еще предстоит писать докторскую диссертацию по социологии в России. В общем, ситуация любопытная. Мы поймем его эмоциональное настроение, но в его выступлении содержится еще очень важная проблема. Как вы знаете, двигаясь вперед по пути реформирования нашей школы, мы постоянно опираемся на свои собственные традиции, постоянно подчеркиваем особый путь нашей национальной науки, не задумываясь о том, что Китай с его 5 000-летней историей в течение последних 30 лет как-то спокойно относится к традициям национальной науки, национальная идеология основана на нормах конфуцианства, а вот PhD западного образца, западное прагматическое обучение для конфуцианского Китая явилось мощным стимулом для экономического рывка, о котором все говорят, но при этом иногда не замечают истоков. У истоков всякого технологического, цивилизационного рывка стоит уровень образования. И можно не без удовольствия сидеть в античных музеях, но, как мне сказал один американский профессор, Оксфорд, конечно, хороший университет, но он не обязательно должен быть только хорошим музеем. Оксфорд все-таки девятый в рейтинге мировых университетов. В верхней строчке стоят американские, австралийские и европейские университеты, которые являются настоящими фабриками, производящими качественных профессионалов. В повышении качества и престижа наших университетов, конечно, должна быть проведена какая-то дополнительная работа, и наверное Михаил Александрович согласится тоже, что все эти изменения связаны и с проблемой смены поколений. Несколько поколений ученых воспитаны на определенном уровне, и, чего греха таить, защитив кандидатскую диссертацию, многие на следующий день помечали в календаре дату, когда они получат докторский диплом.

Птичникова Г.А.: Я с удовольствием участвую в этом круглом столе, где рассматривается эта проблема в рамках классического университета. Наш университет имеет, конечно же, свои особенности, и, говоря о проблеме «американский университет – это

ориентир или конкурент?», я должна сказать, что применительно к нам – это ни то, ни другое. Не ориентир, потому что мы никогда не достигнем уровня подготовки архитекторов в американском классическом университете, так как наши специалисты-архитекторы не готовятся в специализированных образовательных учреждениях, а как профиль прилагаются к различным университетам.

У нас практически нет специализированных архитектурных университетов. В порядке эксперимента в федеральных региональных университетах, например в Ростовском университете, внесли архитектурно-художественную академию в состав университета как структурное подразделение, но сказать, что от этого что-то улучшилось, на сегодня нельзя, абсолютно не улучшилось, а осталось, как и было. Конкурент – они не позволят нам никогда стать конкурентами, западные вузы, они не собираются рассматривать нас в качестве конкурентов. И я с представителем из Казахстана согласна, не нужно включаться в гонку за рейтинг 10 лучших западных вузов, как-то к этой проблеме по-другому отнестись, посмотреть вообще, кто мы для самих себя и для окружающего пространства и чем мы можем быть. И третье: наверное, мы очень сильно озабочены включением в Болонский процесс и разделением, у нас есть специалисты, некоторые вузы выпускают бакалавров, специалистов, мы очень сильно смотрим на работодателей для нашей специальности. Не знаю, как для общественных наук, но у нас работодатели с подозрением смотрят на бакалавров, для чего нужны бакалавры? Где они их пристроят? Нужны ли магистры с магистерскими диссертациями? То есть у нас работодатель ниже специалиста никого не готов принять. Как мы будем действовать в этой ситуации, пока никому не известно. Но я могу сказать, что архитектурно-строительный российский рынок сейчас озабочен, кроме вопросов образовательных, тем, что сейчас Запад на нас наступает активно, и огромное количество архитектурно-строительных специалистов хотят у нас работать, и конкуренцию в этом плане хотят у нас составить. А вопрос сейчас стоит так: любая работа на архитектурном рынке России должна состоять в том, чтобы привлекался наш специалист, наш архитек-

тор, то есть рынок защищается такими национальными способами, и, пока стоит такое условие, наши вузы для нашей страны пока конкурентны и прекрасно себя чувствуют. Хочу привести пример Германии, когда она вступала в этот процесс глобализации, там Союз немецких архитекторов постановил, что работать на территории Германии может только член Союза архитекторов Германии. И у нас Союз архитекторов тоже рассматривает условие, что у нас на архитектурно-строительном рынке может работать только член Союза архитекторов, и даже, представьте себе, Нормана Фостера, известного английского архитектора, не взяли, потому что он не получил образования в России и не имеет нашего российского диплома, а вступить в этот союз может только человек, имеющий российский диплом.

Тюменцев И.О.: Коллеги, один из фильмов в сериале о Джеймсе Бонде называется «Никогда не говори никогда». Я думаю, никому и в голову не могло прийти в начале 1950-х гг., что Япония будет мировой державой в области электроники, и никому в голову не могло прийти в начале 1970-х гг. во время «культурной революции» в Китае, во что превратится Китай. Нужно смотреть на будущее нашей страны, исходя из оптимистического подхода, и наверно надо делать все, чтобы такое время пришло. Наша цель развивать партнерские связи, которые мы можем использовать в наших национальных интересах. И все хорошее, и все нужное нужно называть своими именами. Тогда мы пойдем вперед, а если это будет не так, то это не совсем то, как надо.

Кубышкин А.И.: Пусть так и будет.

Птичникова Г.А.: Можно я несколько фраз скажу в развитие вашего предложения. То, что связи, конечно, нужно развивать, но последнее направление после post-doctoral-поездки, это великодушная вещь, когда наш специалист со знанием условий рынка направляется за границу на повышение квалификации по специальности и возвращается назад. По крайней мере, в нашей профессии – это наиболее эффективный вариант сотрудничества.

Кубышкин А.И.: Спасибо. Уважаемые коллеги, пора подвести итог. Мне в свою очередь хотелось бы выразить благодар-

ность всем тем, кто участвовал в обсуждении круглого стола, обратив внимание, что здесь присутствовали представители вузов, входящие в десятку лучших вузов Волгограда, а также Самары, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Астрахани. Мне с некоторой долей осторожности можно полагать, что мнение наше было достаточно компетентным, основанным не только на нашем личном опыте, но и на опыте наших взаимосвязей и взаимодействий. Я думаю, все эти вопросы, а мы только-только их, по сути, начали обсуждать, это проблема всех круглых столов, круглый стол становится горячим и квадратным, а уже пора остановится и расходиться. Я думаю, это большой разговор, который продолжится в рамках этого вуза, Волгоградского государственного университета, с вашим участием, с участием ваших коллег, я надеюсь, что присутствующие здесь студенты обратили внимание и задумались немного над своим будущим: сколько диссертаций писать после окончания университета. Я думаю, что все слова, все замечания были высказаны не впустую и не напрасно, что они обернутся конкретными делами, конкретными предложениями, и вот во имя этого мы будем продолжать работать. Спасибо.

Тюменцев И.О.: Я бы хотел вернуться к одной мысли. Критерии оценки деятельности ученого и преподавателя необходимо выводить не из неких доморощенных формальных критериев, а исходя из мирового опыта. Не нужно изобретать велосипед, а творчески применять мировой опыт.

Кубышкин А.И.: Спасибо, Игорь Олегович.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Ананян Елена Вильевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Волжского гуманитарного института (филиал) Волгоградского государственного университета.
- Анисимова Татьяна Александровна** – доцент кафедры градостроительства Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета.
- Булатов Владимир Викторович** – кандидат экономических наук, заведующий НИЦ экономической истории Института социально-экономических, политических и историко-культурных исследований Волгоградского государственного университета.
- Гадиева Дина Викторовна** – аспирант кафедры зарубежной истории и мировой политики Волгоградского государственного университета.
- Кабанов Дмитрий Сергеевич** – ассистент кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета.
- Киселев Александр Александрович** – ассистент кафедры зарубежной истории и мировой политики Волгоградского государственного университета.
- Костина Елена Васильевна** – соискатель кафедры истории Нового, Новейшего времени и международных отношений Саратовского государственного университета.
- Крипо Ричард** – профессор кафедры истории Центрального университета Флориды (Орландо, Флорида, США).

- Кубышкин Александр Иванович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения и международных отношений, директор Центра американских исследований «Американа» Волгоградского государственного университета.
- Курилла Иван Иванович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории и мировой политики Волгоградского государственного университета.
- Линченко Сергей Анатольевич** – старший преподаватель кафедры социальной педагогики и психологии Волгоградского государственного университета.
- Макарычев Андрей Станиславович** – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Нижегородского государственного лингвистического университета.
- Назарова Татьяна Павловна** – аспирант кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета.
- Насонова Наталия Александровна** – заведующая отделом Центра документации новейшей истории Волгоградской области.
- Нелин Тимур Владимирович** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета.
- Окунь Александр Борисович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Самарского государственного университета.
- Перевезенцев Александр Леонидович** – кандидат исторических наук, доцент Актюбинского государственного университета им. К. Жубанова (Казахстан), докторант Волгоградского государственного университета.
- Птичникова Галина Александровна** – доктор архитектуры, профессор кафедры градостроительства Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета.
- Рябцева Елена Евгеньевна** – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Астраханского государственного университета.
- Саалфилд Дениэл** – профессор Католического университета (Вашингтон, округ Колумбия, США).

Сазанова Наталья Викторовна – ассистент кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета.

Сизоненко Александр Иванович – доктор исторических наук, руководитель Центра российско-латиноамериканских отношений Института Латинской Америки РАН.

Уманская Ирина Анатольевна – соискатель кафедры регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета.

Хейфец Виктор Лазаревич – кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Российское экспертное обозрение».

Хейфец Лазарь Соломонович – доктор исторических наук, доцент кафедры североамериканских исследований, заведующий Центром иберо-американских отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Хмелевская Юлия Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета (Челябинск).

Хой Чарльз – профессор кафедры коммуникаций и театра Мэнсфилдского университета (Мэнсфилд, Пенсильвания, США).

Цыкалов Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Волжского гуманитарного института (филиал) Волгоградского государственного университета.

SUMMARY

A. Kubyshkin in the article reflects on Volga River in the Russian-American relationships from the middle of XIXth century to the present time. The author outlines the stages and gives the brief characteristics of the Russian-American cooperation in the Volga region in this period and he also declares hope on the strengthening the further cooperation and the understanding between Russia and the United States.

In his article **I. Kurilla** shows that in the middle of the XIXth century the first American visitors reached the Volga shores, and first Russians from the Volga region connected their American experience to the needs of their homeland. American travelers looked at Volga as a distant place almost beyond the civilized world. They paid their attention to the exotic features that they found there. Quite contrary, the Russian engineers considered the USA as a model for the technical and economic development being ready to use in the reforms of the Russian economy and elimination of its lagging behind, especially in such areas as the Volga transportation system.

E. Ananjan in her article pays the specific attention to the problem of the emigration of the Germans from the Volga region to the countries of the Southern and Northern America, and especially to the United States. The author also tries to reveal the reasons of so mass resettlement of this group of population happened in 1870–1880s. Besides she considers the problems and difficulties of the German immigrants on their way to America and on their places.

In the article on the analysis of personal papers of J. Goodrich **A. Okun** shows what the Americans arriving in our country in 1920s saw in Russia. The author tells us about Goodrich's impressions and about his activity directed on rendering assistance to Russia in framework of American Relief Administration (ARA). Besides the author mentions the problem of the establishment of diplomatic and economic relations between Russia and the USA in early 1920s, and also he pays attention on the role which played Goodrich in this process at its initial stage.

The article of **Y. Khmelevskaya** is devoted to one of the most difficult periods of the Russian history – to the famine of 1921–1923. The author examines this period through a prism of the American press which paid it significant attention. The messages and reports of the American journalists and correspondents working in our country at this time, their impressions and opinions generated as a result of their visit of starved regions were taken for bases.

In her article **D. Gadieva** notes that only a few people in Russia are aware of the fact that in the Famine of the early 1920s in the Volga valley more than 10 million people were saved from starvation by an American humanitarian organization American Relief Administration (ARA). This Relief Expedition supplied food to the Soviet Russia during almost 2 years (1921–1923), and it was the unique cooperation channel between two combating systems. The both countries actively used different rumors and images about each other. Bolsheviks exploited the image of an international enemy in order to direct social thoughts and to found a new identity base. Thus all positive images about the unexpected help from the unknown America were excluded out of the people memory by the Soviet propaganda.

A. Perevezentsev's article is devoted to H. Hoover, in particular, to his activity towards American Relief Administration (ARA) in our country. The author highlights H. Hoover's actions during the famine in Russia in 1921–1923. He emphasizes Hoover's aspiration to help the starving Soviet people, despite of not always easygoing attitudes of separate representatives of the American and Russian political establishment to each other and the absence of the official diplomatic relations.

In her article **T. Nazarova** considers the activity of American Mennonites assisted to coreligionists in Russia in the 1920s. «American Mennoniten

Relief» (AMR) was one of the largest religious charitable organizations working in the Soviet state during the famine. The author has shown the basic directions, forms and methods of the work of AMR, the size of the rendered help and the degree of its participation in the restoration of Mennonites facilities on the materials of the Bottom Volga region. In the article the conditions of AMR activity are analyzed, as well as the contradictory and inconsistent policy of the Soviet authority in relation to this organization.

The article of **S. Linchenko** and **N. Nasonova** is devoted to the process of industrialization which was taking place at the Stalingrad plants in the 1930s. In the article the authors analyze the contribution of the American and German experts to the development of the Stalingrad industry. Besides, the authors study the impressions of the foreign experts working in Stalingrad during the researched period.

The article of **A. Kiselev** is devoted to the economic development of the British Empire in the end of the XVIIIth century. The author opposes V. Harlow's classical concept that the American Revolution has destroyed the economic relations between the Northern America and the Great Britain, and became the reason of the further folding of the British Empire as to «Empire of Eastern Trade». By the author's opinion after the Versailles world agreement of 1783 former Anglo-American connections continued to develop actively, that has been fixed in the Jay's Treaty of 1794.

In the article **D. Kabanov** notes that since the beginning of the XXth century the relations between Russia and the USA had become strained. Such juncture continued till the beginning of the First World War. Just then, in the 1915 the society for promoting mutual friendly relations between Russia and America has been opened. The objective point of this society was to assist the closer contacts between both countries. Russia was needed to enlist American's aliment support. These circumstances determined upon the course of action of the society for promoting mutual friendly relations, which organized special information bureaus to help both the Americans and Russians to proceed their trade, economic and war-time industry contacts.

I. Umanskaya in her article gives an analysis of the foreign policy of the progressive leader Robert Marion La Follette in the end XIXth to the beginning XXth century in the USA. The author focuses on the speeches

of La Follette concerning the US participation in the First World War, the Treaty of Versailles in 1919, the US intervention in Mexico and the Soviet Union. The article also touches upon La Follette's looks to war, militarism, and also is devoted to his visit to the Soviet Union and Western Europe (1921–1923).

L. Heifetz and V. Heifetz in their article consider the life and activity of Frank Seaman. This man was one of the founders and active figures of the Communist Party of Mexico. It is necessary to note, that his activity was not limited only by the borders of Mexico. He actively engaged in the international activity, participated in the Congresses and other actions of Komintern, became the founder of the American Anti-imperialist League and the chief of its North American branch. On this post he actively promoted the communistic ideas and anti-imperialist movement in the countries of Latin America.

V. Bulatov's article is devoted to the growth and activity of «Prikumsk Russian-American Company». This organization has been founded in the middle of 1920s and included 16 state farms which were settled down in different regions of the Soviet Union. The author considers and analyzes the process of the organizing and the first results of cooperation within the framework of the company. Besides he also marked the difficulties arising during the negotiations and joint activity.

In his article **A. Sizonenko** tells us about one negotiating process between the governments of the USA and the USSR which took place in summer and autumn of 1941. The negotiations concerned the question of rendering by the United States the help to the Soviet Union in the struggle against the fascist Germany – about «lend-lease». The author shows the problems and contradictions appeared during the negotiations.

N. Sazanova's article analyses the role which the American support has played in the building of the civil society in Russia. The author shows the approaches to the definition «civil society», and also a place which nongovernmental organizations and exchange programs have in it. The opinion, that the development of the advanced civil society is impossible only due to the help from outside, the system work of all of its components inside the state is also necessary is considered in the article.

In his article **A. Makarychev** focused on the analysis of the vision of the Russian regions by the Americans through a prism of an approach that the author calls «double reflection». As an example he gives the comparative research of the Volga regions made by the US scholars, and also specifies gradual reduction of Russian-American discursive space.

T. Anisimova and G. Ptichnikova in their article focus on the Russian and American ideas of the role of the River in the forming of the City image. The authors present comparisons of two approaches to this problem: American and Russian.

T. Nelin in his article shows that Indeanists of Russia are people interested in the Native Americans history and culture. They sew traditional clothes, try to learn the languages of the Natives and every year meet on the Russian Pow-Wow, where they can sing traditional songs, dance and change the skill. The subculture began its formation in the early 70s of XXth century. Now it has a character of a movement. Indeanists are not similar to wannabes, so of course there are some problems in their distinguishing.

In her article **E. Kostina** highlights the role of Deputy Secretary Strobe Talbot, who was one of the architects of the Russian direction in the American foreign policy from 1993 to 2000, in working out the strategy of the American support to President Yeltsin during the presidential elections of 1996. The reasons, methods and results of his «individual diplomacy», which became the basis of the Russian-American relations in this period of time, are also covered in the article.

E. Ryabtseva in her article analyzes views of the Americans and Russians on the role of our country on the international arena, and also considers their opinions about its internal and foreign policy. According to the statistics and analytical reviews, the author deduces the definite tendencies concerning the attitudes of our citizens and the Americans to Russia. Emphasizing basically the goodwill of the Americans to our country the author marks that recently even more often features of so-called «cold peace» have appeared in the Russian-American relations.

In his article **D. Tsykalov** considers the American political caricatures and the illustrations connected to our country. The author covers rather big period, almost the whole XXth century and the beginning

of the XXIst. The artistic images chosen their creators reflect the American vision of the evolution of the political processes took place in Russia.

The author of the article **R. Crepeau** has been a professor of history and although not a specialist of the U.S.-Russian relations, has been teaching the XXth century U.S. history for forty years. In that role he has taught the period of the Cold War as part of his courses. He has also had a longtime interest in the Russian history and literature.

In his article the American professor **D. Saalfield** considers the experience of teaching of the American literature in Russia and communicating with students in Volgograd State University. The author shares his impressions, tells us about the interests and abilities of his Russian students.

This article is about the personal experiences of an American professor **Ch. Hoy** participating in an academic exchange program with Volgograd State University in Volgograd, Russia. The first person accounts the details, the challenges and awards awaiting anyone who participates in such a program.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кубышкин А.И.</i>	
Предисловие	5

ВОЛЖАНЕ И АМЕРИКА

<i>Кубышкин А.И.</i>	
Волга как зеркало российско-американских отношений: проблемы взаимовосприятия и взаимодействия	8
<i>Курилла И.И.</i>	
Американцы на Волге, волжане в Америке в середине XIX века	20
<i>Ананян Е.В.</i>	
Эмиграция немцев Поволжья в Америку в 70–80-х годах XIX века	33
<i>Окунь А.Б.</i>	
Приключение американца в России (Дж.П. Гудрич в Поволжье)	45
<i>Хмелевская Ю.Ю.</i>	
Голодающее Поволжье и другие регионы России в освещении американских журналистов (1921–1923 годы)	53
<i>Гадиева Д.В.</i>	
АРА в Поволжье: первые репрезентации Америки в Советской России	71
<i>Перевезенцев А.Л.</i>	
Герберт Гувер и Россия: реализованные и упущенные возможности сотрудничества	76

Назарова Т.П.

Помощь американских меннонитов единоверцам в России
в 1920-е годы (по материалам Нижнего Поволжья)..... 91

Линченко С.А., Насонова Н.А.

Иностранцы-специалисты (американцы и немцы)
на предприятиях Сталинграда в 30-е годы XX века:
вклад в индустриализацию 97

ИСТОРИЯ США И РУССКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Киселев А.А.

«Британия без Америки»? Экономика Британской империи
в конце XVIII века 105

Кабанов Д.С.

Российско-американские отношения в годы
Первой мировой войны на страницах журнала
Общества сближения между Россией и Америкой 120

Уманская И.А.

Внешнеполитические взгляды сенатора Р.М. Лафоллета
(поездки в СССР и Западную Европу в 1923 году) 131

Хейфец Л.С., Хейфец В.Л.

Фрэнк Симэн – мексиканский делегат
в Советской России 144

Булатов В.В.

Смешанная сельскохозяйственная концессия
«Прикумского русско-американского товарищества» 174

Сизоненко А.И.

Советско-американские переговоры по ленд-лизу
(июнь – сентябрь 1941 года) 202

Сазанова Н.В.

Влияние американской помощи
на формирование структуры гражданского общества
в России в 1990-е годы 211

РОССИЯ И США: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Макарычев А.С.

Американские исследования регионов Приволжского
федерального округа: ситуация двойной рефлексии 224

Анисимова Т.А., Птичникова Г.А.

Влияние реки на формирование архитектурного образа
крупного города: опыт России и США 232

Нелин Т.В.

Субкультура индеанистов в России 253

Костина Е.В.

Строб Тэлбот и «личная дипломатия»
как основа американо-российских отношений
периода администрации Клинтона 262

Рябцева Е.Е.

«Холодный мир» или PR-война? 274

Цыкалов Д.Е.

От Ленина до Путина. Образы СССР и России
в карикатурах и политических иллюстрациях
американских газет и журналов 285

Crepeau Richard C.

U.S. – Russian Relations: a Personal View 309

Saalfeld Daniel A.

Teaching Russian Students American Literature 314

Hoy Charles

The Experience of Teaching at Volgograd State University 321

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ И НА ЮГЕ РОССИИ

(Стенограмма круглого стола, 6 октября 2007 года) 333

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 372

SUMMARY 375

Научное издание

AMERICANA

Выпуск 9

**АМЕРИКАНЦЫ НА ВОЛГЕ,
ВОЛЖАНЕ В АМЕРИКЕ**

*Материалы межрегионального научно-практического семинара,
посвященного 200-летию установления
дипломатических отношений России и США*

г. Волгоград, 5–6 октября 2007 года

Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность
за подбор и точность приведенных фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

Главный редактор *А. В. Шестакова*

Редакторы: *Т. В. Рассказова, А. А. Стародубцева*

Техническое редактирование *Е. Ф. Марковой*

Допечатная подготовка иллюстраций *Н. А. Кашук*

Оформление обложки *Н. Н. Захаровой*

Подписано в печать 15.02 2008 г. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 22,3.

Уч.-изд. л. 24,0. Тираж 300 экз. Заказ 122. «С» 47.

Издательство Волгоградского государственного университета.

400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100.